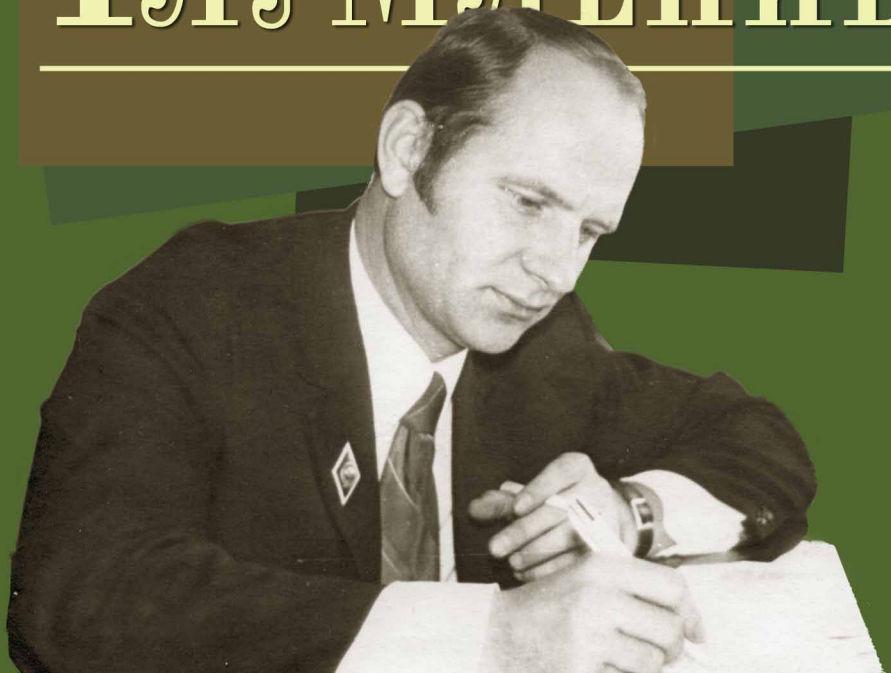
ПЁТР КОЗИН

Глумление



Пётр КОЗИН

ГЛУМЛЕНИЕ

Орёл
Издатель Светлана Зенина
2008

ББК 84(2р)6
К80

Козин П. Д.

К80 Глумление / Пётр Козин. – Орёл : С. В. Зенина, 2008. – 518 с.

Повесть «Глумление» носит фактор автобиографичности, но повествует о жизни школы постсоветского периода, когда на смену коммунистическим идеалам в систему образования вклинились элементы рыночных отношений, вызвавшие конфликтную ситуацию.

Наряду с повестью «Глумление» в книге большое место отводится разделу, посвященному Великой Отечественной войне («Фронтовые были»).

Уроженец деревни Сивково Болховского района, с детства влюбленный в красоту природы родного края, Петр Козин, в «Записках грибника», тепло и сердечно рассказывает о своих друзьях — рыболовах и грибниках.

Литератор Сергей Шмелев в очерках «Сказы» делится своими впечатлениями о жизни и творчестве писателя.

ББК 84(2р)6

© Козин П.Д., 2008
© Оформление. Издатель Светлана Зенина, 2008

Предисловие

В относительно здоровом, первоначально, советском обществе неоткуда было взяться бациллe стяжательства. Исповедуемая им коммунистическая мораль осуждала вещизм и незаконное приобретательство. Но в 90-е годы прошлого столетия, на смену гуманизму в системе обучения и воспитания, явились новые, сугубо прагматические ориентиры. Христианские заповеди — не укради, не возжелай зла, и другие всячески нарушались. Высокая нравственность была подменена буржуазным делячеством. Свобода стала восприниматься, как вседозволенность.

В нашем случае требовалось прежде зловредно исказить в семейных аспектах вековые военные принципы мужей и застоявшуюся педагогику, чтобы запросто переступить обвисавшую вожжу порядочности. Даже выронить ее, направляющую, вообще из рук. Сбиться с пути. Утратить ориентиры и податься, куда глаза глядят, вослед за ужаленной оводом лошадью. Начавшему происходить перевороту в сознании, исподволь, из-за угла, затем все более твердевшему в суставах был задан ассигнационный хруст. Вначале — робкий шаг, постепенно — все более размашистый, подзаконный.

Страна нищала, а людские нужды, исказившиеся с утратой морали, непомерно выросли. С угасанием былой заботы о школе и уважения к педагогике — безответственная демократия гребла только под себя. Выхолощенная Западная мораль, при утрате россиянами собственного лица, не знающая за что хвататься, снискала себе поддержку у несомненных перевертышей, у наших бездумных и грубых, направляемых тем же Западом, подражателей. И у тех и у других, увы, не нашлось сдерживающих препон: «телега» культуры зависла над пропастью. Произошло глумление над страной, ее обществом, и вообще, над здравым смыслом.

Данный процесс нам обрисовал в своей глубокой мыслями, захватывающей яркими образами повести «Глумление» писатель — педагог, очевидец и невольный борец со злом Петр Козин.

Много лет, посвятивший себя делу просвещения, он, высоко эрудированный учитель и директор, не впервые обкатывает хорошо изученную им школьную ниву. Сегодня же сознательно укладывает рядом воспитательную и социальную темы и совершенно точно и верно подмечает: «Школа — это государство в миниатюре». Нынешнее и завтрашнее. Разрушая школу — подрываешь основы государства!

Убежден, что именно за этим пожаловали в коррекционную школу на должность директора, жена подполковника налоговой службы, дочь сотрудника КГБ Рыкова Галина Ивановна вместе со своим «кланом» — Краевой Полины Афанасьевной, женой полковника, командира бригады ПВО и Роговой Надежды Кузьминичны, невезучей капитанши.

По слухам, которые может быть впервые, разделил главный герой повести Горичев Василий Павлович, эта троица офицерских жен — преподавателей организовала выдачу незаконных Аттестатов зрелости сынкам и дочерям местных начальников и богатеев, как правило, не посещавшим даже школьных занятий. Официально это было хорошо известно каждому чиновнику от РОНО до ОБЛОНО. Что касается подозрений — это были неприкасаемые лица. Инспекторы проводили всевозможные проверки, усмиряли всех недовольных. Но коль не удавалось притушить очаг — инициаторы «бунтов» испытывали на себе все «прелести» грязной травли, вплоть до увольнения из школы. В ней подобных «изгоев» набралось с Чертову дюжину.

Школьные администраторы, эти не укрощенные женщины, обесчестили свои дипломы и должности своих мужей — офицеров. Хуже того, эти, с позволенья сказать, защитники Отечества, всячески потрафляли их делишкам, изначально неблаговидным. Видимо, рассудив — надо как-то выживать. Трясина наживы стала для всех их, мужчин и женщин, явно непреодолимой.

Мысли у дам, причастных к мародерству, вертелись у кого где. Одним нравилось примерить новую исподнюю рубашку под коллекционные коньяки. Кому-то надоели старые — холодильник и телевизор. Поставь в выпускной документ «четверку» вместо положенной «двойки» и все мечтания будут обеспечены. Кого

это коробило, возмущало, тех просто убирали из стен прогнившего учебного заведения. Таким вежливо намекали: «Вы нам не подходите!». Стоило объявить: «Приближается такой-то праздник» — откуда не возьмись, как появлялись — спиртное, закуска и всевозможные презенты — подарки.

Затруднения представлял только преподаватель истории и обществоведения Василий Павлович Горичев. Он и пожилой, и безупречный в моральном плане, и любимый учениками, которые о нем даже экзаменационные сочинения пишут на тему «Расскажу о хорошем человеке». Ну, не чему придраться, хоть измышляй недостатки. И в этом плане здорово упражнялись — до больницы довели. Но не сломили. К тому же, у не потопляемого историка и поэта, поддержка в лице двух зав РОНО — Правдина и Малевича. Первый, к слову заметить, сам за честность и принципиальность пострадал — лишился поста. Но зато, второй — «кровный брат». Он директрисе прямо и заявил: «Не трогать Горичева! Когда сочтет нужным — сам уволится».

На страже, однако, Рыкова. Истинный аналитик! Есть ей на кого опереться. Угодников и прилипал достаточно. Одна холуйская преданность секретарши Горевой чего стоит! Через нее Галина Ивановна получает всю негативную информацию об учителях и учениках. Это просто обыкновенная старушка — осведомительница: подойдет к группе собеседников в коридоре, вникнет, что к чему и тут же несет Рыковой — слово в слово. Как видим, директриса всегда во всеоружии и готова пойти на перехват любым, а не только своим промахам.

Эта ее молодецкая изготовка не отступать с многообещающей тропы Шерлока Холмса, хоть и перевернула все ее педагогическое сознание, но зато обострила все ее новые деловые качества. Пользуясь доступной информацией, она запросто сталкивала лбами кого хотела, как некогда англичане вождей подвластных племен, и добивалась своей коварной цели. Через посредников — адвокатов и лживый суд избавилась таки от строптивого правдолюбца. Данная сомнительная победа современной «новой русской» и есть, не что иное, как глумление над добром и истиной.

Надо же, Рыкова — вычитала в дневниках Генриха Гейне: «Собака, на которую надевают намордник, лает своим задом.

Окольный образ мыслей проявляется еще злонамереннее — посредством фальши в выражении». Это была ее философская тайна. Неприкосновенная. Единственное начало, понятное в демократии.

Петр РОДИЧЕВ,
член Союза писателей России

2008 г.

ГЛУМЛЕНИЕ

Повесть

Все, что случилось с русским народом сегодня образно представить можно следующим образом. Могучий Человек-богатырь — снял с себя шлем, кольчугу, меч — и отдал недругам. Потом ввел их в свой дом и позволил вынести все, позволил и загадить дом изнутри. А после вышел на улицу, встал подле дома с протянутою рукой, и стал покорно молить о милостыне. Но все смеялись и плевали ему в лицо.

Юрий ВЛАСОВ

Школа — это всегда общество в миниатюре, это маленькая модель страны.

Ал. НОВИКОВ

Глава первая

РАЗЛОМ

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране.
Сергей ЕСЕНИН

То не просто раскол, а разлом
Всей Советской державы Великой.
В златоглавой Москве, за бугром
Раздавались заздравные клики.

Василий Павлович Горичев, пятидесятилетний историк с душою поэта близко к сердцу воспринял сообщение о том, как в Беловежской пуще росчерком пера предательского триумвирата был разрушен некогда великий Советский Союз.

Он, будучи двадцать лет бессменным пропагандистом, искренне защищая идеологию социализма, что не исключало его многолетней борьбы с партийной и советской бюрократией, и представить себе не мог, что такое может случиться. Да, в силу своего бескомпромиссного и прямого характера, нравственной чистоте и стремлению к правде он не был любим правящей номенклатурой. Его не раз одергивали: неправедно обвиняли в грехах, снимали с директорских постов, объявляли выговоры и даже дважды исключали из КПСС. И, лишь после обращения в центральные органы вновь восстанавливали. Казалось бы, он должен торжествовать, ведь наступала эпоха плюрализма — демократии и многопартийности. Отменены цензура и обязательность рецензирования рукописей, что для представителей культуры и искусства, к коим он, будучи профессиональным журналистом и поэтом относился — немаловажно.

Но, нет. Являясь истинным русским патриотом, Горичев расценил факт распада страны, как свою личную трагедию. И долго оставался в состоянии оцепенения, как некогда Наполеон в канун Ватерлоо или как Оскар Уайльд перед арестом: сидит у себя в номере, словно пораженный столбняком и ждет неизвестно что: толи чуда, то ли гибели.

Подобные аналогии — а история знает их тысячи — помогают нам уяснить нелепое, бессмысленное, предательски пассивное поведение миллионов коммунистов и комсомольцев, представителей интеллигенции, что не пожелали или побоялись выступить на защиту социалистических идеалов. Ведь уже к этому времени Останкино, в образе Березовского и Новодворской, «шустропознеров и поздношустеров» стало рупором и проводником разрушения государства, а затем и нравственности народа. То о них гневно и образно сказал поэт Валерий Хатюшин:

Распявшие Христа,
Убившие Царя,
Растлившие Россию и народ,
Они на площадях
Беснуются не зря,
Творя разор и брань из года в год.

Уже позже, после известных событий 3-4 октября 1993 года, когда был расстрелян Белый дом, на баррикадах которого погибло три тысячи его защитников, Горичев также чувствовал себя разбитым и опустошенным. Его поражало то обстоятельство, что ни Армия, ни КГБ не поддержали законные права депутатов Верховного Совета. Тот же поэт не скрывает, по этому поводу, своего возмущения:

Мы все стерпели, глупости в пример,
Отвергнув яро даже тень рассудка,
И не один российский офицер
Не пристрелил кремлевского ублюдка.
Нарушив клятву и служа врагам,
Они теперь по-бабьи прячут лица.
В стране рабов трусливым дуракам
Одно осталось — тихо застрелиться.

Его еще более удивило, что вожаки ГКЧП, а затем и Руцкой с Хасбулатовым смирились со своим поражением и сдались на милость победителям.

Технические средства информации (радио и телевидение), желтая пресса, находившиеся в руках представителей одной на-

ции с помощью идеологических мракобесов типа Кашпировского и Чумака всуе с «Марией Дева Христос» зомбировали людей, предвещая толи второе пришествие Христа, толи — конец света.

И никто не поднял лик -
Не унял подонков:
Русский стерпит — он мужик,
Лишь была бы водка!

Всевозможного зелья же появилось навалом — травитесь. Новые хозяева жизни взяли на вооружение римский принцип умиротворения масс — хлеба и зрелищ! Недоставало в стране зерна — везли из-за границы. С экранов телевизоров не сходили, леденящие душу кровавые детективы и передачи типа: «Смеяться разрешается», «Кривое зеркало», «Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером». Конкурсы грубой силы и телесной красоты.

Культ семьи растоптан. Депутат Госдумы Юрий Власов вспоминает: «10 февраля, в пятницу, в 19-50, в программе TV-6 звучат слова, которые не могут не вызывать отвращения: «Я счастлив, потому что я гомосексуалист, потому что я еврей и могу делать все, что хочу. Как хорошо в Нью-Йорке!», «Я счастлива, что я сделала 15 абортов, и никогда бы я не добилась с детьми того, что я добилась без детей».

Передаче была не анонимной, и мы узнали, что ее подготовили Спивак, Гордон, Шапиро. Нет, каяться, как верно замечает один русский журналист, надо не потомкам Иванов».

Главным мерилом жизни объявлены — деньги. Все продается и покупается: дома и яхты, заводы и рудники, человеческое тело и его органы, а также — ум, честь и совесть. Чувство любви к Родине осмеивается. На устах лозунг: «Приятно там, где хорошо платят».

Реформатор Егор Гайдар, внук «красного комиссара» и писателя с 1 января 1992 года провел либерализацию цен. В результате денежные средства населения были конфискованы. С октября того же года началась выдача приватизационных чеков (ваучеров), на которые, по утверждению господина Чубайса, каждый россиянин мог купить две автомашины «Волга». В 1993 году было разрешено вложение этих ценных бумаг в акции предпри-

ятий, которые в перспективе должны были обеспечить получение прибылей. Горичев отнес свой ваучер в «Московскую недвижимость». Спустя время попытался узнать о его судьбе, но тщетно. Данная организация канула в Лету, как и многочисленные пирамиды, что окончательно разорили трудящихся. В августе 1994 года Василий Павлович печатает в областной газете стихотворение «К «Селенгу». Привел, в качестве эпиграфа, строки из рекламы РДС: «Каждую песчинку вашего вклада мы превратим в жемчужину»:

Я внял твоей рекламе «Селенг», -
Отнес зарплату в «Русский дом».
И вот теперь сижу без денег
С женою за пустым столом.
На скатерть падают слезинки -
Не позавидуешь судьбе...
Молю:
— Верни мои песчинки...
Жемчужины — оставь себе!

Такого иезуитского коварства, такого тотального обмана со стороны властей и их приспешников народ еще не ведал. Деньги оказались полностью в руках чиновников и бандитов, коим первые всячески потрафляли. В угоду распоясавшемуся криминалу была отменена статья — смертная казнь. Жизнь человека обесценилась. Убогие пенсии, отмена льгот, массовая безработица, вследствие безжалостного разрушения производства привели людей к безысходной нищете и преждевременной смерти. Более чем по миллиону в год. Отчаявшиеся молодые люди пополняли ряды криминала, а честные из них нередко прибегали к крайнему средству — самоубийству.

Как ведут себя, в таких случаях патриоты? Одни идут на баррикады — их немного. Другие, подобно Юрию Власову, выбирают своим оружием — острое перо — пишут разоблачительные статьи и книги.

Третьи, хитрые и трусливые, подобно Жозефу Фуше, герою одноименного романа Стефана Цвейга отступают в тень из расчета только притихнуть, пока другие кричат, и останешься незамеченным. Он следовал знаменитому рецепту Сийеса, проси-

девшего все годы террора, в Конвенте не открывая рта и впоследствии гениально ответившего на вопрос, что же он делал все это время: — «Я жил!».

Фуше, подобно иным насекомым, прикидывается мертвым, чтобы его не умертвили. Его цель: сберечь жизнь вот теперь, в этот короткий промежуток времени, — и он спасен. Потому что с обычной опытностью распознавая политическую погоду, он чует, что ветер меняет направление, что всего величия и силы нового Конвента хватит еще лишь на несколько месяцев. Он ошибся. Его изгнание на одинокий, негостеприимный остров, на который его сослали, что называется нищетой, длилось более трех лет. Став министром внутренних дел правительства Наполеона, он с лихвой наверстал упущенное и стал богатейшим человеком.

Совсем по иному все сложилось у Горичева. Он продолжает вести борьбу за чистоту утраченных идеалов. Его неожиданно избирают секретарем парторганизации, выдвигают на пост директора школы. Однако на выборах он проигрывает претенденту от новой власти. Не проходит и года, как его шельмуют и понуждают к увольнению, при этом снабжают положительною характеристикой: уходи — не мешай.

Заведующий РОНО, будучи, подобно Горичеву, настоящим патриотом предлагает ему, на его выбор, — три школы. Василий Павлович идет в первую попавшуюся. Она оказалась — коррекционной, вечерней.

Глава вторая

ЖУТКИЙ ГОРБ

Для многих завтра, хоть — Потоп.
Была бы с водкою свобода.
Они забыли: пьянство — Горб,
На теле русского народа.

Когда Горичев подходил к школе, то у самых ее ворот столкнулся с группою неухоженных, хмельных мужчин. Они входили или выходили из недавно открытой «новыми русскими» пивной.

— Что за бесовщина? — вырвалось у него, — пьют на глазах у детей!

— Свобода! — гневно сплюнул седой пенсионер, оказавшийся рядом, — вместо заводов и фабрик, что или целиком разрушили, или чуть на ладан дышат, — демократы, считай, уголовники, открыли — казино да пивные с кока-колой. Все учреждения и магазины с вывесками на иностранном языке. Кажется, что мы живем не в России, а какой-то оккупированной стране. До чего докатились. Право, и винить в том некого. Считай, мы сами русские все пропили, прогуляли, а теперь стоим с протянутою рукой.

— Пивная, рядом со школой — это ни в какие рамки не укладывается, — поддержал собеседника Василий Павлович, направляясь к входной двери приземистого двухэтажного здания.

— Пьяному — море по колено, — махнул на прощание рукою старик, — он и жену и детей за чарку продаст. Измельчал народ — Бога забыли. Спилась Русь, пропала.

В душе Горичева закипала, в который уже раз, злость на людей и на самого себя, допустивших подобные мерзости жизни. Не зря же, — вспомнилось ему, — как как-то, в минуту гнева, Сталин назвал русских — болванами и дураками.

Его никто не остановил, а потому он сам отыскал дверь с табличкой «директор школы». Хозяйкой скромного кабинета, украшенного тремя портретами и обставленного: широким сто-

лом, шифоньером и двумя коричневыми шкафами оказалась бальзаковского возраста, темноволосая женщина. Она с подчеркнутою вежливостью улыбнулась гостю и предложила сесть. Говорила тихо, приветливо:

— Вы и учитель прекрасный, если судить по характеристике, выданной вам вашим прежним директором, и книги пишете. Но, мне кажется, что вы очень требовательный педагог. У нас же в школе — своя специфика, Главное — даже не знания, а умение заинтересовать ребят. Занять их. Да, да. Большинство наших воспитанников — это больные люди. Они составляют коррекционные классы: седьмые — девятые.

— Под больными вы разумеете дебилов? — попытался уточнить Горичев.

— Именно, так. Хотя официально, мы этим термином не пользуемся.

— Все то мы стыдимся, лукавим.

— Вы о чем?

— Да о том, что еще Герцен писал о поколении, отравленном с детства. По официальным данным в России рождается 17 процентов дебилов. При 18-ти наступают необратимые процессы в обществе. По существу, у нас каждый пятый человек умственно неполноценный. И, как им не быть таковыми, если рядом со школою — пивной бар.

— Мне понятно ваше возмущение. Мы пытались бороться, но безуспешно. Право частной собственности объявлено незыблемым законом. Хозяин дома нам заявил: «Мое право открывать — молельню, магазин или, как я — пивной бар».

— Это преступление не только нынешнего, Ельцинского режима. Мы долго и неправедно жили, в результате и заимели жуткий горб на теле народа. Ведь помимо откровенных дебилов, есть целые школы, состоящие из учеников — слабовидящих или слабослышащих. Результат — пьянки отцов, а иногда и матерей. Надрывная жизнь не должна отшибать память. Ведь, если дебильный процент превысит 18-ть, то Создатель, как я это где-то читал, уже за дело переселит нас в страну дураков. Тогда только и останется спорить, хороший или плохой был Сталин? Один миллион невинных загубил или двадцать — ни на что больше, уже не будем годиться.

— Сразу видно, вы эрудированный человек. С вами прият-

но побеседовать. Что касается Сталина, то я, откровенно скажу, много на него лжи наводят. В нашей семье, а она офицерская, его уважают. Он — гениальный вождь и полководец. Черчилль, враг России, и то подчеркивал, что Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. Но, что я Вам объясняю, ведь вы же — историк. Однако мы отвлеклись от основной темы — об умственно отсталых ребятах.

— Как, говорят, пора вернуться к нашим баранам. Извините за невольную шутку.

— Ничего. Я сама открытый человек, а потому ценю искренность и юмор других, — сказала директор и продолжала, — этот контингент прибыл к нам из разных школ города. У ребят что-то не связалось с их прежними учителями, родителями, милицией. Вот они и оказались у нас. В общем, веселый народ!

Последнее словосочетание «веселый народ» подвигло Горичева на воспоминание об одном из его уроков в коррекционном классе прежней школы, в котором он случайно оказался на подмене:

Дверь открываю, в классе — никого,
Лишь только стулья по полу грохочут:
Мальчишки все, лишь кроме одного,
Лежат средь них и весело хохочут!

— В чем дело? — строго спрашиваю я.
Мальчишка не скрывал своей печали
И объяснил, не глядя на меня:
— Мы — класс коррекции!
Как! Разве Вы не знали?

«Не все они такие уж глупые, — размышлял про себя Василий Павлович, — ведь тот мальчишка, сразу уловил причину его изумления от увиденной им, столь необычной картины. И объяснил — все понятно и просто». Директор, между тем, продолжала:

— Занимаются дети по программам дневной школы. В заочно — вечерних классах особый бич — низкая посещаемость. Немало старшеклассников — женатых, замужних, с детьми. Общий недостаток в обучении — отсутствие учебников. Мы толь-

ко имеем комплекты книг для работы непосредственно в классах. Да и цель — усваивать учебный материал в стенах школы. Что греха таить. У многих ребят дома не совсем благоприятная для подготовки к урокам, обстановка — пьют родители.

Теперь об учителях истории. Одно невезение. Хорошая была педагог Синичкина — умерла. 12 часов ведет учитель — инвалид по зрению Букин. Не знаю только, как от него избавиться. Зав РОНО как-то сам выразился: школа — не богадельня! Подвыпивший, он часто звонит по телефону, грозится, грубит. Не сомневаюсь, что скоро его у нас не будет.

Отныне, с вашим приходом, надеюсь, все пойдет, как следует. Вы свое дело знаете, а потому учителя и ребята вас будут уважать, и любить не меньше, чем в вашей прежней школе. Не сомневайтесь, мы о вас многое знаем — земля, как говорят, слухом полнится. Главное — микроклимат в коллективе. Всего-то учителей у нас полтора десятка на 250 школьников. Половина пенсионеров. В основном — бывшие номенклатурщики: директора, инспектора, завучи. Молодых совсем мало. Что было до меня? Директора и завучи менялись, как перчатки. Год — два и — новая администрация. Причина? Да завелись в коллективе кляузники. Чуть что не по них — с жалобами по инстанциям. Пишут да пишут. Одну из таких — Никифорову, я уже уволила. Сейчас в киоске газеты продает. Предлог, при желании, а вы сами работали директором, знаете, всегда найдется. Помните, как еще Сталин говорил: «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет и проблемы». У меня, однако, не те права и возможности, что у Сталина, а потому проблем много. Мутят воду в коллективе еще трое: Александрова, Васильева и Алексеева. К ним временами примыкает четвертая — химик — Леонова. Верховодит — Александрова. Мы ее зовем — актрисой. Очень опасный тип! Я рассчитываю, что вы мне поможете с нею расстаться. Желательно, навсегда! Уж так она мне надоела.

Такое предложение, прозвучавшее столь неожиданно, привело Горичева в замешательство. Он сказал:

— Да не люблю я склоками заниматься. Воевать с дамами — не мой удел. Я привык больше уступать им. Ведь, женщина, как сказал поэт, — всегда права.

— Я тоже женщина, — подняла крутые брови директор, — и мне уступить можно.

— Это так, — еще более смутился Василий Павлович, — но я более 10 лет проработал в прежней школе. Занимал различные посты, Но за весь период ни в какие блоки и союзы не вступал и не знал путей — дорог: ни в РОНО, ни в ГОРУНО. И, если бы не наше проклятое время и не случай, то так и проработал бы там спокойно до пенсии. Честно говоря, я из индивидуалистов. Живу по — Омару Хайяму, что советовал:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем, что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

— Значит, я для вас, — кто попало? — директор, прервала декламацию классика персидско-таджикской поэзии и испытующе взглянула на нового историка.

— Это не так. Я просто пытаюсь объясниться.

— Объясниться вы еще успеете, а пока идите и приступайте к работе.

— Благодарю, — Василий Павлович встал со стула и покинул кабинет, как он понял, строгой и обидчивой хозяйки.

Директора средней вечерне — коррекционной школы звали Рыкова Галина Ивановна.

Глава третья

КЛАНОВЫЙ СИНДРОМ

Чтоб легче выжить средь «чужих»,
То — кредо азиатских стран.
Учителя создали из «своих»
Закрытую ячейку — клан.

Известно, что со времен Петра, прорубившего «окно в Европу», в Россию стали активно проникать чужеродные лица и создавать на ее территории, так называемые, масонские ложи. Действовали тайно и осмотрительно. Новых членов вербовали из людей имущих и влиятельных. Цель очевидна — овладеть властью и богатством страны.

Сегодня, общеизвестно, как русские жестоко расплачиваются за свою доверчивость и доброту, что хуже воровства.

В азиатских окраинах царской империи знатные баи организовывали свои закрытые от других иноплеменников — кланы. Хотя советская власть, на время, и подорвала их корни, но, начиная с Хрущевской «оттепели», клановые ростки вновь дали свои всходы. Все значительные командные посты оказались в руках сыновей и внуков, бывших всесильных среднеазиатских владык — баев, считавших себя сливками, белою костью общества. Они оттеснили от управления делами края представителей новой советской интеллигенции, выросшей из дехкан — народных низов, руководствуясь принципом: кто рожден ползать, — летать не может.

Русские специалисты, приехавшие в азиатские республики, чтобы возвести заводы и фабрики, каналы и электростанции, повысить уровень образования и культуры, после развала СССР, оказались перед выбором. Или покидать, уже обжитые ими места, или приобщаться к новым формам сосуществования. Новоявленные шейхи объявили их иностранцами, что означало — бесправие и нищету. Чтобы выжить, необходимо было приспосабливаться.

В этом плане, на некоторое время, преуспела русская учительница — филолог Югова Серафима Федоровна, пройдя нелег-

кий трудовой путь — от пекаря, воспитательницы детского сада, рядовой учительницы в школе до чиновного поста в Министерстве образования Киргизии.

Вот тут-то она воочию увидела, что значит клановая солидарность. Презенты, взятки — обычная норма жизни. Бездарные чада богачей, за солидную мзду, становились медалистами, а способные дети бедняков всячески притеснялись. Лишались радужных перспектив поступления в Вузы, ибо за это надо было выложить много денег. Живя в Бишкеке с мужем, прапорщиком авиации, они вырастили сына и дочь. Когда дети стали взрослыми, то Юговы приняли решение обучать их в России. По приобретенному опыту Серафима Федоровна понимала, что система образования в Киргизии на нуле. Жаль было расставаться с домом, имуществом, теплым местом. Но, участившиеся погромы иноверцев и родительский долг позвали Юговых в дорогу.

В коррекционной школе, учитывая послужной список, Серафима Федоровна оказалась в ранге завуча. Русские не киргизы. Они более оценивают людей не по породе, а по уму. С русским языком у филолога были нелады. Особое недоумение ее новых коллег, в особенности у уже известной нам «Актрисы», вызывал факт незнания Юговой содержания произведений таких русских классиков, как: Иван Тургенев и Лев Толстой, Николай Некрасов и Афанасий Фет, Иван Бунин и Сергей Есенин. С ними у бывшей министерской чиновницы был полный провал. И это, несмотря на ее, полученный за взятки 14-й разряд. Ведь в киргизских школах им, корифеям русской литературы, уделяется крайне мало внимания. Здесь более популярен Ченгиз Айтматов. Упорный труд ей, как и некогда Евгению Онегину, был тошен. Потому самообразованием завуч не занималась, считая, что для «школы дураков», а именно так она называла свое учебное заведение, все и так сойдет. Уча «чему-нибудь и как-нибудь», она, тем не менее, была большой мастер, как выражаются, вешать лапшу на уши. Всю школу, как в тридцатые годы свои дома колхозники, Югова превратила в наглядную агитацию. И по коридорам и по классам, всюду — плакаты, лозунги, планы и схемы. Читай — не ленись. Несли же они в себе не столько полезной информации, сколько — пыли.

Всякую текущую работу Серафима Федоровна рассматривала не как самоцель, а лишь, как средство для получения допол-

нительных доходов. Вот почему с ее легкой руки в школе, неведомо откуда, появлялись «юные азиаты». Не умеющие толком ни писать, ни читать, они подсаживались ею в старшие классы — мучайтесь коллеги. Проявляйте интернациональный долг. Вы же — гуманисты! Поистине: никто, как русский, не спасал других, никто, как русский, сам себя не губит.

Да будь ныне жив предприимчивый проходимец Остап Бендер, то и он бы позавидовал хитроумным комбинациям Юговой. К примеру, хочешь досрочно выучить ребенка, то покупай у нее посуду фирмы «Цептор», активным сотрудником коей она, наряду с работой в школе, являлась.

Что там рядовые граждане. Она с успехом могла надуть и педагогическую элиту. Одной из жертв ее авантюр стала и сама госпожа Рыкова.

Югова пришла в вечернюю школу в феврале, а Рыкова — в ноябре 1993-го. Едва приступив к директорским обязанностям, Галина Ивановна, вдруг, заболела и слегла в постель. Вся власть автоматически перешла в руки завуча. Этим обстоятельством и решила воспользоваться «бендерша», так за глаза ее величали. Она тут же пригласила в школу одну из сотрудниц РОНО. Устроила пир в ее честь и стала «сватать» честолюбивую чиновницу на директорскую должность. Дескать: Рыковой из когтей недуга уже не выбраться. И на удивление легкомысленная гостья дала свое «добро».

Не просто описывать благородное возмущение подобным обстоятельством выздоровевшей директорши. Метались громы и молнии: «Ну, заяц, погоди! Придет время, и я рассчитаюсь с тобою, подлая авантюристка!».

Рыкова уже тогда задумала поступить с завучем, как когда-то жестокий король франков Хлодвиг со своим воином, вступивший в спор с его величеством из-за добычи — золотой чаши, доставшейся им в дни победы при Сауссоне. Король, спустя год после ссоры, придравшись к пустяку, разрубил голову строптивому воину, как он ранее это сделал с его золотой чашей.

Однако скоро сказки сказываются, да не скоро дело делается. Не через год, а лишь через пять лет Галине Ивановне удастся осуществить свой план. Но об этом, во всех подробностях, мы еще успеем поведать любопытному читателю.

Вторая «краса Азии» — Аркадьева Светлана Геннадьевна, как и Югова, немало лет провела в нынешнем ближнем зарубежье. Но не в Киргизии, а горном Таджикистане. Также сменила не одну профессию, а, по отзывам дам, и не одного мужа. Ее сын Сережа, удивительно похожий на африканского негра (говорят, что взяли ребенка в приюте), с горем пополам одолел лишь девять классов. Этот чрезвычайно невыдержанный, вспыльчивый, экспансивный подросток, не уступавший в этих качествах своему знаменитому собрату по крови Александру Сергеевичу Пушкину, мог позволить себе любую вольность. И не только по отношению к отчиму, которого неоднократно избивал, а затем и вовсе выгнал из дому. Сережа Аркадьев стал грозою всех соседей. Доставалось от него даже завучу Юговой. Она испуганно сторонилась хулигана — он грозился ее пришибить. Да, что там чужие. Сережа не щадил и авторитет собственной мамы, поливая ее, однажды, нецензурной бранью в столовой соседней школы.

Не смотря на выходки Сережи, Югова дружила с Аркадьевой. Приобретенный кодекс поведения русских «азиатов» принудил их к клановой солидарности, где торжествует принцип: «наш — не наш».

С этим пороком Горичев столкнулся с первых дней своей работы. Как-то в учительской он разговаривал с бывшим директором их школы Власовой Анжелой Сергеевной. Когда из-за двери к ним заглянула Югова, то его собеседница от неожиданности вздрогнула и поспешила ретироваться. Она была не их клана. Завуч не преминула тут же отчитать историка:

— Незачем вам с нею беседовать. Она черт знает, что наплести может.

— Да, но она наша коллега, — попытался возразить он.

— Скорее, калека, а не коллега. Смотреть не на что — худая и тощая. Доморощенная математичка, а красавца — физика Иванова скомпрометировала. Игорь Константинович и сейчас ее сына кормит. Убедила его, доверчивого и глупого, что он от него. Завтра и тебя соблазнит, а там гляди и на алименты подаст.

— Но, это уже слишком! — вырвалось у Горичева, — я женат и любим.

— Как бы не так. Женщина — это черт вывернутый наизнанку. Она все может, коль сильно захочет.

— То их советская власть эмансипировала.

— Не совсем так. Прекрасный пол и в древности творил чудеса. Надеюсь, читали арабские сказки «1001 ночь».

— Был грех, — улыбнулся Василий Павлович, — увлекался их дивными сюжетами и красотой слога.

— Понятно, вы же поэт. Однако главной идеи не уловили.

— Которой?

— Той, что в мире правит бал прекрасная половина человечества, ибо не бывает женщин некрасивых. По гибкости ума, хитрости и изобретательности слабому полу, вообще нет никого в мире, — равного. Ведь на что был вероломен, обманутый сладострастной женою царь Шагрияр, но и на него нашлась управа. Долготерпеливой и мудрой красавице Шагразаде, правда, пришлось целых тысячу и одну ночь убеждать непреклонного убийцу жен в том, что «на этом свете и тоска, и радость — преходящи!». Именно так. С невероятной затратой энергии, но, она все-таки добилась своей цели.

— В логике вам не откажешь, — улыбнулся Горичев.

В скором времени, его посвятят в магические тайны служебного романа Власовой — Иванова. Природа распорядилась так, что Игорь Константинович был не только способным физиком, но и лириком. Он позволял себе от безделья пофлиртовать, между делом, с женщинами. Тиснуть им, при случае, пару строк панегириков. Любил, как пушкинский Онегин «возбуждать улыбки дам огнем нежданных эпиграмм». Но, так, как школьный поэт был не только честолюбив, но и корыстолюбив, то предметом его лирических воздыханий чаще всего оказывалась вдовая директорша. Ее сердце растаяло. Под предлогом исправить утюг или починить электропроводку, она стала частенько приглашать его к себе домой. В благодарность за работу, она не только расстилала перед ним скатерть — самобранку, но и вывела его в свои завучи.

Иванов рассудил по Омару Хайяму:

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна -
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня -
Завтра, может случиться, ударит она!

Все произошло именно так, как и предсказывал классик.

Увлечение флиртом и спиртным, в ущерб работе, а, возможно и женское соперничество, подвигли оппозиционерок во главе с «Актрисой» на прямой бунт. В результате дуумвират Власова — Иванов оказался вышибленным из руководящих кресел. На смену им были назначены, соответственно, — Рыкова и Югова.

Глава четвертая

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ

Офицерские жены -
На переднем краю.
Если надо, готовы
За мужей пасть в бою.

Их сотни тысяч, молодых и не очень, мотались с «мужчинами в погонах» — по отдаленным гарнизонам. Переносили вместе с ними все тяготы и лишения. И, несмотря ни на какие неудачи, не теряли самообладания. Дарили своим любимым радость и свет. Хранили верность и честь. Создавали домашний уют, рожали и растили детей. И мы знаем, что во имя Отечества, многие из них, были готовы повторить славный подвиг пушкинской героини из повести «Капитанская дочка», жены коменданта Белогорской крепости, разделившей вместе с мужем — муки смерти.

Поистине офицерские жены всегда на переднем краю. Не просто передать их чувства, когда вследствие предательства Горбачева и других прозападных реформаторов, в странах Центральной и Восточной Европы, где стояли советские войска, свершились «бархатные революции». С 1989 года начался их вывод на территорию России. И не везде он проходил безмятежно. У народа бывших социалистических стран, появилась ненависть к людям в погонах и тем, кто был рядом с ними.

В результате проведенного в 1990 году референдума ГДР вошла в состав ФРГ. Началось стремительное разрушение не только Берлинской стены, но и нравственности. Чувство симпатии и дружбы к бывшим освободителям от «коричневой чумы» сменилось подозрительностью и даже тайной и явной местью.

С развалом социалистического лагеря и отказом от поддержки традиционных союзников в «третьем мире» Россия оказалась в сложном положении, не обретя с западными странами тех союзнических отношений, на которые рассчитывал недалекий и легкомысленный политик Горбачев. За ошибки бездарных го-

сударственников расплачивалась Армия. В первую очередь офицеры и их жены.

Вот почему Горичев испытывал невольные симпатии к директору школы Рыковой Галине Ивановне, биологу Краевой Полине Афанасьевне и преподавателю иностранного языка Роговой Наталье Кузьминичне. Ведь все они являлись женами офицеров, которые в 1987—1991 годах вместе проходили службу в небольших городках Восточной Германии — Котбусе, Рюхагене, Цоссене и Вюнсдорфе. Именно здесь располагались тогда советские части противовоздушной обороны и связи. Это им он посвятил эти строки:

В городках Фатерлянда
От России вдали -
Галя, Поля и Надя
Много лет провели.

Им присуща — отвага,
Если боль — на троих.
Помнят Котбус, Рейхаген -
В светлых платьицах их.

Посещали таверны
И уютный Вюнсдорф.
По-немецки деревня
Именуется — дорф.

Всюду исправно и чисто.
Размещались давно
Здесь — и роты связистов
И войска ПВО.

Эти ратные силы,
Что на каждом шагу,
Охраняли Россию
На чужом берегу.

Это право мы с бою
Взяли, как не понять?

Здесь советским героям
Обелиски стоят!

Мать всплакнет тут о сыне.
Было так до сих пор.
Если нет их уж ныне -
Горбачеву позор!

Офицерские жены -
Одна радость на всех:
Числом звезд на погонах
Мерить мужа успех!

Если внести полную ясность в «звездную» картину бытия, то она выглядит, на начало третьего тысячелетия, следующим образом. На первом месте оказался супруг биолога Краевой Полины Афанасьевны. Он стал полковником, комбригом ПВО. Погоня за «золотым тельцом» привела мужа директорши Рыковой Галины Ивановны из рядов Армии в налоговую, позже упраздненную, полицию в звании подполковника. Менее их повезло мужу, самой молодой из подруг Роговой Надежде Кузьминичне. Он уволился по достижению 20-летнего срока службы из рядов армии в чине капитана. Получает небольшую пенсию. Устроился на завод рядовым инженером.

Таковы превратности судьбы. Она же, известно, то вознесет тебя высоко, то бросит в бездну без труда.

Пребывание в немецких гарнизонах в далекие 80-90-е годы для трех «боевых подруг» было далеко не сахар. Материальная зависимость от сильного пола, временная работа на текстильной фабрике, детских садах, вечная домашняя каторга накладывали на их характер негативную печать.

К тому же все их занятия были слишком отдалены от педагогики, от умных книг и ученых наставников. Отсюда хорошо понятен их бедный словарный запас. Проскальзывали и фельдфебельские нотки. Известно: с кем поведешься, от того и наберешься. Данное обстоятельство сразу отметили коллеги.

Став директором, Рыкова не замедлила перетянуть своих закадычных друзей к себе под крылышко. Утраченные педагогические знания, отсутствие опыта работы с детьми и учебника-

ми, например, не помешали той же Краевой, естественно, с подачи любезной директорши получить 13-й разряд. Свершилось по — Фамусову: «ну, как не порадеть родному человечку». Злые языки утверждали, что биолог Краева не в состоянии отличить покрытосеменные виды, от голосемянных особей. Пусть себе собаки лают, но караван-то все равно идет.

Вызвал диссонанс в коллективе также и тот факт, что директор с завучем не бывают на ее уроках и не имеют представления об ее истинной квалификации. К месту будет сказано: а судьи-то, кто?

Нарушена была и педагогическая этика. Ведь, чтобы освободить место для милой ее сердцу подруги Роговой, была под благовидным предлогом — пенсионный возраст — уволена ненавистная англичанка Никифорова.

Самое удивительное заключалось в том, что на первых порах, триумвират офицерских жен, вследствие своей низкой квалификации, а потому естественного отторжения от них высокопрофессиональных педагогов, примкнул к клану «азиатов». Те также не блистали познаниями в педагогике, а потому были сговорчивее. И уже не казалось нонсенсом, такое явление, как выплата премий и вознаграждений, в крупных размерах, лишь членам своего узкого сообщества.

Деньги — вещь притягательная. Надо было наверстывать упущенное. Ведь всем членам клана «пяти» пришлось, в разное время, потерять квартиры, обстановку, утратить перспективу. Тут еще все здание России перекосилось, трещало, съезжало набок, угрожая и вовсе рухнуть. Страна представляла одно сплошное, суетливое мародерство, над которым поощряющее звучал гнусаво — сдавленный голос пьяного Ельцина и поддакивания его вороватой челяди. Самое неблагородное поколение русских продавали Россию за колготки, обещания благ, тряпья, машин, рок — групп и разных удовольствий.

В школе участились застолья. В сейфах обеих администраторов завсегда находились в наличие — коньяк и водка, вино и пиво. Пьянки в коллективе стали настолько частым явлением, что стали осуждающе ухмыляться тому даже ученики. Дети, как лакмусовая бумажка, показывали на градус и степень духовного и нравственного разложения старших. После затяжных пиров, в школе еще добрую неделю велись разборки — кому, что больше досталось?

Всюду водка, всюду водка,
Всюду водка, господа.
А без водки жизнь плохая -
Не годиться никуда!

Был случай. После одного из крутых «вечеров», наблюдая за манипуляциями с бутылками, учительница математики Васильева Зинаида Петровна принародно назвала администрацию — дешевой. Данный эпитет вызвал гнев и до горьких слез, истерику Рыковой. Госпожа директор обещала впредь в пиршествах не участвовать. Однако все понимали: свежо предание, да верится с трудом. Долгий опыт бражничества выработал у офицерских жен ген пристрастия к алкоголю. Избавиться же от него, порою, не под силу и бравым мужам, а тут всего лишь — слабые женщины.

Глава пятая

ВЫГОВОР

Состряпано дельце изрядное,
Ты губы, поэт, не криви,
Пусть «Выговор» -
станет «наградою»
Тебе за измену в любви!

Имея за плечами более четверти века практики педагогической работы, в том числе в рангах — завуча и директора, привыкший к систематическому труду и активному самообразованию Василий Павлович Горичев быстро освоился на новом поприще. В короткое время он успел завоевать уважение коллег и авторитет отличного историка у своих воспитанников.

В течение восьми месяцев, со дня назначения и вплоть до 19 мая 1995 года его жизнь в коррекционной школе протекала безоблачно. Эти месяцы превратились для него в один звездный час. Все шло почти по — Райкину: он пел, он свистел, все слушали — раскрыв рот.

Югова попросила его написать стихотворение к Есенинскому юбилею, а он сочинил целую поэму и с оглушительным успехом прочел ее на «вечере для старшеклассников». Рыкова предложила ему обновить стенды к 50-летию Победы, а он, выполнив основное поручение, разразился циклом стихов «Жаркое лето», посвященных боям на Орловско-Курской дуге.

Многие любознательные ученики, задолго до своих уроков, просились к нему, просто посидеть и послушать, на занятия параллельных или других, даже младших классов. Нередко посещали его семинары учителя и родители.

Эпоха безвременья породила хаос в системе обучения. Появилось большое количество, часто дублирующих друг друга, учебников по истории. Имея самое высокое мнение о профессиональной эрудиции, они уговаривали его написать свой, отвечающий специфике коррекционной школы — простой и доступный.

Едва ли, кроме самого Горичева, кто всерьез понимал, насколько это трудное и хлопотное дело — писать новые учебни-

ки. И, тем не менее, он, как некогда заботливый дед внукам, обещал им:

— Сделаю, дайте только срок — будет вам и белка, будет и свисток.

Удивительно, но мало кто сомневался в исполнение обещания. Знали, что у Василия Павловича слова никогда не расходились с делом.

Исполненный радужных надежд, он так погрузился в дела, что забыл о мудрой истине — зреть в корень. Не увлекаться. Быть осмотрительным. Не думать о мгновеньях свысока, ибо от поступков великих, как это вышло у Наполеона, до смешных результатов — один шаг.

Эйфория чувств погасила трезвый рассудок и Горичев, во второй раз попал впросак: смешал — спутал руководящий клан с оппозицией. Утратив бдительность, он к «непримиримым» относился одинаково — ласково и нежно. «Актриса» зачастила к нему на уроки. Уж так они ей нравились, что она наградила его званием — неординарного педагога и человека. Регина Алексеевна, филолог по образованию, являлась судьей, несомненно, компетентным. Доброе же слово и кошке приятно. Еще старик Крылов отмечал, что лесть всегда найдет у сердца уголок.

Не оставила его без внимания и Югова. Как-то размечтавшись, она публично призналась ему в своей любви — язык, понятно, без костей. К тому же, в подтверждение своих симпатий, она призвала коллег торжественным образом отметить его приближающееся 55-летие.

Все шло, как блин по маслу. Но, вот однажды завуч ненароком заглянула в кабинет русского языка. И, о, ужас! Там оказался он с троицей (Александрова, Васильева и Алексеева) ненавистных клану оппозиционеров, чья вина заключалось лишь в том, что они, в отличие от них были высококвалифицированными специалистами. И позволяли себе критиковать малокомпетентных руководящих выскочек. На лицо был представлен квартет и это при указании администрации — более двух не собираться.

«Ясно, — мелькнуло в голове Юговой, — готовят заговор». Почуяв роковую измену — нарушение табу — она решила мстить. От любви до ненависти, известно, — один шаг. В искусстве же плести паучьи сети ей не было равной.

19 мая, по обыкновению, задолго до занятий, Горичев явился в школу. Навстречу ему шли по коридору — директор и работник РОНО. Галина Ивановна, указывая рукою в сторону расписания, изрекла:

— Почему срываете урок?

— До него еще целых 30 минут, — отпарировал историк.

— Не спорьте со мною. Идите к расписанию и посмотрите.

— Да его каждый раз меняют и все без предупреждения.

— Идите к завучу и разберитесь.

И он разобрался. Через день Югова вновь проделала ту же операцию. И так же молча, исподтишка.

Горичев вспылил, заявив завучу, что так поступают только **непорядочные** люди. Такой реакции — испытанный метод — от него и ждали. Серафима Федоровна тут же поручила секретарю директора Горевой, этой, по выражению членов оппозиции, желчной старушке с повадками Малюты Скуратова и слабохарактерной англичанке Войковой Рите Моисеевне подготовить свидетельское показание грубого поведения историка. Сама тут же принялась за сочинение рапорта директору.

Хозяйка школы потребовала от «провинившегося» объяснений. Горичев подтвердил свой «эпитет», заявив, что данное выражение не является оскорблением. Но, тут же подлил масла в огонь, назвав саму Рыкову — **непорядочной** за то, что она, потакая коварству завуча, в чем та не уступала хитроумной миледи — известной шпионке кардинала Ришелье, не разобравшись, отчитывала его в присутствии постороннего человека.

Василий Павлович рассчитывал на взаимопонимание, хотя и знал, что деспотические натуры готовы по чужому самолюбию бить топором, но сами и от булавочного укола приходят в неистовство. Именно подобную бурю в стакане воды ему и пришлось наблюдать. Рыкова, гневно вздыбившись, предстала перед ним в образе разъяренной тигрицы, готовой тот — час вцепиться ему в горло. Она быстро бегала вдоль стола. Стучала по крышке кулаком. Рвала на себя ручку сейфа. Смуглое лицо ее исказилось в страшной гримасе. И без того крупные глаза еще более расширились и в них закипели слезы ярости. Брызгая слюною, она кричала, что далее терпеть не станет и вышвырнет его за дверь школы, как паршивого котенка. Сейчас же, чтобы написал объяснительную записку, и шел — вон!

С трудом выдерживая «шквал гнева», Василий Павлович мысленно представлял, как ведет себя Галина Ивановна дома с мужем и двумя сыновьями — школьниками, позволившими пойти ей в чем-то наперекор, если перед нею стоял мужчина — учитель, годившейся ей в отцы, а она, без вины, распекала его, как самого бесправного и ничтожного раба. Ай, да женщины! О, времена, о, — нравы!

В ответ на ее требования Горичев, заявил, что своей вины не признает, а склоками заниматься не в его характере. Посему на объяснительную записку время терять не станет, ибо более привык писать литературные вещи.

Спустя три дня, на очередном совещании, ему был объявлен **«выговор»** с мотивировкой — **за грубость**, или, как в шутку определили учителя — за непочтение родителей. Инвалид Букин Рыкову матом кроет, но взысканий она ему не объявляет, а все потому, что он — не опасен. Растущий же авторитет Горичева для бездарного клана — бельмо в глазу. От того и все напасти.

Коллеги советовали обжаловать приказ в РОНО, что это просто показательная месть за талант и «непослушание», но Василий Павлович от войны с женщинами, взявшими на вооружение слезы, категорически отказался — мужчина всегда неправ.

Самонадеянно решил: все перемелется. Наивный! Он и предполагать не мог — насколько злопамятен прекрасный пол. Начиная с памятного майского дня 1995, вплоть до увольнения в том же мае, но уже 2001 года, целых шесть долгих лет вся его школьная жизнь представляла собою одну черную тень. Клан объявил Горичева, подобно индийской касте — «неприкасаемым». Всем окружающим было предписано — не подходить и не вступать с ним в разговоры. Соответственно он был отстранен от совместных «торжеств с попойками», что, впрочем, его трезвую натуру, вполне устраивало. Во всякой медали — две стороны.

1 сентября 1995 года директор познакомила Горичева с молодым историком Корневым Романом Сергеевичем и предложила взять над ним шефство. Он только что вступал на педагогическую стезю. Поручение было выполнено.

Прошло время. Корнев вышел на уготовленную ему колею. Во многом самостоятельно разобрался, сделал определенные выводы об окружающей его атмосфере и однажды, без обиняков, прямо заявил своему шефу:

— Василий Павлович, я давно хочу вам сказать, но все как-то совестно портить настроение хорошему человеку.

— Ты это о чем?

— Да о том, что Рыкова и Югова — подлые люди.

— Зачем же так категорично?

— Да, они о вас разные гадости говорили и требовали за вами шпионить.

— И, что же, ты?

— А я не стал. От вас я кроме добра ничего не видел. Вы одаренный историк и прекрасный человек. Вас, хотя и тайно, но все любят и уважают.

— Так уж и все?

— За исключением разве этого мерзкого клана, где вас бояться. И двух-трех злопыхателей по природе.

— Да, ты, Роман, оказывается молод, но не зелен.

— Спасибо. Но в том заслуга не моя, а родителей, что с детства учили нас, их детей — добру и справедливости.

— Но, тебе будет трудно. Честные люди у нас не в почете. Знаешь, у Омара Хайяма есть такие вещие строки:

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

— Поэт не совсем прав. Он призывает к осторожности. Но в этом мире не все люди — бараны. И не все трусы. Кстати у него же есть и другие стихи, что мне более по душе:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

— Все так. Однако смахивает на юношеский максимализм. Сейчас на телеэфире пропагандируются иные ценности.

— Это все пакости евреев — интернационалистов, что как блохи сосут кровь русского народа. Они его ненавидят, а все живут в России, не уезжают ни в Америку, ни в Израиль, которые

так пламенно любят. Их демократия хуже Сталинской диктатуры. Но страшнее всего доморощенные стяжатели типа наших администраторов.

И, как не предостерегал Горичев своего молодого друга — быть гибче и осторожнее, тот продолжал, открыто дружить с ним и вести свою независимую политику.

Не дождавшись от молодого историка никакого компромата на его шефа, клан пытался, время от времени, одергивать юношу за непослушание. Когда убедились, что нужных плодов они не соберут, то было принято решение — действовать.

Завуч Югова мстила непокорному Корневу по испытанной методе: наводила чехарду в расписании, а последствия сваливала на «ослушника». Роман ждет объяснений, а она намеренно молчит — вызывает эмоции. Историк идет с жалобой на Югову к директору. Рыкова же лицемерно извиняется и объясняет поведение Серафимы Федоровны болезнью ее свекрови.

Проходило два-три дня, а старое все повторялось. Молодой специалист не выдерживает травли и подает заявление об уходе.

Ведь, коль по совести, то только за это унижение человеческого достоинства начинающего педагога, горе — администраторов, чего от них не скрывал Горичев, что вступился за юного коллегу, надо было гнать из школы корявой метлой. «В советские времена, — говорил он им, — вам бы так просто с рук не сошло. Сейчас вы пользуетесь чехардой и беззаконием, творящемся в стране и обществе». Но те молча слушали и лишь криво усмехались: »Добросклонов нашелся!».

Горичеву было искренне жаль, что он невольно стал причиною душевной травмы Корнева Романа Сергеевича, это умного и честного юноши, не успевшего еще очерстветь душой от жестких превратностей жизни эпохи зарождения дикого капитализма. Новоявленная буржуазия, в лице Рыковой и Юговой смяла, но не смогла уничтожить в нем свежие ростки гуманизма и добропорядочности. Он ушел, отступил, но не сдался. И это вселяло уверенность, что рано или поздно здоровая поросль, в среде молодых русских патриотов, даст благотворные всходы.

На смену Роману пришла также молодая учительница Ветрова Лариса Петровна. Клан рассудил — женщина в интригах надежнее. Проинструктированная до слез, принятая по знакомству, Лариса два месяца просто не замечала Горичева и никогда

с ним не здоровалась. Во избежание навязываемого администрацией конфликта, он добровольно уступил ей исторический кабинет и часто проводил уроки, где попало: в коридоре, в учительской, в чужих аудиториях.

Когда же, не выдержав мытарства «по чужим квартирам», Василий Павлович заявил госпоже Рыковой, что методы ее кадровой работы напоминают злопамятный «37-ой год», то она, как истинная дочь советской чекистки, а ее мать долгие годы трудилась в КГБ, связи которой и помогли ей «из грязи выйти в князи» отпарировала открытым текстом:

— Да, я — сталинистка! И этим горжусь!

Историк даже поежился от такого откровения. Тут, как говорится, не убавить и не прибавить — все ясно. И, он, как некогда Ленин в трудные минуты шел в библиотеку, чтобы посоветоваться с Марксом, ступил на подобную стезю. Своим же мудрым наставником он выбрал, однако, не основоположника коммунизма, а «последнего летописца» и первого настоящего историка Николая Михайловича Карамзина. Он помнил о данном обещании — написать свою «Историю».

Глава шестая

РУСЬ

Теперь таких тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Россия, пропала.
Погибла кормилица — Русь
Сергей ЕСЕНИН

Под словами «таких тысячи» великий русский поэт подразумевал комсомольцев — безбожников, рушивших национальные духовные святыни — православные храмы — одну из основ русской государственности, что, по теории николаевского министра просвещения Уварова держалась на трех китах: православии, самодержавия и народности. Драма в том, что они вершили это зло — бездумно, стихийно не осознавая, что действуют в угоду инородной власти.

Есенин же хорошо уловил эту связь. Ведь, на его глазах и памяти, через 3 дня после покушения эсерки — еврейки Каплан на Ленина, председатель ВЦИК еврей Яков Свердлов издал резолюцию, в которой объявил о «красном терроре», направленном не на уничтожение евреев — террористов, а, в первую очередь на искоренение славянских народов. По приказу брата Ленина, Дмитрия Ульянова были расстреляны 60 тысяч солдат и офицеров русской армии, сдавшихся в плен в Крыму. Как вредный класс, евреями — чекистами, уничтожены сотни тысяч русских купцов и дворян, деятелей культуры, а 24 января 1919 года специальным декретом того же Свердлова — уничтожены 250 тысяч русских казаков, составляющих боевой оплот государства Российского. В последующие годы были расстреляны кронштадтские моряки, задушены газом, по приказу еврея Тухачевского в лесах под Тамбовом крестьяне, что выступили против власти евреев — коммунистов.

К 1917 году в царской России проживало 1 миллион 400 тысяч евреев. Это из их числа состояли едва ли не все партии от левых до правых. Многие из них являлись членами Государствен-

ной Думы. В том числе масонами являлись и все десять министров Временного правительства во главе с Керенским. Еврейского происхождения были в основном и политические комиссары армии и флота. В годы «красного террора» зверствовали, устанавливая советскую власть, 300 интернациональных отрядов — наемников. Это — китайцы, поляки, финны, югославы, чехи. За деньги немецкого Генштаба, полученные Лениным для развала России и на средства сионистов, привезенные Троцким из Европы, оплачивались карательные операции латышских стрелков, насчитывающих 80 тысяч штыков и сабель.

Русская Империя создавалась ее царями (от Михаила Романова до Николая Второго) в течение 300 лет и была разрушена масонами в течение шести месяцев.

Сионисты, стремящиеся воплотить в жизнь идею Карла Маркса о мировой коммунистической революции, избрали для эксперимента нашу многострадальную родину — Россию. Заря светлого будущего на 1\6 части планеты оказалась для русского и других сопредельных народов — гибельной и кровавой.

Когда народы СССР, за 74 года власти Советов, перенеся неимоверные тяготы и лишения, накопили значительные богатства, а пропаганда равенства, мешала масонам обогатиться, они решили сотворить новую революцию. На этот раз уже под флагом демократии, с идеями, на 180 градусов противоположными начальным. Оправдалась зловещая теория Льва Троцкого: движение — все, конечная цель — ничто.

Василий Горичев видел воочию, как в 1991 — 1993 годах русские, в особенности молодежь, вновь бездумно поддерживая новоявленных демократов — интернационалистов, называющих себя — гражданами мира, опять стали вести войну на самоуничтожение. Их кумиры — вновь евреи или полу — евреи типа Владимира Жириновского и Валерии Новодворской.

Тот же Владимир Вольфович, например, дабы набрать голоса избирателей в пользу своей ЛДПР, лицемерно защищал якобы русских, подвергшихся ныне настоящему геноциду. Но вот как, он разоблачил себя, давая 11 января 1994 года интервью сотруднику израильской газеты «Маарив»:

— Евреи в России играют особую роль. 90 процентов членов партии Ленина были еврейского происхождения. В моей партии тоже 90 процентов евреи. Лучшие люди России — евреи. И мой папа — еврей.

К месту заметим, что еврейская одаренность, это не что иное, как один из расистских мифов. Осуждая теорию Гитлера о величии и чистоте «арийской расы», обернувшейся для них «Холокостом», они, тем не менее, продолжают проповедовать свою исключительность — народом богом избранным. Выходит, не только простодушных русских, но и хитроумных евреев, что весьма печально, горький опыт так ничему и не научил.

Приводим отрывок из книги госпожи Новодворской «По ту сторону отчаяния» (М.1994 г.):

— Мы сожгли свои мосты. Я в 1969 году (Брежневская эпоха) став диссиденткой, Ельцин — в Беловежской пуще, подписанием договора о роспуске СССР, партия Демократическая Россия — пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны. Мы здесь не на цивилизованном Западе. Мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первым — убивать».

Под «противостоящим народом», она подразумевает — русских. Под термином «Мы» — евреев.

Кого же убивали Ельцин с демократами 3-4 октября 1993 года, все ныне хорошо знают и помнят.

К 1993 году, согласно последней переписи, в России проживало 6,5 миллионов евреев. К ним добавились волонтеры со всего мира. Ударной же силою Ельцина, по свидетельству депутата Госдумы Юрия Власова, были снайперы израильской команды «Иерихон». Ее 4-я специальная бригада проходила подготовку на натовской базе в Норвегии. На территорию России прибыла нелегально.

Русских граждан расстреливали и еврейские активисты из вооруженной организации «Бейтар», которая состояла из отрядов «Живое кольцо -91», «молодежные правоохранительные отряды», а также «Август-91».

Как же отнесся к данному злодеянию «защитник русского народа» Жириновский? Его кредо было таким: «Парламент расстрелян — правильно, спасибо Президенту. Поддержим политику «приватизации железной рукой». Сегодня, опять в популистских целях, этот, человек — флюгер уже ратует за национализацию стратегических отраслей промышленности, взятие под контроль государства производство и продажу: водки, табака и лекарств.

Следующий вопрос — очень болезненный для нас. Как по-

лучилось, что наша творческая интеллигенция — носитель добра и света, вдруг, — смердяковщина! — отреклась от народа и Родины?

— Она разменяла наши национальные ценности, на западные уже давно, — сказал в одном из своих интервью писатель Юрий Власов, — перестройка сознания началась после XX съезда КПСС, и нельзя сказать, что это произошло сразу. Но в 1956 году они сделали вывод, что Россия — страна, фатально предрасположена к тоталитаризму. Свои выводы они распространили на всю русскую культуру, на всю нашу цивилизацию. Отсюда резкий поворот к Западу. Повальное в 50-е годы увлечение Ремарком, Хемингуэем, Фолкнером, Стейнбеком. Мы все воспитались на них. Музыка заполнилась Армстронгом, Эллингтоном. Надо учитывать и то, что интеллигенция, выросшая на этих идеалах, по национальному признаку больше чем наполовину являлась нерусской. Она была враждебна нашей культуре и скрытно подтачивала ее. В 60-70-е годы эти процессы еще больше активизировались. Лобби возникло везде. И самое печальное — это в высших эшелонах власти, в разведке, в армии. Оттуда мы получили, что видно на примере предательства Родине чекиста — перебежчика Виктора Суворова, автора книги «Ледокол», нехристей, готовых к измене морально, духовно.

Убеждения таких людей диктуются материальными интересами. Принцип наживы разложил их сознание. Есть хорошая работа, обогащение, — и плевать им, что оно идет за счет ограбления народа, за счет его вымирания — 12 гробов на одно рождение!

Молодежь испытала мощнейшее давление режима в силу того, что не успела еще выработать нравственных принципов. Телеэфир разжигает в ней дикие нравы. Цинизм на пределе. Еще осенью 1941 -го Павел Антокольский напечатал отрывки своей поэмы «Сын». Что-то знакомо-зловещее улавливает слух. Да это же «останкинские» новые русские — кликуши и растлители, это их воспитание:

Ты, воспитатель, сделал эту сволочь,
И пращуру пещерному подстать,
Ты из ребенка вытравил, как щелочь,
Все, чем хотел и чем он мог бы стать.

Ты вызвал в нем до возмужанья похоть,
Ты до рождения злобу в нем разжег,
Видать такая выдалась эпоха.

Вот она — великая драма России и русских. А начиналась она, едва ли не с первых лет создания (862) Русского государства. Об этом хорошо поведал Николай Карамзин в своем величайшем 12-ти томном труде «История Государства Российского». К ее истокам и обратился ныне Василий Горичев, пытавшийся найти ответы на возникшие вопросы, продиктованные новым временем смуты. Ведь не случайно появились книги типа автора Плетневой «Хазары» (М.1986 г.), направленной на поиски еврейской прародины.

В Хазарии дозволялось и поощрялось ростовщичество и сбор мыта (пошлины) среди язычников — «говорящих скотов», если употреблять талмудическую терминологию. И, конечно, власть: быть иудеем и тем уже стоять над язычниками. Быть членом правящего клана и определять политико-экономические процессы. Быть левитом и уже поэтому, надзирать и направлять научную, культурную и духовную жизнь страны и ее насельников. Как же эту Хазарию не вспомнить, как ей не умилиться, как не возжаждать возвращения тех времен.

И вот в середине 90-х годов делается попытка Еврейского агентства в Москве создать совместные программы с Сохнутом. Не все удалось, но цель ясна — привлечь внимание российских евреев к своей истории и культуре для воспитания лидеров. Ведь гораздо выгоднее не привозить таких людей из Израиля, а готовить здесь.

Хазария находилась на стратегически и экономически ключевом пространстве между Средней Азией и Восточной Европой. Это позволяло ей контролировать и извлекать прибыль из этих важных регионов средневековья.

О том, что Хазарии не всегда удавалось преуспевать, каждый ученик знает из пушкинской «Песни о вещем Олеге»:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить ***неразумным хазарам****:*
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Как мы видим, гений русской поэзии был невысокого мнения об умственных способностях хазар. Это мнение разделял и великий киевский князь Владимир. Разочаровавшись в языческом многобожии, он решил взять за идеал единого Бога. Перед ним стояла дилемма — обратить русских людей: в магометан, католиков или иудеев.

Отвергнув магометанство из-за ненавистного ему обряда обрезания и запрета употреблять вино, он отказал и послам немецких католиков.

— Князь, — как сообщает о том Николай Карамзин, — ответствовал им: идите обратно — отцы наши не принимали веры от Папы. Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, — ответствовали проповедники, — но Бог, в гневе своем расточил нас по землям чуждым».

— И Вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? — сказал Владимир, — мы не хотим, подобно Вам, лишиться своего Отечества.

Это было сказано в канун принятия греческой религии — Христианства в 988 году.

Минуло целое тысячелетие. И вот в первый раз в 1917, а во второй — в 1991-ом годах русские стали, по вине иудеев, изгоями в родном Отечестве. Не месть ли это за непослушание князя Владимира?

И все-таки мы, русские, вопреки сионистам, смелостью и мужеством снискали еще в древности господство над девятою частью мира. «Характеры нашей истории, — писал Карамзин, — любопытны не менее былей — европейских, римских и греческих. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстания россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани. Торжество народных добродетелей во время междуцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев. Простосердечный витязь, слепец Василько. Друг Отечества, благолюбивый Мономах. Мстиславы Храбрые, ужасные в битвах и пример незлобия в мире. Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертью. Злополучный, истинно мужественный Александр Невский. Дмитрий Донской — герой юноша, победитель Мамаев. Они, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна 111 есть редкое богатство для истории, по крайней мере, не знаю монарха, достойнейшего

жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иван IV. Годунов, достойный своего участия и несчастия, странный Лжедмитрий. И за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвятитель Филарет с державным сыном Михаилом, светоносцем во тьме наших государственных бедствий. И царь Алексей, мудрый отец императора, коего Европа назвала Великим. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская имеет право на внимание».

Василий Горичев сожалел, что труды Карамзина окончились эпохою Петра. Ему же необходимо было довести историю до наших дней, а потому он обратился к ученым книгам Ключевского и Соловьева, к хрестоматиям советского периода.

Несколько месяцев упорного труда, и он, по примеру графа Алексея Константиновича Толстого создает свое повествование в стихах. И. вот, в руках учеников он с радостью видит свою книгу «Русь», в которой и была опубликована его «История Государства Российского от Гостомысла до Ельцина». Она-то по рекомендации методического центра областного института усовершенствования учителей и РОНО стала дополнительным учебником для ребят коррекционной школы. Василию Павловичу было предложено, на платной основе, вести по ней дополнительные семинарские занятия.

Школьники и их родители были чрезвычайно благодарны своему историку. Их привлекало и то обстоятельство, что автор не растекался «мыслью по древу», а изложил все исторические события в лицах царствующих особ, строго в хронологическом порядке. Что касается времени правления Владимира Путина, то об этом можно было узнать из периодической литературы. Благо, что газет и журналов в постсоветское время издавалось в обилии.

Глава седьмая

ПРОЩАНИЕ С «АКТРИСОЙ»

С тех пор, как соблазнен Адам,
Очаровавший чем-то дам, —
Нет уязвимее мишеней,
Чем их сердца средь искушений.
Петр РОДИЧЕВ

Бороться не имело смысла,
Ей с ново-русской саранчой.
Пришлось отчаянной «Актрисе»
Уйти до срока — на покой.

У завуча Юговой с главой оппозиции Александровой вначале сложились вполне пристойные, доверительные отношения. Обе — филологи, они давали совместные уроки. Сообща комментировали удачи и промахи. Правда, Регина Алексеевна слыла знающим, в отличие от Серафимы Федоровны специалистом. Потому Югова крайне нуждалась в ее помощи и поддержке. Сближали и загородные прогулки, подогреваемые не только красой природы, но и спиртным, а также женская слабость посудачить о том — сем. Чаще всего их интересы вились вокруг своих мужей, поведения коллег. Снедала их и общая печаль о превратностях судьбы многострадальной Отчизны.

Присмотревшись, друг к другу, подружки поняли, что они совершенно идентичны по характеру. Обе из разряда лис — мелких хищников. Они уживались до тех пор, пока совместно охотились на «дичь», вроде Власовой — Иванова. Добившись их ниспровержения, «Актриса» спокойно, без сожаления, пожертвовала во имя дружбы своей пешкой — членом оппозиции Никифоровой. Взамен обрела свободу действий. Так и катилась бы их связь, как степная трава перекати — поле, не вмешайся в нее более честолюбивая особа. Ею, конечно, являлась госпожа директор.

Рыкова не терпела, как мы знаем, ни одну, ни другую. Югова пока нужна была в качестве ударной силы, направленной про-

тив «оппозиции». Посему ей было предписано: прекратить дружбу с «Актрисой». Имея рыльце в пушку, вследствие слабой квалификации и увлечения мелкими взятками, Серафиме Федоровной ничего не оставалось делать, как подчиниться диктату.

Процесс выживания был разработан до мелочей. Использовался известный сталинский метод: холодное отчуждение, создание вакуума вокруг жертвы, мелкие придирки, сыск. Обрабатывались учителя. Многие из них прошли через фильтр проверки на лояльность. В кабинетах директора и завуча проводились конфиденциальные, с глазу на глаз, беседы. В ход шло все: просьбы и советы, заверения и обещания, льстивые ухмылки и похлопывания по плечам. И просто, взятие на испуг. Заговорщики, чтобы осуществить коварные планы, пошли и на недозволенный научной педагогикой прием — использование детской наивности и доверчивости.

Рыкова и Югова лично взяли под особый контроль 7-ой класс, где классным руководителем являлась Александрова. Каждое опоздание, ее ученика, и это при общей расхлябанности, уход с урока, злополучный «неуд» — раздувались до степени трагедии. На очередных и экстренных — на злобу дня — совещаниях и летучках несчастную Регину Алексеевну, порою выглядевшей «бедною Лизой» Карамзина, склоняли вкривь и вкось. Шла запланированная игра на нервах.

Доведенная до отчаяния Александрова выходила из себя, но дать сдачи не могла. Ведь на поверку администрация была чиста: излишнюю требовательность не поставишь в укор! Но, не лыком шита глава оппозиции. Она все-таки ударила по слабому звену своих мучителей — по завучу. Весьма эрудированная Регина Алексеевна обстоятельно, с ученическими тетрадями в руках, публично доказала профессиональную непригодность филолога Юговой, ее пародийно низкий уровень знаний основ русского языка и литературы.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Увлекшись развенчиванием авторитета завуча, она поздно спохватилась, что лила воду на мельницу своей главной оппонентки Рыковой, поставившей перед собою цель: расправляться с неугодными чужими руками — клин клином вышибают. Так некогда решал свои проблемы в борьбе с врагами ее кумир Иосиф Сталин. Следуя его методе, она одним ударом убивала двух зайцев:

избавлялась от «Актрисы» и ослабляла позиции зарвавшейся Юговой. Но о разительном мече Хлодвига — расправе с завучем — речь еще впереди.

Пока же остановимся на «клине».

...Она не вошла, а словно вихрь, ворвалась в исторический кабинет. С глазами полными горьких слез, остановилась у стола Горичева и отчаянно воскликнула:

— Ах, Василий Павлович! Какая же у нас подлая, какая непорядочная администрация!

— Опешив от столь неожиданного и страстного заявления, историк настороженно смотрел на миловидную, белокурую женщину и всеми силами старался уловить смысл ее взволнованно — сбивчивой речи. Она же, с вздохом и слезами, продолжала:

— Представляете, Рыкова с Юговой взяли меня в начале учебного года на 12 часов русского языка и литературы, но с условием, чтобы я помогла им избавиться от пенсионерки, моей коллеги Александровой. Она, видимо, здорово им насолила. Вот на нее они меня, как цепную собаку и натравливали.

— Зря огорчаетесь, — попытался успокоить коллегу Горичев, — не вам первой выпала роль «клина». Это обычная метода всех диктаторов.

— Как? Ведь это безнравственно. Мы же — педагоги, воспитатели?

— И педагоги, в первую очередь, — люди. Людям же свойственны слабости.

— Такие слабости, простите меня, тождественны преступлению.

— Возможно. Так, в чем же ваша печаль?

— Да, не печаль, а трагедия! Ведь меня решили турнуть из школы только за то, что я не «кусаю», как приказывали, Регину Алексеевну, а мирно с нею сосуществую. Уже первого декабря, когда мы торжественно отметили 50-летний юбилей школы (1945—1995), еще не пришедшая в себя от эйфории похвал, директор, как-то неожиданно нагрянула ко мне на урок в 9-б классе, и прямо с порога объявила: «С января 1996-го я увольняю вас, как принятую на работу временно»

И такое заявила мне при детях. И это педагог? Мои ученики, услышав сие, быстренько сообразили, что я для них теперь разве что — бутафория, молча положили тетради и книжки на

стол, встали и гуськом, посмеиваясь, потянулись за дверь, чтобы спокойно там покурить. Вы, как я уже убедилась, опытный учитель, и знаете, что дети, даже наши больные, жестоки к слабым людям.

— Это психология волков — растерзывать своих раненых собратьев.

— Да, сейчас люди хуже зверей стали. По телевизору — одни насилия и кровь. Взрослому становится не по себе, а тут дети смотрят! При Советской власти такого безобразия не было. Тут еще — личная трагедия. Бандиты мужа убили. Теперь двое наших детей сиротами растут. Мною зарабатываемых 120 тысяч рублей на троих — это лишь хлеб и молоко. Теперь и того не будет, снова — биржа труда. Вот, что устроила директриса! Ведь обещала, к 12-ти еще догрузить часами. Рассчитывали, как видно, что Александрова откажется от своей мизерной нагрузки — уйдет из школы. Она же перешагнула через личную гордость, а может назло врагам, удовлетворилась и 12-ю — с работы не ушла и часов не отдала. В том администраторы винят меня. Мне же конфликт не нужен. Я же, как они, не хищница, а травоядная. Хорошо знаю, что на чужом горе свое счастье не построишь.

— Это верно, — согласился историк с доводами Саенко Нины Ильиничны. Так звали его собеседницу.

Раздался школьный звонок. Коллеги, условившись, диалог продолжить в другое время, а пока, собрав волю в кулак, они разошлись по классам.

Уже, будучи дома, Василий Павлович, размышляя о беде, постигшей учительницу Саенко, тем более что один из ее сыновей обучался в их школе и постоянно напоминал собою несчастную мать, решил, что далее молчать нельзя. Что, наконец, надо поведать о невидимых миру слезах. Однако, вдруг, узнает: Нина Ильинична подала заявление об уходе — не по плечу оказался слабой женщине груз тяжкой борьбы. Несколькими неделями позже пенсионерке Александровой было официально предложено сделать то же самое — уйти. Когда она спросила: «На каком основании?», то получила ответ:

— Вы мне просто не нравитесь! — Рыкова была в своем амплуа.

Проглотив обиду, глава оппозиции сдалась на милость победителю. На беду она и компроматом не располагала — за ма-

лым стажем не успела еще завязнуть в грехах ее злая обидчица. Да и покровители у нее оказались сильные. Не в пример беззащитному дуумвирату: Иванову — Власовой. Они же насчет судьбы «Актрисы» выразились определенно: не рой яму другому, может случиться, — попадешь в нее сам.

Так, страх раба перед всесилием богов сделал свое дело — Александрова растаяла в тумане льдинкою, а своим соратницам по оппозиции оставила — тоску и грусть. Горичев же рассудил о ее поступке, языком Омара Хайяма:

Если вдруг, на тебя снизошла благодать -
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

Предприимчивая Регина Алексеевна тут же устроилась учительствовать в сельской школе, что почти рядышком с городом, как она выражалась — к молочку поближе. 90-е же годы для многих жителей страны, а не то, что для рядовых работников просвещения и культуры, были — холодными и голодными.

«Сталинистка» Рыкова по-настоящему торжествовала. Победа была и впрямь не из легких. Ведь по наглости, мягче сказать, по дерзости «Актриса», мало в чем, уступала Галине Ивановне. Хотя, наедине с собою, Рыкова считала себя — и мудрее, и круче. Как в пушкинской сказке:

Я на свете всех умнее,
И румяней, и белее...

Глава восьмая

ДИКТАТУРА «ДЕМОКРАТИИ»

Где ты, сверкающий, быстрый,
Пламенный вождь!
Александр БЛОК

Она одну имела страсть,
Отвергнув честь, добро и волю,
Ее звала своей любовью,
*А имя этой страсти, — **Власть!***

Известно, что ни золото, ни женщины, ни любые наслаждения, вообще ничего Сталина не интересовало и не поглощало, кроме высшей власти. Ею и только ею, он жил. Так называемая «советская демократия», коя предполагала власть народа, подчинения меньшинства большинству, были фикцией. Ширмой, которою, в популистских целях, лишь прикрывался «вождь всех народов».

Менталитет русских таков, что они не мыслили своей жизни без «хозяина», ибо никогда, за исключением разве «Новгородского веча», они не испытали радости свободы и демократии. К этому их приучила тысячелетняя монархия. И не важно, как назывался их государь: князь, царь, император, Генеральный секретарь или президент. Только был бы вождь. С ним народ связывал все надежды и помыслы. Он мог восставать против ненавистных бояр, его опричников и чиновников. Но, никогда не бунтовал против самодержцев, кроме лишь самозванца Лжедмитрия.

Народ боготворил своих вождей. Первосвятителя Руси называл «Владимиром Красное Солнышко». Ярослава — «Мудрым». Петра — «Великим». Александра 11 — «Освободителем». Александра 111 — «Миротворцем», Николая 11 — «Святым». Что касается Ленина, то ему, с легкой руки сионистов, посвящены тысячи хвалебных книг. Не удержался от панегириков и выдающийся поэт советской эпохи Владимир Маяковский, назвав Ильича «самым человечным Человеком». Поэт искренне признавался:

Я бы жизнь свою, глупея от восторга,
За одно б его дыханье отдал!
Да не я один!
Да что я лучше, что ли?
Даже не позвать,
Раскрыть бы только рот -
Кто из Вас из сел,
Из кожи вон, из штолен
Не шагнет вперед!?

Сотни тысяч солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны, «шагали вперед» с именем на устах уже его славного ученика Иосифа Джугашвили: «За Родину! За Сталина!».

Удивительно то, что Сталина, в отличие от Ленина, те же сионисты, обвинят в культе личности. Но, не они ли первыми и создали его. Затем был осужден культ Леонида Брежнева. Но, не они ли его «героя Малой Земли» возвысили до «выдающего деятеля партии и государства». До ранга писателя, сочинив за потерявшего способность мыслить и связно говорить больного старца, известную трилогию: «Малая Земля», «Возрождение», «Целина».

Сейчас в пресловутом «культе» господа демократы обвиняют президента Путина, осмелившегося поставить во главу угла интересы России, и ее народа. А ведь совсем недавно, в 1991-ом, они объявили национальным героем и своим лидером Ельцина, в отличие от всех предшествующих самодержцев, развалившего великую страну. И все это было подано под флагом демократии и прогресса.

Нет, не может ужиться в России демократия, сформироваться гражданское общество, когда у 10 процентов жирующих — почти 90 процентов всех доходов, когда разрыв между богатыми и бедными отличается более чем в 15 раз. Когда компрадорская буржуазия предательски способствует проникновению в страну иностранного капитала, что привело к удушению отечественных производителей, к усилению гнета и эксплуатации коренных народов России.

Обо всем этом и о многом другом говорил с учителями и учениками историк Василий Павлович Горичев. Его огорчало то обстоятельство, что не все его коллеги разделяли с ним бедствия

рабочих, оказавшихся, вдруг, без работы. Горе крестьян, лишившихся поддержки государства, так и не осуществивших свою вековечную мечту о «земле и воле». Трагедия интеллигенции, утратившей идеологические и социальные ориентиры.

Администраторы школы, напротив, были довольны, свалившейся с Запада демократией. Они, видимо, причисляли себя, по выражению Ленина, к верхним «десяти тысячам». Если судить по их зарплате, то действительно, она в два, а то и в три раза, превышала должностные оклады учителей. Еще недавнее равенство было у них не в чести. Естественно, привилегии надобно было защищать всеми средствами. Главным инструментом упрочения власти была кадровая политика.

— Кадры решают все! — часто повторяла сталинскую формулу директор. И слова у Рыковой не расходились с делом. Почва для коренных реформ была ею подготовлена весьма основательно.

Первое: разгромлена оппозиция. Лишились работы Александрова, Никифорова, Саенко. Безвременно почил инвалид — хулиган Букин. Приструнена географ и художница Алексеева. Под предлогом жалоб на головную боль, ее перевели на треть ставки, что всего составляло 6 часов. Авось, не перенесет нищеты — сама уйдет. Использован не только «хлыст», но и «пряник»: оппозиционерка — математик Васильева умиротворена премией.

Второе: скомпрометированы непрофессиональные «азиаты».

Шел 1977 год. Отметив 4-х — летнюю годовщину пребывания у власти, Галина Ивановна начала действовать. Организатор внеклассной работы Аркадьева переводится на вновь введенную должность инспектора по делам несовершеннолетних.

Она инспектор по таким делам,
Что волосы, порой, взлетают дыбом!
Чем меньше «Дел», тем большая хвала,
Что скроешь более, тем менее ошибок.

Таково кредо Светланы Геннадьевны, что еще с поры пребывания в достопамятном Таджикистане, привыкла безропотно служить «сильным мира сего».

Должность «организатора» упраздняется. Исполнение сих обязанностей, но уже в ранге заместителя директора по воспита-

тельной работе назначается, конечно же, вы не ошиблись, любимая визави директорши по союзу «офицерских жен» — Рогова Надежда Кузьминична. Отсутствие, какого — либо опыта в области педагогики и воспитания, возмещались у подающего надежды зама, ее молодым задором и бьющим через край оптимизмом. К соблюдению же правил субординации «капитаншу» приучать не след — это у нее в крови. Еще со времен пребывания в Германии, она привыкла чтить «подполковницу», как свою наставницу и старшую подружку. Но еще шотландский поэт Роберт Бернс сказал:

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но, он не может никого
Назначить — честным малым!

Характер же у Роговой был, в унисон ее шефу, несдержанный, вспыльчивый, а порою и авантюрный. Шокировал многих учителей ее рассказ о происшедшей с нею, прямо-таки детективной истории в трамвае.

Захлебываясь от непонятного восторга, она рассказывала:

— Едем мы как-то по своим делам. И вот, вошедшие на очередной остановке, в вагон двое молодых мужчин стали приставать к моему мужу. Он пытался урезонить их, но не тут-то было. Мне надоело слушать. Не растерявшись, я выхватила из сумочки, завсегда хранившийся там газовый пистолет. Не раздумывая, полоснула газом из него, в глаза обидчиков. Они, вмиг, и утихомирились! Будут знать, с кем дело имеют.

Каково, а? Настоящая офицерская жена! Находчивая и решительная. Только вот беда, в своей практической работе с детьми Роговой, как и в бытовой жизни, не хватало должного терпения и выдержки. К примеру, стоило уважаемой и многоопытной в деле воспитания подростков математичке Васильевой сделать ей замечание, как она, не только пустила слезу, но и подобно ее подружке — директорши, впала в неистовую истерику. Знать, верна пословица: «Скажи мне, кто твой друг? И я скажу: кто — ты!».

Молодая, но зрелая умом биолог Серова Вера Максимовна, после очередной вспышки директрисы резонно заметит: «У Ры-

ковой и ее новоиспеченного зама Роговой одно общее — гипертрофированное самолюбие».

Всего год поработала в новой ипостаси Надежда Кузьминична. Забеременев вторым ребенком, она надолго ушла в отпуск. С первого сентября 1998 года, временно, ее замещала, принятая по знакомству жена адвоката, культпросветработник (педагога не нашлось?!) Панова Нина Львовна. Да и супругу ее, Роберту Федоровичу, как нужному человеку нашлись в школе часы «Правоведения».

Адвокатша Панова, в отличие от взбалмошной предшественницы была особой замкнутой, инертной, совершенно некомпетентной в области педагогики. Тем не менее, она, за счет школы, два года училась на курсах по подготовке психологов.

И на адвоката и ее супругу, будущего психолога, директор имела далеко идущие виды — веяние холодного и жестокого времени. Она же умела, как выражаются, «держать нос по ветру».

Кадровый маховик продолжал раскручиваться. Теперь, когда было надежно застолблено место, не беда, что она временно отсутствует, за Роговой, крайне необходимо было закрепить успех. Ведь птице, чтобы летать нужно не одно, а два крыла. Вторым крылом — заместителем по учебной работе и должна была стать, а именно так решила Рыкова, — «полковница» Краева Полина Афанасьевна. Над головою незадачливого завуча Юговой сгущались черные тучи — назревала гроза.

Надо заметить, что Серафима Федоровна настолько погрязла в аферах, что ее можно было, как выражаются оперы, брать голыми руками. Но, это операм. Галине же Ивановне это мероприятие стоило не малых усилий. Ведь методы деспотических натур, а Рыкова с Юговой и являлись таковыми, во многом идентичны. Главный из них — обеспечение «крыши». Вот и появились на подработках в школе инспекторы РОНО, преподаватели Университета, завучи соседних школ. То, что эти совместители не стабилизируют, а лишь расшатывают учебный процесс — не столь важно — дебилам все сойдет. Гораздо выгодней использовать влиятельных людей при нужде. Но это «открытие» ее, директора заслуга. И никого больше! Ан, нет, Югова и тут норовит ее обскакать. Вон, как зачастила она и в РОНО и в институт усовершенствования учителей. Ясно — связями обрастает. Ай, да «азиатка»! У восточных мудрецов, знать научились плести ли-

пучую паутину из коварства и лжи. Действительно виртуоз порока. Не успеют ребята или их родители принести в школу цветы, как с рубиново-красными розами в руках ее уже видят у дверей начальственных кабинетов. И коробки конфет и дорогие вина туда же переправляет. Бесстыдница! И что особенно опасно?! Все норовит подать от своего имени. Вроде, она, директор, тут не причем. У инспектора РОНО Никоновой, что ей честно призналась, даже неприязнь вызвала. Так ей надоела назойливость Юговой, что жужжит, как муха. Пора эту муху растереть по стеклу!

Не выходила из памяти директрисы и хитро задуманный завучем план заманивания на ее должность легковерной чиновницы. Пять лет прошло, но рубец обиды на сердце так и не зажил. И, подобно королю Хлодвигу, не пощадившего строптивого воина, она занесла свой карающий меч над головою сумасбродной «азиатки». Но, так как параллели между властью самодержца — короля и директора — диктатора весьма условны, то из «дела» вышла не столько трагедия, сколько трагикомедия. Скорее всего, просто, — драма. Ведь трупов в Международный День защиты детей — первого июня 1998 года, когда она разыгралась, из школы никто не уносил. Напротив, в ее стенах, с раннего утра до позднего обеда ребята мирно писали свои выпускные сочинения. Под предлогом проверки проведения государственных экзаменов в школе присутствовали инспектора города и района. Еще, накануне их визита, Рыкова провела с ними соответствующие беседы и заручилась их поддержкой.

Завучу Юговой Серафиме Федоровной приписывалась масса «грехов». В том числе: профессиональная некомпетентность, нескромное (поборы) поведение, личное легкомыслие. Оставалось лишь, как в крыловской басне «делу дать, хотя законный вид и толк». Инициативу берут в свои руки проверяющие: «А подать сюда классные журналы!». И началось. Там — описки и пустоты, в других — исправления и грязь. Кто виновник всем этим безобразиям? Завуч! Ага, попалась голубушка!

Более всего распускала перья негодования инспектор РОНО Никонова Виктория Дмитриевна. Она органически не переваривала «муху — липучку». Тут страна со всей экономикой и наукой, как рваная рубаха разъехались, а предприимчивая «азиатка» благоденствует за счет детского горя. Поделом взяточнице. Слова, слова.

Недолго музыка играла. Резюме было вынесено со всей определенностью: уволить по статье, коль сама не подаст заявление. На раздумье — одни час. Не совещание, а захватывающий детектив. Казалось, еще вчера, всемогущая, по крайней мере, так она себя представляла окружающим, Серафима Федоровна сразу же растерялась, сникла, погасла, как свеча в ночи.

Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Не досидев до окончания экзаменов, инспекторы, дабы не засветиться, впервые отказались от цветов и угощений, как по команде, встали и демонстративно покинули коррекционное заведение.

Настала пора, дабы сохранить лицо непредвзятости, действовать Рыковой. Она наскоро собрала педагогический коллектив в литературном кабинете и предъявила Юговой ультиматум: «Пишите заявление. Руководство РОНО и ГОРУНО ждут телефонного звонка. Или — приказ по статье».

Учителя в шоке. Каждый думал о себе. У того же Горичева не было оснований уважительно относиться к невежественной администраторше, которая, упиваясь властью, загубила не одну невинную душу и вот теперь сама оказалась под «дамокловым мечом». Аз, воздам! Однако, помимо сострадания, свойственного его натуре, им также владело чувство возмущения режиссурой разыгранного спектакля. На лицо — грубая сила, произвол, самоуправство. Он, нарушив гробовое молчание, встал и сказал:

— Серафима Федоровна! Не надо без боя сдаваться. Все обвинения не существенны. Не приведено ни одного серьезного факта негатива. Боритесь! Действия инспекторов и директора не обоснованы.

На удивление Василия Павловича, его неожиданно поддержал, недавно пришедший в школу, преподаватель граждановедения Хакимов Денис Абрамович. Бывший подполковник милиции, юрист по образованию, он, скривив, обожженные огнем сигарет густые усы, глуховатым голосом произнес:

— Завучей за журналы по статье не увольняют. Коллектив должен стать на защиту.

Но, пресловутый коллектив, лицемерно возведенный коммунистами в образец разума и силы, по-прежнему хранил молчание. Прав оказывался писатель Варлаам Шаламов, который утверждал, что неправильно разделять человечество, на людей — хороших и плохих. За долгие годы пребывания в ГУЛАГЕ им

проверено, что на сто человек, как правило, приходится — 95 трусов и лишь 5 — честных и смелых, способных на самопожертвование. В данном случае, из двух десятков преподавателей, лишь выступившие двое открыто высказали свое мнение. Остальные, исподволь взглядывая на суровую директрису, в страхе сжимались — не их же увольняют. Выскажешься — горя наживешь.

Наконец, собрался с духом третий в школе представитель сильного пола, некогда сам жертва оппозиционеров и завуча, физик и лирик Игорь Константинович Иванов. Он, в отличие от Горичева, что получил с подачи Юговой «выговор», но никогда не держал камень за пазухой, оказался злопамятным:

— Напрасно плевать против ветра, — обратился он к обескураженной Серафиме Федоровной, — себе же хуже. То еще, худо-бедно, а поработаете рядовым учителем. Все, как на хлеб заработаете. Правда, на масло уже рассчитывать трудно.

Мужчины, с разных позиций, но высказались. О чем же думала прекрасная половина общества. Как собирались дамы защищать свою подругу? Они по-прежнему пребывали в прострации. О, женщины! Исчадие дьявола! Еще вчера они лобзались со сластолюбивой Симочкой, а сегодня, в угоду злорадствующей Рыковой, предали ее. Никто из них не произнес — и слова в поддержку.

Даже давняя подружка — азиатка Аркадьева, от страха, сжималась в комок. Светлана Геннадьевна хорошо понимала, что стремительный поток горного ручья не удержишь комком грязи. Да и Югова не осмелилась раскрывать перед учителями всю грязную кухню ее отношений с директоршей. Не уверена — не обгоняй. За Рыковой — «крыша», за ее спиною лишь горный ветер.

Орлиный взгляд диктатора, устремленный на поверженного завуча, вводил несчастную, в заячий трепет. Серафима чувствовала себя голубкой в когтях у кошки. Лишившись дара речи, Югова лишь охала, да тихо, словно побитая ненароком палкой, стонала.

Глаза директрисы светились злорадным торжеством. Большинство учителей сразу же раскусили всю подоплеку разыгравшейся драмы. Сама же Серафима Федоровна, в первое время, наивно приписывала пережитую «грозу» происками заносчивых

инспекторов. Но, поразмыслив, она, наконец, поняла — сколь жестока «кинута» лицемерной директоршей. Как старалась угодить — из кожи лезла. И кормила и поила. Прикрывала и лечила вечно недомогающую, плачущую Галину Ивановну. Права людская молва: не поивши, не кормивши — врагов не наживешь.

Слабая эрудиция посрамленного завуча не позволяла ей знать известную заповедь «железной леди» — госпожи Тэтчер, любившей повторять, вослед за великими соотечественниками: «У Англии нет вечных врагов и вечных друзей, а есть — вечные интересы». Но такие «интересы» завсегда в арсенале кадровой политики демократки Рыковой. На смену ушедшей в отставку Юговой, завучем, как и ожидалось, была назначена ее стародавняя «немецкая» подруга Краева Полина Афанасьевна.

С крахом пяти — звездного «клана», аморфного и расплывчатого, оформился крепко сбитый триумвират офицерских жен. Вот они — надежные два крыла — лети куда хочешь. Вот оно, налицо — торжество диктатуры демократии.

Глава девятая

СЕКТАНТЫ В ШКОЛЕ

Ну, кто такое мог предвидеть,
Еще десяток лет назад:
Сектанта в школе — грех обидеть.
Его к тому ж — боготворят.

Несколько поколений россиян выросли и воспитались в эпоху воинствующего атеизма. Мало кого волновали разрушенные храмы и церкви. На восклицание верующих: «Без Бога — не до порога!», отвечали: «Бог-то, Бог, да не будь сам плох!».

Заветная мечта — коммунизм: наш паровоз, вперед лети — в коммуне остановка!

С высоких трибун и эстрадных площадок раздавались заверения: «Мы наш, мы новый мир построим!». Или напутствия типа: «Коммунизм — это молодость мира и его возводить — молодым!». Идеологи «светлого будущего», оказавшиеся неспособными придумать ничего лучше в морально-этическом плане, а потому все 10 заповедей Христа перенесли в «Моральный кодекс строителя коммунизма». В школах торжествовал дарвинизм — теория о происхождения человека из животного мира (обезьяны).

«Религия — опиум для народа!» — гневно высказался Карл Маркс. Еще ранее его философ — просветитель Вольтер, имея в виду церковь, призывал: «Раздавите гадину!». Позже, будто опомнившись, признавался, что даже деревней управлять невозможно, если там живут одни безбожники. В этом ныне убедились и властные демократы.

Французы настолько невзлюбили богохульствующего Вольтера, что после его смерти не пожелали иметь у себя даже архив писателя. Его купила, в знак былой дружбы, российская императрица Екатерина 11.

В пятидесятые годы XX века Америка была насквозь богобоязненной. Но и в ней по данным опроса института Гэллапа, 60

процентов американцев не знали, что такое святая троица. 79 процентов не сумели назвать ни одного пророка из Ветхого завета. Вместе с тем в США издавалось ежегодно по 15-20 миллионов экземпляров Библии. Огромным успехом пользовалась Библия Добрых Вестей. Она была написана разговорным языком и откровенно сообщала, что Адам и Ева «состояли в любовной связи». Этими книгами сегодня наводнена вся Россия.

Американские протестанты откровенно выказывали свою неприязнь к католикам, которых презрительно называли «папистами». Протестанты видели в католиках, признающих главенство папы, угрозу религиозной свободе, ради которой они приехали за океан. Ежегодные доходы американских церквей в 70-е годы оценивались суммой в 8 миллиардов долларов, их имущество — в 100 миллиардов.

Американская история в популярном изложении, к которому во многих случаях обращаются также и политики, нередко представляет Соединенные штаты страной, остающейся на особом попечении господа бога, исполняющей религиозную и нравственную миссию. Столь распространенное убеждение, по-видимому, побуждало верить, что долг Америки — избавить другие народы от зла, о существовании которого, быть может, они и сами не ведают. Мессии не пристало уклоняться от своей миссии. Не случайно то, что воспитанный в традициях мессианства генерал Дуайт Эйзенхауэр своим военным мемуарам дал заголовок — «Крестовый поход в Европе».

В годы «холодной войны» гражданскую религию приспособили для борьбы против «безбожного, атеистического коммунизма». Звучал вульгарный призыв: «Христа ради, убей красного!». Лейтенант Келли, обвиненный в том, что он несет ответственность за зверства во вьетнамской деревне Сонгми в 1968 году, оправдывался: «С детских лет меня учили, что нет ничего безнравственного в убийстве коммунистов».

Гражданская религиозность побуждала американцев к представлениям о том, что они могут совершать добрые поступки не иначе, как в роли миссионеров. Например, популярный проповедник Билл Грехэм, призывая к «крестовым походам», в залах и на стадионах собирал фестивали «религиозного возрождения». 450 штатных работников корпорации Грехэма готовили еженедельные передачи для 900 радиостанций и разбирали 200 тысяч

писем в месяц. 550 телевизионных станций передавали также и проповеди Рекса Хамбарда. Фестивали «морального возрождения» не принадлежали к числу занудных и косноязычных мероприятий. Тут выступали оркестры и хор. В них принимали участие финалистки местных конкурсов красоты и спортсмены. Ведь доходным должно быть всякое дело, а услуги проповедника соединяют в себе — бизнес, религию и развлечение. Не иначе, как — красочное шоу с религиозной подкладкой.

Вот именно подобные «шоу» и начали устраивать в городах России американские миссионеры, прибывшие в страну, после падения «железного занавеса». Уже, при попустительстве реформатора Горбачева, в конце 80-х, у нас начали ускоренными темпами возводиться храмы и молельные дома всевозможных сектантов — баптистов, евангелистов, хамбардистов, пятидесятников. Открывались воскресные школы для детей. Заокеанские проповедники дешевыми подачками привлекали в них местное население. Из наиболее фанатичных готовили активистов — миссионеров.

Вот почему не пристало удивляться тому, что в начале 90-х, они оказались и в коррекционной школе. В 1994 году здесь, правда, недолго вела историю некая Фатеева. Имя, отчество ее никто не помнил. Удивительным было даже для Рыковой, то обстоятельство, что с приходом Горичева она, вдруг неожиданно быстро засобиралась уходить. Ларчик же открывался просто. Сектантка, до того мирно сосуществуя со слепым коллегой Букиным, узнала, что в школу пришел не дилетант, а настоящий историк — атеист. Дабы не испытывать судьбу и не оказаться разоблаченной она ретировалась из школы, так же тихо и незаметно, как и пришла. Ведь закон об отделении церкви от школы еще никто не отменял. К тому же у Фатеевой не было педагогического опыта, а главное — вузовского образования, она не владела основами предмета. Не зная истории, она вместо гражданского материала, излагала учащимся положения Библии. В частности о божественной природе Христа.

— Ни один из когда-либо живших на земле учителей или пророков не говорил, что он есть Бог, — читала она текст из археологии Нового завета, — Христос же, Сам Себя называет Господом. Иисус сказал им: прежде, нежели был Авраам, Я есмь». Израильтяне очень хорошо понимали, что обозначают эти слова

«Я есмь». Они утверждали: «Я от начала Сущий, Я Иегова, Я Бог». За это Христос и был осужден на распятие, потому что в глазах иудеев эти слова являлись богохульством, если их кто-либо произносил по отношению к себе или другому человеку, ибо они могли относиться только к Богу. Иисус отвечал им: «Много добрых дел показал Я вам. За которое из них хотите побить Меня камнями?». Иудеи отвечали: «Не за доброе дело, но за богохульство и за то, что ты, будучи человек, делаешь себя Богом»

Рассказывала Фатеева и о безгрешной жизни Христа:

— В биографии любого религиозного деятеля или философа — Будды, Магомета, Конфуция, Вольтера и многих других есть небезгрешные стороны их жизни. Они, кстати, не скрывались ими самими и их последователями. Христос же, согласно Евангелиям и свидетельству очевидцев прожил земную жизнь без греха и порока. Его жизнь была настолько безупречной, что изъянов в ней не смогли найти даже Его враги.

Если первые — один — два урока ребята еще слушали ее чтения о предательстве Иудой своего учителя Христа, то последующие монотонные изложения основ Библии, без использования метода живого рассказа, их начинали утомлять. Скука же порождала уныние, лень. Вселяла беспокойство и страсть к движениям. Начинались посторонние разговоры, шум. Дисциплина оказывалась на нуле. Многие ученики, вообще, перестали являться на ее занятия. На упреки администрации заявляли: нам не интересно.

Если сектантская деятельность Фатеевой была лишь досадным эпизодом, то сотрудничество директрисы с методистом РОНО Гриневой, официально подвизавшейся в рои психолога длилось четыре года.

Гринева являлась в городе учредителем центра Хамбарда и рериховского общества «Мир через культуру». Не удивительно, что вместо работы непосредственно с детьми по выявлению у них психических расстройств и их адаптации в новых условиях, она больше занималась с взрослыми — вербовала сторонников.

Как были убеждены учителя, директор приняла ее услуги для борьбы с оппозицией. Не случайно Гринева, лишь изредка бывая в школе (работала одновременно в пяти-шести местах), тем не менее, она являлась завсегдатаем всех школьных увеселительных мероприятий и участником загородных пикников. На лоне

природы, за вином, за шашлыками, она исподволь готовила педагогов не только с основами рерихизма и хамбардизма, но и с методами трансцендентальной медитации. Она применяла, по убеждению Горичева, мягкий гипноз, технология которого активно используется в ЦРУ США. Американцы исходят из того, что человека можно погрузить в мягкий гипноз не только с помощью вербальных техник, то — есть словесного внушения, а просто одним прикосновением руки, движением глаз, звуком дыхания, произнесением определенных фраз. С Василием Павловичем, как ему казалось, она вела себя настороженно. Никогда не повышала голоса, в отличие от Рыковой. Была уступчивой и предупредительной, будто чего опасалась.

Как-то историк познакомился с ее характеристиками на детей, страдающими психическими отклонениями. Ничего, кроме общих наукообразных фраз, он в них не обнаружил. Все тесты ее напоминали гороскопы, в которых каждый, будь он «Овен» или «Рак», «Водолей» или «Близнец» — всегда мог найти свойственные им черты и признаки.

Горичев замечал, что на его рядовых коллег, за исключением администраторов, не только речи, но и само присутствие психолога действовали отрицательно. Опасения оказались небеспочвенными.

Скандал разразился после того, как в областной газете была опубликована статья Евгеньева «Старший шаман». В ней говорилось о том, что в органах образования работают люди, откровенно подверженные сектантской идеологии и назвал имя Гриневой. На этот раз, трое учителей: Васильева, Леонова и Серова открыто потребовали от администрации отчета психолога. Он состоялся в сентябре 1998 года. На нем Гринева, наконец, раскрылась. Вооружившись лекциями, тестами, видавшими виды, изорванными плакатами, она претенциозно изложила свою методику работы. Гринева сознательно делала упор на то, что в области психологии ей нет конкурентов, ибо они с дочерью защитили в этой области научные диссертации. Сам этот факт будто гарантировал их от ошибок. Заключение же комиссии о несовместимости «эзотерических теорий» с профессиональной деятельностью, она считает грубою клеветой.

— Я докажу сидящим здесь спецам по изгнанию директоров, — угрожающе заявила она, — свою подлинную правоту.

Оппозиционеры и сочувствующие им, так и вздрогнули. Рыкова, покраснев, низко опустила голову, негодуя про себя: «Зачем же выдавать секреты?!». Ведь становилось ясно — зачем держат сектантку в школе.

Гринева, ничуть не смущаясь, продолжала:

— На редакцию газеты и автора статьи я подала заявления в суд. Ездила я на прием и к заместителю министра просвещения Асмолову. Во время нашей беседы, он лично мне заявил: «Зря волнуетесь! Вас критикуют? Да, они только рекламу вам делают! Вот так!».

К месту отметим, что господин Асмолов вскоре будет снят с должности. Что касается исков к газете и автору, то суд их не поддержал.

Конец выступления Гриневой был скомкан репликами учителей: Васильевой и Серовой. Бурча что-то под нос, возмущалась и Леонова. Затем дружно, они потребовали от психолога оставить в покое их детей, что ее так называемая деятельность нужна лишь администрации для борьбы с персонами нон грата.

Горичев, на данном собрании, выразил мысль, что школе нужен не теоретик хамбардизма, а психолог — практик и, что необходимо считаться с эстетикой, а не пользоваться старо-рваными плакатами.

Гринева, надо отдать должное ее выдержке, критику мужчины — историка, в отличие от ее реакции на женские нападки, восприняла спокойно, с пониманием:

— Извините, спешила, — объяснилась она, — плакаты взяла наспех: не было времени клеить.

Спустя, нескольких дней, после очередной школьной драмы, психолог уволилась, дабы более не дразнить гусей.

Вместо Гриневой формально числилась, но при этом ежемесячно получала зарплату за 18 часов студентка университета — одна из нужных директору людей. Ее имени, даже лица никто не помнил, ибо в школе она появлялась, лишь в день получки.

Как мы ранее отмечали, на курсах психологов обучалась, а позже станет работать в этой ипостаси жена адвоката Панова. Ее бездарность будет долго раздражать и ее подопечных и воспитателей школы.

Что касается последующей судьбы сектантки Гриневой, то она отойдет от активной деятельности по приобщению россиян

к американскому образу жизни. Врачевать их заблудшие души будет продолжать ее «ученая» дочка. Мама же станет воспитывать и наставлять ее деток, то — есть своих внуков — в том проку больше.

Глава десятая

ПОРОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

Коль к воспитанью нет призвания,
То не помогут назиданья.
Хоть на урок княжной явитесь,
А в педагоги — не годитесь!

С первых дней пребывания в коррекционной школе, Василий Павлович Горичев, привыкший к строгому порядку и дисциплине, без чего не может быть настоящего обучения и воспитания, поражался установленными здесь порядками. Огорчало и то обстоятельство, что рядовым учителям, будь они семи пядей во лбу, воспрещалось не то, что ломать, отжившие устои, но и каким-то образом влиять на учебно-воспитательный процесс. Честолюбивые администраторы на корню зарубали всякую инициативу низов. Дескать, мы сами с усами. Причин же для беспокойства было предостаточно.

Первое — систематическое, массовое опоздания ребят на уроки, чаще всего безо всяких уважительных причин. Не впустить в класс — преступление.

Второе — отсутствие на занятиях от 2-х до 6-ти месяцев — явление обычное и редко наказуемое.

Третье — приобретение и ношение учебников в школу — не обязательно. Тетради с конспектами ребята не уносят с собою, для домашней самоподготовки, а оставляют в классных шкафах или поверх таковых, что стоят в раздевалке.

Четвертое — задания на дом не даются — зачем отягощать подростков излишними заботами. «Лафа, а не жизнь», — шутили смышленые ребята.

Пятое — курение у здания школы и в ее коридорах, вкупе с преподавателем основ безопасности жизни Хакимовым, не возбраняется, ни им самим, ни администраторами.

Шестое — открытая демонстрация сексуальных влечений во время уроков (объятия, поцелуи) и в коридорах на переменах — не осуждается.

Седьмое — явления вымогательства и прямого воровства друг у друга, а не редко у самих учителей или других работников школы не становятся достоянием гласности, не наказывается — свыклись, как с неминуемым злом. Дескать, еще Карамзин, давая характеристику общественной жизни, отмечал ее главный негатив — воруют все. Забывали, однако, что в советский период воры были — в меньшинстве.

Восьмое — удаление хулиганов с урока, хоть он бомбу взрывай — запрещается.

Девятое — оставление неучей и бездельников на «осень» или на второй год — не практикуется.

Десятое — прием учащихся в школу, исключение из нее проводятся не решением педсовета, а келейно, инкогнито — лишь волей администрации.

К этим десяти порокам, Горичев мог бы присовокупить и другие, не менее серьезные и опасные в деле воспитания. Опытные коллеги, с коими ему приходилось беседовать по этому поводу, находили, что горе — администраторы не имеют малейшего понятия о методах педагога Макаренко. Их же воспитанники, мало чем, отличались от его подопечных.

Правда, если обратиться к философии, то всей полнотой истины и знаний, кроме Христа, говорившего: «Я есть путь и истина и жизнь», не обладал ни один мудрец. Сократ, например, признавался: «Я знаю, что ничего не знаю». Еще резче высказывался Платон: «Мы в действительности ничего не знаем». Магомет называл себя лишь пророком Аллаха, которому Бог открывал определенные вести и истины для людей. Сам Василий Павлович, еще со студенческих лет придерживался взглядов Будды, что учил многоступенчатому этапу познания истины — от живого созерцания, к абстрактному мышлению, а от него — к практике.

Да, лишь практика жизни может подтвердить истинность веры. Вот несколько характерных эпизодов.

«АКТИВИСТКА» КОТОВА ИЛИ УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

Однажды Горичев не пустил в класс группу старшеклассниц во главе с разбитной, но почему-то числившейся в активистках Олей Котовой, что из-за курения опоздали на половину урока. За это он получил нагоняй.

— Вы не понимаете специфики нашей школы, — упрекала его Югова, — не станете пускать опоздавших ребят, пусть и разгильдяев — они вообще перестанут на уроки ходить.

Когда та же Котова, открыто и нагло, стала требовать от него незаслуженной «4-ки», то он устроил ей показательный зачет в присутствии завуча Юговой. Ученица лепетала что-то несуразное. И, соответственно, получила уже законную «двойку». И что же? С подачи Серафимы Федоровной, жаждущей проучить строптивого учителя, мстительная «активистка» написала на имя директора заявление, в коем утверждала, что он плохо обучал ее. Такие недозволенные методы в педагогике во всю использовались честолюбивыми администраторами. Объяснения историка, что Оля пропустила половину его уроков, а вторую половину — опаздывала на них, — эффекта не произвели. Резюме завуча было категоричным: заменить учителя другим, видимо, более сговорчивым.

В данной пикантной ситуации следует отдать должное позиции директора. Рыкова осудила действия и Юговой и Котовой, ибо знала, что нелюбимый ею завуч, за определенную мзду пообещала родителям Оли — сделать «хороший Аттестат». Исполнение же данного обязательства натолкнулось на принципиальность историка, действия которого, безусловно, адекватны. Вот почему ученице пришлось здорово потрудиться, чтобы заработать злополучную «тройку» (о «четверке», уже не было и речи) и оказаться допущенной к выпускным экзаменам.

ГОМОСЕКСУАЛИСТЫ И МАЗОХИСТЫ

Останкинские растлители и желтая пресса, активно пропагандирующие порнографию и секс, гомосексуализм и лесбиянство достигли своих черных целей. Эти пороки поразили не только правительственные учреждения и государственную думу, но и раковою опухолью проникли — в семьи и школы.

В 1997 году в коррекционное учебное заведение прибыл из Волгодонска восьмиклассник Ваня Крылов. Высокорослый, смазливый подросток очень быстро завоевал симпатию у нездоровой, в моральном плане, части школьников своей показной смелостью и вседозволенностью.

На первом же уроке истории Горичев предложил ему выйти к доске и прочесть вслух текст изучаемого материала, дабы про-

верить его способности. Ведь многие учащиеся 7-9 классов не владели техникой чтения. Ване мог позавидовать и его однофамилец — дедушка Крылов. Он передавал содержание отрывка не по слогам, читал не так как фамусовский Петрушка календарь, а с чувством, с толком, расстановкой. Торжествующая улыбка не сходила с его румяных щек. Но, что это? Василий Павлович, вдруг, уловил диссонанс. Долговязый Ванюша, по ходу текста, вставлял после каждой фразы скоромные словечки, типа — **раком, боком**. Учитель не стал прерывать сквернослова, даже несмотря на буйную реакцию его товарищей. Сделал вид, что он ничего не понял. Решил проверить психологию подростка до конца, чтобы уяснить для себя: это сиюминутный порыв или же система мышления?

И что же? В течение десяти минут Крылов развлекал класс декламацией циничных эпитетов — раком, боком. Ведь долготерпеливых педагогов он считал — лохами. Историку стало ясно: перед ним кривляется развращенный мальчишка, от которого можно ждать всякой беды.

После урока, пораженный дикою выходкой новичка, Василий Павлович вежливо предложил Ване пройтись с ним к директору.

— Иван Крылов — сексуально развращенный тип, — твердо заявил ей учитель, — его нельзя держать в школе. Он опасен, ибо отрицательно воздействует на товарищей. Одна паршивая овца, как известно, может все стадо испортить.

Подросток испуганно насторожился. Мажор испарился. Он сообразил, что дал маху. Историк оказался — не лох.

— Ваня просто дурачился, — безапелляционно возразила Рыкова, — впрочем, я сама знаю: кого надо, а кого не надо держать в школе.

Крылов облегченно вздохнул: «Выходит, что лохами могут оказаться даже директора школ», — решил он.

Спор же взрослых, их правоту и ошибки могло решить только время. Оселком истины явится лишь действо, практика.

Спустя полтора года, в коррекционном учебном заведении разыгралась очередная драма. В эпицентре ее, на этот раз, оказались дети. Арбитрами выступили — прокуратура и милиция. Они завели «Дело о «голубых» подростках». Вожаком у группы из-

вращенцев был официально признан, ставший уже известным в криминальных кругах Иван Крылов. Его ближайший соратник Николай Паршин обошел своего наставника. Его именовали мазохистом. Если другие ребята просто развлекались, то он применял к своим жертвам садистские приемы. Особенно жестоко он избивал и насиловал своего безответного одноклассника Женю Ляхова. Врачи с трудом восстановили его здоровье.

Рыкова кипела от негодования. Теперь она уже была вынуждена избавляться не от одного незадачливого Ивана, а и от пятерых его сотоварищей. Но, после драки, как говорят, поздно руками махать. Гомосексуализм, как зараза проник в стены детского учреждения. На выручку оплошавшей, на ниве воспитания директрисы пришел, возведенный ею в ранг зама по гражданской обороне Хакимов. Экс — подполковник, считавший себя докой в области юриспруденции, подготовил письма в милицию и прокуратуру. В них он объяснял причину сексуальных отклонений учащимися недосмотром, не школы, а их родителями и милицией.

22 марта 1999 года, на совещании, Галина Ивановна зачитала педагогам полный текст сочинения Дениса Абрамовича. Охала, сетовала на всех и вся. При этом она, конечно же, и словом не обмолвилась о том, что почти два года назад, один из ее учителей, а именно, историк Горичев, упреждал ее о возможном варианте. Да и право, кто может себя высечь? Если верить Чехову, то разве лишь одна унтер-офицерская вдова. Рыкова же, не чета ей, она — подполковница!

РЕБЕНОК ПЛАЧЕТ ИЛИ ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ

В сентябре 1998-го, на одном из уроков в 10-а классе, шестнадцатилетняя Лена Жукова, внимательно слушая своего историка, вдруг, прервала его речь неожиданной репликой:

— Что вы, Василий Павлович все о политике, да о политике. Давайте лучше поговорим о жизни. О сексе, любви и дружбе. Вон, с Денисом Абрамовичем и покурить и побеседовать приятно. А я слышала, что вы тоже курите, да только втайне от ребят. Боитесь, видно, плохой пример подать.

— Верно. Дурной пример заразителен, — признался Горичев и продолжал, — Хакимов преподает «Охрану безопасности жизни», потому его курение с вами не поощряю. Общие беседы

— его хобби. Для меня история — это сама жизнь. Говорить же с вами о сексе — не педагогично. Это тема биологов и классных руководителей.

Такое объяснение явно не удовлетворило разболтанную девицу. Она по-прежнему фривольно вела себя: обнажала ноги, вертелась, переговаривалась с соседями. Записей лекции не вела.

Терпение имеет свои границы. Наконец, оно иссякло. За две-три минуты до окончания урока Горичев попросил Жукову встать и отправиться для объяснения своего легкомысленного поведения, к завучам. Благо, их кабинет был неподалеку.

Обескураженная таким поворотом дела, ученица, потупившись, встала и молча вышла из класса.

Уже после звонка, во время перемены, к историку зашла психолог Панова и с порога бросила упрек:

— Как вы могли довести ребенка до слез?

— Вы о ком? — растерялся Горичев.

— О Лене Жуковой. О ком еще!

— Нина Львовна! Вы работаете у нас первый год и, видимо, не знаете, что в нашей школе самый младший класс — седьмой. 13-14-летние дети считаются подростками. Что касается Лены, то она — десятиклассница и ей идет 17-й год — это возраст девушки.

— Но ребенок плачет! — упорствовала Панова.

— Почему?

— Это я и хочу от вас узнать.

— Пойдемте разбираться.

Они вышли в коридор. Рядом, у расписания, оказались завуч Краева и одноклассница Лены хорошистка Вера Перова. Василий Павлович попросил Веру прояснить ситуацию:

— Перова, скажи честно, были у Жуковой причины для слез? Может, я унизил ее достоинство?

— Нет, что вы! — твердо отвечала девушка.

— Я ругал ее, оскорблял?

— Этого не было. Вы просто предложили Лене зайти к завучам и объяснить причину ее безделья на уроке.

— Так бы сразу и сказали, — развела руками психолог.

— Но вы же начали с претензий.

— Но ребенок плакал — заучено повторяла свой монолог Панова.

— Ее слезы, — вновь пытался вразумить неисправимую женщину историк, — это защитная реакция слабодушных натур в ответ на ущемленный эгоизм.

— Да, не переживайте вы, Василий Павлович, — успокаивала Горичева завуч Краева, — Нина Львовна мало работает в школе. К тому же она не педагог, а культработник по профессии. Она еще не усвоила всех хитростей наших учеников, Теперь все стало на свои места. Я с этой артисткою еще разберусь.

Однако, история с «плачущим ребенком» на этом не окончилась. Более того, она приобрела печальные последствия.

В марте 1999 года, спустя семь месяцев, после описанного инцидента директор Рыкова распорядилась:

— Елену Жукову перевести в вечерний класс — она на 5-ом месяце беременности.

Немой сцены не было. Педагоги, как видно, за исключением психолога Пановой, к подобным финалам сексуальной распущенности успели попривыкнуть.

Горичеву, по-отцовски, было жаль Лену. Он знал о ее неустроенной домашней жизни в «пьяной семье». Предстоящие, внебрачные роды, что очевидно, еще более отяготят не только ее существование, но и судьбу ожидаемого ребенка.

Светлым апрельским днем Василий Павлович заглянул к Пановой, чтобы поделиться своими горестными предположениями.

— Да, вы правы, — спокойно согласилась психолог, — ребенка ожидает безотцовщина.

— Вот и думай теперь, — заметил он, — какого ребенка я когда-то обидел.

— Знаете, Василий Павлович, — приняла его упрек Панова, — моему сыну 20 лет, а я все еще считаю его ребенком.

— Очень жаль, — продолжил он, — что в своих детях, в учениках, мы порою поздно видим личность. Потому и совершаем педагогические ошибки. Поговорили бы вы в сентябре с Леною по-взрослому, а тогда еще было время, и подобной ситуации могло бы не быть.

— Возможно и так, — согласилась с мнением историка Нина Львовна.

В ее голосе слышались поздняя печаль и раскаяние, а может ему, это только показалось.

Уже в первый год третьего тысячелетия, на одной из городских улиц, Горичева окликнула молодая женщина, везшая в коляске, закутанного в теплую одежду малыша. Голос показался знакомым. Он остановился, присмотрелся.

— Не ты ли, Лена? — спросил он попутчицу.

— Я, Василий Павлович, не узнали?

— Узнал. Это твой ребенок?

— Мой!

— И сколько ему?

— Два года скоро будет.

— Как бежит время. Давно ли сама была ребенком?!

— Это меня такою Панова считала по глупости, а я с 14-ти лет уже самостоятельною была. Вся домашняя работа на мне держалась.

— Н-да, всякое случается, — только и нашелся он сказать.

Елена Жукова, как понял, из дальнейшей беседы, учитель, не только на него не обижалась, но и всячески подчеркивала свое уважение к нему. Откровенно призналась, что любила его уроки и с большим удовольствием читала все его книги. Отдельные, понравившиеся стихи, выучила наизусть. Вот, оказывается, почему ей хотелось говорить с ним «о жизни». Он же понял это только теперь. Век живи — век учись.

ТАМ, ГДЕ ГРУША

Педагоги знали, что на учете в наркологическом диспансере числятся полдюжины их учеников. Некоторые из них — способные ребята, а уже подрубленные с молодых лет вредной привычкой. Директор Рыкова как-то остановила историка в коридоре, сказала:

— Вы знаете, сейчас у нас идет месячник по борьбе с никотином. Вам надо о наших «курящих» свое резкое слово сказать. Да, да, в стихах.

Приказ был исполнен. Выдумывать ничего не пришлось. Во дворе школы стояла высокая, раскидистая груша. Она-то и являлась прибежищем школьных «курильщиков и токсикоманов». Стихотворение так и называлось: «Там, где груша».

В пору вешнюю, хмурой осенью
И январским морозным днем,

В тень, под грушу, чтоб принять «дозу»,
Люд стекается ручейком.

У порога толпа разгульная
Дым гоняет во все концы.
Курят все -
И девчонки юные,
И безусые сорванцы.

Словно нищие, что на паперти,
Суетясь, подаяния ждут,
Курят-травятся
Дочки — матери,
Как же быть равнодушным тут?!

Что табак? Даже дуст в почете.
Натянув на лицо целлофан:
Смрадом дышит в мешке до рвоты -
Непутевый токсикоман.

Коль захочешь познать экзотику -
Отправляйся в заветный рай:
Деньги есть — покупай наркотики
И лови настоящий кайф!

Вожделенна страна Лимония -
Жмурь глаза, словно сытый кот,
Но окончится жизнь — агонией
И расплата за грех придет.

«Никотин убивает лошадь!» -
Глас Минздрава жесток и суров.
Сплошь в окурках
Пришкольная площадь.
Видно мало правдивых слов.

Там, где груша глядится в просинь,
Ни цветов и плодов аромат -

Травит воздух весной и осенью
Желто-сизый табачный яд!

Прослышав о появлении данного опуса, в кабинет истории, заглянул главный курильщик школы Хакимов. Попросил Горичева:

— Дай прочесть!

Читал медленно, с напряжением. Видимо боялся, что автор в своих виршах упомянет и о его слабости. Когда же опасность не обнаружилась, вынес резюме:

— Хорошее стихотворение — грушу прославил.

КРАЖА

Единственная в школе ветеран войны — боевая медсестра, техничка школы, 80-летняя Бокова Алена Тихоновна, будучи осторожной и многоопытной, и та оказалась в убытке по причине своей доверчивости. Знай, с каким контингентом имеешь дело!

520 рублей, всю получку, украла у нее со стола в раздевалке семиклассница Варя Носова. Состоялось четыре суда, а вернули несчастной старушке лишь сто рублей. Да и то благодаря следователю.

Все же разговоры администраторов школы о прелестях воспитания, об исправлении «заблудших душ», об успехах культурных мероприятий — лицемерие и ложь. Ибо нет главной составляющей всякого успеха — дисциплины. На поверку одна лишь — порочная педагогика.

Глава одиннадцатая

АРМЯНСКИЙ «МИЛЛИОН»

Она любила «злата звон» -
Нет музыки на свете лучше.
И наполнял восторгом душу
Ее — «армянский миллион».

В ту пору, когда Югова работала еще завучем, а Краева рядовым биологом и классным руководителем, в ее 11-а, обучался уроженец благословенной Армении Гарик Саркисян. Этот смуглый, самоуверенный, любвеобильный юноша появился в школе, благодаря протекции «азиатки», так хорошо усвоившей психологию южных народов.

Серафиме Федоровне даже не нужно было его отыскивать и «открывать». Дворы Саркисянов и Юговых соседствовали друг с другом. Как в песне:

Мы жили по соседству,
Встречались ***просто*** *так.*

Однако не так «просто», как казалось на первый взгляд, а с непременным интересом. Гарик не отличался рвением к наукам, ибо уже с детства, от родителей, усвоил принцип, что все на свете продается и покупается. И хороший «Аттестат», в том числе. Именно таковой, ему обещала соседка Югова, вкупе с Рыковой, хотя за плечами Гарика была незавершенная десятилетка. Наверстывать упущенное, он не торопился, не перенапрягал напрасно свою память знаниями — основным богатством, что выработало человечество. На уроках беспрестанно любезничал с милыми соседками по парте, вертелся назойливой юлою, конспектов не вел. И, что вполне закономерно, переползал у историка Горичева, в отличие от учителей по другим наукам, что были заранее, на его счет, проинструктированы Галиной Ивановной — с двойки на тройку.

Когда же южный темперамент Гарика Саркисяна, вконец,

допек Василия Павловича, то он, отругав несносного «шалуна», выставил его за дверь — поразмышлять о превратностях бытия. Через день директор, остановила Горичева в коридоре, и отчитала, за сей проступок, явно в провокационном тоне:

— Василий Павлович! Вот не думала, что вы — националист.

— Это почему? — удивился историк.

— Вы армянина Саркисяна не любите — с урока удалили.

— Да нас, русских глупцов, с детства в духе интернационализма воспитывали, — начал убеждать лукавую директрису Горичев, — мы все были тимуровцами, благоговея перед именем 17-летнего комполка, ставшим знаменитым писателем Аркадием Гайдаром. И, лишь, когда его внук Егор Гайдар подверг многострадальный народ России «шоковой терапии», впервые узнали из печати, что нашим кумиром был — еврей. И ничего. Уважение к Аркадию Петровичу, в отличие от его злонамеренного внука, не утратили. Объяснение простое: у всякого народа есть — положительные и отрицательные герои.

Более 20 лет, вплоть до самой смерти, я состоял в сердечной дружбе с евреем — писателем Анатолием Яновским. Не отступил даже перед сильнейшим напором антисемитов — остался верным его светлой памяти. Возьмите того же Хакимова Дениса Абрамовича, вашего зама. Он — татарин. Но я числюсь в его товарищах, уважаю за искренность и прямоту. Правда, критикую за совместные перекуры с ребятами.

— Я сама не раз его за это ругала, — призналась директор, — и знаете, что он мне ответил?

— Откуда мне знать тайны Мадридского двора.

— Так, я открою вам секрет. Он твердо заявил: «Курил и курить буду. Не нравится — уволюсь». Мне же, сами понимаете, не хочется терять ценного работника. Приходится терпеть. С Хакимовым все ясно, но как быть с Саркисяном?

— Пусть берется за ум и начинает заниматься делом, а не бездельем. Не за горами выпускные экзамены, а он на уроках ведет себя Митрофанушкой — не хочу учиться, а хочу жениться.

— Хорошо, я с ним поговорю.

Горичев догадывался, что столь трогательная забота Рыковой о благе нерадивого ученика явно неспроста. Ведь не стала она

церемониться, когда негр или близкий к тому, Сережа Аркадьев проявил себя хулиганом. Она вмиг поставила ультиматум его маме Светлане Геннадьевне: или сами уберете, или я его приказом выгоню.

В результате потомок многострадальной Африки и не менее печальной России быстренько ретировался подальше от руководящих глаз. Перевелся учиться в городское профтехучилище. Нет, национальность тут не причем. Тут, как говаривал капитан Жеглов, устами актера Владимира Высоцкого: «Любовь с интересом!».

Интуиция не подвела Василия Павловича. Накануне выпускных экзаменов классный руководитель Гарика Саркисяна флегматично рассудительная Полина Афанасьевна Краева зашла в исторический кабинет для конфиденциального разговора с Горичевым.

— Василий Павлович, — спокойным, доверительным тоном начала она, — по всем предметам мы ставим Саркисяну «4-ки». Вы должны сделать тоже.

— Как!?

— Уж постарайтесь.

— Но, для него и «тройка» — счастливая находка.

— Не шутите, пожалуйста.

— Какие шутки? Он толком по-русски еще читать не научился.

— Но, вы же патриот школы?

— Да, но, в первую очередь, — патриот России.

— Вот, об этом я и говорю. Вам не нужно, надеюсь, объяснять: в каком отчаянном состоянии находятся сегодня страна и народное просвещение. Денег нет, а ту же школу ремонтировать надо. Завалится она, родимая — где работать будем?

— Перспектива удручающая.

— Раз понимаете, то сделайте то, о чем я вас прошу. Отец Гарика нам выделяет на хозяйственные нужды — целый миллион рублей, но ставит условие, чтобы у сына Аттестат был хорошим.

— Миллион за «четверку»! — не сдержавшись, выпалил Горичев.

— Именно так! Бытие определяет сознание. Когда средств, выделяемых из бюджета — кот наплакал, приходится идти на

все, — убеждала учителя будущий завуч.

— Но, а как быть с совестью?

— Когда требуют интересы дела можно поступиться — и честью, и совестью.

— Вот она — логика демократии, — возмущался Горичев, — может ли иметь право на честь, бедняк? Нет, конечно! Для него это — непозволительная роскошь.

— Выходит, что так все и обстоит, — согласилась Краева.

Как бы то ни было, но во имя интересов школы, скрепя сердцем, историк подчинился диктату администрации, а то, что визит Полины Афанасьевны был сделан по поручению Рыковой, он не сомневался. Для очищения совести, Горичев провел с Саркисяном три дополнительных занятия и заставил его попотеть у доски.

Гарик ушел из стен коррекционной — хорошистом. Куда же, в самом деле, ушел «армянский миллион» — осталось тайной за семью печатями.

Глава двенадцатая

«ЧАЙНАЯ КОРОЛЕВА»

Ей быть хотелось «новой русской» -
И состоятельной, и смелой.
И, что б ее,
Пусть в круге узком,
Все величали — королевой!

Наблюдая за повседневным поведением директора Рыковой, пытавшейся открыто утвердиться в положении «новой русской» леди, наскоро, не боясь укоризны, отвергнувшей идеалы свободы и равенства, стряхнувшей с плеч «прах социализма», Горичев чувствовал себя наивным человеком. Он, в отличие от предприимчивой Галины Ивановны, слишком поздно забил тревогу о том, что коммунизм — сон золотой — очередная утопия, шествие, в пустоту — никуда. Мечта, которую невозможно осуществить.

«Выходит, — размышлял он, — все просвещенные социалисты, начиная от Томаса Мора, Кампанеллы, Бабефа до Сен-Симона, Фурье, Оуэна — суть бездумные утописты? А великие отечественные умы: Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов, не иначе, как гоголевский Манилов — прекраснодушные мечтатели?

Да, что они! Если даже молодой Фадеев, отдавший лучшие страницы «Разгрома» и «Последнего из удэге» мечте о сильном, добром и прекрасном человеке, не мог или не хотел думать о том, что новая политика под знаменем Маркса — Ленина будет подвержена суровым и гибельным катастрофам. Когда, в 1956 году, уже, будучи зрелым человеком, он это осознал, то принял роковое решение — застрелился. Василий Горичев, в том памятном году, молодой, 16-летний только начинал свою общественную деятельность селькором районной газеты и во всю славил — светлое будущее.

Да, политика не знает уравновешенности. Таков закон. Крепость ее всегда относительна. Под зыбкою почвой дышат вулка-

ны, зарождаются землетрясения. Душа и природа политики — сдвиг, разрушение. Это понимал революционер Владимир Ульянов. Когда ему говорили: «Молодой человек, куда вы лезете — перед вами стена?!», то он гордо отвечал: «Стена, да гнилая, ткни и развалится». События 17-го года подтвердили верность его суждений. Но, все, как мы отмечали, относительно. Уже в 1991-м году была разрушена не только Берлинская стена, а и, казалось — нерушимая крепость социализма. Выходит, что и Ленин — не гений! Ведь он ошибочно утверждал, что победа коммунизма — неизбежна, а учение Маркса всесильно, потому, что — верно. Блажен, кто верует — тепло ему на свете. Но, не так уж и тепло сегодня Ильичу в Мавзолее, когда неистовый тезка — Владимир Жириновский неустанно требует разрушить последнее прибежище вождя. Выбросить его тело из Мавзолея, чтобы не уподобляться, как он выразился, — невежественным египтянам, поклоняющимся мумиям своих фараонов, хранящихся в склепах величественных и малых гробниц. Безумец — этот господин Жириновский. Ему юристу — безбожнику, не мешало бы обратиться за опытом американцев.

В США «гражданская религия» придала религиозный характер взгляду на мир и национальные ценности. Она окружила божественным ореолом свою историю, идеалы и героев. Здесь Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна изображают великанами, людьми, лишенными слабостей и недостатков, даже прямо сравнивают их с Христом. Мавзолей Линкольна в Вашингтоне производит впечатление часовни, где гигантских размеров памятник президенту, что очень напоминает священный алтарь. Сходящему по ступеням вниз к реке Потомак американцу не остается ничего иного, как уверовать в исключительность родословной своего народа.

Вот так поступают истинные патриоты — американцы. Владимир Вольфович же, на словах ратуя в защиту русских граждан, всячески пытается лишить их своих идеалов и своих героев. Отсюда непонятно: враг он или друг великой России, и ее многострадальному народу?

Ясно, что все начинается с мистики, а кончается политикой. Но, разве это разумно устраивать свалку истории?

Василия Павловича глубоко потрясли и события 1993 года, связанные с расстрелом защитников Белого Дома. «Такого не

может быть? — размышлял он тогда, — армия и КГБ, миллионы комсомольцев и коммунистов не допустят реставрации капитализма!». Наивность светлая души! Это, возможно и о нем, как-то воскликнул Андрей Платонов: «Социализм покончит с бедностью, но, что нам делать с дураками?». Василия несколько обнадеживало то обстоятельство, что не он один такой легковерный. Третий тезка Ильича и Жириновского, Владимир Маяковский, эпохально — возвышенно, возвеличивший образ вождя в своей поэме «В. И. Ленин», перенес не меньшую драму. В наши же дни, видя крушение своих идеалов, он испытал бы подлинную трагедию. По силе сравнимой, разве лишь, с гениальными шедеврами Вильяма Шекспира. Ведь поэт, искренне и бескорыстно служил Родине и ее революционной идее — «мне и рубля не накопили строчки».

Подобное о себе мог заявить и Василий. Долгие годы, трудясь на ниве народного просвещения, сея «разумное, светлое, вечное», он прозябал в бедности. Издание же книг окончательно разоряло его.

Совсем иначе, тепло и светло, устраивала свою жизнь Галина Ивановна Рыкова. Шутка сказать — три квартиры в городе заполучила. Где слезами, где обманом. А, чтобы ненароком не упрекнули, одну из них, на тетю оформила. Когда, о ее хитростях стало известно, то она отыскала зловредного информатора. Ею оказалась молодая историк Ветрова, та самая, что по ее приказу, вначале не здоровалась с Горичевым. Язык, известно, не только до Киева, но и до сумы может довести. Так, в этот раз, и случилось. Разгневанная директриса вмиг развенчала ее культ «способного специалиста», а затем, униженную и оскорбленную вовсе изгнала незадачливую Ларису из школы. По обыкновению заявила откровенно:

— Болтушки мне не нужны. Вон на базар — колготками торговать!

Ушла Лариса Петровна, как некогда от парадного подъезда, некрасовские мужички, солнцем палима. Не поздоровилось бы и ее подружке молодому биологу Серовой. Да, вот оказия, у Веры Максимовны мама — инспектор РОНО. «Крыша», что броневой щит — не уязвима. Но, умный гору обойдет.

«Потерпим до срока, — решила про себя директор, — как писал Твардовский, — всему бывают в жизни сроки. Да, да придет и ее время. Вода камень точит».

Пока же Серову освобождают от обязанностей лаборантки — дополнительной приработки. Лишняя прореха в кармане — отрезвляет. Но, свято место, пусто не бывает. На освободившуюся должность назначается дочка химика Леоновой — студентка Университета. Правда, ее в школу калачом не заманишь. Да, не беда. Пробирки и Нина Гавриловна помоет — мама все-таки. Лишние же деньги ей не помешают. Да и язычок привяжут — бесплатных пирожных не бывает.

Диктатор Рыкова неукоснительно придерживалась принципа: никто никого просто так не любит, не уважает и не боится. Чувства человеческие управляемы и должны быть должным образом обеспечены. Иначе, захиреют, иссякнут.

С тремя замами — Краева, Рогова, Хакимов — полный ажур. Прикормлена и помощница по хозяйственной части Свитова. Да и чего ей не быть благодарной? И муженек ее Николай, и оба их сына — оформлены слесарями и электриками. Зарплату и премии получают сполна и вовремя. Правда и отдача есть. Семья Свитовых без комплексов — послушная и услужливая. Бегут по первому зову, а в глазах так и светится благонравный вопрос: чего изволите?

Личная секретарь Горева — настоящая находка. Старушке за 70, а как она шустра! И картошки к обеду, не самой же готовить, начистит и сварит. И чайку с духмяной приправой и резным пряничком сообразит. Не из простых обывателей — бывшая физик! К слову сказать, и в делопроизводстве разумеет. За учителями строго следит — истинно государево око. А, как умна, как находчива! Пришел к ней Горичев, чтобы узнать адрес молодого коллеги Корнева Романа. Да, не тут-то было. Получил от ворот поворот: «Нет, — говорит, — у нас, его адреса. Как появился, так и сплыл инкогнито». Каково, а? Мудрая и верная старушка — знай слуг наших!

Частенько, всерьез, а не в шутку
Директорского секретаря -
Малютой Скуратовым в юбке
Зовут педагоги. Не зря!

Об этих строчках Рыкова не ведала. Не то бы их автора вторым «выговором» наградила.

— Поэта, на мою шею, зав РОНО Правдин Константин Михайлович, — сетовала Рыкова, — на горе навязал. Тяжел хомут, а не сбросишь. Я давно всем наказала: «Никакой информации Горичеву не давать — опасный человек!» Но, англичанка Войкова, математик Власова с Ивановым, да технички — Бокова с Проновой не вняли указаниям. Якшаются с ним, душу изливают. Как же — талантливый педагог! Того не ведают болтливые сороки, что мне не гении нужны, как прекрасно выразился император Наполеон, а — верноподданные.

Правда, физик Иванов Игорь Константинович, хотя и дружит с историком, да у себя на уме. Гибкий политик. Служит и нашим и вашим. Увидит, что иду не с пустыми руками — навстречу ветром летит. И сумочку поднесет, и двери откроет. Не прост Денис Абрамович — азиат, мусульманин. Да и с ним легче — любую угодную справочку подготовит, за нужной бумажкою, хотя на край света, сбегает. Об адвокате Панове, уже не говорю. За ним, как за каменной стеной. Хакимов и Панов — подполковники. Видно, судьба у меня такая с ними водиться — и в школе и дома.

Василий Павлович не чета им, где-то в капитанах застрял. Сколько раз просила его: «Свози моих сынов на рыбалку!». Он же все ухмыляется, да отнекивается. Руку дружбы протягиваешь, а он ее отталкивает. Тяжелый человек. Гордец! Справедливости ради, что и успокаивает, он не пожелал рыбачить так же с прапорщиком Юговым и с приятелем своим Ивановым. Видно, школьные коллеги для него не в счет. У него — свой круг друзей — из сочинителей. Что это я все о нем? Знать, у кого что болит...

Впрямь, у Галины Ивановны есть и важнее заботы. К примеру, давно мучает позвоночник. Врачи массаж приписали. А во имя здоровья на любые нарушения пойдешь. Как ни тесно, а открыла она свой персональный массажный кабинет, что официально значится, как медицинская комната. Она через стенку с ее обустроенными апартаментами. И массажистка есть своя — Викторова. Но ей надо платить. Из своего кармана — накладно. Нашлись в школе часы учителя труда. К тому же и ее отца — пенсионера дворником оформила. И люди сыты и деньги целы.

В дополнение к массажу необходимы лечебно — физкультурные процедуры. Спонсоры помогли купить спортивно — силовой снаряд. Дорогая вещь. Поставить снаряд в спортзале —

дебилы поломают. В историческом кабинете, под присмотром Горичева и Ткачевой, что явилась на смену изгнанной Ветровой, надежнее постоит. Занимаются на нем лишь сама директор и ее сыновья. Старшему отпрыску — двадцать, он студент юридического вуза, а младший — пока школьник. Мышцы подкачать — дело полезное. К тому же на глазах не забалуют.

Вот интересуются: почему Рыкова молодых — уборщицу и библиотекаря, бывших беременными, на работу приняла? Глупцы те, кто полагает, что гуманность проявила. Как бы не так. Не лыком шита Галина Ивановна. Ушли они в декрет и навсегда. Их же места, по совместительству, заняли свои люди — завхоз Свитова и секретарь Горева. Лишних денег не бывает. Ни один законник, славу богу и свой сынок станет юристом, не придерется. Как напутствовал простаков великий комик Аркадий Райкин: «Думать надо, соображать». Вон, Березовские, Ходорковские, Потанины, как с царем в голове, так стали миллиардерами. Ей до них далеко. Но и она, и муж, что служит в налоговой полиции, на верном пути.

Рыкова знает, что окружающие называют школу ее вотчиной, а ее — кто боярыней, а кто и королевой. Пусть будет так. В ее вотчине должен быть порядок. Народ, он хотя и глуп, но лукав. Поводов для смуты ему давать не след.

Но, поводы были. И провоцировала их сама Рыкова.

— Знаете коллеги, — сказала она на мартовском совещании 1999 года, — мало хорошо трудиться. Чтобы преуспевать, нужен тонкий подход к начальству. Пришел высокий гость, извольте угостить его кофеем или чаем. И, чем-то другим, покрепче. Понятно — расходы. Я вот что решила. Зинаида Петровна, Нина Гавриловна, я вам премии по сто-двести рублей начислю, а вы их, как получите, так мне их «на чай» и отдадите. Согласны?

— Если это в интересах школы, то не возражаем, — дуэтом отозвались оппозиционерки Васильева и Леонова.

Бессмертный Омар Хайям так бы прокомментировал сие решение находчивой Галины Ивановной и ее сговорчивых коллег:

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувство меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых, за чашей вина не теряй.

Понятно, что если, ради дружбы с мудрыми и сильными, на такой шаг вступили критики директорского диктата, то членов ее многочисленной свиты о том и просить было не надо. Так коррекционное учебное заведение превратилось в питейный дом. И совсем не случайно, что с тех пор, утвердилось за Галиною Ивановной звание — «чайной королевы».

Глава тринадцатая

БЕЛИКОВЩИНА

Смешно в безволье ждать спасенья,
Всевышний суд простит не всех.
Сверхмалодушное смиренье
Еще страшней, чем смертный грех.
Валерий ХАТЮШИН

Более ста лет назад, в 1898 году, великий Чехов написал бессмертный рассказ «Человек в футляре». Много воды утекло с тех пор, мы живем в эпоху 3-го тысячелетия, а «зашторенный и калошный» Беликов с его неизменным принципом «как бы чего не вышло» жив и сегодня. Беликовщина — это синоним страха — всесильного человеческого атавизма, доставшегося нам в наследство от первобытных «антропос».

Существует даже такое понятие «пещерный страх». И все-таки, это полу — правда. Ведь, рядом со «страхом» всегда присутствовали — воля и удаль. Будь иначе, не было бы прогресса. Человек бы, не обстроился, не освоил земные пространства, не построил величественные памятники культуры и не взлетел бы в космос. Это сотворили не трусливые и жалкие дикари, а отважные и смелые люди — «безумству храбрых поем мы песню».

Редьярд Киплинг:

Воин каменного века,
Дикий предок человека.
Знаю я, что значит, -
Кровь и страх.
Ради окороков дымных
В пламенных я славил гимнах
Мой народ
При пламенеющих кострах.

Варлам Шаламов:

Тот мамонт выл, дрожа всем телом,
В ловушке для богатырей,

Под визг и свист осатанелый
Полулюдей, полу зверей.

Чьи сохли рты от жажды крови,
Чьи междометья, не слова,
Летели в яму в хриплом реве,
В косноязычье торжества.

Юрий Каминский:

Когда мой пращур в страшном удивленье,
Встав с четверенек, замер в полный рост,
Не в тот ли миг земное притяженье
Вдруг обернулось притяженьем звезд?

И до рассвета в каменной берлоге,
Пучок травы, от голода жуя,
Из голубой звезды, упавшей в ноги,
Он делал наконечник для копья.

Он с тем копьем шел на любого зверя,
Словно не ведал страха никогда,
Всем сердцем, раз и навсегда, поверив:
Не подведет высокая звезда.

И мы узнаем на исходе века,
Наладив будни на других мирах,
Что звезды пахнут потом человека
И дымом первобытного костра.

Если проанализировать приведенные отрывки из произведений поэтов, то можно понять, что сильнее страха, другой атавизм — голод. Это он был двигателем жизни. Чтобы выжить, человек преодолевал страх и совершал отчаянные поступки. Завоевывал природу и в борьбе совершенствовался, очеловечивался. Создавал цивилизованные общества и государства.

На восточной — европейской равнине возникла Киевская Русь, затем — Владимирская и Московская. Петр Великий создал Российскую империю, сменившейся в роковом 17-ом году — страной Советов. Мы, ее юные граждане восхищались уже не

мужеством безвестных пращуров, а доблестью подлинных героев. В нашу память и сердца навечно вписаны имена: Чапаева и Фрунзе, челюскинцев и папанинцев, Чкалова и Кажедуба, Жукова и Ковпака, молодогвардейцев и Александра Матросова. По совету Маяковского были готовы делать жизнь свою «с товарища Дзержинского».

Вслед за героями пришли в наш мир идеологи и пропагандисты «развитого социализма» Это они утверждали, что социализм в СССР победил **полностью и окончательно**. Где под термином »полностью», подразумевалось — **невозможность реставрации капитализма** силами внутренней реакции, ибо торжествовало единство рабочего класса, колхозного крестьянства и пролетарской интеллигенции.

Понятие же «окончательно» расшифровывало не иначе, как отсутствие у международной реакции мощи, извне, сокрушить восходящее солнце коммунизма. Ибо на страже социалистических завоеваний стояли «несокрушимые и легендарные» — Армия и Флот, силы госбезопасности и внутреннего порядка.

Эти тезисы «альфой и омегою» вошли в систему преподавания истории, философии и социологии. И, конечно, в литературу.

Любопытен, например, стенографический отчет шестого съезда писателей СССР, состоявшийся 21-25 июня 1976 года. От имени 8 тысяч его членов, делегаты съезда высоко оценивают внутреннюю и внешнюю политику партии, **гигантский** личный вклад Леонида Ильича Брежнева в дело борьбы за мир, сотрудничество, счастье народов, их дружбу. Горячо поздравляют его с высоким воинским званием Маршала Советского Союза. И, конечно, горячо клянутся в безграничной преданности советских художников делу Коммунистической партии, ее идеям.

Гений политики, трижды Герой, знаменитый автор Хельсинского Заключительного акта и известной трилогии, генсек и Маршал пребывал в эйфории. В это же время в салоне его супруги — представительницы «избранного народа» Виктории Петровны шли бесконечные приемы именитых гостей: из США, Европы, Израиля.

«Людей» ничтожных вырос целый лес
Из бывшего ЦК КПСС.
А чтоб они не лезли на рожон,
Вручили дуракам еврейских жен.

В этих строках поэт Хатюшин подразумевает жен Брежнева, Горбачева и других руководителей партии и страны.

Презенты, подарки лились, как из рога изобилия. Слава и безраздельная власть вконец испортили нравы семьи. Дочь «второго Ильича», Галина Леонидовна, осыпанная бриллиантами, совершала ради личного удовольствия авиарейсы в салоны красоты Парижа и Лондона. Искала любовных утех. Так, никому неизвестный ранее, офицер охраны Чурбанов становится очередным зятем генсека. При этом совершает за короткий срок, не менее головокружительную, чем у Наполеона служебную карьеру. Из старшего лейтенанта производится в подполковники, а затем, в генерала — лейтенанта, первого заместителя Министра МВД. С тою лишь разницей, что Бонапарт обрел генеральскую папаху на поле брани, тогда, как Чурбанов отыскал генеральские эполеты в будуаре свой именитой супруги.

В статье «По вере вашей да будет вам», писатель Юрий Власов рассказал о последних днях генсека ЦК партии:

— 10 ноября 1982 года Брежнев проснулся, как обычно в 8 часов. Долго лежал в постели, кряхтел, сопел, скрипел суставами. Старый организм разгорался плохо, как изношенный примус. К этому привыкли в доме, стали готовить завтрак, заводить машину. И вдруг домашние обратили внимание, что из спальни не слышны обычные старческие шарканья и хрипловатое покашливание. Жена открыла дверь и увидела остановившиеся глаза покойника.

«Леня!» — раздался кинжальный крик, и Виктория Петровна забилась в приступе понятного человеческого горя. Окончилась эпоха, длившаяся 18 лет и один месяц. Официально она была окрещена, как «эпоха застоя». Но эта характеристика не отражает ее существа.

Это было время разложения всей социально-экономической системы. Сам факт распада был уже осознан верхушкой правящей элиты. Любопытно, что ни один из представителей руководства не использовал своего влияния для того, чтобы направить своих отпрысков по пути партийно-государственной карьеры. Она им уже представлялась опасной и бесперспективной. Сын Брежнева Юрий был торгпредом в Швеции, сын Громыко — советником — посланником в Англии, сын Андропова — послом в Греции. Такая же картина наблюдалась и во втором и в третьем

эшелонах власти. Одним словом, наблюдалось повальное бегство с Родины, от ее забот, от ее проблем.

Того, что знала жреческая верхушка, не должен был знать народ. Он был прочно отстранен от возможности влиять на власть все 74 года господства КПСС. Это самым непосредственным образом подготовило трагедию России.

Штурвал корабля России взял в руки Горбачев и уже прямо повел его на скалы. И опять никто не мог ему воспрепятствовать, тем более отрешить от власти, хотя значительный слой народа уже осознавал, что происходит. Спрашивается, какая же это власть и что она обещает народу, если люди видят смертельную гибельность политического курса и не в состоянии повлиять на него? И это называлось народовластием?

Никакие татарские нашествия не смогли уничтожить наш народ, а вот ретивые политические вожди, «гении» в политике сумели довести обширнейшие русские земли до крайнего разорения, при котором непраздным остается вопрос: возможно ли их восстановление и возрождение?».

Все это мы осознаем сегодня, а в далеком 1976 году, литераторы страны, собравшиеся на свой 6-й съезд, были полны энтузиазма.

Первый секретарь Союза писателей Георгий Марков в своем отчетном докладе говорил об активном художественном постижении жизни в свете коммунистических идеалов. О писателе, который должен сотворить великое чудо — создать произведение для миллионов людей о них самих же. Произведение, которое было бы способно захватить их, увлечь, потрясти своей правдой и красотой. «Да, мы по праву, — продолжает Марков, — можем назвать письменный стол писателя — полем сражения, полем поиска, а значит, и **полем риска**. Наше дело требует от писателя гражданской смелости, страстной убежденности и самозабвенной работы».

То же самое, но уже о долге учителя — сформировать своего ученика — всесторонне образованной, полной гармонии личностью, верной коммунистическим идеалам, говорилось и на всех съездах учителей страны. Три миллиона педагогов России, среди которых, сотни «народных» и «заслуженных», «отличников просвещения» и методистов, так же не скупились на клятвы и заверения.

Слова, слова… Один из философов, не случайно отметил, что произнесенное слово — суть ложь. На сегодняшний день мы можем насчитать всего несколько десятков писателей и учителей, которые остались верными своим социалистическим идеалам.

«Поле риска» выбрал, например, московский поэт — патриот Валерий Хатюшин, который утверждает, что, как всякая рыба гниет с головы, так и «предательство идет из Кремля». Но во многом виноват и сам народ: Он с горечью признается:

Мы поверили смрадным сиренам
И глазам кровожадных лисиц,
Мы привыкли к великим изменам,
К лживой жвачке газетных страниц.

Ему вторит его литературный собрат из Орла, Петр Родичев:

Мы под жидовским игом
Вторую сотню лет.
Пора бы их веригам
Придать пиратский цвет.

Лишь по часам отмщенья
Теперь мы жить должны:
Приблизить очищенье
Запятнанной страны.

Как бы, споря с Родичевым, Валерий Хатюшин, пишет:

Что толку клясть ублюдочность врагов?
Их не волнуют наши поношенья.
Но я кляну ничтожество рабов,
Их трусость и бессмысленность терпенья.

Под «трусостью и бессмысленностью терпения», которые так гневно осуждает поэт, мы подразумеваем — беликовщину. Этой болезнью заражено все общество. В том числе и многие учителя коррекционной школы. Проиллюстрируем примерами. Ведь факты — это кирпичики, из которых складывается логический каркас.

В канун нового, 1999 года математик Власова Анжела Сергеевна и Горичев дежурили на школьной дискотеке. Возле них крутились Краева и Рыкова. Василия Павловича раздражала их всеядность и назойливость, что он и не скрывал от них. В то же время Власова всем своим видом выражала трепетное почтение к руководству, ловила каждое их слово, следила за каждым их жестом. Когда же непрошенные гости, наконец, удалились, то историк, осуждающе выговорил своей коллеге:

— Анжела Сергеевна! Знаете ли вы о том, что еще более 4-х лет назад, эти двое, перед которыми вы унижаетесь, запрещали мне с вами общаться? А я, как видите, так и не внял их табу, и с вами и Ивановым поддерживаю теплые товарищеские отношения.

— Но, что же поделать, Василий Павлович! — не удивилась она.

— Как вы, уважаемая учительница, можете прививать ученикам чувство собственного достоинства, если не сумели выдавить из себя раба? За этот подхалимаж и низкопоклонство я и вашего друга Игоря Константиновича терпеть не могу. Почему я не боюсь, открыто общаться с вами, а вы, завидев директора или завуча, сразу спешите от меня откреститься? Спешно ретируетесь!

— Ах, как это жестоко! — всплеснула руками Власова. Глаза ее повлажнели, и она была готова тот — час расплакаться.

— Но, разве я не прав? — огорошенный таким поворотом беседы, спросил, уже готовый извиниться, Горичев. Он не ожидал, что бывшая директор, а такая, на поверку, натура — неуравновешенная и слабая.

— Правы — то вы правы, но, все равно, это жестоко!

— Почему?

— Потому, что если бы я вела себя так же смело, как вы, то не смогла бы растить и воспитывать сына. Вы не поймете.

— Объяснитесь, может и пойму.

— Мне просто не дали бы здесь работать!

— Но, на нашей обители свет клином не сошелся?

— Я уже здесь привыкла.

— Вы опасаетесь, видимо, не справиться с математикой в стационарной школе?

— Что скрывать, и это имеет значение. Вон, Галина Иванов-

на, тоже математик. Не раскусит пример или задачу, учебник в руки и к соседям, за помощью. Нас, старых учителей стесняется. Не спросит. Вдруг, откроется, что она — невежда. В дневных школах медалистов готовят, от того все учителя там трудятся — на износ.

— Теперь все понятно, — облегченно вздохнул Горичев, — извините, если что не так.

— Чего уж там, на горбатого пенять, если у самой рожа кривая, — с грустною улыбкой пошутила Власова.

Инспектор Аркадьева Светлана Геннадьевна, в отличие от своей «азиатской подруги» Юговой держалась с коллегами скромно, не демонстрируя ни власть, ни характер. С историком Горичевым, при случае, любила пообщаться. Симпатичная, ухоженная, русоволосая, она часто усаживалась с ним, на педсоветах и совещаниях, за один стал. Сыпала анекдотами, весело хохотала. Но, до поры, до времени. Однажды, в кабинет, где они весело проводили время, зашла Рыкова. Гневным оком впилась в незадачливую хохотушку. Светлана Геннадьевна поняла, что переборщила, краснеет, тушуется. Затем быстро встает и уходит на другое место.

— Что, испугалась?! — не выдерживает историк.

— Ничуть. Просто я сижу за другим столом. Там мои и бумаги лежат, — инспектор, явно, лукавила. Как признается позже — береженого коня и Бог бережет

Когда же с ним рядом плюхнулся на стул Хакимов, то он его намеренно, спросил:

— А не боишься пострадать за дружбу с Горичевым?

— Кого?

— Директора!

— Да, мне на ее запреты плевать, — ответил подполковник, и добавил к сказанному, уже несколько «русских» непечатных слов.

— Смело!

— Послушай моего совета, — твердо проговорил Денис Абрамович, — не бери близко к сердцу придирки Рыковой. Ведь ты же намного умнее ее. Понял?

— Терпения не хватает, — признался Василий Павлович.

— Наберись и поступай, как я: собака лает, ветер — уносит.

Было ясно, что Хакимов — не Беликов, его в футляр не по-

садишь. Ведь не подчинился он диктату Галины Ивановны, а бросил курить, лишь после того, как попал в больницу с диагнозом — туберкулез легких. Но, таких сильных духом в школе — единицы, а слабовольных или просто трусов — пруд пруди.

Заглянул как-то Василий Павлович в кабинет английского языка. Его хозяйка Войкова, пенсионного возраста, по обыкновению добродушная и словоохотливая женщина, встретила его со слезами.

— Что с вами, дорогая Рита Моисеевна? — поинтересовался историк, — может помочь в чем?

— Ты уже и так помог, — дружески объясняет причину своего расстройства отзывчивая англичанка, — меня директриса опять за тебя отчитывала. Ты, говорит, ему все наши секреты передаешь. Видно, работой не дорожишь. А я же так стараюсь.

— Как не старайся, а все равно уволит! — шутливо засмеялся историк.

— Типун тебе на язык! Но, уж если выгонит — я ей все выскажу. И про взятки за Аттестаты с «четверками». И про незаконные премии «своим». Про вечные пьянки, и многое другое.

— Выскажи сейчас. Зачем после драки кулаками махать!

— Нет, я потом. Надо учебный год спокойно доработать.

— Покой нам только снится! Еще Блок точно заметил.

— Блок, на то и поэт, пускай себе сочиняет, а мне жить нужно. Пенсии на одни лекарства и хватает. В могилу бы, что ли скорее лечь. Так я устала ото всех безобразий. Так надоели все эти унижения из-за куска хлеба. В стране Содом и Гоморра. В школе беспредел. Не живем — сосуществуем. Что премудрый пескарь: дрожим, трясемся, пресмыкаемся.

— Но не все Беликовы?

— Почитай все, кроме начальства. Думаю, сам не слепой, видишь, как завуч Краева устроилась. Муж, считай, бригадный генерал. Каждый день воинская легковушка его барыню привозит и уводит. Солдат, как на часах, только дверцы перед нею распахивает. Одно слово — господа! А вечно плачущая директриса? Квартиры в наем сдает. Муж — подполковник налоговой полиции. Судьбой она не обижена, а «лапшу на уши вешает» — тяжело ей жить. Нам, рядовым, за то легко — копейки получаем. Да и за них нервы выматывают. Все платки от слез сырые.

Старики, понятно, износились, устали. Как же себя чувству-

ют молодые педагоги? Может быть им, живется: весело, вольготно на Руси?

Коллега Горичева, историк и филолог Ткачева Маргарита Ивановна признается:

— Мне ничего не нужно, только бы работать спокойно. Не хотела я к вам идти. По отзывам знакомых, знала, что здесь творится. Но, как не пыталась, в детский сад не устроилась. Разбомбили сады. Бабы детей рожать перестали — самим бы выжить. Приходится лямку тянуть в школе. Проклятые поурочные тяготы. Все время на самоподготовку уходит. Ребятам же не знания, а лишь аттестаты нужны. В одно ухо им влетает, в другое — вылетает. Сами знаете. Начальству же одно — повиновение нужно. Вот и приходиться стараться и терпеть.

Биолог Серова более откровенна:

— За триста рублей — одни неприятности. То не так, то, не этак. То не так посмотрела, то не с тем говорю, то, почему в брюках хожу? В журналах, глупость какая-то, администраторы замечания мне пишут. Читать неприятно. Ни просвета — ни радости.

О противодействии, о борьбе, нет и речи. Хочешь жить без проблем — полезай в футляр. Беликовщина заедает быт школы. «Но, кто же будет двигать прогресс, воспитывать борцов за народное дело? — спрашивал себя Горичев, — неужели, один бесстрашный Хакимов?».

Глава четырнадцатая

КАБИНЕТ

Средь карт и книг, цветов на окнах
Себя он чувствовал Софоклом.
Едва входил он в кабинет,
Ребята знали: «скуке — нет!».

Исторический кабинет коррекционной школы «образца 1994 года» был обставлен достаточно скромно. Здесь стояли три шкафа с устаревшими учебниками и пособиями, массивный учительский стол с тумбочкой. Размером в пол стены висела тяжелая коричневого цвета доска, а рядом с нею красовалась, видавшая виды — политическая карта мира. На противоположной стене, под стеклами, располагался десяток стендов, посвященных героям «второй мировой». Вот, пожалуй, и все, если не считать школьные столы со стульями и цветы на окнах.

Директору Рыковой не нравились старые стенды. Ей не терпелось их сменить, на мало что значившие схемы и диаграммы. К тому же, в наступившую эпоху демократии, былые герои стали не в почете. Галина же Ивановна считала себя человеком нового времени. Оставаясь верными патриотическим традициям страны, учителя истории: Синичкина, Букин, Горичев, противились переменам. Правда, Василий Павлович внес предложение оформить специальную репродукцию, посвященную бывшему учителю школы, филологу и музыковеду Цветкову, автору популярных книг по истории музыки. Его слово, однако, осталось гласом вопиющего в пустыне. Чужая слава Рыковой глаза застилала. Свою память и боль о безвременно ушедших предшественниках, Василий попытался передать в стихах:

Вот тучами накрыло окоем,
Ударил гром!
И в сполохах багровых,
Средь грозных волн,
Я вижу за бортом

Музыковеда нашего -
Цветкова!

До пенсии, увы, не дотянул -
В гнилой избе,
Где и роялю тесно,
В забвенье,
В нищете навек уснул
Ревнитель страстный -
Музыки и песни!

С историками явно не везло,
Но не забыть мне
Дорогие лица.
Синичкина упала на крыло,
Вздохнула тяжело,
И, нет синицы!

Историк Букин,
Мученик — слепец,
Признался с грустью
Как-то раз ребятам,
Заранее предвидя
Свой «конец»,
Что он не нужен нынче -
Демократам!

Он прав -
Обузой стали старики,
Но более им в тягость -
Инвалиды.
И знаем мы,
Он умер от тоски,
Не от болезни умер -
От обиды

Все было именно так. Достаточно перечесть главу «Жуткий горб». Из нее мы узнаем о негодующей характеристике, данной директором учителю — инвалиду, выразившейся в уничтожаю-

щей фразе: «Школа — не богадельня!».

После очередного скандала с Рыковой у историка Букина остановилось сердце: «не от болезни умер — от обиды!». На похороны жестокосердная диктатор не явилась — стыдно. Да и опасалась неприятностей — жена инвалида, ассистировавшая ему, была в курсе ее конфликтов с мужем.

Кратковременное пребывание сектантки Фатеевой в школе никаких новшеств не принесло. Но, совсем по иному все повернулось с приходом в 1998 году, молодой и энергичной Ветровой Ларисы Петровной. Обласканная, на первых порах, директрисой, устроившей ее у себя на свободной квартире, молодая историк развернулась во всю прыть своего необузданного темперамента.

Как мы ранее отмечали, следуя указаниям Рыковой, она застолбила за собою кабинет, как в последующем это сделает уже Ткачева с целью выживания неугодного Горичева. Занавесила стены кабинета таблицами и плакатами, газетами и «памятными датами».

Страстно любила поважничать: стариков не почитала, не здоровалась, на учеников смотрела с высоты Бога Саваофа, грозящего перстом.

Но, как сказал мудрец: все течет, все меняется. Подвела Ветрову излишняя самонадеянность. Завучам стали надоедать ее бесконечные телефонные звонки — аппарат находился в их ведении. Многочисленные друзья и знакомые часто навещали ее на дому, где проводились интимные вечера с принятием спиртного. О разгульной жизни квартирантки стало известно директору. Опасаясь за состояние своих хором, Рыкова пыталась приструнить зарвавшуюся особу. Ее ответ шефу: «Я вам плачу, чего угодно!» окончательно внес разлад в их отношения.

Пытаясь самоутвердиться и заполучить более высокий разряд, Ветрова начала давать открытые уроки. Смущало то обстоятельство, что себе в ассистенты она брала не историка или филолога, а не сведущую в ее науке, биолога, свою закадычную подружку по хмельным застольям — Серову Веру Максимовну. Это стало крайне раздражать директрису. Ее имя «Галина», по-гречески, означает — безветрие, морская гладь. В русской же интерпретации, скорее напоминало — девятый вал. И он, всей мощью обрушился на незадачливых соискателей привилегий.

Рыкова метала грозу и молнии: «Ветрова считает себя гением! Связалась с Серовой — подружки липовые! Попомните вы меня!». И начала действовать.

В один из дней директор буквально озадачила Горичева указанием:

— Василий Павлович! Посидите, пожалуйста, с Войковой на открытом уроке Ветровой и все ее глупости и ошибки тщательно зафиксируйте. Как же, ее, студентку — пятикурсника 10-й разряд не устраивает?! У нее, видите ли, талант прорезался, Я же, кроме мании величия ничего у нее не нахожу!

Урок в 9-м классе прошел успешно. И, хотя у Горичева не было оснований симпатизировать молодой коллеге, но он остался верен себе. Объективно и по существу указал на допущенные ошибки, и в конце разбора публично выразил свое удовлетворение проведенным занятием. Англичанка Войкова, за некомпетентностью, сочла за лучшее, вообще, промолчать.

Такой оборот дела вдохновил Ларису Петровну, но явно расстроил разгневанную директоршу — клин не сработал. С тех пор Рыкова уже более не обращалась к Василию Павловичу за помощью по проблеме «укрощения строптивой» — Федот оказался не тот.

«Глупец, этот Горичев, — решила она, — выгоды своей не видит. Ветрова бы его не пожалела!».

Однако, (в который раз?) она ошиблась. У замордованной администраторшей учительницы наступила пора прозрения. Лариса Петровна не только стала вежливо здороваться с ним, но и всячески, без оглядки на руководящее мнение, старалась подчеркнуть его педагогический талант. При любом затруднении шла к нему за советом. В том числе, и когда зашла речь о некотором обновлении кабинета.

— Я думаю, вместо старых стендов, сделать новую серию цветных полотен, как вы считаете — поинтересовалась она, — это будет правильно?

— Не возражаю, — отозвался Горичев и добавил, — но прежние материалы необходимо сохранить. Они пригодятся на уроках по краеведению.

— Да, да, конечно.

— Но, кто будет готовить иллюстрации, вы?

— Нет, тут моих способностей явно мало. Здесь талант на-

стоящей художницы Алексеевой Анжелы Викторовны нужен.

— Но, согласится ли она? Труд не из легких!

— Куда она денется, коль Рыкова прикажет.

Директор распорядилась. Спустя месяц, кабинет истории был украшен стараниями любезной художницы. Плакаты удались ей на славу. Только вот гонорар оказался — кот наплакал. Галина Ивановна держала свободолюбивую оппозиционерку в «черном теле».

Что же касается самой Ветровой, то ей недолго пришлось полюбоваться новыми иллюстрациями. Вначале она была выселена из директорской квартиры, а затем, как мы ранее отмечали, вообще удалена из школы. Ей, действительно, ничего более не оставалось делать, как идти на базар — колготками торговать.

Когда от незадачливой коллеги уже и след простыл, Рыкова, тем не менее, отыгралась уже на ее работах — стенд «Памятные даты» был выброшен, как она выразилась, — на свалку утильсырья. Попутно, туда же был отправлен и большой учительский стол. Шкафы переставлены к другой стене. Из них исчезли все книги. «Украшением» кабинета стал, известный читателю, спортивный снаряд, занявший собою треть помещения.

— Этот спорткомплекс стоит четыре миллиона. Понятно? — озадачила историка директор, — а потому никто из ребят не должен к нему прикасаться!

Горичев данное указание принял к сведению. Взамен, исчезнувшей старой литературы, он приобрел, за свой счет, новые учебники. В качестве дополнительного материала ему позволили использовать его «Историю Государства Российского от Гостомысла до Ельцина». Десять экземпляров книги «Русь», в коей она была опубликована, заняли свое место на полке шкафа. Свое впечатление о содержании новых учебников по курсу истории России, он выразил в стихах:

Окидываю взором кабинет:
Стоят шкафы с десятком нужных книжек.
Карамзина, Ключевского здесь нет.
И Соловьева с Тарле я — не вижу.

Все авторы — варяжские друзья:
Буганов, Жарова, Дмитренко с Шестаковым,

Так темы перетерли, что нельзя
Умом узреть Руси первоосновы.

И Левандовский сделал ход конем:
Есть место — англосаксам, русофобам,
А истину не отыскать и днем:
Где русский дух, а где лишь бунт и злоба?

Веками будто жили мы во сне
Позвольте же спросить:
— Кто шведов и французов
Топил в Неве или в Березине?
Кто их ко дну отправил
Мертвым грузом?

Порганы (что чернь!) богатыри:
От Муромца, Садко до Коловрата,
Осмеяны Российские цари,
Мол, в бедах наших — глупость виновата.

Читать порою не хватает сил,
Да, оживи Петра — от гнева ахнет!
Как много поистрачено чернил,
Все о Руси, а Русью-то, не пахнет.

Хоть угадать, сегодня не берусь,
Какой мудрец в том русичам поможет?
Но Храмом Славы воссияет Русь!
Иного не дано и быть не может.

Горичева возмущала антипатриотическая направленность исторической литературы последних лет. Например, треть учебника «Россия в XX веке» Левандовского посвящена периоду с 1900 по 1917 год, а Великой Отечественной уделено лишь несколько страниц. В советские времена убеждали, что подлинная история России началась с 1917 года, что русские цари — сплошь тираны и глупцы, за исключением лишь Ивана Грозного и Петра I. Пришедшие к власти демократы впали в другую крайность. С их подачи — вся политическая деятельность, например Лени-

на — Сталина, сводится лишь к репрессиям да Гулагу. Кстати, Александр Исаевич Солженицын не только наводнил своим «Гулагом» всю Америку и Европу, он ныне подготовил третью, дополненную и исправленную, версию этой вредной для народа книги. Его, очередная отрава, выльется на голову российским читателям многомиллионным тиражом. Постоянно, подобно олигархам Березовскому и Гусинскому, живя за рубежом, этот «злой гений» продолжает слать «письма издалека» на тему «Как обустроить Россию». Странно, отчего еврея — эмигранта так заботит ее судьба? Да, что рядовой историк? В недоумении и сам президент России Владимир Путин. И он не смог не отметить того факта, что и вирши диссиденствующего Солженицына и учебники по истории России, создавались по заказу Запада и издавались за их средства и это, на его взгляд, не что иное, как — идеологическая диверсия.

Читая их, «ахнул бы Петр Великий», когда бы узрел, что Украина и Крым, во спасение которых он пролил море русской крови, ныне объявили спасительницу Россию — злейшим врагом, а портрет предателя Мазепы украшает денежные купюры былой Малороссии.

Разве не перевернулся бы в гробу государственник Иосиф Сталин, когда бы узнал, что фашистский прихвостень Бендера, объявлен на Украине национальным героем и ему всюду установлены памятники. И, что войска НАТО спокойно и деловито проводят свои боевые учения — у южных берегов Крыма, и красавицы Одессы.

Более чем странно, но авторы не осуждают порочные действия прозападного блока Ющенко — Тимошенко, направленного на запрет преподавания русского языка в стране, где 50 процентов населения — русские. Терпимы они и к антирусской политике, проводимой правительствами стран Прибалтики, где «лесные братья» и «эсесовские легионеры» числятся ныне в патриотах — освободителях. Могилы же истинных освободителей — советских воинов — сносятся, а их памятники оскверняются.

Великая Отечественная, пересмотрена ими в плане умаления роли СССР и возвеличивание влияния на ход войны США и других союзников по антигитлеровской коалиции. Деятельность полководцев: Сталина, Жукова, Рокоссовского и других дается в гротескном плане. И прочее, прочее.

Можно ли учителю, используя подобные учебники привить детям чувство патриотизма? Конечно, нет.

Интересно, а как ведется обучение истории в странах Запада? Ведь, именно отсюда на Восток постоянно дует смерч ненависти к русским.

...Англия. Городок Итон. Итонский колледж — это привилегированная средняя школа. По главной улице идут в длинно-полых черных одеяниях, похожих на фраки, 10—16— летние мальчишки без головного убора. На одной из сторон главной улицы двести лет назад были расположены таверны и пивные, куда школярам ходить запрещалось. Давно все пристойно в чинном Итоне, но запрет ходить по этой злополучной стороне улицы — сохранился. У нас же рядом со школой пивная.

Орудием выравнивания умов в школе являются традиции и строгая форма одежды. Черный костюм и отсутствие головного убора — это знак траура по Генриху 111, умершему еще в 1272 году. Галстук неприемлем потому, что, по преданию, король Карл 1, казненный в 1642 году во время Великой английской революции, перед смертью был без галстука. Каково, а? У нас же даже прежняя школьная форма, уравнивающая социальные слои общества, предумышленно отменена. Не вредительство ли тут?

Из Итона идут в лучшие университеты — Оксфорд и Кембридж, а затем на — государственную, дипломатическую должность. Целые поколения выпускников Итона верой и правдой служили британской короне. Подавляли мятежи в Индии, натравливали друг на друга арабских шейхов, подкупали африканских царьков.

Рухнула британская колониальная империя, однако остались заморские интересы у владельцев банков и торговых контор. Итон каждый год поставляет им послушных исполнителей. Со школьных лет итонцам внушают, что они избранные, что их происхождение, порода дают им право на власть.

Что же внушают нашим школьникам авторы пресловутых учебников, и власть имущие в нашей стране? Лидер ЛДПР Владимир Жириновский назвал свою работу претенциозно **«Русская власть»**. Парадокс в том, что, по его мнению, эта **власть никогда не была русской**. Судите сами. Вначале, с призванием в 862 году

варяжских князей, на Руси правили их представители — Рюриковичи. Последний, из их династии — царь Федор Иоаннович Блаженный (1582—1587). С его смертью наступило время смуты. В течение года страною управлял польский королевич Владислав.

С избранием, казалось, русского царя на престол Михаила Федоровича Романова (1613—1645), началась, по мнению Жириновского, настоящая чехарда. Все цари, и их потомки женились на иностранных принцессах. В результате в жилах руководства страны оставались буквально капельки русской крови. Устраивались монархические браки с наследницами датского, шведского, немецкого престолов. Такие правители с чужою кровью не жалели Россию. Они всегда симпатизировали иностранцам. Обнаглели до того, что в X1X веке вообще перестали говорить по-русски. Вся знать изъяснялась только на французском языке, отчасти — английском и немецком.

В том, горькая, правда. Чтобы убедиться, стоит лишь взять в руки книги наших великих классиков: Толстого, Тургенева, Достоевского. Целые абзацы — иностранщина! Понятно, что они рисовали картину своей эпохи, когда столбовому дворянину считалось непристойным говорить на одном языке с чернью. Это обстоятельство зло высмеял Александр Грибоедов:

Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ,
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Сейчас отпрыски олигархов снова заговорили по-английски и живут-то они в основном в Европе — Лондоне, Париже, Берлине. Россия опять для них вроде цеха или рабочего места, или торговой площадки. Большая часть радио и телеэфира наполнена зарубежной музыкой. Все их родственники там, на Западе. Там рожают их жены, там они покупают особняки, гостиницы, яхты, спортивные клубы. Там хранят свои украденные у народа, у «стада», как они думают, деньги. А в России бедный русский народ продолжает накапливать для них богатства, которые они транжирят там, на Западе.

Вот главная причина наших бед и неудач: у нас никогда не было настоящей русской власти — так заключает свою мысль господин Жириновский. Однако он забыл упомянуть, что, начиная с 17 года прошлого века по сегодняшний день, с небольшим перерывом, власть в России, что является ее **очередной драмой**, принадлежит опять же, не русским, а представителям еврейской нации.

Но, это отдельная тема. Мы же пытаемся выяснить, как и чему обучают своих детей уже не англичане, а **французы.** Мысленно побываем в средней школе — лицее одного из городов французского Юга — в Монпелье. Здесь все на вид, как в русской школе, понятно и привычно: столы-парты, портреты писателей — классиков по стенам, веселая и шумная — далекая от Итонской чопорности — толпа школьников.

Учебник истории, ярко раскрашенный, весь нашпигован полуправдой. Понятно, что Франция гордится Наполеоном и его воинскими победами. Но о нем говорится так, будто, кроме него, его маршалов и солдат, вообще не было никого, кто заслуживал бы доброго слова. Восстание испанских патриотов, героическая эпопея борьбы русского народа в Отечественной войне 1812 года — все эти события освещены мельком и односторонне. В учебнике истории не было ни слова о Парижской Коммуне. Стена, у которой были расстреляны коммунары на кладбище Пер-Лашез, склоны холма Монмартр, где коммунары до последнего снаряда и патрона защищали свободу, — эти великие памятники славы французского народа. Но об этом учебник молчит. Как молчит наш учебник истории о коварной роли евреев в России.

В учебниках по новой истории, изданной в Швейцарии, совершенно нельзя понять, как отсталая в прошлом страна — Россия, превратилась в великую мировую державу, которая смогла разгромить гитлеровскую военную машину и создать первое в мире социалистическое государство.

В США эти контрасты особенно поражают. В школах и профессиональных училищах формально здесь обучение бесплатное. Школы хорошо оборудованы: есть в них и кабинеты с приборами и компьютерами, и учебные машины, и спортивные залы. И, тем не менее, в США — миллионы неграмотных. Школьники 7-

х классов, а то и старше ничего не слышали о Ленинградской блокаде, о Сталинградской битве. Конечно, далеки и Нева и Волга от тихоокеанских пальм, но ведь на этих реках совершались величайшие события XX века. Они славят Вашингтона и Линкольна, других своих президентов, но мало что знают о стране, потерявшей 20 миллионов убитыми в годы войны, 25 миллионах, оставшихся без крова. О том, что 1700 разрушенных фашистами городов и 70 000 сожженных деревень не знают ныне руин. За годы советской власти миллионы людей получили бесплатные жилища. И пусть новые квартиры отставали по комфорту от «пряничных домиков» пригородов Америки, но в них жили люди свободные от страха за завтрашний день.

В книге «Другая молодежь Америки (Они вырастают в бедности)», написанной американскими авторами рассказывается о жизни цветных американцев. Их же — четверть населения страны — «чиканос» — выходцы из Мексики, негры, индейцы. Многие из них не имеют возможности приобретать книги и спортивную одежду, готовить дома уроки. Они бросают школу. Без образования же в США не получить хорошей специальности, ни постоянной работы.

С установлением в 1991 году власти буржуазных демократов, в России 90 процентов населения оказались за чертой бедности. 5 миллионов детей стали беспризорными, не имеющими возможности учиться.

Конечно, дети наших олигархов имеют все необходимые средства, в отличие от нищих русских, чтобы обучаться в элитных школах Запада. Но, как мы отмечали, там они узнают полуправду об истории и культуре России. Возвратившись к себе на Родину, они чувствует к ней неуважение, тем более не испытывают гордости за ее героическое прошлое. Становятся манкуртами. **Политизированное образование — драма школы.**

Смешанное чувство испытывают школьники, когда читают нынешние новые постсоветские учебники. В них бушуют идеологические цунами. Вот почему многое зависит от наличия чувства патриотизма у преподавателей, от глубины знаний ими основ курса данного предмета. Не случайно Василий Горичев и написал для ребят свою историческую поэму — хронику «Русь».

В 1996 — 98 годах учащиеся коррекционной школы, на спе-

циально организуемых факультативных занятиях, усердно изучали книгу своего учителя, которым, по праву, гордилась школа. Всякому ее гостю, непременно представляли автора. Те спешили выпросить книгу и непременно с его автографом. Заботами зама директора по воспитательной работе Роговой Надежды Кузьминичной, благоволившей к поэту, на двух стендах, установленных в Учительской были представлены сюжетные снимки — фото автора и его стихи, а также помещена специальная статья с описанием опыта работы передового учителя истории.

Из «Руси» ребята делали выписки, отдельные главы учили и запоминали наизусть, что, несомненно, радовало сердце автора и учителя. Это приятно воздействовало и на администраторов, ведь в классных журналах прибавлялось количество хороших оценок. Был и практический результат. На проведенной, в январе 1999 — года, исторической викторине, команда 10 и 11 — классов, где преподавал Горичев, заняла первое место, а каждый из шести ее участников был награжден двухтомной антологией «Первый салют». Любопытно, что в ней были опубликованы, наряду с другими, стихи Василия Горичева и его автобиографическая справка. С нескрываемой гордостью за своего учителя ребята прижимали к груди красочные фолианты и спешили к нему за автографом — это надо было просто видеть!

Однако, известно, что во всем должна быть своя мера, свои границы. Но, как не зря гласит пословица: заставь глупца богу молиться, а он рад лоб расшибить. Так случилось и на этот раз — школа-то коррекционная! Некоторые ученики в пристрастии к «Истории» Горичева, так вошли в раж, что не только страницы тетрадей, но и их обложки испещрили огромными буквами: «Василий Павлович ГОРИЧЕВ. «РУСЬ». Кое-кто даже умудрился изобразить с натуры портрет писателя. Такая популярность опального учителя — поэта, не могла не задеть честолюбивую директрису. Тем более что он сам спровоцировал гнев Рыковой, выставив двум неучам-десятиклассникам полугодовые двойки по истории и обществоведению. В союзе с классным руководителем Леоновой, она задумала очередную авантюру — о ней речь впереди.

Обеспокоило Горичева, в самый канун нового 1999 года, обстоятельство кражи из кабинета истории, трех его учебников.

Он обратился к дедуктивному методу Шерлока Холмса, пытаясь вычислить воров. Грешил на недосмотр своих коллег: Хакимова и Ткачевой, что проводили здесь свои уроки. Неоднократно допытывался у ребят: «Не брал ли кто?». Все тщетно.

Головоломку решил юрист — криминалист Хакимов. Он твердо сказал:

— Это дело рук Галины Ивановны. У нее сынишка — старшеклассник. Как видно на снаряде вертелись с мамою и — позаимствовали. Зайди к ней — поинтересуйся!

Вняв совету товарища, Василий Павлович направился в директорский офис. Рыкова настороженно выслушала его сетования по поводу пропажи книг. О подозрениях своих на этот счет, он и не заикался: не пойман — не вор!

— Не волнуйтесь, Василий Павлович, — как-то задумчиво промолвила директор, — я постараюсь помочь вам в этой беде.

Действительно, через три дня, в шкафу, так же неожиданно, как пропали, появились его два учебника. И только 4 марта 1999 года, в день очередного конфликта, ему, в присутствии педагогов Леоновой и Алексеевой был возвращен — третий. И в этот раз, без всяких объяснений и извинений. Дескать, школа — моя вотчина, что хочу, то и ворочу.

Такой воровской проступок Рыковой выходил не только за рамки педагогического этикета, но и здравого смысла. Ведь учебники были не школьной, а личной собственностью учителя, купленные им за его деньги. Непредубежденный читатель поймет, что если директор так поступала с солидным, уважаемым учителем, то ясно, что с молодыми, она, вообще, не церемонилась. По поводу и без повода они не раз от нее слышали, неизменную фразу: вон, на базар — там ваше место! Люди для Галины Ивановны, по крылатому выражению героя романа Вячеслава Шишкова «Угрюм — река» Прохора Громова есть — навоз, удобряющий землю. Таково кредо «новых русских».

Глава пятнадцатая

«ЗОЛОТО МАНИТ НАС»

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому, без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

Омар ХАЙЯМ

В один из чудесных августовских дней «застойного» 1976 года, Василий Павлович Горичев проводил свой очередной отпуск на черноморском побережье Кавказа. В те времена — это было нормой жизни. Все — квартира, питание, пляж, развлечения были доступны и вполне по карману рядового интеллигента. Некогда «застой» — не чета нынешнему постсоветскому «расцвету», когда стоимость одного железнодорожного билета «Москва — Сочи», больше месячного оклада учителя или врача.

Не случайно бытует шутка: «Жить стало лучше, жить стало веселей — шея стала тоньше, но зато — длинней». Это теперь так острят, тогда же искренне пели: «Как хорошо в стране советской жить». У Василия, действительно, было прекрасное настроение, и он, слоняясь по вечерним улицам, заглянул в один из парков города Сочи. Посреди благоухающей зелени пальм и каштанов здесь располагалась, огороженная высоким металлическим забором, широкая с цветными занавесями эстрадная площадка. На ее подмостках, с микрофоном в руках, Василий увидел рыжеватого, позже оказавшимся его ровесником — 40 года рождения, молодого мужчину. Кто он? — это ему было неизвестно. Но, вот заиграл оркестр. Стройный, с округлым симпатичным лицом незнакомец начал петь. Звуки высокого, мелодичного голоса, с первого мгновения, так захватили сердце учителя, что он сразу понял — это его заочно любимый, в те времена, необыкновенно популярный, певец Валерий Ободзинский!

Какое это счастье видеть и слышать своего кумира «живьем»! Наслаждаться его великолепным тенором. Василий знал, что Валерий впервые состоялся, как артист еще в 1964 году, вы-

ступая в программах Олега Лундстрема. Известность же к певцу, с удивительной своеобразной манерой исполнения, пришла после того, как он представил на суд зрителей, благодаря нему, ставшую шлягером, песню болгарского композитора Карадимчева «Луна на Солнечном берегу».

Василий с удовольствием вспоминал, как на одном из молодежных вечеров в любимом Ростове, они танцевали танго под песни Валерия Ободзинского: «Только «Да», «Эти глаза напротив», «Что-то случилось», «Играет орган» Все они вошли в его первый большой диск фирмы «Мелодия», приобретенный Василием. Он и сегодня, в трудные времена, воспламеняет сердце уже немолодого поэта, которому бесконечно жаль, что Валерия нет с нами. Пусть певец — трижды неудачник, его упрекали в тяжелом характере, несговорчивости, но он — истинный чародей, многие годы согревающий души миллионов благодарных слушателей своим необыкновенным чарующим голосом.

В тот памятный вечер, в Сочинском парке, Валерий исполнил, наряду с другими, романтическую песню из блистательного, не чета нынешним детективам, американского фильма «Золото Маккены». Захватывал воображение рефрен:

«Золото манит нас...
Золото всегда обманет нас»

Поразительно точно и верно сказано. Как и многие тысячелетия, назад, человек был и остается материалистом. Неумная жажда богатства и власти толкает его к наживе. Дух Мамоны неистребим. На золоте перебесилось не одно поколение. Для наших детей — это главный фетиш жизни. И не только их. Многие не внимают идеям экономиста Адама Смита, утверждавшего, что человек может обойтись и без денег — «не надо золота ему, когда простой продукт имеет». Правда, в годы социализма некоторые марксисты — ленинцы, вослед за ученым — экономистом, пытались убедить легковерных обывателей в том, что при коммунизме деньги исчезнуть вообще. Социализм рухнул, а деньги, по-прежнему остались мерилом нашего «Я».

Российское общество, как бы вырвалось из плена аскетических догм, и поспешает наверстать упущенное. Вернулся нэповский лозунг — обогащайтесь! Многочисленные программы про-

западного «Останкино» просто захлебываются от изобретательности, натаскивая жадных до «золотого тельца» — ста способам искусного авантюриста Остапа Бендера, как обойти закон. Свобода демократии — разрешено все, что не запрещено.

Чему тут удивляться, если бацилла наживы проникла, в святую святых, — школу. Ученики, с подачи лукавых педагогов, уже не осуждают порочную фонвизинскую героиню Простакову, поучающую своего «недоросля» Митрофанушку: «Ни с кем не делись. Все себе бери!». Ничего постыдного не видят они и в отцовских наставлениях сыну — юному Чичикову: «Береги копейку — ею все прошибешь!». Стала в моде пословица: «Деньги — крылья, лети с ними куда хочешь!». И летят неоперившиеся юнцы на все яркое, словно бабочки на огонь. И обжигают эти самые крылья.

Бесконечны и антигуманны — «фабрики звезд», конкурсы красоты, фестивали рок-музыки, рекламные телевизионные шоу, где, среди устроителей нет — ни звука русского, ни русского лица. То они приводят многих из жаждущих легкого успеха — на панель, в бордели заморских сладострастных князьков и шейхов. Свирепствуют венерические болезни. Тысячами косят — страсть к марихуане и СПИД. Бомжи и бичи переполнили вокзалы, подземные переходы, чердаки и подвалы. В царской России для них устраивались ночлежки, приюты. Сейчас таковых нет.

Пропагандируемая безнравственность, которую, наконец, заметил и осудил «спаситель России» Александр Солженицын привела к разрушению семей. Как следствие — беспризорщина и детский криминал. Колонии и тюрьмы переполнены малолетними преступниками. Их перевоспитанием никто не занимается. Где вы, Дзержинский и Макаренко? Нет их, как нет и государственной политики по охране материнства и детства. **Это ли не очередная драма страны.**

Зараза «капиталистического накопления» проникла во все сферы жизни снизу — до верху. Старозаветное восклицание Николая Карамзина — воруют! — никого не смущает. Это явление стало частью быта. Те же, кто еще не утратил совесть, осуждаются — не умеют жить! К таковым — неумехам и неудачникам был отнесен администрацией школы и Горичев. Историк редко удостаивался поощрений и вознаграждений, ибо служить был

рад, прислуживаться — тошно. И позволял себе он сметь — свое суждение иметь. Коль так, то не дошел до степеней известных — всегда любили только бессловесных. В большой чести были те педагоги, которые по — Молчалински могли угождать:

Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить.

На крайний случай премировались и те, кого надо было задобрить, перетянуть на свою сторону. Ведь «умный человек не может быть не плутом». Завуч Краева, по поручению, временно отсутствующей «умной» директрисы издала весьма «плутоватое» распоряжение. Читаем: «Объявить благодарность с материальным поощрением, учителям: Иванову, Леоновой — 150, Васильевой — 100, Зайцевой — 70 рублей» Следующий пункт гласил: «За халатное отношение к заполнению журналов объявить замечание: Горичеву, Юговой, Хакимову, Войковой, Ткачевой».

Было ясно, что физик Иванов Игорь Константинович удостоился награды за то, что «чиновные и должностные, ему — все друзья и все родные». Он, верно, служил прежней директрисе Власовой и был ею возвышен до завуча. И теперь, так же подобострастно «втирает карточки» Рыковой. Поистине, «кого судьба поищет, вознесет».

Леоновой и Васильевой были вручены премии с целью «задобрить оппозиционеров». Зайцевой — для общего баланса.

Профессиональный юрист — кадровик Хакимов Денис Абрамович так прокомментировал распоряжение «генеральши» Краевой:

— Распоряжением завуча финансовые вопросы не решаются — это прерогатива директора. Цель ясна — повысить престиж непопулярной администраторши Краевой.

Второе. Премии за выполнение прямых обязанностей — ведение журналов — не начисляются. Это сделано для того, чтобы обелить директора за незаконное увольнение Юговой.

Что удивительно, данное резюме экс — подполковник милиции Хакимов не убоялся довести до сведения всесильной Рыковой, когда, наконец, та появилась в школе. Юмор заключался в том, что в официальной справке, по проверке ведения журналов, каждый «награжденный» имел уйму зафиксированных не-

достатков. И, что же? Дабы утихомирить «разбушевавшегося праведника», она, в урочный час, предлог при желании всегда найдется, выписала ему премию. Мир был восстановлен.

Если суммировать «армянский» и прочие миллионы за «четверки». Сотни рублей «на чай» кураторам школы, по 300 — 700 рублей премий «своим», присвоение зарплаты «подставных лиц», то в итоге тезис Васильевой — «дешевая администрация», звучит не объективно. На деле ее прихоти обходились казне и спонсорам, весьма дорого.

Горичеву невольно вспомнился новогодний вечер 98-го. В историческом кабинете, где собрались учителя, столы просто ломились от обилия бутылок водки, вина и «шампанского». Всевозможного пива, минеральной воды и кока — колы. От тарелок и чашек с закусками. Поражало воображение обилие разносолов и фруктов.

Василий Павлович спросил Югову, что была еще завучем:

— Сколько с меня? Две-три десятки?

— Ничего, — был ответ, — радуйся глупый!

— Как?! Но, ведь всегда собирали!

— Что было, да сплыло. Слава спонсорам! То, они — раскошелились.

С той поры Горичев, в канун всяких торжеств, сдавал деньги, а сам, под разными предлогами покидал застолья. Его шокировало лицемерие коллег. Можно ли было оставаться объективным учителем, если твою совесть, уже на корню скупили? Понятно, что нет. Потому ему был горек вкус чужих угощений. Глаза не видят — сердце не болит.

Дух стяжательства не отпускал Рыкову. Характерен ее конфликт с азербайджанкой Раджабовой. Отличная швея, она была принята учителем труда. Галина Ивановна бесцеремонно пользовалась ее портняжным искусством. Заказывала для себя и своих подруг кофты и юбки, сарафаны и блузы. Денег не платила. Когда же, уязвленная малою зарплатой учительница отправилась в централизованную бухгалтерию РОНО, чтобы выяснить судьбу своих «кровных», то попала впросак. Вместо, директорской «поверенной в делах» бухгалтерши, она попала к неосведомленной чиновнице. В результате хитросплетения Рыковой выплыли наружу.

Это ЧП привело директрису в неописуемую ярость:

— Как! На меня жаловаться! — брызгала она слюною на несчастную беженку, — вон из школы!

Вот и думай теперь, кто больший националист: Горичев, что удалил с урока хулигана — армянина или сама Рыкова, что эксплуатировала в корыстных целях труд азербайджанки? Теперь же, совсем невинную мастерицу, лишила последнего куска хлеба?!

Не менее показателен и другой пример. Зайдя как-то на урок в 11-й класс, она, по обыкновению, бесцеремонно заявила одному из выпускников:

— Зайцев! Запомни, чтобы я сделала тебе аттестат с четверками, ты должен усыпать розами всю дорогу от школы до моего дома.

Несчастный юноша только поежился. Досужие математики, его дружки, подсчитали, что такой дар обойдется ему не менее чем в 10 000 рублей. Ведь до искомого жилища директорши — более 2-х верст.

Хотя Зайцев и числился генеральским племянником, но такая разорительная перспектива его не устроила.

Вызывал законное недоумение приказ «сталинистки» учителям:

— Как только узнаете, где у кого, какой родитель — «новый русский», то немедленно докладывайте мне — нам позарез нужны спонсоры!

Приказы, известно, отдаются для того, чтобы их исполнять. Однажды Горичев полушутя, полусерьезно доложил:

— Галина Ивановна! Мой 20-летний ученик — вечерник Алексей Корнев работает в колбасном цехе частного предприятия.

— Что же вы молчите? — упрекнула директор учителя, — пришлите его ко мне — нам нужна дешевая колбаса.

Но, пока Василий Павлович пробирался, его энергичный воспитанник уже успел поменять место работы — устроился на завод слесарем. Подвел хитрец! Оставил начальство — без копченых колбас.

Старожилы школы неоднократно инструктировали коллегу:

— Хочешь узнать «блатных», кто получает Аттестаты за деньги, то внимательно посмотри в журналы. Все они, как правило, приняты после Нового года или в канун самих экзаменов. Обрати также внимание на список «экстернатов», что представлен РОНО.

И вот, выставляя оценки в 12-м классе Горичев, неожиданно, споткнулся на фамилии Горшкова — ни одного посещения занятий.

— Настя Горшкова — дочка инспектора ОБЛОНО, — объяснила классный руководитель Войкова, — ей надо порадеть.

— Тем более, никаких оценок ей не буду ставить, — заупрямился историк, — что скажет мама о школе, где сплошные подлоги, да очковтирательство!?

— Поступай, как знаешь, а я пойду к директору.

И в самом деле, пошла. Когда же возвратилась от шефа, то с нескрываемою улыбкой, промолвила:

— С тобою, сказали, лучше не связываться. Горшкову будут отчислять.

И впрямь отчислили, согласно приказу от 29 января 99 -го года.

Но, ужас! У той же Горшковой, которой никто в глаза не видел, по всем предметам, кроме истории и обществоведения, которые вел непосредственно Горичев, стояли оценки. Более того, даже не спасительные «тройки», а «четверки». По алгебре и геометрии — учитель Власова, по английскому языку — Войкова и т. д.

Странно, что куратор школы, инспектор РОНО Никонова и другие проверяющие ничего предосудительного не находят. «Ищут ли?» — вот в чем вопрос.

Видно судьбе было угодно поэту и историку завести о Горшковой разговор со знакомым литератором Николаем Вялым.

Как! — удивился тот, — да мы с Горшковыми семьями дружим. Они такие хорошие люди. И сама Настя такая приятная девушка, в музыкальном училище учится.

В ту минуту Горичеву показалось, что он напоминает образ «лишнего человека» — лермонтовского Печорина, который сам того не желая «нарушил мирную жизнь честных контрабандис-

тов». За что его и хотели утопить в Таманском заливе. Приятелю же он обронил:

— Может и впрямь, зря обидел доброго человека. Но, могла же она, хотя на зачеты придти, чтобы не ставить учителя в неловкое положение?

— Это, конечно, правильно, — согласился Николай.

Уже после «бури», устроенной Рыковой, которая зацепила вкупе с Горичевым инспектора и методиста РОНО, вездесущая оппозиционерка Васильева резонно заметит:

— С проверяющими начальниками, Василий Павлович, страшно связываться. Каждое лыко в строку поставят. Вон, Югову, на что мудрую «азиатку» и то за один час убрали из завучей и на операционный стол уложили — едва выкарабкалась. Они — сила! Нервы же у их жертв — не железные. Да и прав — никаких!

Тогда Горичев еще не мог предвидеть, что и его может постигнуть трагическая участь опальной Серафимы Федоровной. И он окажется на краю смерти. Потому он спросил Зинаиду Петровну:

В чем же их сила, если они — невежественны?

— В деньгах, именно, в золоте их сила! — был ее твердый ответ, — пора понимать!

— Но ведь еще Омар Хайяма сказал на этот счет:

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего -
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

— Потому и должен кланяться, — выслушав декламацию коллеги, сказала Васильева, — что мы — нищие, а они — «на серебре, на золоте едят». Одним словом — новые русские.

Стихами же, сам знаешь, даже, если они, как у Омара Хайяма очень умные, сыт не будешь.

Трудно было не согласиться со столь убедительными доводами математика Васильевой, привыкшей оперировать цифрами. Однако его сердцу такой расклад был невыносим. Он замолчал, задумался. В его памяти неожиданно всплыл необыкновен-

но чудесный вечер в Сочи, где он встретился со своим кумиром молодых лет Валерием Ободзинским. Ему будто слышалась его тревожная песня:

Золото манит нас.
Золото всегда обманет нас...

Глава шестнадцатая

«Я ВАС УВОЛЮ!»

Вы, злодейству, которым не видно конца
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший, не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

Омар ХАЙЯМ

Философы справедливо считают, что продолжительный мир — это мечта, и даже не прекрасная. Война есть существенный элемент божественной системы мира. Не случайно на планете идут бесконечные войны. Никогда не прекращаются и междоусобицы в самых различных общественных коллективах. Природа не терпит пустоты, а потому неумолимо действуют всеобщие законы борьбы и нигилистического отрицания. Всеобщая любовь и согласие — это лишь один из коммунистических мифов.

Как у каждой планеты или страны, так и у каждого человека — своя судьба. Один человек проводит жизнь, как лесной ежик или улитка, покорный ей, а другой сам ее созидает, для чего порою ему приходится всю свою жизнь выворачивать наизнанку. Василий Горичев не был доволен своей жизнью, зато приветствовал свою судьбу, хотя она не всегда складывалась удачно и больше походила на морскую тельняшку, перемежаясь — светом и тенью.

Вот и на этот раз, вступая в очередной диалог с директором, он знал, что ничего хорошего из полемики с Рыковой, кроме неприятностей он не извлечет. Но бойцовский характер диктует свои правила. И вновь его система убеждений столкнулась с диктаторской логикой самоутверждения.

Спор разгорелся на педагогическом совете, что проходил в школе 6 января 1999 года. Вот его суть. Верная, неправильно понятому принципу единоначалия, госпожа директор вела прием учащихся единолично, не привлекая к тому классных руководителей. Более того, не передавая им личные дела вновь прибывших и даже не ставя их о том в известность. Это приводило к

хаосу. Так и теперь. Из десяти учащихся 11-б, где Василий Павлович был классным руководителем, по состоянию на первое января 99-го, двое ребят были отчислены за прогулы, а двое новичков, неожиданно для него появились в списках. При выяснении данного обстоятельства, Горичев установил, что приказ об их зачислении издан еще в декабре. Прошел месяц, а он так и не смог с ними познакомиться — ученики в школу не являлись.

Когда на педсовете, Рыкова приказала: «Отыскать пропавших ребят на дому!», Василий Павлович взял на себя смелость отказаться от его выполнения, ссылаясь на то, что он не знает учеников в лицо — не детектив же он! Соль же конфликта заключалась в том, что историк к тому же, позволил себе критику администратора за абсурдную практику приема учащихся в школу. Подобного публичного выпада диктатор терпеть от низов не могла, а потому она резко выпалила:

— Я Вас уволю!

— Но, школа — не частная лавочка! — возмутился он, — должны быть основания.

— Я всегда найду основания! — парировала «сталинистка».

Такое самонадеянное заявление директорши подлило масла в огонь. Василий Павлович встал, и, обращаясь к секретарю педсовета, филологу Зайцевой Ирине Кузьминичной, потребовал: — занести официально в протокол «угрозу об его увольнении», как бестактную и не логичную.

— Данная угроза, — добавил Горичев, — в лишний раз подтверждает, что Галина Ивановна, все еще не состоялась, как администратор — не дозрела до понимания своей роли. А пребывание ее на столь ответственном посту — явление случайное и вредное. Педагогом же давно пора довести до сведения РОНО, о злоупотреблениях и превышениях власти со стороны директора. Ведь это по ее капризу, более десяти учителей школы невинно уволены и лишились куска хлеба.

Такого решительного и смелого выпада историка, сердце диктатора выдержать уже не смогло. Рыкова охнула, застонала и тяжело рухнула на стол в полуобморочном состоянии. Вокруг «чайной королевы» заметалась толпа придворных льстецов и подхалимов. Пошли в ход: духи, нашатырь, вода — педсовет был сорван. Группа оппозиционеров отправилась в свободный кабинет, где провела свою летучку. Они нашли доводы Горичева, так

же покинувшего зал заседания, суровыми, но справедливыми.

В воздухе пахло грозой.

Несколько ранее, а именно 18 декабря 98 года, на рабочем совещании, госпожа Рыкова сделала безапелляционное заявление в адрес нелюбимых ею учителей.

— У меня есть претензии к внешнему виду ряда педагогов, — сказала она, — да, да, я не могу терпеть — размашистые усы Хакимова, лысину Горичева, рваные брюки Серовой, неопрятное платье Власовой. Раздражают, да и только.

Подивившись очередной бестактности директрисы, посрамленные сеятели «доброго, вечного, светлого», молча проглотили обиду. Хотя и закрадывалось в их душах сомнение: в своем ли уме их шеф? Вслух же высказался опять лишь один историк. Обладая чувством юмора, уже в кабинете секретаря, он шутливо обратился к Рыковой:

— Галина Ивановна! Я знаю, что не только моя лысина, но весь целиком, я вам не ко двору пришелся. Уж вы потерпите, пожалуйста. Мне до пенсии — год с небольшим хвостиком остался. Да и чем я плох? С ребятами живу в ладу. Уроки мои, как вы сами отмечали, они любят. Не дай-то бог, попадется новая сектантка, вроде Фатеевой, наплачетесь. Дети не историю будут знать, а Библию, да и той — вершки.

— Ха! Напугали?! — приняла шутку директор, — а я молодую девочку на ваше место возьму. Пусть ученики меньше будут подкованы, зато мне спокойнее будет.

— Как же тогда, изволите, понимать ваши требования о повышении качества обучения?

— Кстати, о качестве, — спохватилась она, пододвигая к историку лист бумаги, — вот ознакомьтесь со справкой по проверке журналов и распишитесь. Опять у вас, как и у других, ляпсусов много. Впредь ошибок не допускайте.

— Конь о четырех ногах и то спотыкается, — рассматривая справку, улыбнулся Горичев.

— Если конь спотыкается, — резко оборвала учителя директриса, — то такую лошадь ведут на убой!

— Значит, меня пора...— не договорил он

— Именно, пора! Вы все правильно поняли.

И тут же, направляясь от стола к сейфу, не рассчитав ско-

рость движения, споткнулась и, вдруг, неожиданно грохнулась об пол. Вся, корчась от боли (Бог шельму метит!), простонала:

— Видно, что и меня, вместе с вами, надо отправлять на мясокомбинат!

— Ничего, мы еще повоюем, — пообещал на прощание Горичев, пулею вылетая из директорского кабинета. Ему было смешно и вместе с тем грустно за поразительно грубый и развязный тон этой незадачливой женщины, злой волей рока угодившей в администраторы.

И вот извольте, официально, на педсовете, прямая угроза: «Я вас уволю!». Переживая, переосмысливая случившееся событие, Василий опять предался воспоминаниям. Как-то, еще работающая, глава оппозиции Александрова Регина Алексеевна в доверительной беседе поведала ему о подслушанном ею разговоре шефа с завучами. Рыкова исходила откровением:

— Знаете, девчата, когда Горичев, просто сидит и молчит, то все равно я не могу свободно вести себя на совещаниях. Постоянно чего-то боюсь, остерегаюсь. Все, кажется, что не так держусь, не то говорю.

Услышав такое неприятие, Василий Павлович, лишь вздернул плечи:

— У меня никогда и в мыслях не было, — признался он «Актрисе», — ей в чем-то мешать или, без дела, возражать.

— Это понятно! — согласилась с его доводами Регина Алексеевна, — вся загвоздка — ваш интеллект! Вы же на три головы выше ее! Она это чувствует, страшно бесится. И, помяните мое слово — в покое вас не оставит!

О том же неустанно, уже после прощания с «Актрисой», ему твердили ее подруги: Васильева, Алексеева, Леонова, а чаще всего, симпатизировавшая историку, англичанка Войкова и экс — директор Власова.

Тщательно обдумав и обстоятельно взвесив все противоречивые аргументы, Горичев принял твердое решение пойти ва-банк. Без всяких околичностей переговорить с Рыковой, на предмет урегулирования личных взаимоотношений. Он все еще рассчитывал на ее разум и здравый смысл. Галина Ивановна, как бы предчувствуя его помыслы, всяких бесед наедине преднамеренно избегала. И, чтобы разрядить вакуум, историку ничего уже

более не оставалось, как обратиться к авторитетному арбитру. В таковом качестве выступил заведующий РОНО Правдин Константин Михайлович.

20 января 1999 года, ровно через две недели, после злополучного («Я вас уволю!»), в кабинете районного шефа, состоялась их трехсторонняя встреча. Хотя директриса уже не для кого не была «вещью в себе», ибо всем был доподлинно известен ее вздорный характер, но то, с какою показной непогрешимостью она лила ложь, лукаво переворачивая все с ног на голову, вызвало недоумение даже у поднаторевшего в кадровых интригах начальника.

Константин Михайлович, по образованию, был физиком. Всегда спокойный и уравновешенный, вежливый и рассудительный, он и на этот раз был верен себе. Ничем, не проявляя своих симпатий и антипатий к противоборствующим сторонам, он предоставил им возможность свободы слова.

Первою высказалась директор. Свои обвинения в адрес Горичева, она читала по заранее подготовленной бумажке:

— Учитель не пишет поурочных планов, в 10-«А» удалил ученика с урока. Поставил в их классе четыре «двойки» за полугодие — ребята подали на него жалобу. Учителей, во время медосмотра — Васильеву и Филину за нарушение правил приема к врачу, обозвал — «наглыми». Они то же готовят на него заявление. На уроках, вместо текста учебника, заставляет учеников переписывать и учить наизусть свою «историю Руси».

Словно ужаленный злою осой Василий Павлович поежился и начал излагать свои контраргументы:

— Поурочные планы по новому учебнику «Человек и общество» готовлю регулярно, а что касается «Истории России», то я хорошо вооружен старыми конспектами — не переписывать же бездумно, из года в год, одно и то же. «Двойки», считаю, поставил десятиклассникам заслуженно. Даже меньше, чем стоило бы. Я категорический противник «липовых оценок» — они, как ржа железо, разъедают мораль и дисциплину. За нерадивость — ругал! Но, на то я и учитель, чтобы воспитывать. Хулигана, действительно, направил к завучу для беседы — это мое право. С ребятами, в большинстве своем, у меня ровные, уважительные отношения. Что касается жалоб, то они зачастую готовятся с подачи администрации, что явно непедагогично.

Свой упрек учителям, нарушившим этикет и нормы поведения, считаю справедливым. Инцидент произошел в больнице два месяца назад и весьма странно, что только теперь, когда вы готовили на меня компромат для РОНО, они, вдруг, вспомнили о своей обиде.

Поэму — хронику «Русь» используя по вашему согласию. Ранее вы почему-то это ставили мне в заслугу, а теперь, наоборот — в порицание. Иду я на этот шаг, не «во имя славы», а по острой нужде — у ребят нет учебников. Трудно понять, почему вы, называли меня «талантливым педагогом», а теперь доказываете — совсем иное?

— Так считаю нужным! — резко выпалила Рыкова.

Данное восклицание директора не осталось незамеченным Правдиным. Будучи по натуре строгим, но справедливым, он нахмурился. Зав РОНО отлично осознавал, что вытащенные на белый свет неурядицы, о коих солидным людям, и говорить-то не стоило, содержали в себе весьма мало «крамолы». Потому Константин Михайлович счел за необходимость — быть объективным. Вначале он отругал Горичева за игнорирование им принципа «единоначалия» и резкость суждений. Затем, в свою очередь, сделал ряд серьезных замечаний в адрес директора школы, назвав ее угрозу об увольнении — абсурдной и некорректной.

Не все коту масленица — настал и великий пост. Если историк, выслушивая Правдина, оставался внешне спокойным, то этого не скажешь об оппонентке. Госпожа Рыкова, привыкшая к лести и низкопоклонству, вдруг, уловила в свой адрес жесткую критику. Трепетная душа «чайной королевы» не выдержала, и она, по обыкновению, запрокинула голову за спинку стула и впала в страстную истерику — известный прием людей эгоистичных и слабодушных.

Артистический ход Рыковой вызвал естественную реакцию у мужчин. Оба они, как истинные джентльмены бросились жалеть несчастную, предлагая успокоительные капли и воду. К слову заметить, что для Горичева — это был уже третий случай показного беспамятства директрисы. Не в новинку сей «защитный прием» был и для самого зав РОНО. Она не раз, добиваясь очередной квартиры, средств на ремонт или оборудования для спортзала, а иногда и без всяких серьезных причин, топила велико-

душного начальника в своих слезах. И это всегда ей помогало. Правдин был отзывчивым и добросердечным человеком. При первой представившейся возможности — шел навстречу. Но, на этот раз, он ее не поддержал. Все обвинения в адрес Горичева рассыпались мелким бисером. Не на того коня был поставлен ход.

На другой день, явившись на работу, Василий Павлович узнал, как происходила подготовка директора к визиту в РОНО. После телефонного звонка, она наскоро собрала в кабинете всю королевскую рать. Договорились действовать единым фронтом. Главная цель — сбор компромата на непокорного историка. Классный руководитель 10-а Леонова поручила своей разбитной ученице — двоечнице Кате Черновой собрать подписи «обиженных» ребят, на уже подготовленной ею, жалобе.

Понукаемая директрисой физик Филина направилась в профком, с требованием «проработать Горичева» за грубость в больнице.

Размах, как выражаются, был рублевый, а удар оказался — копеечным. Более того, к приятному удивлению историка, к нему явилась группа учеников 10-б, во главе с Костей Прониным, которая выдала интересную информацию:

— Василий Павлович! Против вас тут такое затевается — заявление написали. Когда же Чернова пришла к нам, в класс, то ей был дан от ворот поворот. Мы ей прямо сказали, что Василий Павлович — наш любимый учитель. И кляузу на него, мы писать не станем!

Ничего не получилось и с жалобою учителей. Оппозиционерка Васильева сочла критику в свой адрес справедливой, а председатель профкома Серова Вера Максимовна в действиях Горичева не нашла «состава преступления» и отказала в домогательствах, приближенной к «королевской особе» — Филиной.

Такой оборот дела привел Рыкову в новый транс. Сказалось нервное перенапряжение. Срабатывало гипертрофированное самолюбие. Очередная истерика случилась в учительской и с тех пор многие учителя, идя с нею на беседу, вооружались — сердечными каплями, таблетками и нашатырем. А, вдруг, умрет — без вины виноватою будешь. Между собою шептались, что у королевы руки — загребущие, глаза — завидующие, а вот на расправу оказывается, она — жидковата.

Через неделю, после описанных событий на урок в 10-б, явилась с проверкою завуч Краева. Посидела. Послушала, Записала. По окончанию разбора прошедшего занятия Полина Афанасьевна откровенно заявила историку:

— Василий Павлович! Вы бесспорно талантливый педагог! И слушать вас интересно, и ребята вас любят, но у нас, вам все равно работать нельзя.

— Это почему? — опешил учитель.

— У вас высокие требования к учащимся. Вашему интеллекту место — в элитной, а не в коррекционной, как у нас, школе.

— Может и так, — согласился Горичев, — но надо же где-то до пенсии дотянуть. Да, и кто меня ждет в элитной школе?

— Вы, как я полагаю, скромный человек, и славы не ищете. Странно, но вас даже низкая зарплата удовлетворяет.

— Приходится мириться. Таков, «се ля вы».

— Василий Павлович, — продолжала допытываться «генеральша», — лично у нас с вами все эти годы, а это пять лет, всегда были ровные, хорошие отношения. Мы ведь никогда не ссорились. И это — правда! Я только не понимаю, что у вас с директором?

— С моей стороны, ничего, — отвечает Горичев, — но, это же она грозится меня уволить, а не я ее.

— Верно, Галина Ивановна, бывает порою вспыльчивой, но вам как-то надо договориться, по-хорошему. Ради общей пользы.

Вежливо, еще раз поблагодарив за «отличный урок», Краева, с затаенной улыбкой, покинула исторический кабинет.

Василию Павловичу, и в день беседы и после, становилось ясно, что желание «договорится» исходит не только от независимо державшейся «генеральши». Это, безусловно, была инициатива самой царствующей «королевы». Она, выражаясь коммунистическим языком, теряла — опору в массах. Два фиаско подряд — в РОНО и школе — образумят и неистового диктатора.

Интуиция не подвела историка. Действительно, ларчик открылся, завеса тайны улетучилась, когда через пять дней после визита завуча, к нему в исторический кабинет заглянула сама госпожа Рыкова. Поговорив, о разных мелочах, Галина Ивановна перешла к волнующей ее теме.

— Василий Павлович, — сказала она, — когда вы ссорились с прежним завучем Юговой, то, вспомните, я всегда брала вашу сторону.

— Это потому, — уверенно констатировал историк, — что мои действия были правильными, законными. К тому же у вас был личный интерес.

— Может и так.

— Если бы я ошибался, то Серафима Федоровна и сейчас бы ходила в завучах.

— Вы не можете, чтобы не обострять вопрос?

— Так получается — правду не утаишь.

— Вот еще что, товарищ правдолюб! Я хотела вас предупредить, — с затаенной улыбкой, продолжала директор, — с 12 апреля у нас намечается инспекторская проверка РОНО. Особенно будут проверять историю и обществоведение. Так, что — готовьтесь!

— Почему же «особенно», они меня желают проверить?

— Это их право, — Рыкова развела руками, — не надо было вам в РОНО ходить. Сами беду накликали.

Глава семнадцатая

ГРОМ ГРЯНУЛ!

Гроза, злым вихрем закружилась,
Как в лихорадке — школьный дом,
Сюда комиссия явилась:
Сомкнулись тучи — грянул гром!

Нежелание Горичева «договориться» было расценено, как вызов. Вот почему Рыкова решила действовать напролом. Нужно было срочно реабилитироваться. И, конечно, с опорой на связи. Никто не должен остаться в стороне. Да, на ее обители повязаны все — РОНО, ГОРУНО, ОБЛОНО. Именно просвещенческие чиновники давали ей списки «экстернатов» — недорослей, так называемых «блатных», которые по разным причинам не смогли завершить обучение в дневных школах. Известно, что на детях гениев природа отдыхает — у ряда особ высокого ранга отпрыски оказались дебилами. В стационарных учебных заведениях хорошего аттестата не заполучить — нужно серьезно трудиться. В коррекционной же школе, за определенную мзду все можно. Некоторые родители хитрили, как, например, друг семьи поэта Николая Вялого, инспектор ОБЛОНО Горшкова, которая наряду с обучением дочери в музыкальном училище, хотела обзавестись еще и аттестатом. Это давало возможность ее дочке Насти одновременно подавать документы в два вуза. Выгодно и удобно. Вот беда, историк им попался принципиальный. Он не то, что за пятерку или четверку, а и за «тройку» норовит бедное дитя в пот вогнать.

Так появилась на свет теория «генеральши», и не только ее, о завышенных требованиях к ученикам со стороны учителя Горичева. Предложить ему, как того хотела завуч Краева, элитную школу — хлопотно. Легче скомпрометировать и убрать. Пытались, но помешал рассудительный зав РОНО Правдин Константин Михайлович.

Поистине «невольник чести»,
Он не хватал карьерных звезд,

Враг лицемерья, лжи и лести,
Был зав РОНО —
правдив и прост.

Уже эти Правдины! Один из них, некий герой Фонвизина, автора «Недоросля», на имения бедной дворянки Простаковой, за ее жестокое обращение с крестьянами, арест наложил. И вот теперь другой, защищая строптивого историка, тем самым грозится разрушить всю хорошо отлаженную Рыковой — Никоновой систему — делать деньги.

Но и князя можно вывалить в грязи. Благо на дворе не совковый штиль, а истинное торжество демократии. Во власти новые русские, что означает — старые евреи. Они всюду у руля — в Москве, области, городе. Скоро, один из таковых лиц, появится и в РОНО. Правдину же придется удовольствоваться директорством в неприметной школе — крохе. Именно об этом событии поведала Рыковой инспектор Никонова. Ура! Руки развязаны. Настала пора укрощения строптивых педагогов. Не мытьем, так катанием извести неугодного праведника. Не удастся «зарыть в могилу», так истрепать нервы, словно мочало, и выбросить затем, как ветхую тряпку — за ворота родимого гнезда, чтобы не мешал избранным наслаждаться «дарами» жизни. Но, дабы делу дать «законный вид и толк» была задумана широкая операция — инспекторская проверка. Из крупных ячеек невода мелкая рыбешка выскочит, а нужная — обязательно зацепится.

В памятный день 38-й годовщины полета в космос Юрия Гагарина, 12 апреля 1999 года, прямо-таки «космическая комиссия» под руководством инспектора РОНО Никоновой Виктории Дмитриевной, совершила мягкую посадку в заданной точке. Инспекторы и методисты, учителя — предметники, привлеченные из ряда городских школ «высадились» в кабинетах и классах — гром грянул!

Видно, сам дьявол тому виною, но для проверки преподавателя Горичева, специалиста — историка и обществоведа в школах города не нашлось. Ясно, не к пользе организаторов «налета», посвящать посторонних в «тайны Мадридского двора». Для столь деликатного дела были нужны проверенные и надежные люди, что в единой связке и от одной кормушки. Посему совсем

не случайно, что на уроки к Василию Павловичу явились представители РОНО — методист Орлова и глава комиссии филолог Никонова. Их «высадка» выпала на вторник, 13 апреля. Будь учитель суеверным, то все свои несчастья он списал бы на коварную цифру «13», кою, как черт ладана, боятся англичане. Но, родившись русским атеистом и романтиком, Горичев понимал, что при любом раскладе чисел, громы и молнии его не минуют.

Урок обществознания в 11-м класс шел, как обычно, спокойно и деловито. Ребята, как всегда, были доброжелательны, внимательны и активны. Учитель, подобно опытному лоцману, провел свой корабль, между острых скал и подводных рифов, к самому причалу. Таким же удачным оказался и другой рейс — история в 10-м классе — все опасные камни и мели, казалось, остались в стороне.

Во время перерыва ученик — хорошист Евгений Белов, сияя торжествующей улыбкой на смуглом лице, громко заявил:

— Василий Павлович! Вы были на высоте! И проверяющим понравилось! Да, да, я сам видел, как у них блестели глаза, и, как, раскрыв рот, они ловили каждое ваше слово.

— Пути господни неисповедимы, Женя, — холодной, философской фразой учитель пытался остудить горячий пыл своего воспитанника. При этом он грустно усмехнулся.

Не ожидая такой необъективной, на его взгляд, реакции, Белов даже обиделся:

— Урок был, что надо! Скажите, ребята, разве я вру?

— Правда, отлично! Женька, верно, говорит, — загалдели его товарищи, — да, у нас в школе, никто из учителей, хоть и сама директор, так интересно материал не объясняет.

— Правда или нет, разберутся без вас, — отрезал учитель, — а пока Женя и вы ребята, идите в коридор, отдыхайте.

Школьники ушли. На смену им в исторический кабинет явились проверяющие лица — Никонова и Орлова. Начался разбор уроков. Первой взяла слово молодая, лет тридцати, методист Орлова.

— Василий Павлович, — обратилась она к учителю, — покажите ваши планы. Да, это у вас институтское планирование.

— Но, вы сами его еще в августе подписали.

— Да, подписала. Но, я рассчитывала, что вы его творчески переработаете.

— Зачем? Меня устраивают и такие планы. А дух творчества рождается в процессе проведения урока. Разве вы этого не заметили?

— Мы все замечаем. Я вот проверяла рабочую сетку. За вами, в 11-м классе долг в 30 часов. Выходит — не додали?

— Это головная боль администрации. Посмотрите внимательнее — у меня все на месте, все, в соответствии с учебной нагрузкой.

— Что, я не знаю?

— Может и так.

Бесцветные глаза методиста округлились — стали злыми, колючими. С ее невыразительных губ посыпались издевки и грубости. То не так, то не этак. Особенно досаждало Горичева то, что Орлова, слово в слово повторяла все слышанные им, но уже от Рыковой, неправедные упреки. Было ясно — она пела с чужого голоса, И, что это иначе, как сговором не назовешь.

Переждав «бурю в стакане воды», устроенной молодой, но уже вздорной проверяющей, историк перешел в наступление.

— Простите, но вы, что — опытный методист? — спросил он, — у вас, возможно, и печатные труды есть? Скажите, где их можно отыскать, чтобы познакомиться — поучиться?

— У меня, их нет, — смутилась Орлова.

— А у меня они есть, — смело сказал учитель, положив перед методистом свою историю «Государства Российского», — есть и еще десяток опубликованных статей научного характера по воспитанию и обучению истории в школе.

Глаза посрамленной Орловой, казалось, совершенно выцвели и чуть не вылезали из орбит. Горичев отдавал себе отчет в том, что его оппоненты, как раз и замыслили с подачи госпожи Рыковой, приписать ему — манию величия, зазнайство, амбицию. Именно, такой способ использовала директор, расправляясь с неугодной Ветровой Ларисой Петровной. Только на этот низкий прием и делалась ставка! Но, что прошло с еще студенткой Ветровой, не должно повториться с ним, с учителем, имеющим за плечами 30 лет опыта работы. Потому, он не опрометчиво, а сознательно давал им карты в руки. И поступал так, не теряя, как говорят, головы и здорового чувства юмора. Он хорошо знал, за-

чем они пришли. Понимал, что для них, понятия — честь, гордость, достоинство — пустой звук! Колыхание былинки под ветром. Но он — боец! И ему необходимо было держать оборону.

— Вы, — гневался Горичев, обращаясь к Орловой, — годясь мне в дочери, разговариваете со мною, старым учителем, стаж которого превышает ваш возраст, бесцеремонно и свысока. Но, как я убедился, сами не знаете даже основ методики. И, простите, уподобляетесь моське, лающей на слона.

Орлова стушевалась, заерзала на стуле. К округлым ее щекам подступил румянец. Она была готова проклясть своих старших наставниц, что ввязали ее в эту драматическую круговерть. Она привыкла иметь дело с учителями — покорными и забитыми, не умеющими постоять за себя. Тут же жди неприятностей. Вдруг с подачи этого неистового историка и ее станут проверять на предмет компетентности? Знала бы, что так получится — не пошла бы в школу. Можно было и больничный лист взять.

Но, тут, на выручку к незрелой коллеге, будто читая ее мысли, бросилась сама госпожа Никонова.

— Василий Павлович, — мягко, в примирительном тоне, сказала она, — вы правы: наша методист еще молода и неопытна. Мне 52, вам 58, так что — едва не ровесники. Поговорите со мною.

— Всегда готов! — шутливо отозвался Горичев. Он, когда это было необходимо, умел перестраиваться и владеть собой.

— Знаете, я посидела у вас на истории в 10 и 11 -м классах, — развивала свою мысль главная проверяющая, — сама я — литератор, но скажу, я на уроках физики и химии была и, хотя не специалист, а все там поняла. У вас же, хотя и с детства историей увлекалась — ничего не поняла! Ни то, что вы говорили, ни то, что вам отвечали ребята. Так же непонятно: за что вы им четверки и пятерки поставили?

— Да, но история была лишь в 10-м классе.

— А в 11-м, что?

— Обществоведение, — опередила учителя с ответом, методист Орлова.

— Ну — у, — неопределенно протянула инспектор, — но все равно и на этом уроке я ничего не поняла.

— Как же вы поймете, если это — новая наука, — начал объяснять лукавой проверяющей историк, — в школе вы ее не проходили. И мы ее изучаем первый год.

Пришло время тушеваться и самой руководительнице комиссии. Ведь, она как выражаются, попала пальцем в небо. Но, Виктория Дмитриевна не юная Орлова. Ее, старого воробья на мякине не проведешь. Она, хоть кол на голове теши, затвержено повторяла тот же рефрен:

— Все равно, ничего не поняла.

Это, несомненно, была игра. По законам логики, да и просто здравого смысла, учитель должен был впасть в гнев. Рассердиться. Этого от него ожидали проверяющие особы. Случилось же, обратное. На всякого мудреца довольно простоты. Василий Павлович, видя перед собою надменные, беззастенчиво — наглые и лживые глаза Никоновой, вдруг, искренне рассмеялся.

Такой реакции, естественно, от него не ждали. Но Горичеву, действительно, стало хорошо и спокойно. Душа его ликовала. Еще бы! Ведь он разгадал психологию и макси — задачу многоопытной хищницы: убить в нем веру в собственные знания и силу. С другой стороны зверь остерегался его. Ведь не опустилась Виктория Дмитриевна до детального разбора уроков. Тут можно было, подобно Орловой, лишь скомпрометировать себя. Она же решила нигилистически, единым черным мазком, все перечеркнуть и дать оппоненту понять, что он — глуп, как сивый мерин. И не в плане преподавания истории, а в науке и практике жизни, выражающейся в формуле: «Да, он — властей не признает!».

Перед Горичевым сидела холодная, равнодушная чиновница. Он знал, что Никонова длительное время работала в кадрах ОБЛОНО рядовым секретарем — машинисткой. Когда же постарела и потеряла былую привлекательность, ее, дабы избавиться, перевели в РОНО с повышением. Так, не знающая, что такое школа, она стала ее наставницей. Ранг инспектора охранял ее от упреков в некомпетентности. Чиновная наглость и всеядность помогали держаться на плаву. В том нет ничего удивительного. Ведь когда-то и пустого трепача — гоголевского Хлестакова в уездном городишке приняли за сановного ревизора. Но, мы — то, еще со времен Крылова знаем, что бывает, когда пироги начнет печь сапожник, а сапоги тачать пирожник.

Оторвавшись от живой работы, Никонова занималась лишь бумагами, да сбором «дани» с подвластных племен. Когда-то

смазливая и крепко сбитая, она с успехом покоряла мужчин, она и сейчас не бросила привычки — соблазнять. Это угадывалось в самой вальяжной позе сидеть, в кокетливой манере — смотреть, говорить. Угадывались ее твердая воля и решительный характер. «Кремень женщина! — решил про себя Горичев, — коварная и роковая!». Это не Рыкова, что с хвостом лисицы метит в тигрицы. Это — самая настоящая тигрица и есть!

То не лиса, «в тигровой шкуре»,
Что им встречались на веку,
Она — тигрица по натуре,
Всегда готовая к прыжку!

Василий ловил себя на мысли, что будь тигрица Никонова на месте лисы — Рыковой, то ему не то, что 5 лет, а и года бы не удалось поработать в школе. Настолько хищной была ее манера поведения. Но и теперь ее острых когтей, ему, как видно, не избежать. В этом Горичев окончательно удостоверился, когда стал ощущать на себе ее тщательно организованные, и методически просчитанные удары.

Теперь он понимал — на кого делала свою основную ставку директор в непримиримой борьбе с ним. Ведь оказывается совсем не случайно «чайная королева» все эти годы презентовала любезную Викторию Дмитриевну: и цветами, и вином, и кофе с шоколадом. Ведь в самом ее имени — Виктория, заключалась — победа»!

Еще накануне высадки «космического десанта» с учителей школы было, под предлогом подписки на методическую литературу, собрано по 60 рублей. Таковой литературы, как не было, так и нет. На самом же деле администрации нужны были свободные средства — это устоявшаяся практика.

В роковой, 13-й день апреля, проверяющие особы у историка Горичева надолго не задержались. На вечер следующего дня ими были назначены «контрольные срезы» в трех 12-х классах, которые он вел. Темы оказались многоплановыми: «Перестройка», «Демократия», Реформы 90-х годов».

Василий Павлович поражался наивностью и глупостью методистки Орловой, предложившей учащимся за 40 минут дать полные ответы по названным темам. Ведь даже краткое их изложение потребует многочасовых усилий. Даже, если ребята, что-

то и напишут, то, где взять «критерий», чтобы объективно оценить их знания? При любом раскладе виною станет учитель — проблем-то нет числа. Как у Михаила Ломоносова:

Открылась бездна, звезд полна:
Звездам — числа нет,
бездне — дна.

Когда Горичев, открыто, выразил данное сомнение, то произошло непредвиденное чудо. С ним согласились, не проигнорировали, а значит, признали его компетентность — это многого стоило.

Явившаяся в класс, в полном одиночестве, дабы не обострять в очередной раз, отношений учителя с посрамленною методисткой, госпожа Никонова продиктовала ученикам совсем другую тематику вопросов, уже более конкретных. Это вполне согласовалось с мнением историка.

Физик Иванов Игорь Константинович, в кабинете которого выполнял задания 12-в класс, сказал Горичеву:

— Василий Павлович! Ведь эти ребята — вечерники. Вы им дайте, хотя учебники, если сами для них ответов не подготовили.

Такова, к сожалению, сложилась практика в коррекционной школе. Зато — Рыкова и Краева, Васильева и Иванов, пуская «пыль в глаза», не стеснялись «защищать» высшие — 13 и 14 -е разряды в табели о рангах. И это при таких методах работы! Не случайно они постоянно удивлялись: почему он, Горичев, при его-то способностях, задержался всего — на 12-м ранге? Им просто не были ведомы такие понятия, как — стыд и скромность.

Выслушав коллегу, историк возразил.

— Дорогой Игорь Константинович, — сказал он приятелю, указывая рукою на доску, — на эти вопросы инспектора Никоновой мои ребята и без шпаргалок ответят.

И оказался прав. Из всех 15-ти ученических работ, 9 были оценены на «хорошо», а 6 — на «удовлетворительно». В других — 12-х (а и б) классах результаты оказались ниже — двое выпускников с заданием не справились.

На третий день проверки, уже в 11-а, на «срезы», вместе с Никоновой, обескураженной успехом историка, явились дирек-

тор и завуч. Горичев был, вообще, отстранен от всякого участия в работе. Испытания велись с пристрастием.

— Ребята! — строго приказала Рыкова, — чтобы я ни одной бумажки у вас на столе не видела!

Сказано — сделано. И вновь, о, чудо! Но только не для историка — он был уверен в победе. И она пришла. Из 14 работ, лишь одна, у Исакова, пропустившего, из-за сделанной ему операции много занятий — неудовлетворительная оценка. Но, зато Куликов порадовал — 5-ой!

Как не третировали опального Горичева господа — проверяющие, а его педагогическая метода оказалась плодотворнее их наставлений. Казалось бы, все выяснилось. Знания проверены, выводы сделаны. Пора и угомониться, как говорят, пора бы и честь знать. Но, не для того затевался весь сыр-бор! Психологическая обработка продолжалась.

14 апреля инспектор Никонова явилась в исторический кабинет, принаряженной и густо загримированной. Била в глаза ярко-алая краска ее круглых щек и полных губ, небесная синь — на ресницах и веках. Для 52 — летней женщины, это уж слишком! В, впрочем, это дело вкуса. Решилась же певица Лайма Вайкуле в свои 53, по совету своего давнего друга Валерия Леонтьева, на подтяжку лица. В него ей вшили золотые нити, которые протянули под кожу через небольшие проколы. Вокруг нитей образовалось особое вещество — коллаген, который обладает омолаживающим эффектом. Лицо певицы разгладилось и, по мнению окружающих, она стала на 10 лет моложе и красивей.

Но, то артистка, а тут перед смущенным историком сидела наставница педагогов. Казалось, не пристало инспектору РОНО позволять себе флиртовать и жеманиться. Но, что запретно одному, обыденно для другого. Виктория же Дмитриевна была в своем амплуа. Василий Павлович отлично понимал, что это игра — проверка на дорогах. Между тем Никонова беззастенчиво взирала на него, поводила крутою бровью, мигала ресницами. Загадочно, будто святая мадонна, улыбалась уголками яркого рта.

Подобная экзекуция повторилась и 15 апреля. На этот раз учителя осенило. И, как это он сразу не догадался? Виктория Дмитриевна была способною ученицей бывшего школьного психолога Гриневой, что одно время подвизалась и в роли методис-

та РОНО. Именно, у Гриневой, она брала уроки по трансцендентальной медитации. Судите сами. В течение трех дней подряд, она подходила к столу историка. И, это несмотря на натянутые отношения. Низко склонялась к его лицу. Да так близко, что явно слышалось ее дыхание. Кокетливо, с неизменною улыбкой, глядела в упор, глаза в глаза. Мягко пошевеливая синими ресницами, доброжелательно — сладко, душевно и настойчиво повторяла одну и ту же фразу, переходя с официального — «Вы», на фамильярно — доверительное — «ты»:

— А ребята у тебя умные.

— Все в учителя! — нескромно отшутился Горичев в первый раз.

Когда рефрен повторился, ответил самокритично и уничижительно:

— Ребята-то умные, да учитель, простите, — дурак!

В третий раз отозвался расплывчато — неопределенно:

— Да, такие они, уж есть!

Движения глаз, шорох дыхания, ритмичное произнесение одних и тех же словосочетаний, все это доказывало, что к нему применялся мягкий гипноз. Любопытно: к каким выводам она пришла? Это не было дано знать подопытному пациенту. Горичев видел ее в последний раз уже 19 апреля, во время педсовета по итогам инспекторской проверки.

Литературный зал. За столом — Никонова. Напротив ее, за партами сонм проверяющих особ — одна дама роскошнее другой. На них — бархат и парча. Многословные речи. Краснобайство. Умиление. Медоточивость. Елей. Каждого оратора госпожа Рыкова неизменно благодарила. Лейтмотивом «сладких» панегириков было предложение — изменить статус школы. Взамен «коррекционной», назвать — вечерней. Что на поверку означало: увидев в клетке буйвола — слона — не верь глазам своим.

Многочисленные подарки, угощения, лесть, учтивость, предупредительность. Они влияли на инспектирующих лиц, как наркотик. Что говорить, умеют у нас порою желаемое выдать за действительное. Все хорошо, прекрасная маркиза! Все хорошо, да только конюшня сгорела.

Диссонансом прозвучало одно короткое выступление мате-

матички Гаевой, что стало ложкой дегтя на бочку меда. Оратор была не из придворных, а из приглашенных лиц. Видимо, не посвященная в тайны пещеры Али-Бабы, она сыпала на головы присутствующих, не золотые червонцы сказочных хранилищ, а перлы кричащих цифр:

В третьей четверти, из 59 учащихся седьмых— девятых классов не успевают 26. Едва не каждый второй — двоечник! В классах — десятых и одиннадцатых, соответственно: 44 к 22. Это уже ровно половина ребят — неудачников.

Вот и спрашивается: чего, на деле, стоит вся показная эйфория? Сплошное пустозвонство, лицемерие и ложь. Данный парадокс — это не изобретение новой демократии. Такое у нас в крови. Достаточно заглянуть во вчерашний день. Миллионы людей, как и сегодня, пухли от голода, а всегда благополучные чиновники рапортовали о невиданной победе пролетариата — перевыполнения плана хлебозаготовок.

Школа — маленькая модель страны. Ложь в верхах переносится вниз. Классическое восклицание — вопрос: «Когда же придет настоящий день, когда будет, наконец, торжествовать — правда?» остаются пустой риторикой. Не придет он. Ведь медициной доказано, что глупцов у нас больше, чем умных. Нет же, мы отрицаем эту истину. Она не выгодна, неблагозвучна, негуманна. Писатель Ге де Мопассан утверждал, что каков народ, таково и правительство! Соответственно, что таковы и его вожди. Ведь они избираются большинством (глупцами), и навязываются меньшинству (умным). Ведь еще великий Гоголь отметил два главных недостатка в России — дураки и дороги.

Коррекционная школа, в основе своей, и есть признанная обществом, как «приют дураков». Тратить на них средства — большой грех. Не в коня корм. Дали основы знаний и — достаточно. На девятом классе, а то и ранее, все обучение для них должно заканчиваться. Нет же, рвем на груди рубашку — даешь средний всеобуч! И даем — выпускаем глупцов в свет, выводим в люди. Они же затем превращаются в чиновников типа Никоновой и Рыковой. И рвутся напролом, подминая под собою здоровую поросль людей честных и мыслящих, скромных и совестливых. Рвачи — карьеристы, воздвигая бурелом лжи и лицемерия, преследуют единственную цель — обогащение.

Однако оставим на время, глобальные проблемы. Послушаем, что сказала на итоговом педсовете о нашем герое методист Орлова.

— Мне Василий Павлович отказал в доверии. Но, как бы то ни было, а методика должна быть!

Горичев молча слушал ее выступление. Он неожиданно вспомнил педпрактику, что он проходил с товарищами по Ростовскому университету. По обыкновению на уроках, которые давали начинающие педагоги, присутствовали и все они. По окончанию занятий преподаватель педагогики и методики обучения, доцент Золотов делал разбор занятий, привлекая в качестве оппонентов и самих студентов. Начинались бесконечные споры — был ли мост связи между частями урока или же нет? Василия утомляла и раздражала такая пристрастность к этому, на его взгляд, беспредметному спору. Он скаламбурил тогда:

— По мосту или без моста, но главное — достичь цели.

Товарищи его весело засмеялись. Старательные студентки — отличницы, так и охнули:

— Ну и попадет же этому смельчаку от руководителя практики!

Но случилось то, что еще будет долго предметом университетских баек. Доцент Золотов не только не рассердился на ослушника, но и отметил его дарование.

— Василий Горичев, — сказал он, — дал блестящий урок в 9-м классе. Порадовало то, он вел себя не новичком, а как настоящий, уверенный в себе учитель.

Студенты переглянулись между собою, пожали плечами, а его близкий друг Николай Бовдурец, вдруг, обронил:

— Это не новость. Василий работал секретарем райкома комсомола. Он привык работать, как мы выражаемся, с массами. Умеет впечатлять и зажигать.

— Тогда понятно, — развел руками доцент, — а то мне все невдомек: откуда у молодого студента взялись навыки зрелого педагога? Теперь все становится на свои места. Опыт общения с людьми развивает способность к мышлению и самоутверждению.

Так в университетском дипломе Горичева появилась «пятерка» по педагогике.

Мудрый ученый оценил его по достоинству. Золото, а не доцент. И фамилия у него соответственная — Золотов. Теперь же,

эта вздорная и самонадеянная девчушка Орлова, с ученым видом знатока, упрекает его в пренебрежении методикой обучения.

В сознании историка возникали образы уже более, земного плана. «Почему, — размышлял он, — деревенские малообразованные мужики, порою, умеют воспитать своих сыновей — людьми умными, добрыми и работящими, а в семьях профессоров или же писателей, вырастают неврастеники и бездари? А порою и отъявленные преступники. Тому ярким примером может служить трагедия классика русской литературы, автора исторической повести «Господин Великий Новгород» Дмитрия Балашова. Его, из корыстных побуждений, убивает его собственный сын.

Не потому ли, что крестьяне, на собственном, трудовом опыте, через мозоли на руках и пот на спинах, учат своих наследников одной верной методике, которая именуется просто — честный труд. Не пашущий землю плуг — ржавеет. Его же многие коллеги, с подачи Рыковой — Никоновой и выше, не к труду приучают своих учеников, не к повседневной самоотдаче, а к показной имитации, развращая подростков незаслуженными «тройками» и «четверками». И за определенную мзду и без таковой.

Молодой методистке Горичеву хотелось ответить: «Нет, не права ты Орлова, есть у меня пресловутая методика! Но, она больше не от книжек почерпнута, как у тебя, а из кладезя народной мудрости. Ведь это и обо мне сказал тончайший лирик Сергей Есенин: «У меня отец — крестьянин, как и я — крестьянский сын!».

Последние события в стране показали полную несостоятельность новоявленных методистов, отвергнувших опыт «советской педагогики», в которой было много — зрелого и рационального. Пришедшая на смену ей — постсоветская методика обучения, основанная на духе Мамоны, явление — низкое и отвратительное. Ее в корне не принимала душа историка и поэта.

Теперь несколько слов из речи обаятельной и великолепной, по крайней мере, судя по внешнему виду, госпожи Никоновой.

— С Василием Павловичем, к сожалению, мы общего языка не нашли, — как бы с огорчением сказала Виктория Дмитриевна, — как только выпишется из больницы заведующая кабинетом истории института усовершенствования учителей, так не-

пременно пришлем ее. Пусть она, еще раз (бить, так бить!), проверит уроки истории и обществознания.

При этом она, ни словом не обмолвилась об «умных» его учениках, которые по результатам «срезов» показали самую высокую подготовку по предметам Горичева, в сравнении с дисциплинами, которые вели другие учителя. Сказанное историку наедине о его «умных ребятах» — это лишь проверка действия ее гипнотизирования, потому гласности предаваться не должно. Оно противоречит основной установке на выживание неугодного педагога.

В заключение руководитель «космической комиссии» патетически воскликнула:

— Спасибо администрации школы, за доброе гостеприимство!

Позже, в учительской, за празднично убранным столом, Никонова, Рыкова и другие стали уже произносить более откровенные — хмельные тосты. Панегирики, словно дутые шары, красочно взмывали вверх и тут же лопались

Со свертками и портфелями в руках инспекторы и методисты покинули обитель трудов и вдохновенья — почетная миссия была выполнена.

В середине мая появилась официальная справка РОНО. Учителя пришли от нее в ужас. Еще бы! Ведь вся, выпущенная, как джин из бутылки, риторика оказались в забвении. У всех расхваленных накануне педагогов, выявилась масса грехов, но более всего у психолога Пановой и историка Горичева. Встретив его в коридоре, директор приказала:

— Завтра, после пятого урока, зайдите ко мне — со справкой ознакомитесь. И обязательно, ха-ха, валидол с собою прихватите.

— В ее с хрипотцой, голосе звучало откровенное злорадство — Рыкова торжествовала победу. Огорчало, правда, что не все учителя разделяли ее радость. А тут еще ветеран труда и войны, орденоносец, мать майора — летчика, покалеченного в Афганистане, техничка Бокова испортила всю погоду. Маленькая, но энергичная, словно неукротимый мотылек, она не вошла, влетела в директорский кабинет и с порога, бросила строгий упрек:

— Галина Ивановна! Я то, все думала, что вы порядочная

женщина! Видно, прав историк Горичев — вы не такая, а — вредная и злая.

— Вы о чем? — округлила глаза директриса.

— Я о том, как вы, директор, могли подставить такого талантливого преподавателя? Натравили на него инспекторов. Вам, учителя из страха — правду не скажут, не то вы их, как других, выгоните с работы. Мне же, кроме тряпки нечего терять. У меня же, как и у вас — высшее образование и я все понимаю, что в школе творится.

— Но, вы тут причем?

— При том. Я слушала выступление Василия Павловича по случаю Дня Победы! Я фронт прошла, а меня мороз по коже, всю забрало. Как он умно и сердечно говорил?! Он такой эрудированный и честный. Не зря ученики на него молятся: «это Василий Павлович сказал», «это наш Василий Павлович написал»! Да вы это и сами знаете, но видно завидуете. Я же всегда, когда прохожу по коридору и слышу из класса его голос, то сразу и ведро и веник с тряпкой бросаю — все слушаю. И есть чему, у него поучится! Всегда объяснит — толково, доходчиво, душевно. А, Вы?!

— Я — то тут причем, Алена Тихоновна? — гневалась Рыкова, — мне о своей, а не о его шкуре нужно думать. Меня тоже проверяли!

— Проверяли, да видно не так, как Горичева. На него же — одну смуту навели. Нехорошо это, Галина Ивановна, — не угомонялась старая большевичка.

Когда историку рассказали об этом необычном для коррекционной школы диалоге директора с технической служащей, он подумал, что видно не стареют душою ветераны второй мировой. И, что совсем не случайно за участие в сражениях под Сталинградом, в памятном 1943 году, юная медсестра Алена Бокова была награждена боевой медалью — «За Отвагу!».

После грозы — громов и молний, известно, всегда наступает затишье. Инспектор Никонова, устав «глаголом жечь сердца людей» вновь водворилась в своем тихом цветочном кабинете РОНО, методист Орлова в своем укромном уголке.

«Им все как с гуся вода, — явно неудовлетворенная результатами травли историка вздыхала Рыкова, — Горичеву место на свалке, а он все, как ни в чем не бывало, маячит по школе. Не-

угомонная диктатор, как злобная лиса, готовилась к новому прыжку. В ее, в завьюженной и закруженной голове вызревали новые планы мести. Почти по — Лермонтову:

Она всегда была готова
Поутру бой затеять новый
И до конца стоять!

Глава восемнадцатая

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «ИМПИЧМЕНТ»

Импичмента колючий ветер в лица,
Бьет наотмашь и валит наповал -
Безвременно скончались два Бориса,
Теперь ему импичмент угрожал!

Символично, что день 1 -го сентября является первым днем занятий в школах, но многие ныне не знают, что до 1700 года, когда царь Петр 1 перенес дату летоисчисления на 1-ое января, именно с 1-го сентября начинался в России и календарный год.

Так уж случилось, что 1-го сентября, в праздник Нового года совершилось царское венчание Бориса Федоровича Годунова (1598—1605). Принимая благословение от патриарха Иова, Борис сказал: «Бог свидетель, что не будет в моем царстве нищего, последнюю рубашку разделю с народом». В Москве Борис давал бедному люду заработок, возвел колокольню Ивана Великого, что превышала все здания на Руси. Он имел намерение открыть в Москве школы, где преподавались бы иностранные языки, но против этого выступило духовенство. Несмотря на все свои заботы, он быстро потерял народное расположение из-за своей подозрительности. Ее жертвою сделался Богдан Бельский, которого обвинили в злых умыслах против царя и сослали. Братьев Романовых обвинили в намерении отравить царя и заточили по дальним местам. Старшего из братьев Федора Никитовича постригли в монахи под именем Филарета. Щедрая милостыня во время голода и морового поветрия не успокоили черни. Обвинение в убийстве царевича Дмитрия, сына и наследника Ивана 1У (Грозного) в древнем Угличе и слух о появлении самозванца угрожали ему импичментом — отрешением от власти. Не перенеся, политической и нравственной изоляции, в апреле 1605 года царь Борис, неожиданно для всех скончался.

Судьбу царя Бориса Годунова, в известной степени, повторил и его тезка, первый президент России Борис Николаевич Ельцин (1991—1999). В первые годы своего правления он, так-

же как и его, некогда царствующий предшественник обещал всяческое благодеяние русскому народу. Но, если Годунов намеревался — «последнюю рубашку разделю с народом», то Ельцин клялся — «лечь на рельсы», в случае, если россияне окажутся в нищете.

Но, во имя абсолютизма, следуя сионистским принципам «разделяй и властвуй», он выдвинул злонамеренную установку для автономных республик — «берите национального суверенитета столько, сколько проглотите». Это стало основной причиной развала СССР. Начались кровавые события в Грузии и Средней Азии, в Армении и Азербайджане, наконец, в Ингушетии и Чечне, в Якутии и Дагестане.

Советниками президента стали прозападные политики, что, как сказал в свое время о недругах страны Сергей Есенин «напылили кругом, накопытили». Другой поэт, Валерий Хатюшин назвал их по именам:

Хакамады, Гайдары, Чубайсы, Грефы -
Словно дьявол прислал нам свою родню,
Прилепить бы им на спину трефы
И хотя бы на месяц послать в Чечню.

В Чечню, где развернулась братоубийственная война, они не поехали, а предпочли посылать туда на верную смерть русских солдат. Вот, как об этом сказал тот же поэт:

Умирает большая страна,
В рабство мерзким властям отдана.
Власти весело смотрят вперед,
Истребляя ненужный народ.
И на лацканах этих властей -
Кровь замученных русских детей.

Кровь пролилась также и в Москве, где 3-4 октября 1993 года, по приказу Ельцина был расстрелян Белый Дом — здание Верховного Совета России.

Доведенный властями до отчаянной нищеты народ, в лице своих избранников — депутатов Государственной Думы в апреле 1999 года поставил вопрос об импичменте президента Ельци-

на. На него было собрано 12 томов компромата. 14 мая в Думе начался исторический эксперимент. Вот как он представлялся Василию Горичеву:

Наш президент — поруганная личность!
За то, что Русь святую развалил,
Бурлил парламент:
— Голосуй — импичмент! -
— Вон из Кремля! -
Но, не хватило сил.

У Ельцина с души камень. Пар спущен. Страсти улеглись. Оставив страну на премьера Сергея Степашина, президент в пожарном порядке укатил на Черноморское побережье Кавказа. Здесь, у Бочарова ручья он и стал залечивать свои раны. Отдохнув, он возвратился в столицу, где встретил прежнее враждебное сопротивление и депутатов и всего народа. «Лечь на рельсы», как некогда он ему обещал, духу не хватило. В светлую минуту трезвости, что изредка чередовались с постоянной чередой долговременных запоев, он стал подыскивать достойных наследников. И, вот, в декабре 1999, в канун Нового 2000 года, публично, не дожидаясь обострений с парламентом, грозящим очередным взрывом, он отрекся от власти, в пользу своего приемника на президентском посту Владимира Владимировича Путина (2000-2008).

Такова судьба двух импичментов на святой Руси. Нечто подобное — угроза отстранения от должности школьного учителя, нависла и над историком Василием Павловичем Горичевым. Здесь, проводить, какие то ни было, даже гипотетические параллели — самонадеянно и опрометчиво, ибо рядовой учитель и два царствующих Бориса — находятся в разных геополитических измерениях. Именно так. Ведь все, что бы не делали, чего бы не совершали самодержавные Борисы — суть матерь — история. А, чтобы не случилось с нами грешными, лишь — мелкие детали, эпизоды. Однако, как по капле воды, мы можем судить о химическом составе моря, так и по судьбе одного человека можно определить общее состояние общества. В данном случае, брожение умов представителей педагогической интеллигенции, сложившиеся в конце 90-х годов XX столетия.

Физическая смерть, пред угрозой импичмента царя Бориса Годунова и политическая кончина президента Бориса Ельцина — эти очередные русские драмы, не могли не волновать горячую душу историка Горичева, когда, как и предписывала инспектор Никонова, к нему явилась очередная проверяющая. Ибо целью ее, как и предшествующих его высоких оппонентов была одна — импичмент учителю.

20 мая 1999 года, в исторический кабинет коррекционной школы вошли три дамы. Двое из них, директор Рыкова и методист РОНО Орлова, уже достаточно известны читателю. Третью, высокую, стройную, худощавую, лет сорока женщину, оказалось, уже хорошо знал наш герой. Это была заведующая методическим кабинетом истории и обществознания ИУУ Ларина Жанна Николаевна. С нею Василий Павлович был не просто знаком, а поддерживал деловые и даже дружеские отношения в течение долгого времени. В 1992, семь лет назад, она присутствовала у него на выпускных экзаменах, когда он работал еще в дневной школе. В 1996, для пополнения методического кабинета института, он подарил ей свою книгу «Русь», которой Ларина дала высокую оценку. Горичев не раз вел с нею личные беседы. И непосредственно в институте, и во время совместных прогулок по городу. Часто с пониманием и человеческим состраданием выслушивал ее жалобы на притеснения в институте со стороны «новых русских».

В августе 98-го зам директора школы Хакимов был свидетелем их встречи с Лариной. Экс — подполковник был просто шокирован тогда ее теплым и благосклонным к нему вниманием. Не случайно свое удивление он облек в вопрос?

— Не роман ли у Вас?

— Нет, просто общая любовь к науке.

— За наукою можно утратить интерес к хорошенькой женщине, — по-товарищески упрекнул его приятель. В суждениях о прекрасной половине человечества Денис Абрамович был поистине хватом. Из его поля зрения не уходила не одна смазливая особа, вплоть до черноволосой директрисы.

— У меня своя жена — красавица, — отшутился Горичев.

— Как знаешь, — был ответ.

В том же, багряном месяце, в кабинет историка, по направлению Лариной, явился недавно назначенный директором Ша-

ховской школы, представитель новой элиты господин Абовян.

— Меня Жанна Николаевна прислала перенять опыт вашей работы, — признался он, — я историю несколько подзабыл. И с планированием уроков никак не разберусь.

Василий Павлович не только помог, но и снабдил знакомца необходимою литературой. В том числе, вняв его просьбе, подарил ему свою «Историю России», начертав на обложке книги собственноручный автограф.

Все это было. И у Горичева не оставалось сомнений, что Ларина, по крайней мере, неплохого о нем мнения, как о специалисте. Поэтому, увидев ее в своем кабинете, хотел, дружески, воскликнуть:

— Ба! Знакомые все лица!

Однако во время осекся. Хмурые взгляды дам, не располагали к радушию, тем более к флиртам. Интуиция его не подвела. То ли по причине ее продолжительной болезни, о которой оповестила педсовет Никонова, то ли по особым морально — этическим соображениям, Жанна Николаевна, вдруг запамятовала давнего знакомого и представилась ему официально. При этом старательно перечислила все свои известные регалии. Логика понятна. Получив соответствующие инструкции — бить Горичева, к тому же являясь членом единого управленческого клана, она сразу дала понять опальному учителю: кто есть кто?

Она немного выглядела странно:
В ее глазах улыбка не цвела -
С надменным видом методистка Жанна
Заговорила сразу о делах.

Начала Ларина с «пренеприятного известия». Разместившись основательно, за учительским столом, положив перед собою общую тетрадь и черного цвета, авторучку, она сказала:

— Василий Павлович! Со мною вместе к вам должна была придти инспектор ОБЛОНО Горшкова, да, видимо, дела задержали.

— Из областного управления! Мама моей прежней ученицы. Ко мне — грешному. А почему не сам Министр?! — не удержался от шутки Горичев.

На удивление, его юмор был благосклонно принят. Видно,

старая дружба давала о себе знать. Потому, в отличие от экспансивной Рыковой, гневно воспринявшей, на ее взгляд, неуместный каламбур, она продолжала говорить спокойно и деловито:

— Министр народного просвещения, действительно, намеревался посетить наш город, но губернатор не дал ему зеленого света. Он узнал, что новый премьер перетряхнул правительственный кабинет и назначил на его место другого министра.

— Вот незадача, — улыбнулся историк, — штормит вверху, а круги уже достигли провинции.

— И вас тоже они коснутся, — встала со стула Ларина, — сейчас мы побудем у вас на уроке. Посидим, послушаем ваших ребят и сделаем выводы.

Вослед за главным методистом города и области на урок в 10-а отправились также, сопровождающие ее Рыкова и Орлова.

С целью более углубленного изучения пройденного материала, Горичев выбрал для учащихся ряд тестов кандидата исторических наук Кандиевского, из раздела отечественной культуры. Они были опубликованы в третьем номере журнала «Преподавание истории в школе» за 1996 год. Решил так: и ребятам будет интересно поработать с «тестами», и проверяющие не без пользы для общей эрудиции, освежат свою память.

Учитель преднамеренно отказался от внешних эффектов, умозрительных педагогических приемов, поскольку считал, что его творческие возможности и способности, присутствующим давно ведомы, а поражать их воображение своей «ученостью» просто глупо. Тем более что изучаемый материал, сам по себе обнаруживал и его умение «вести дело» и его эрудицию.

Ученики целиком доверялись учителю, были активны, жизнерадостны, а порою, и остроумно находчивы. Урок, как урок. Самый обычный, рядовой, какие он преподал не одну сотню за свою долгую педагогическую карьеру. Особенно отличившимся ученикам — Костикову и Рощину учитель поставил по скромной «четверке», а когда прозвенел звонок, с благодарностью за проделанную работу, отпустил десятиклассников на перемену.

...Начался анализ проведенного урока. Не было — ни квартета, не трио. Рыкова и Орлова предусмотрительно хранили «гордое молчание». Состоялся лишь диалог с главным методистом.

— Василий Павлович, — предложила она, — разрешите, я

выскажу вначале свои замечания, а потом мы послушаем вас.

— Конечно, пожалуйста, вы проверяли, вам и карты в руки, — с готовностью согласился Горичев.

Развернув свою тетрадь, со свойственной ей увлеченностью Ларина стала разбирать «завалы» методической премудрости.

— Мы с вами — специалисты, — начала она, — и понимаем, что всякий исторический вопрос рассматривается в четырех ипостасях: политическом, экономическом, социальном и духовном. Математика учит логике, так я учу своего сына, что с интересом занимается вместе со мною. Но история, в свою очередь, дает возможность выработать логическое мышление. Это вам, надеюсь, понятно?

— Да, да, конечно, — кивает головой учитель.

— Но а, где у вас в планировании данная тема?

— Она у меня в плане общего повторения.

— Видите, ее нет. Вы ни разу не использовали доску. Тесты должны лежать на столе у каждого ученика — их тоже нет. Вот вы назвали имя основателя Киевской — Печорской лавры монаха Антония из Любеча и все. А о нем надо было дать, отдельно, развернутый рассказ — это бы украсило ваш урок.

— Всего за 40 минут не предусмотришь, — оправдывался он.

— У вас, мне говорили, нет поурочных планов. Так ли это?

Ответ на этот вопрос был идентичен объяснениям его у заведующего РОНО Правдина Константина Михайловича.

Без поурочных планов, бедолага,
Шел на урок,
Да, как ты только мог!?
Раз не хватает денег на бумагу,
Черкнул бы президенту,
Чтоб — помог!

Ларина между тем продолжала упрекать:

— В годовых планах у вас нет соответствующих дат, как и отсутствуют карточки учета знаний.

— А журнал на что?

— Для общего анализа. И еще. Я ознакомилась с вашей «Историей России». Там есть ценные главы о централизации Руси,

другие темы освещены слабее. Но нельзя только на своей книге зацикливаться. Нужно изучать официальные учебники — Кацву, например, и других авторов, а книг у вас нет.

Василию Павловичу, вдруг, вспомнилась первая встреча с директором Рыковой и ее наставления: «Для наших ребят главное не знания, а способность учителя увлечь их яркими эпизодами из истории страны. Проявить артистизм, хотя бы на уровне, массовика — затейника. Тем более что учебников у нас мало, а новых совсем нет». И, как радовалась, что появилась в школе его «Русь». Позже ругали за излишнюю требовательность к учащимся, а теперь выуживают из него специфических знаний ученого методиста. Такие, столь неожиданно резкие контрасты, и сильного учителя собьют с толку. Невольно складывались строки:

Ты в планах на год — не расставил даты.
Своею «Русью» только застишь свет.
Нет книг! И в этом виноват ты!
Нам нужен методист, а не поэт.

Жанна Николаевна еще долго и страстно отчитывала Горичева и, что вполне естественно, повторила весь тот «компромат», который он уже слышал ранее от Рыковой и Орловой. Когда, наконец, выдохшись, она умолкла, то Василий Павлович неожиданно поймал себя на мысли, что перед ним сидит, не прежняя розовощекая, улыбчивая методистка Жанна — так она за последний год постарела, осунулась — укатали знать Сивку крутые горки. На худых щеках — ни румянца, ни свежести. За тусклыми стеклами очков видны были усталые глаза в неровных обводах морщин.

Подумалось: знать, не сладки институтские хлеба?! Госпожа Никонова, к примеру, на десяток лет старше, а выглядит куда моложавее. Ларину, как видно, не приняли в разряд «новых русских», она — умна и самостоятельна, совестлива, к тому же. Не годится Жанна Николаевна для роли ниспровергателя с пьедестала популярности непредсказуемого Горичева. Он не глуп. Хотя, при желании, и медведя можно низвести в собачонку. Но такая миссия ей явно не приятна. От этих пустых разборок — мутный осадок в душе. Однако это хорошо понимал Горичев, инстинкт

самосохранения не позволит ей выйти из оглобель, в которые ее впрягли обстоятельства, воплощенные в злой воле Никоновой — Рыковой.

Из оцепенения раздумий о превратности человеческих судеб, Василия Павловича вывел, вдруг, усилившийся голос главного методиста.

— Я в основном свой разбор закончила, — Жанна Николаевна подняла усталые глаза на испытуемого, — теперь, пожалуйста, говорите вы. Но, только по существу дела.

— Благодарю, — согласился учитель, — у меня предварительная просьба — набраться терпения и выслушать спокойно все до конца. Хотя бы, как это делаю я сам.

— А вас, что — никто не слушает? Или мешают говорить?

— Бывает и такое. Чаще мои оппоненты сами говорят много и страстно, но после двух-трех моих ответных фраз — впадают в гнев, а то и в истерику. Так я и оказываюсь без вины виноватым. Но, ведь всякий подсудимый имеет право на ответное слово.

Орлова и Рыкова, прекрасно поняв, в чей огород брошен камень, многозначительно переглянулись и словно кошки, сжались в тугой комок, тотчас готовые к прыжку.

— Да, разумеется, хотя мы и не на суде, а ведем равноправную беседу — насторожилась и Ларина, — но ваше желание логично, а потому мы его учтем. Пожалуйста, говорите.

— Ваш монолог нахожу интересным и полезным, в нем подкупает искренность — Горичев скромно улыбнулся, — многое из сказанного — верно, хотя ряд обвинений — надуман и беспочвенен. Недостатки свои вижу, буду исправлять. В практической работе я следую указаниям директора — пробуждать интерес к знаниям. Теперь, по степени активности ребят на уроках, по их горящим глазам, по уровню содержания их ответов, вы, если подходить беспристрастно, можете сделать вывод, что поставленная передо мною цель — достигнута.

— О, как вы себя хвалите! — не удержалась от язвительного восклицания главный методист.

— Ничуть, — не согласился Горичев, — вы одного не учитываете, что находитесь не в обычной, а в коррекционной школе. Здесь, правильно отмечала Рыкова, есть своя специфика. Что касается лично меня, то я весь на виду. Не мудрствуя лукаво,

скромно делаю свое дело. В том, надеюсь, и администрация школы убедилась.

Если же вы Жанна Николаевна объективны, а не наводите тень на плетень, то вам и карты в руки, коль я так плох: составьте соответствующую бумагу и увольняйте меня по несоответствию занимаемой должности.

Ларина заметно вздрогнула. Прямая постановка столь острого вопроса, видимо, не входила в ее расчеты. Она ответила честно:

— Я не имею на это права.

— В таком случае, пусть мне вынесет импичмент госпожа директор. Она давно этого добивается, в том числе и с вашей помощью.

— Как?

— Зачем лукавить? Педагогика, как и Восток — дело тонкое. Эта наука воспитания требует от просвещенцев любого ранга — чистой души и благородный помыслов. Вы же, как видно пришли на мой урок с не добрыми, а простите, **черными** целями.

Последний эпитет произвел настоящий переполох среди господ — проверяющих, забывших об обещании долготерпения. Все трое, вдруг, активно завозились, засуетились, словно на них напал осиный рой.

Ларина, сидевшая напротив учителя, резко встала. Нервно собрала со стола бумаги, положила их в сумку и решительно направилась к выходу. На прощание, бросила своему собеседнику:

— У меня все Василий Павлович! До свидания!

— До будущих встреч! — в тон ей отозвался Горичев.

Вослед за Жанною Николаевной покинули исторический кабинет, не издавая единого звука и Рыкова с Орловой. Было ясно, что «мучителей толпа» задачи своей не выполнила — **импичмент не состоялся.** Что-то, где-то не сработало. Какой — то невидимый винтик дал сбой. Но, долго ли «машина мести» будет работать, на одном — холостом, ходу? — ответ на этот вопрос все еще продолжал мучить опального историка.

Глава девятнадцатая

ИЗГОИ, ИЛИ «ЧЕРТОВА ДЮЖИНА»

Их ровно 13-ть, а может и боле,
Изгоев — на нищий базар,
А кто слег в могилу -
по Рыковой воле,
С отчаянной грустью в глазах.

Удивительно добродетелен и жалостлив русский человек. Будучи нищим сам, он непременно протягивал руку помощи своим и чужим собратьям. Таковым «рубахой — парнем», он пребывал за всю 1000 — летнюю историю Российского государства. Всепрощенчество и сострадание, простота и легковерная до глупости доверчивость, его губили всегда. Поверив в фальшивые лозунги, типа «кто был ничем, тот станет всем», он, позабыв о национальной гордости великороссов, отдал чужеродным иноверцам власть над собою в 17-м и 91-м годах. В эпоху советской демократии и ныне, когда мы построили буржуазно — криминальное государство, когда бандиты заполнили собою не только вражеский телеэкран, но и чиновные приемные, улицы городов и далеких сел, он все еще пребывает в эйфории благоденствия.

Порою, сам, ежась от страха ограбления или глумления над его личностью, он стремится выразить свое сочувствие тому, кто «сидит за решеткой в темнице сырой». Еженедельно «нерусское радио» ведет передачи о заключенных и для заключенных. Тут и конкурсы слезливых песен, и божественно — спасительные молитвы. Не спорим, что в тюрьмах, порою, содержатся и невинные и совершившие преступления по оплошности. Но, ведь в основной массе там находятся совсем не праведники. И к ним должна применяться кара, выраженная в убеждениях капитана Жеглова, устами Владимира Высоцкого, которая гласит: «Вор должен сидеть в тюрьме!».

Современные демократы, деморализовав наше общество, нередко демонстрируют нам камеры смертников, обитатели ко-

торых, давно не верящие — ни в черта, ни в Бога, вдруг, образумились. Стали истинными христианами. Они читают скорбные молитвы о спасении души, бьют челом о паперть. Все отлично понимают, что это все — лицемерие и ложь, но сочувствуют, умиляются. Библейское «око за око, зуб за зуб» отвергается. Сами же сердобольные правители, отгородившись от народа охраной, додумались ввести мораторий на смертную казнь. Это, дескать, негуманно и является нарушением Декларации прав человека, принятой ООН. Кто сегодня считается с ООН? Те же США, НАТО, Израиль давно не признают его установлений. России же упорно навязывается то, что ее еще более разоряет и ослабляет. Ведь тех же убийц кормить нужно. И тем хлебом, которые растят для него бывшая или будущая жертва. «Смертники» амнистируются и вновь возвращаются к своему разбойному ремеслу.

В отличие от русских гуманистов, у кавказских народов существует «кровная месть». Прежде, чем поднять кинжал — хорошо подумай о судьбе своих родственников и близких! Это воспитывает надежнее всяких тюрем.

А, как коварны и жестоки, порою, женщины! Юные еврейки, ловко и сноровисто метали бомбы в царствующих особ. Не менее, прекрасные чеченки, привязав к своей гибкой талии «пояс шахида», с возгласом «Аллах Акбар» — пускали под откос поезда, взрывали метро, автобусы и автомобили. Белокурые латышки — снайперши беззастенчиво, за доллары, расстреливали русских солдат. Киноэкран продемонстрировал нам изящное искусство «соблазнять» международной шпионки Мате Хари и уголовницы — еврейки Соньки Золотая ручка.Сексуальная похотливость Ксении Собчак, порочная развращенность эстрадной примадонны Аллы Пугачевой отравляют нравственное чувство юных граждан страны.

Вспомните, сколько было несчастных жертв на совести миледи Винтер, героини романа «Три мушкетера» Александра Дюма? Она не имела право на прощение, но ее змеиные ухватки, притворные клятвы и лживые слезы, сбили с толку не только глупого английского офицера, но и благородного, не лишенного остроумия Д, Артаньяна.

Галантные кавалеры — рыцари, добропорядочные дамы готовы простить — блудницам, палачам и насильникам их прегрешения, но не прощаютобид, нанесенных им людьми — гордыми

и честными. Виною тому — ложный гуманизм и, порою, холодный расчет предстать «в свете» с ликом благодетеля. А чаще всего здесь срабатывает инстинкт самосохранения, выражающийся в известной русской поговорке — моя хата с краю, я ничего не знаю. Или: меньше знаешь — спокойнее спишь. Прав писатель Бруно Ясенский, утверждавший, что самые опасные люди на земле — это равнодушные. Они не убивают и не предают, но это с их молчаливого согласия совершаются все убийства и предательства.

Распоясалась бы инспектор РОНО Никонова Виктория Дмитриевна, если бы педагоги школ, с которыми она сталкивалась, дали бы отпор ее наглости и цинизму? Конечно, нет. Но, она продолжает шествовать гордой хищницей, ибо видит вокруг себя трусливых и покорных зайцев.

Семь лет проливает притворные слезы, по поводу и без повода директриса Рыкова Галина Ивановна. Ей сопереживают. Впрочем, чаще всего с расчетом, лицемерно. Но мало сочувствуют тем, кто становится жертвами ее коварных дел и поступков.

Объективный историк Николай Карамзин поведал, как нередко истязал себя кровожадный Иоанн Грозный? Сутками постился и молился, взывая милосердие Божье. Устав же от молитв и слез, начинал все с начала.

Стоит отметить, что русский царь, Иван 1У погубил, вместе с опричниками, всего-то три тысячи душ. Тогда, как боготворимый Наполеон отправил на тот свет миллион, только своих соотечественников — французов. Но, ни в какие сравнение с ним не идут такие палачи народов, как: Чингисхан, Батый, Ленин и Гитлер. Многие миллионы душ отправили на тот свет: английские колонизаторы и американские расисты — демократы.

Обескровили русскую нацию и современные криминальные демократы России. Именно, к «новым русским» причисляла себя и сентиментальная госпожа Рыкова. Эта современная «миледи Винтер» со своим диким и необузданным характером загубила жизнь или перечеркнула судьбу многих невинных душ. Ее жертвами, за семь лет (1993-2000), ее правления в коррекционной школе, стала «чертова дюжина», только педагогов. Технические работники — не в счет, их тасовали, как карты в колоде. И это в заведении, где на постоянной основе, трудятся не более 2-х де-

сятков учителей. По существу, обновлен весь состав. Изгоями стали: Никифорова, Фатеева, Букин, Корнев, Сырова, Александрова. А также: Саенко, Ветрова, Петренко, Раджабова, Югова, Аркадьева, Жукова. Кратко о том: почему они стали неугодны школьному диктатору Рыковой?

Учитель иностранного языка **Никифорова** была уволена лишь потому, что было необходимо пристроить, на ее место, Рогову Надежду Кузьминичну:

Ее изжили грязно и бесчестно:
Никифоровой только в том вина,
Что для подруги нужно было место,
Ведь Надя — офицерская жена!

Историк **Фатеева** оказалась сектанткой — это ее и погубило:

Все суетилась — Библии молилась,
Ребят водила к духам на поклон.
Директор ненароком рассердилась,
И раздалась ее команда: «Вон!».

Историк — инвалид по зрению **Букин**, преждевременно, ушел в могилу потому, что не вынес издевательских упреков Рыковой, типа «Школа не богадельня!».

Бог Рыковой не подарил терпенья,
Она, забыв, приличия и такт,
Ему сказала: «Мы — не богадельня!»
Несчастного, тотчас сразил — инфаркт!

Молодой историк **Роман Сергеевич Корнев**, не пожелавший «шпионить» за Горичевым, невольно сам оказался опасным для администрации:

За то, что смирным быть не обещался
«Опального», избрал себе в друзья,
Его принудили со школою расстаться,
Такое зло простить — никак нельзя!

Учитель русского языка и литературы **Саенко Нина Ильинична** уволена за то, что отказалась участвовать в травле главной оппозиционерки Александровой:

Одна, с детьми, без денег и прописки,
Саенко Нина — добрая душа,
На подлость, что толкали — не пошла,
За то и стала жертвой «сталинистки»!

Филолог **Александрова Регина Алексеевна** вызывала страх у администрации школы, как главный организатор «дворцового переворота 1993», приведшего к падению режима власти Власовой — Иванова. Во избежание нового, подобного катаклизма была хитроумно изжита, воцарившейся на престоле «чайной королевой».

Два года методично директриса,
Сживала со свету опасную «Актрису».
Заветная мечта ее сбылась:
Регина, как не тужилась — сдалась!

Студентка — историк **Ветрова Лариса Петровна**, проявила себя не добропорядочной квартиранткой. К тому же она разгласила тайну незаконного приобретения директором ее новой обители. Рыкова, официально, обвинила Ветрову, в мании величия и отправила на базар — колготками торговать.

Лариса лишь полгода — тихо, мирно
Жила — цвела в директорской квартире.
Ну, а потом, знать окатило жиром,
Не стало — ни работы, ни квартиры!

Учитель труда, азербайджанка — переселенка **Раджабова** была изгнана из школы за справедливые обвинения директора в том, что она использовала ее труд швеи, в своих корыстных целях.

В угоду «королевы», спозаранку,
Портняжила все дни, азербайджанка.

Лишь сунулась некстати в бухгалтерию,
Утратила работу и доверие.

Учительница физкультуры **Сырова Марина Федоровна** была обвинена, в увлечении «зеленым змием», и это при всеобщей алкогольной распущенности. Основная причина не удовольствия администрации — ее независимый, свободолюбивый характер. Она осмеливалась служить делу, а не лицам. За что и поплатилась:

Бывает так: начальники воруют,
А, кто украл без них, того шельмуют.
И с Сыровой подобная картина:
Все пили, а виновна лишь — Марина!

Военрук и преподаватель ОБЖ майор запаса **Петренко Виктор Герасимович,** как физкультурница Сырова, держался не просто независимо и непринужденно, но и по-рыцарски, смело. Данная, мужская черта, как и прекрасный голос, которым он воспламенял, нежные сердца дам, на вечерах и концертах, снискали ему уважение в педагогическом коллективе. Будучи профессионально военным человеком, он держал среди школьников строгую дисциплину и неукоснительный порядок. Безалаберным подросткам это было явно не по нутру. Она жаловались на него администраторам. Когда Рыкова пыталась его приструнить, то он осмелился не только возражать, но и упрекать ее в потворстве школьным хулиганам, в ее неумении руководить и воспитывать. И посоветовал поучиться этому искусству у педагога Макаренко.

— Вы вредная личность, — выпалил он как-то в глаза обескураженной «королеве».

— Второй хохол Макаренко явился! — прорывало от негодования диктатора, — вот я тебе устрою Варфоламееву ночь.

И устроила. Как и Сырову, военрука обвинили в пьянке. Обидевшись, Петренко перешел на работу в другую школу. Но, и тут она достала неблагозвучного майора. Когда Виктору Герасимовичу потребовалась характеристика, то Галина Ивановна вложила в нее всю накопившуюся желчь. Возмущенный подобным обстоятельством, Петренко, в кабинете секретаря Горевой произнес гневный монолог:

— Я 25 лет отдал службе Родине. Позже трудился в ряде учреждений и ни где, никто, так низко и грязно, меня не обижал. Сама же Рыкова не расстается с бутылкой, в ее кабинете — вечные застолья. Меня же незаслуженно чернит.

— Вы взрослый мужчина, старший офицер, а все никак не усвоите, — вразумляла оратора секретарь, — что положено Ивану, то не положено Петру.

— Выходит, Рыковой все можно?

— На то она и директор! — подобострастная старушка, подобие Малюты Скуратова, оставалась верной своей самодержавной правительнице.

Так украинец Петренко, вослед за азербайджанкой Раджабовой стал второй из иностранцев, жертвой деспотичной директрисы:

Он был, что надо, рыцарь чернобровый,
В карман, как говорят, не лез за словом.
За то был Рыковой изрядно опорочен,
Она ушла его с «билетом волчьим»!

Музыкальный работник **Жукова Ирина Васильевна** пострадала вследствие интриг завуча Юговой, которая пыталась сделать ее своею «осведомительницей». Ирина оказалась девушкой с характером. Не подалась уговорам «азиатки» — на низость не пошла. В результате «ослушницу» вынудили покинуть школу.

Плясала, пела Жукова Ирина,
Но, злая завуч подложила мину.
Надолго в школе скрипка замолчала,
Но, кто разделит девичьи печали?

«Азиатка» — математик **Аркадьева Светлана Геннадьевна** была освобождена от обязанностей «организатора», в пользу Роговой. Задержалась в школе, лишь благодаря своему талейрантному поведению:

Аркадьева — известный Талейран -
Сторонница уступок, компромиссов,
Всегда была готова на обман,
Чтоб скрыть свои доподлинные мысли.

Менее повезло другой «азиатке», филологу **Юговой Серафиме Федоровной.** Осмелившись соперничать с Рыковой, в борьбе за власть и самоутверждение, она потерпела полное фиаско. Не только уступила свое теплое место «генеральше» Краевой, но и едва не скончалась в больнице от пережитых потрясений. Об этом читателю доподлинно известно.

Судьба у Юговой -
И смех, и грех, и жалость -
Рвала, тянула,
Угодить старалась.
Но Рыкова подстроила
Измену -
Пред Краевой, поставив,
На колени!

На Юговой заканчивается «чертова дюжина» директорских «изгоев». Однако, еще не вечер. Ведь, как поется в песне, жизнь кончается не завтра. Будут еще у «сталинистки» Рыковой и новые жертвы. И мы постараемся о них поведать читателю

Работала в школе удивительная женщина. Полная, дородная, благочестивая. Происходила из забытого рода столбовых дворян Гончаровых. О том, по секрету, сама, географ и художница Алексеева Анжела Викторовна признается Горичеву. С ним она любила беседовать обо всем — истории, литературе, искусстве. И, конечно, о житейских делах, школьных заботах и горестях. Будучи всесторонне развитой личностью, широко образованной, отмеченной даром прорицателя и провидца, она к тому же являлась подлинным мастером живописи. Многие, а не только его исторический, кабинеты школы были украшены ее картинами. Со стен взирали на зрителей, изображенные ее тонкой, изящной кистью — писатели и артисты, ученые и композиторы, вожди и герои, полководцы и сказочные богатыри.

Известно, что талантливые люди, чаще всего подвергаются со стороны властей преследованиям и остракизму. Художественный талант, неординарность мышления, глубокое и тонкое восприятие окружающей действительности, само по себе, вызывает у чиновников зависть и сопротивление. Привыкшие, всех

стричь под одну гребенку, они не желают считаться с личностью. Всегда стремятся подмять ее под себя. Ведь не случайно многие ученые-утописты мечтали о просвещенном монархе. Где они? Был таковым правителем в древнем Самарканде — астроном и философ Улугбек. И что же? Его убили воинственные, но бездарные родственники. Если таковое не случилось с просвещенной монархиней Екатериной 11, то только потому, что она ко всем прочим достоинствам присовокупляла талант политического деятеля.

Анжела Викторовна Алексеева не была искусным дипломатам. Никогда не хитрила и не перед кем не заискивала. Потому и оказывалась открытой и незащищенной. Директор Рыкова запрещала ей дружить с «Актрисой», Власовой, Горичевым, затем с Юговой. Но всегда получала от свободолюбивой художницы отказ. Галина Ивановна своими издевательствами довела впечатлительную и ранимую Анжелу Викторовну до больничной койки. Она же, возвратившись в строй, вновь продолжала свою демократическую линию.

Алексеева, хотя и поддерживала связь с оппозиционерками Васильевой и Леоновой, но резко отличалась от них своим бескорыстием и порядочностью. Ведь, что греха таить, камень преткновения между членами оппозицией и администрацией лежал в плоскости материальных интересов.

-Почему, — рассуждали Васильева и Леонова, — директору Рыковой и завучу Краевой можно доить государственную казну, а им нет? Как педагоги, они — хуже нас, да, ничего не стоят и как руководители.

Их точка зрения была хорошо известна начальству. Потому они, время от времени, закрывали им рты небольшими подачками — премиями. Бросали лающим псам — кость в зубы. Затем успокаивались до очередного лая.

Другое дело тандем Горичев — Алексеева. Этих учителей, более материальных отношений, интересовали идеологические, воспитательные проблемы. Такие, как союз семьи и школы. Мировоззрение и поведение подростков. Качество умений и знаний. Круг обязанностей и интересов. Степень их начитанности и культуры. Именно, те вопросы, которые меньше всего интересовали и оппозиционеров и горе — администраторов.

Горичев и Алексеева держались особняком и часто напоми-

нали бобров — отшельников. Они по опыту знали, что их попутчики — оппозиционеры, едва заполучив жирную кость, из вчерашних смутьянов превращаются в поклонников сильных мира сего. Они всегда готовы сбиться с ними в единую волчью стаю, чтобы начать совместную охоту на зайцев, типа Власовой-Иванова, а при случае и на бобров-отшельников.

Общность взглядов, единство целей, притягивали опальных педагогов другу к другу. Этому способствовали также взаимное доверие, искренность и обаяние их творческих натур.

Не приходиться удивляться, что Василий Павлович нашел в лице столбовой дворянки Анжелы Викторовной не только интересного собеседника, но и как, казалось ему, настоящего друга и советчика.

Не случайно, именно ей первой, историк решился доверить свою сокровенную тайну. Он передал на суд Алексеевой плод ночных бдений — свои записки о школе. Через неделю, после ознакомления с их содержанием, они встретились в ее географическом кабинете.

— Василий Павлович, дорогой голубчик мой, — мягко и душевно начала делиться она своими впечатлениями, о прочитанных очерках, — да вы меня просто свели с ума. Я все эти дни жила, как во сне, не в силах справиться с эмоциями и переживаниями. Вы, ну прямо Лев Толстой. Я 15 лет проработала в коррекционной школе. Казалось, что все, обо всех давно и подробно знаю. Но, мне и в голову не приходила мысль, что это можно описать так, как это сделали вы — умно и интересно. Однако важнее всего, так верно и правильно.

— Анжела Викторовна, — откровенно признался Горичев, — мне не похвала нужна, а ясность. Правдив ли я, на ваш взгляд, в своих оценках событий, характеров, образов? Или я что-то напутал, сгустил краски? Может, наоборот, о чем-то важном умолчал, пропустил?

— Да, что вы, голубчик?! — широко улыбалась художница, — все тютелька в тютельку, Что ни слово, то — золото. Все — истинная, правда. Не веришь? Чтобы убедить тебя, я хоть сейчас готова под каждою твоею строкою подписаться. Да, этой наглой и мерзкой Рыковой, что и впрямь, яко зверь «рыкает», совсем не место в школе. От нее вред один, а не польза. Она развратила весь педагогический коллектив, втянула его в пучину лжи

и стяжательства. Странно, как это вверху не видят? К слову сказать, а судьи — то, кто? Все те же — разбойники и растлители человеческих душ. Разорители и губители великой России. От того и получается: ворон ворону глаз не выклюет.

Такая высокая оценка его опусов со стороны добропорядочной коллеги, подвигла Горичева к мысли о превращении «записок» в настоящую повесть — драму о судьбах страны и ее маленькой модели — школы. Закономерным финалом ее должен стать суд над Рыковой и ее сателлитами. О том вопиют тени всех «униженных и оскорбленных» ими изгоев. Ведь большая часть из них, люди честные, «невинно убиенные».

В разряд таковых попала и Алексеева. Два года директор умышленно держала ее на 6-часовой ставке, лишь изредка подслащивая горькую пилюлю скромными выплатами за художественную работу, цена которой была на многие тысячи. Не выдержав нищеты, Анжела Викторовна перешла в соседнее профтехучилище, сделав его основным местом пребывания. Для школы же выполняла экстренные заказы, что носили редкий, эпизодический характер.

За то, что лицемерить не умела
И дружбу с оппозицией свела,
В зарплате утесняя, постепенно,
Ее директор «со свету» сжила.

Итак, налицо — «чертова дюжина» изгоев и плюс еще — одна. Но несытный административный молох продолжал отыскивать новые жертвы. Есть 14, значит, будет и 15-ая — это Горичев!

Казалось, сконцентрированы и брошены все имеющиеся в запасе силы на его импичмент — РОНО, ИУУ, ОБЛОНО. Инспектора, методисты, администраторы неустанно изводят бумагу, а он все еще — жив, курилка! Уже и его авторитетный покровитель Правдин Константин Михайлович ушел в забвение, а этот «невольник чести» все еще будоражит умы!

Ничего, потерпим. Скоро грядут экзамены — устроим ему еще одну изрядную головомойку! Не на нем, так на его учениках отыграемся. Кстати ученики заранее уведомлены, что их историк — персона нон грата, а потому, пусть бояться поддерживать

его. Станут отказываться сдавать — нам же плюс — история не в чести. Кто виноват? Конечно, учитель! Ну, заяц, берегись и помни, что твой номер пять.

3 июня 1999 года на экзамен по обществознанию, впервые за всю историю существования коррекционной школы, в коей и районные служащие — редкие гости, прибыла, не кто-либо, а, чиновница высокого ранга, инспектор ОБЛОНО Галкина Марина Федоровна. Этой чести школа была удостоена, благодаря, получившему широкую известность в просвещенческих кругах, преподавателю Горичеву. Сам педагог был готов ко всяким неожиданностям. Ожидать милостей от природы ему было не с руки.

Пять часов провела на его экзаменах в выпускных классах инспектор Галкина. И все это время строго следила и за учителем и за экзаменующимися ребятами. Задавала им бесчисленные вопросы. Комментировала их ответы. Активность ее поражала.

Когда Василий Павлович, хорошо приглядевшись к этой средних лет, симпатичной и вполне доброжелательной женщине, то неожиданно вспомнил, что Галкина вместе с методистом Лариной были у него на экзаменах еще, когда он работал в дневной школе. Видимо, и она его не забыла.

Результаты испытаний порадовали учителя. Все 18 его выпускников получили положительные оценки. Правда, председатель комиссии Рыкова, не преминула все-таки положить в бочку меда ложку дегтя — не утвердила «пятерку» Елене Маховой, как она того заслуживала. Однако вынуждена была констатировать ее твердые знания.

По окончании экзамена инспектор ОБЛОНО Галкина Марина Федоровна поблагодарила учителя, как она выразилась «за плодотворную работу и высокую эрудицию». Ее светлая улыбка, мягкое обращение и благожелательный настрой к нему вызывали недоумение директрисы.

Сразила Галину Ивановну до умопомрачения и другая неожиданная для нее новость. Она пришла в школу из стен педагогического университета, где их выпускница 12-а класса Екатерина Крылова держала вступительные экзамены на факультете журналистики. Героем ее экзаменационной темы «Расскажу о

хорошем человеке» стал ею преследуемый, учитель и поэт Василий Павлович Горичев. Данное сочинение было оценено на «Отлично», с чем и поздравила своего историка сама Катя, специально для того, явившаяся в школу, добавив, что он ее самый любимый учитель. Об этом она заявила ему, не в кулуарах, а публично, в присутствии учителей: Аркадьевой, Зайцевой, Пановой, Войковой, Краевой и Хакимова. Инспектор по делам несовершеннолетних, математик Аркадьева Светлана Геннадьевна, словно подлив масла в огонь, этот факт подтвердила своим комментарием.

— То, что Крылова — фамилия-то удивительно-литературное, — сказала она, — грезит вами — не исключение из правил, это не эпизод, а закономерность. Все мои выпускники уважают вас. Что же касается Орлова с Тенетиловой, обучающиеся к тому же в музыкальном училище, ребята способные, то они, вообще, от вас, без ума. Так прямо и говорят: «Василий Павлович — самый хороший и талантливый учитель всей школы!».

Похвала, ясно и кошке приятна. Горичева же волновал резкий контраст в оценке собственной личности: его боготворит молодая поросль выпускников, солидные же дамы — администраторы, как могут, унижают и корят. Истину же открыл один озорной мальчишка, сказавший: «Взрослые, всегда, что-то путают».

С успехом на экзаменах историка поздравила ветеран войны и труда, техничка Бокова. Это Алена Тихоновна сделала, как это было свойственно ее героической натуре, смело и открыто, в присутствии всей экзаменационной комиссии. В том числе и инспектора ОБЛОНО Галкиной Марины Федоровной. Та же, не преминула еще раз подтвердить и свое положительное мнение об историке и обществоведе.

Так ставка Рыковой на инспектора Галкину лопнула, как мыльный пузырь — 15-й изгой не только не состоялся, но и укрепил свои позиции.

Глава двадцатая

«БОРОТЬСЯ И ЛИШАТЬСЯ»

Каждый молится богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.
Омар ХАЙЯМ

«Бороться и лишаться» — это выражение из письма великого русского писателя **Льва Николаевича Толстого**. Вот фрагмент его.

«Мне смешно, как я думал и как вы, кажется, думаете, — писал Толстой своему корреспонденту, — что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаяния и путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно. **Чтобы жить честно, надо драться**, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать. И опять начинать, и опять бросать, и вечно **бороться и лишаться**. А спокойствие — душевная подлость».

В неотразимости и верности этих слов Горичев убедился с юных лет. Сельский житель, он часто слышал поднаторевшую фразу: «Ты никого не заденешь, и тебя никто не тронет». Ложь все это. Тронут, да еще как! Он, как-то попытался, тихо и мирно, разнять дерущихся пьяных односельчан. В результате был сам избит обоими хулиганами. Разве беспокоят мирные жители бандитов? Ответ однозначен — нет. Сами же они с их стороны подвергаются грабежам и насилиям.

Известно, что в тридцатые годы союзником СССР была Германия. В 1939, из Москвы в Берлин, наряду с другими, была отправлена телеграмма нашего бессмертного вождя: «Адольфу Гитлеру. Дружба, скрепленная кровью, останется на века. Иосиф Сталин». Этот «век» оказался трагически коротким. Уже через два года страна Советов оказалась в бушующем пламени Великой Отечественной войны.

Подобных примеров тысячи. Сколько раз Рыкова, стремясь усыпить бдительность, обещала Горичеву оставить его в покое?

Бесконечное число надежд и заверений. Но, лишь стоило ему расслабиться или случайно где ошибиться, тем более споткнуться, как на его голову сразу обрушивался каскад придирок и ложных обвинений. Опальный историк часто спрашивал себя: «Создал ли кто-нибудь гимн изгнанию, этой властной силе, творящей судьбу, которая возвышает падающего человека и под суровым гнетом одиночества заново восстанавливает и заново сочетает поколебленные силы души?». И сам же ответил — да. Такой гимн создал писатель Стефан Цвейг, автор романа «Жозеф Фуше».

Его главный герой — детектив француз Фуше, как несколько позже русские поэты — Пушкин и Лермонтов сетовал на изгнание и преследования. Они казались, всем троим, лишь досадной помехой на пути к вершинам, бесполезной остановкой, жестоким перерывом. Но ритм природы нуждается в подобных насильственных цезурах. Ибо тот познал всецело жизнь, кто проник во все ее глубины. Лишь удар, отбрасывающий назад, придает человеку наступательную силу. Постоянное богатство изнеживает, постоянное одобрение притупляет, как это случилось с Леонидом Брежневым, доведшего страну, под гром оваций и льстивых восхвалений, до полного порабощения и разложения ее партийными функционерами и коррумпированными чиновниками. Лишь перерыв придает холостому ритму новое направление. Только несчастье углубляет и расширяет познание действительного мира. Любое изгнание, любая опала — это суровый урок и наука. Они круто замешивают волю изнеженного человека, а колеблющегося делают решительным. Твердого, еще более твердым.

Для того, кто силен по-настоящему, опала означает не убавление, а, напротив, нарастание его сил. Так случилось и с нашими героями. Пережив изгнание, Жозеф Фуше становится министром внутренних дел правительства Бонапарта Наполеона. Вернувшийся из южной ссылки Александр Пушкин создаст прекрасные поэмы: «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», а затем появятся — его бессмертный роман в стихах «Евгений Онегин» и драма «Борис Годунов». Михаил Лермонтов, в свою очередь, возвратившись с мятежного Кавказа, порадует читателей своим замечательным произведением «Герой нашего времени».

Когда-то молодого Горичева, прочитавшего роман Алексан-

дра Дюма «Граф Монте — Кристо» буквально сразил чрезвычайно поучительный диалог узников замка Иф.

Отчаявшись от изнурительного одиночества, капитан Эдмонд Дантес, волею судьбы, оказавшийся в камере итальянского ученого и философа аббата Фариа, увидел и высоко оценил, упорство и изобретательность, с каким тот, в тяжелейших условиях заточения, изготовил чернила и различные инструменты. Но, более всего его поразили лоскуты рубашек, на которых несчастный его собрат — узник, написал свой труд об истории Италии. Эдмонд при том невольно воскликнул:

— Какую огромную силу ума вы потратили, чтобы дойти до цели! Чтобы совершили бы вы на свободе?!

Ответ писателя и философа его обескуражил, ибо аббат Фариа сказал ему следующее:

— Может быть ничего. Я растратил бы свой ум на мелочи. Только несчастье раскрывает тайные богатства человеческого ума. Для того чтобы порох дал взрыв, его надо сжать. Тюрьма сосредоточила все мои способности рассеянные в разных направлениях. Они столкнулись на узком пространстве. И вы знаете, из столкновения туч рождается электричество, из электричества молния, из молнии — свет!

Верность такого вывода подтвердила и беседа Горичева с его верным другом, инженером и литератором Сергеем Ивановичем Шмелевым. Когда Василий Павлович стал сетовать на свою изнурительную семилетнюю опалу в коррекционной школе, то его приятель неожиданно прервал его, твердо сказав:

— Да, ты Рыковой памятник поставить должен, а не сердиться на нее.

— Как! За что?

— Понятно, за опалу. За ту борьбу, которую она тебе навязала. Без нее ты бы не создал своей замечательной повести, как аббат Фариа своей итальянской истории, а Пушкин с Лермонтовым своих великих творений. Вот ты более 10 лет проработал в дневной городской школе. Без гроз и бурь. И, каков результат? Нулевой. Ты не написал о ней не то, чтобы повесть, но даже очерка. Вот тебе и свобода. Или, ты первые семь месяцев работы в коррекционной школе, сам говорил, только тем и занимался, что подобно герою Аркадия Райкина «пел да свистел». А что начеркал? Ничего. Вести записки и сочинять поэму «Русь» ты начал,

лишь после того, как тебе директор «выговором» по голове стукнула. Не так что ли?

— Так. Но борьба стоит нервов и здоровья.

— А, как иначе? Скажи, когда и где была, без жертв искуплена свобода?! Так еще классик сказал. Конфликт — это движущая сила творчества. Всякий поэт — бунтарь, сам же писал об этом:

Приятель, что не говори,
А все поэты — бунтари,
Из поколенья в поколенье,
И, я, увы — не исключенье!

Возьми Байрона. Он немец. Когда ему стало скучно в тихой Германии, он пошел умирать за свободу греков. При этом Байрон чудесно заметил: «Если у тебя нет возможности бороться за свободу у себя дома, так борись за свободу своего соседа».

— Вот я и воюю с Рыковой, за товарищей и соседей, чтобы число изгоев в школе свести к нулю. И не только с нею. Я всю жизнь, за разными промежутками, во фронтовом состоянии. Только тем и занимаюсь, что, стремясь жить честно, подобно Льву Толстому — борюсь и лишаюсь.

Диалог с другом подвигнул Горичева к давним воспоминаниям.

Родители Василия были рядовыми села. Хотя на собственном горбу хорошо усвоили истину, что трудом праведным не наживешь хором каменных, тем не мене в силу природной, крестьянской честности следовали другой — на чужой каравай, рот не разевай. С раннего детства отец и мать приучали его трудиться на земле: пахать и сеять, косить и метать стога, ухаживать за домашним скотом. После службы в армии — работал на заводе. Прошел путь от грузчика до старшего инженера. После окончания Ростовского университета долгие годы учительствовал и директорствовал в различных школах.

Страсть к печатному слову помогла ему из селькора дорасти до редактора областной туристической газеты. Он стал автором семи книг стихов и прозы. На всех жизненных перекрестках, ему приходилось неустанно сражаться за идеи добра и справедливости. Он часто терял работу, дважды исключался и восстанавливался в рядах партии. Бросал и опять начинал. И, никогда не ведал покоя.

Коррекционная обитель — это его последний педагогический рубеж перед грядущим выходом на пенсию, прощальная лебединая песня. Страстный книголюб он был твердо уверен, что «учитель до тех пор учитель, пока он — учится». Василий был прилежным учеником, набираясь разума — у книг, людей и природы. Особенно у последней. Об этом он признавался в стихах:

Своих учеников
Я как-то раз спросил:
— Кто первый наш наставник?
Назовите?
Ответов много разных получил:
— Отец и мать.
— Священник,
— Дед,
— Учитель!

Забыв попридержать лихих коней,
Посыпались горохом
Аргументы:
Отец увлек нас силою своей,
Мать согревала нас
Теплом и светом.

Священник кроткою молитвой ублажил,
Учитель познакомил с миром книжек.
— А, кто Адама жизни научил?
Не дед ли ваш? -
Спросил я у мальчишек.

Ведь он, как перст,
В раю был одинок,
Окрест сады лишь под небесным сводом.
— Да у него наставником был Бог.
— А, кто еще?
Конечно же — ПРИРОДА!

Не зря ее мы Матерью зовем,
Что кормит нас, поит и согревает.

И счастлив тот,
Кто звон ее ручьев
И шелест трав,
Всем сердцем — принимает!

Свою любовь к матери — природе Василий прививал и ребятам, часто увлекая их походами в березовую белую рощу, дальний лес, на берега прудов и речек. Являясь сам страстным рыболовом и грибником, он не только учеников, но и внуков своих — Максима и Настю приобщил к этим полезным и прекрасным занятиям.

Приятель Василия, поэт Николай Вялый, как-то поинтересовался:

— Ты все еще работаешь в школе?

— Да.

— Вот, наверное, тобою директор гордится? Ты же такой умный, образованный! Такого учителя на руках надо носить.

И, как был шокирован Николай Вялый, когда услышал в ответ раскатистый смех — Василия поражала наивность товарища.

— Что, может я глупость, какую, сморозил? — оторопел Вялый.

— Почти, так! — подтвердил он.

При этом, веселье, как рукою сняло. Василию пришлось рассказать Николаю о двух беседах с доцентом Университета искусств и культуры, членом Союза писателей России, земляком и другом, Александром Серафимовичем Логвиновым. Первая из них, состоялась в памятном 1993 году, после выхода в свет его сборника стихов «Отчий край» и похвальных статей — откликов в прессе и на радио. Горичев тогда еще трудился в дневной школе. И там никто до выхода книги не знал, что он поэт. Василий преднамеренно скрывал это от учеников и коллег. Ему не нужен был ореол поэтической славы. Для него авторитет отличного педагога был гораздо важнее.

Логвинов спросил тогда:

— Какова была реакция учителей школы на твои вирши?

— Вначале — удивление, затем — одобрение, — признался Василий.

— Говоришь, что тебя все любят, уважают. Что ты в школе руководил и профкомом и партбюро? И пропагандист ты знатный.

— Да, — подтвердил он, — за 10 лет, кроме премий и благодарностей, ничего не получал. В негативе за мною ничего не числится.

— Понятно, хотя все это — мишура!

— Как?

— Да, так. Долго ты в школе не задержишься.

— Почему?

— Тебе там просто работать не дадут — выживут!

— Но, у меня со всеми добрые, порою, теплые отношения. В 92-м я со сломанной в автомобильной аварии ногою в больнице лежал. Так учителя мне свою кровь на операцию добровольно сдали. И директор, даром что еврей, тоже. Он же мне спонсировал и средства на издание книги.

— Ерунда, — испортится! — стоял на своем убеждении, доцент.

— Объясни, глупцу, где тут собака зарыта?

— Весь секрет в нашей ментальности. Так уж устроен русский человек: бедствуешь — пожалеют, а чуть возвысился — растопчут! Зато у евреев, все наоборот: нет у Абрама машины — купят, нет денег — дадут. Но, если у Ивана появилась машина — сожгут. Такова психология нищеты, чтобы жил, как все — не выставлялся.

Будто в воду смотрел его ученый земляк. И, года не прошло, как Василий оказался уже в коррекционной школе. Почему? Потому, что его просто спровоцировали на конфликт с учеником. Взрослым инородцам, влюбленным в поэзию Анны Ахматовой не нравилось его патриотическое начало. Горичев, к примеру, пишет:

В родном краю мне все любимо -
Долины, рощи, неба синь.

— Автор не создает образы, а лишь перечисляет предметы своего видения, — издевались они, — причем, во множественном числе. Ясно, что — графоман. Другое дело Блок, с его утвер-

ждающими ритмами: «Аптека. Улица. Фонарь». Тут все на своем месте. И без всякого патриотизма.

Неуважение к поэту перекинулось на, непочтение к учителю Василий не выдержал, начавшейся травли и подал заявление на увольнение.

Уже в 1995 году, после публикации новой работы Горичева «Русь», с Александром Серафимовичем, начатая два года назад беседа о русской ментальности, получила свое логическое продолжение.

Доцент Логвинов признался земляку:

— Я дал прочесть ряду профессоров-историков твою поэму — хронику «История Государства Российского». И что же? Все одобряют. Говорят — серьезная, любопытная вещь. В просветительском плане, она — весьма полезная. Вот только научного аппарата не хватает. Но, знай, что если бы такую работу сделал еврей или татарин, то ему тут же дали степень — кандидата исторических наук. И «научный аппарат» нашелся бы! Ведь ты, с каких идейных посылок все написал? Ясно, что с позиции любимой матери — рядовой русского села. Именно это нынешним ученым и властным демократам — не по нутру.

— Н — да, — сокрушался Горичев, — но я сочинял в соответствии со своими убеждениями.

— Правильно. Как раз твои убеждения расходятся с их целями. Кто пишет учебники истории и обществоведения? Понятно, что — победители. Тебе, надеюсь, не нужно объяснять, кто взял в 1991-93 годах власть в стране? Именно, — буржуазные демократы. Они и заказывают музыку.

— Это, несомненно — **драма России**. Но то — институтские профессора. Я же работаю в школе.

— Все одно. И в школе завистников и недоброжелателей — пруд пруди.

Николай Вялый, внимательно выслушав весь долгий рассказ приятеля о его творческих и жизненных злоключениях, сказал:

— Восхищаюсь твоим мужеством и последовательностью в убеждениях. Ведь у нас, кроме Родины, ничего святого не осталось. Патриотов же совсем мало. Ведь не зря возмущается поэт Валерий Хатюшин, когда пишет:

Безвольные, — уходим в мир иной,
Врагам, раздав моря, леса и долы,
Забыв, какой кровавою ценой
Их сберегли отцы в борьбе святой,
Перетерпев все смуты и расколы.

Пора понять, где восседает враг
И от кого теперь спасать Россию,
Чтоб над Кремлем
Взметнулся русский флаг,
Давно пришла пора собрать в кулак
Мужей Руси карающую силу!

— И не только Хатюшин, — заметил Горичев, выслушав декламацию приятеля, — но и прозаик Ярослав Голованов о том же говорит. Вот его слова: «Мы совершенно потеряли, забыли, замордовали в себе чувство собственного достоинства. Мы перестали быть гордым народом». Нас даже не вдохновляет пример бесстрашной борьбы за национальную идею тех же чеченцев и арабов.

— Есть ли у вас в школе, подобные, хотя бы тебе «мужи Руси»? — поинтересовался Вялый.

— Трудный вопрос, — засомневался Василий Павлович, — есть военные ребята — татарин Хакимов, украинец Петренко. Но, они, как видишь, прежде всего, интернационалисты. Из русских, разве одна дворянка Алексеева.

Верный своей привычке анализировать и обобщать, Василий Павлович как-то сделал беглую зарисовку о своих коллегах. Педагогов он сравнил с птицами. Одни, как: Рогова, Краева, Зайцева, Ткачева, напоминают **попугаев**, что всю жизнь поют с чужого голоса. За это они, хоть и в клетке, но пребывают — в тепле и сытости. Другие — серые **кукушки**. Это — Югова, Аркадьева. Они изо дня в день высчитывают себе года, оставшиеся до заветной пенсии, чтобы, наконец, сбросить с себя — «кукушкин страх». Один философ назвал такой страх — стражем над бездной. Как же человеку удается преодолевать страх перед бездной и забыть об ужасе небытия? Казалось, что это невозможно. На самом деле — ничего в этом особенного нет. Все знают о своей

смерти и все живут, как ни в чем не бывало. Как будто впереди вечность. Может быть, так оно и есть. Актуальная бесконечность — вот тот истинный масштаб, в котором измеряется жребий человека. Обнаружив себя нагим и нищим в провале реальности, на краю бездны, он с особой силой осознает неустойчивость всего, что существует вокруг его. И неопределенность того, что есть он сам. Кто испытал однажды ужас от пустоты своей жизни, тот, охваченный метафизической тревогой, становится, тих и печален.

Однажды, верный друг Горичева, техничка Бокова Алена Тихоновна, сообщила ему по секрету:

— Василий Павлович, я была в приемной, у школьного секретаря Горевой. Там присутствовали и учителя. Могут подтвердить, как эта Малюта Скуратов в юбке с тоскою признавалась, что ее госпожа Рыкова боится вас. Мол, дескать, он все видит, все знает — сам директором работал.

Действительно, этот разговор подтвердила и математик Васильева.

— У кого, что болит, — рассудительно повествовала Зинаида Петровна, — тот о том и говорит. Раз тебя директриса боится, значит за нею короб грехов. Именно, из страха разоблачения, она и устроила на тебя охоту, используя в качестве гончих — инспекторов и методистов всех рангов. Ей страстно хочется расправиться с тобою, но только, как с Юговой — чужими руками. Свои длани, видать, коротки. Не по Сеньке, шапка.

«Отчего, так смелы, они — Бокова и Васильева? — рассуждал Горичев, — что осмеливаются диктатору резать матку в глаза? Скорее всего, потому, что не утратили совести и успели, будучи пенсионерами, сбросить с себя метафизический «кукушкин страх».

Третья категория педагогов, по теории историка, это — **иволги**. Они не поют и не кукуют, а только, как прекрасно выразился Сергей Есенин — «плачут, хоронясь в дупло». К иволгам можно отнести — Власову и Войкову. Они, хотя и пенсионерки, но дух раболепия превозмочь не могут.

Опаснее всего живется **соловьям**, типа Петренко и Алексеевой. Их песнями неизменно восторгаются, им завидуют. Но, их же и убивают. У тех же графов Шереметевых одним из любимых блюд были — соловьиные языки. Василий всегда с ужасом пред-

ставлял, это, какое количество «лесных колдунов» нужно было загубить, чтобы приготовить, хотя бы одно блюдо для избранных персон? Ведь и сами-то соловьи — птички невелички.

Не стало Шереметевых. Но охотников за «соловьиными языками» не убавилось. Соловьев ловили, сажали в клетку. Но всем известно, что в них соловьи не поют, ибо еще бессмертный Крылов доказал, что не поется вольным соловьям «в когтях у кошки».

Не поется и свободолюбивым поэтам при диктатуре. На 40 килограммов, почти на половину своего веса похудел Горичев, за время противостояния госпоже Рыковой. Сон и аппетит потерял. Но, в городской поликлинике, куда он обращался за помощью, никакой болезни у него не находили. Ему была, видимо, уготовлена судьба народного писателя Латвии Виллиса Лациса, который не от болезни умер, а, как констатировали рижские врачи, просто — сгорел. От работы, от психического перенапряжения. Ведь десятки «подметных писем» с угрозами «лесных братьев», он получал в свой адрес — было от чего содрогнуться и сгореть. Человеческая плоть — не сталь, она — хрупка и слаба.

«И все-таки, основная категория учителей — не птицы, — решил Василий Павлович, — а суть — **хамелеоны.** Эти мерзкие существа ловко приспосабливаются к обстоятельствам жизни, постоянно меняя свою окраску, поведение, ориентиры.

Ярким представителем этого юркого, изворотливого зверька, является физик и поэт

Иванов Игорь Константинович. Когда в первые месяцы пребывания Горичева в школе, ретивые администраторы к нему благоволили, то и он непременно поспешил разразиться в его адрес хвалебной одою:

Василия, я издали узнаю.
Он — с проседью, общителен, шутник.
Любовью пламенной к Отеческому краю,
Он в душу глубоко мою проник.

Я про него скажу, что наш он,
Учителя такого поискать!
Мать — Родину, красу весенних пашен,
Василий с детства начал воспевать.

Летят минуты, как снежинки тая,
Он так светло о людях говорил,
Что мне казалось, я давно их знаю
Как будто с ним деревню посетил.

1 марта 1995 г.

Согласитесь, что для физика, это вполне удачное стихотворение. А вот его второй опус, рожденный уже в день высадки в школе «космического десанта»:

Василий Павлович, мой печальный друг,
Зачем ты донкихотствуешь напрасно?
Опасного кольца все уже круг,
Твою судьбу представить мне ужасно!

12 мая 1999 г.

Явно, автор сочувствовал, жалел товарища. Но стихи передавал скрытно, втихую, боясь, как бы чего не вышло. Не преминул он сочинять бесчисленные панегирики и в адрес царствующей особы — Рыковой. Вот один из них:

Красою вашей насладиться рад.
И ваша речь сладка, что пью, как нектар.
Когда Вы дарите мне добрый взгляд,
Восторгом млею — это мой директор!

Правда, за эти и другие, подобные «восторги», ему здорово попадало от его подруги Власовой, которая публично его называла, не иначе, как — предателем.

— Когда я была директором, — суровела вздернутыми бровями математик, — ты мне проходу своими виршами не давал, а теперь, распутник, молодую директрису обхаживаешь. Изменник и есть, кто ты, еще?!

Иванов смущенно улыбался, но на оскорбления Анжелы Сергеевны, не реагировал. В полемику не вступал, лишь отшучивался: «Женщин надо любить, — сказал Шекспир, — и умер!».

Право, грех обижаться на такого любвеобильного и мягкотелого остряка.

Не мало педагогов представлялись Горичеву — **флюгарками** на крыше, что неизменно поворачивались строго в направлении ветра. Так существовать легче, а главное безопаснее. К дан-

ному разряду он относил: Панову, Рогову, Серову.

Особняком, могучим, с раскидистыми ветвями, **дубом**, среди жидковатой поросли, стоит зам директора Хакимов Денис Абрамович. Жаль только, что дуб-то, подобно лесному великану, которым некогда любовался герой «Войны и мира» князь Андрей Болконский, оказывается с дуплом — туберкулез легких не шутка! Однако, весною, в пору прилива солнечных лучей и земных соков, этот дуб преображается. Он радует окружающих своим величием и сочной зеленью. И совсем бывает не просто, горько — плачущей **рябине** — то бишь, «чайной королеве» Рыковой, к тому дубу подобраться.

«Опавшим кленом» выглядит физрук Гаев Яков Владимирович, пребывающий за свою строгость и взыскательность к ослушникам — ребятам, в вечной опале у начальства. Своими «двойками» он окончательно замучил не только нерадивых «отпрысков», но и их самих.

Сам же наш историк, виделся самому себе, как мы отмечали, соловьем в когтях у кошки, что не пел, а вечно барахтался, стремясь, наконец, вырваться на свободу, коей философы дали определение — познанной необходимости.

Необходимость борьбы вытекала из его принципа жизни: «Будь беден, но честен». Оставаясь таковым, он смело вступался, подобно Грише Добросклонову, за всех — униженных и обиженных. Чаще всего они предавали своего защитника. Он огорчался, неистовствовал, но потом все повторял сначала. Бацилла доброты к людям, как и любовь к Отечеству, его вечно — томили, мучили и жгли. Он всегда оставался личностью, повторяя вослед за великим ученым Вавиловым его мужественный афоризм: «Мы на крест пойдем, а от своих убеждений не откажемся!». Горичев часто напутствовал своих воспитанников:

— Вавилов — личность! Кто нам мешает быть, как он, смелыми и стойкими? Быть личностью — значит иметь способность ориентироваться в многообразии знаний и ситуаций, и нести ответственность за свой выбор, уметь противостоять отрицательным воздействиям.

Вот и теперь, на склоне лет своих и дней, он мог сказать, что всю свою сознательную жизнь, не только противился отрицательным воздействиям, но и не посрамил нравственных установок гения русской литературы Льва Толстого, призывающего — «Бороться и лишаться».

Глава двадцать первая

РАКОВЫЙ КОРПУС

Борьба всегда ведет к лишеньям,
Василий нервы сжал в кулак:
Диагноз — адское видение,
*Врач обозначил грифом — **Рак!***

Криминально-политический хаос в стране. Крайняя бедность. Многолетняя трепка нервов, со стороны школьных администраторов. Мятежные «набеги» инспекторов и методистов, как, и следовало ожидать, выдали свои черные плоды. Василий стал, по выражению родных и близких, свечкою таять на глазах. Он потерял всякий аппетит. Ел только омлет и манную кашу. Всякую другую пищу, даже хлеб, его подорванный неустанною борьбою за торжество справедливости, организм, неизменно отвергал. Пить мог лишь минеральную воду.

Жена учителя, Валентина Алексеевна, будучи сама медсестрою, безрезультатно испробовав на нем свои медицинские познания, сдалась, твердо настаивая на детальном врачебном обследовании. Василий отмахивался и отнекивался, ссылаясь, то на «инспекторскую проверку», то на государственные экзамены — не так поймут, да и ребят подведу. Все крепился, мужался. Однако настолько ослаб, что потерял всякий интерес не только к школе, но и, вообще к жизни. Оказавшись в городской бане, он смотрел в широкое зеркало на свою тощую фигуру и пытался шутить: это ж — узник Освенцима! Умереть ему было совсем не страшно, ибо боли, по существу, никакой не ощущал. Готовый отдать Богу душу и свое бренное тело, он совсем потерял страх перед смертью. Это было бы избавлением от всех напастей, что происходили в стране и обществе. Василий ощущал себя, как бы в вакууме, в пустоте. Тем не менее, никогда, никому не плакался, более того постоянно шутил над собою и окружающими. Но, умная и заботливая жена его, с глубокою скорбью осознавала всю трагичность положения дорогого для нее человека, и, не желая безвременной смерти мужа, решила действовать самостоятельно, раз Василию все трын — трава.

Валентина Алексеевна, понимая, что одной ей с ним не совладать, обратилась за содействием к свахе, матери их зятя Игоря, находчивой и предприимчивой, несмотря на зрелые годы, еще привлекательной женщины с исторической, княжеской фамилией — Разумовская. Антонина Афанасьевна горячо откликнулась на просьбу уважаемой родственницы и сердечной подруги. И вот взяв, как водится на Руси Великой строптивого и апатичного Василия, который не то что водить личный автомобиль, но уже и ходил с трудом, «под белы ручки», они силою повели его в заводскую поликлинику, где он стоял на учете. А из нее в городскую лечебницу.

Под белы ручки, словно паву,
Его по городу вели.
Он, воздавая дамам славу,
Слагал сонеты о любви.

Рентгеноскопия и другие медицинские процедуры, проведенные врачами заводской больницы, дали ошеломляющий результат. Вместо предполагаемой язвы, образовавшейся вследствие нервного истощения, доктора поставили безапелляционный **диагноз — рак желудка**. Причем, прогрессирующего действия. Требовалась экстренная операция. Горичеву тут же было выписано направление в областной онкологический диспансер, сокращенно ОООД. Выражаясь язвительным языком писателя Александра Солженицына, некогда побывавшем, в подобном лечебном учреждении, но благополучно дожившим уже до 90 лет, он был известен в городе, как — **раковый корпус.**

Именно, в его мрачные стены, Василий Павлович и был доставлен все теми же неугомонными дамами **под «грозны очи» заслуженного врача** Российской Федерации, заведующего абдоминальным отделением **Абрамова** Леонида Дмитриевича.

Знаменитый хирург оказался среднего роста, седовласым, крепкого телосложения 50-летним мужчиной в очках и белом халате. Внимательно изучив историю болезни и другие предоставленные ему документы, он строго и откровенно, изрек:

— Не дадите тотчас согласие на операцию — умрете! Не более чем через две недели. Все ваши органы, а не только желудок — в прескверном состоянии.

Женщины — свахи, сидящие поодаль, тяжело завздыхали. Такая мрачная перспектива их явно не устраивала. Василий же, не теряя присутствия духа, начал со свойственным ему юмором излагать свои доводы.

— У меня не рак, а язва, — улыбаясь, объяснял он, — врачи просто ошиблись. В нашем роду раковых больных не было. Но, а коль это язва, то меня можно, как Бориса Ельцина, вылечить без хирургического вмешательства.

Такое самонадеянное до наглости заявление пациента вывело из равновесия даже многоопытного хирурга. Абрамов решительно снял и протер, вспотевшие очки. Глядя в упор на Василия, он заговорил с ним фамильярно, на «ты».

— Но, ты же не президент! — иронизировал Леонид Дмитриевич, — да, ты не Ельцин, у тебя нет, уверен, его возможностей, чтобы потратить миллионы на проведение активной терапии.

— Значит, один выход — нож?!

— Другого пути я просто не вижу. Если верить диагнозу, то твоя запущенная язва стимулировала образование раковых клеток. Хотя я хирург и об этом с полной уверенностью могу сказать лишь после того, как вскрою твой желудок и сам, своими глазами все увижу и своими руками все пощупаю. Даже, если хотите, понюхаю.

— Операцию будете делать вы или кому-то из врачей поручите?

— Да, я! Если вы, конечно, не будете против этого. Ну, так что?

— Он согласен. Да-да согласен! — дуэтом выкрикнули женщины, опасаясь перерастания горячего диалога в конфликт, который мог только испортить все дело.

— В таком случае, — тоном, не терпящим возражения, доктор Абрамов подвел итог своему столь страстному разговору с необычным клиентом, — немедленно отправляйтесь в третью палату. Там мы тебя стационарно и обстоятельно обследуем и — на операционный стол! Вас же, дорогие дамы, я попрошу позаботиться о донорской крови.

— Все сделаем! Пожалуйста, не беспокойтесь! — страстно заверили доктора сердобольные свахи.

Данная беседа с заведующим отделением состоялась 13 июля

1999 года, а уже 21-го Горичеву предстояло испытать холодное острие металла. Накануне операции, 20 июля он сделал два прощальных звонка по больничному телефону. В первом случае он связался с другом — писателем Петром Родичевым и, оценивая критичность ситуации, дал ему наказ, как, в случае его смерти, поступить с двумя его рукописями, находящимися у Родичева на редактировании. В реальности трагичного исхода мало кто сомневался — с раком не шутят. От него, безвременно, скончались близкие друзья учителя — братья Иван и Василий Бондаревы. Другой звонок предназначался самому родному для Горичева человеку — восьмилетнему внуку Максимке. Не входя в подробности своего положения, дед, насколько мог, спокойно и ласково, напомнил ему о своей любви.

Как не странно, ведь даже врач — анестезиолог выражал опасения по поводу плохих его вен, слабости сердца и преклонного возраста, но многочасовая операция прошла успешно. Хвала поистине золотым рукам хирурга Абрамова! Ему удалось вырвать поэта из липучих лап смерти. Уже на третий день, у Василия, вдруг, чего долгое время не было, появился аппетит. Пропали — тошнота и головокружение. Тут еще сам Леонид Дмитриевич не замедлил с оптимистическим заявлением.

— Желудок твой отныне в полном порядке, — лечащий врач широко улыбался, — ты оказался прав. У тебя оказались, к большому сожалению, не одна, а целых — две язвы, но, к общему удовлетворению, не злополучный рак. Я их удалил. Гарантирую безотказность работы желудка — на 60 лет!

— Дай вам Бог оказаться пророком! — нашел в себя силы, что бы, по обыкновению, пошутить, отозвался больной.

— Так оно и будет! — уверенно заверил пациента Абрамов, при этом повторил, — показания на рак, к счастью не подтвердились.

— Прекрасная ошибка! — искренне обрадовался Горичев.

— Да. Это так. Заводские врачи, не с одним тобою, как говорят, маху дают. Аппаратура у них старая, негодная. И все-таки мы подстрахуемся — перепроверим. Частицу материи твоего желудка я уже передал в лабораторию, для выявления — на клеточный рост. Насколько, говоришь, похудел?

— На 40 килограммов. Было 86, а стало — 46!

— Ну, да ничего! В пансионат «Березка» путевку выпишем.

Там ты подлечишься, подышишь свежим воздухом и начнешь поправляться. Кстати, в «Березке» уже отдыхают твои друзья по палате. И профессор сельскохозяйственной академии Базиков Александр Александрович, и фермер из поселка Долгое, Стебаев Александр Иванович. Присоединишься к ним и потихоньку станешь жирок нагуливать.

— Спасибо, Леонид Дмитриевич! — чувство искренней признательности к этому замечательному доктору и душевно — ироничному человеку переполняло отзывчивое на людскую доброту сердце поэта.

— Не меня, а свою благоверную Валентину Алексеевну благодари. Коль она, с Антониною Афанасьевной, которой я, кстати, тоже делал операцию, не настояли, то тебя уже отпели б. Ты чудом выкарабкался. Две застарелые язвы — это до первого серьезного стресса. Перейди они в пропадшую воронку, и скальпель бы не помог.

— Не спорю — жена и сваха у меня золотые, как и руки ваши. Без вас бы мне не сдобровать.

— Возможно. Слышал — не куришь?

— Завязал. От дыма — весь мир в тумане.

— Похвально! Не то у нас русских, упрямство в крови: гром не грянет — не перекрестятся.

— Менталитет.

— Вот я и говорю, что многое в нас от самоедства.

— Никто, как русский не спасал других, никто, как русский, сам себя не губит.

— Смотрю, ты стихами Евтушенко заговорил. Может и сам, что пишешь? Недавно с тобою знаком, но чувствую, многое в тебе от философского отношения к жизни, от романтизма. Даже смерти не боялся — это меня, признаться, поражало. Размышлял, что в тебя больше? Отчаянной отваги комдива Чапаева с его громовым кликом — «Ура!»? Или безрассудной смелости от отчаяния, с каким обезумевший граф Пьер Безухов посылал проклятия французам. Помнишь, как, попав в плен, он кричал им: «Поймали меня! Кого — меня? Мою бессмертную душу!? Ха-ха!». Ты на операции все шутил. Обескураженный анестезиолог шепчет мне: «Больной на волосок от смерти. У него же брадикардия с аритмией, вены, ни к черту — не выдержит» Я успокаиваю его, говорю: «Сердце у него тихое, зато воля сильная. Вон, как смеется — и смерть ему нипочем!».

Знать бес отвел его от смерти -
Он и под скальпелем шутил.
Врачей, все видевших на свете,
Чем удивил и вдохновил.

— Смерти, все равно, не миновать, а я был заранее, готов к ней, — улыбнулся Василий и признался: «Стихи, это правда, пишу».

— Значит, я не ошибся, считая тебя романтиком. И книги есть?

— Три сборника, — признался Горичев.

— Здорово! Хотя один на память подари, — попросил он.

— Будет исполнено, товарищ доктор! — отрапортовал Василий.

Свое обещание он сдержал в день выписки, вручил своему спасителю книгу «Русь» с благодарственным автографом. Это случилось утром, 3 августа, когда по распоряжению лечащего врача, молодая операционная сестра по имени Виктория освободила его живот от последних нитей, соединявших швы тела. Уже после обеда Горичев был официально выписан из онкологического диспансера. В нем он провел ровно три недели.

Перед тем, как покинуть лечебное заведение с названием, из трех «О» и одной «Д», Василий Павлович тепло попрощался с заведующим абдоминальным отделением Абрамовым Леонидом Дмитриевичем, с другими врачами и медсестрами. «Раковый корпус», ставший его панацеей от страшного недуга, уже не казался ему столь ужасным и мрачным. Василий чувствовал себя заново рожденным человеком. На смену — апатии, безысходности, безразличию, вместе с приливом сил, вернулись к нему — жажда жизни и непременное желание все начать с нуля.

В санаторий «Березка» Горичев прибыл 6 августа. Поместили его в 116 комнате кардиологического отделения, что на первом этаже. Курортную книжку за номером 1273 ему заполнил и подписал его заведующий Фомин Сергей Анатольевич. Соседом по палате оказался врач из соседнего районного городка Злобин Виталий Степанович.

— Как же так, — допытывался у Злобина Василий, — вы сами специалист по инфарктам, а себя от этой злополучной болезни не уберегли?

— Да, я врач — кардиолог, как и Фомин, — подтвердил его довод 63-летний, полный, седовласый, степенный мужчина, без тени удивления за бестактный вопрос, — но с нами, докторами, это часто случается. Ведь наша лечебная практика связана с комплексом постоянных переживаний за судьбу больного. Тут же грянула глупейшая перестройка, за нею ельцинские перетряски. За этими штормами — всплески семейных неурядиц. Это привело к дискомфорту организма. Усилилось кровообращение. Капилляры, уже выработавшие свой ресурс, ослабли и порвались, не выдержав психической нагрузки. Блуждающий тромб, что часто бывает, и стал виною заболевания.

— Смерть причину найдет, — попытался, по обыкновению, пошутить Горичев.

— Это точно, — подтвердил Виталий Степанович, — но не будем торопить час свидания с этою костлявой старухой.

Позже Василий отметит, что в этом же отделении, где он набирался сил, но уже, спустя год, в мае — июне 2000-го, побывает и его друг, инженер ТЭЦ, к тому же и поэт Валерий Яковлевич Часовитин. Он пройдет курс лечения, после инфаркта, что поразил его в ночь с 30 апреля на 1 мая.

Василий же попал к «сердечникам» по техническим причинам — наличие свободного места в палате. Серьезный и основательный по характеру Злобин строго придерживался режима. Всегда во — время вставал, умывался, убирал кровать, принимал лекарства. Без опозданий посещал столовую, гулял, читал детективы. Если курил, то только на балконе. Был тактичен и немногословен.

Наблюдая за соседом, Горичев размышлял про себя: «Сидеть бы этому пенсионеру на берегу реки с удочкою в руках и забот не ведать. Виталий же Степанович с надорванным сердцем работать пошел. Много ли зарабатывают врачи «Скорой помощи»? Мизер! Однако, все, какая никакая, к пенсии прибавка и детям помощь нужна. Вот они **драмы бытия**. При советской власти дети помогали родителям — такова была установка. Нынче, все наоборот. Старики содержат безработных детей. Скоро и его ждет подобная участь. Но, как он сможет, хотя бы самому выжить, на пенсию, в 600 рублей? Значит и ему еще долго придется воевать с Рыковой. С этой бессердечной, язва ее забери, женщиной».

Мечтания нашего героя прервал голос Злобина:

— Не желаете минералочки?

В поданном ему стакане находилась мутновато — желтая, с поблескивающим от примеси железа, налетом, жидкость.

— Ржавая вода, какая! — удивился он.

— Зато — целебная, не хуже северокавказской — пятигорского разлива будет, — пустился в объяснения врач, — Берется она из терригенных отложений Рижского водоносного горизонта среднего девона. С глубины — 518,6 метра. Вода «Березка» рекомендуется, в том числе, и от язвенной болезни желудка. И вам должна подойти.

Василий отпил из стакана несколько глотков, с трудом сдерживая тошноту. Заметив, его кислую мину, Виталий Степанович поспешил успокоить:

— Это по первоначалу так, а потом, не беда — привыкните.

Но, как ни старался заботливый сосед, а за все 24 дня пребывания его в санатории, он так и не уяснил для себя «прелести целебной воды». И всего, лишь один раз, из чистого любопытства, побывал у заветного бювета со стаканом в руках.

Не привык он также и к набору блюд, рекомендуемых диетологами. Соблюдение диеты было для него тяжким испытанием.

Но, чем же все-таки привлекательна «Березка»? Это вытекает из самого названия — белоствольным, зелено-шелковым лесом. Наряду с этими мощными красавицами здесь росли и могучие дубы — исполины, клены и ясени, тополя и осины. Между ними цветными крапинами благоухали кусты — черемухи и сирени. Всего полезнее были — пушистые ели, раскидистые кедры и сосны. Их густой, терпкий аромат, поистине — бальзам для здоровья.

Разбивали вокруг санатория и лесопарк площадью в 120 гектаров. Отыскался в нем и уголок для зарыбленного пруда. Есть, где выздоравливающим провести свой досуг. Не засиживаться же им в ясную погоду только за шахматными и шашечными досками или за голубыми экранами телевизоров.

Всего шесть дней пожил с Горичевым выздоравливающий Злобин, фамилия которого так не соответствовала его поступкам, повседневному радушию и учтивости. За обаятельным, мягкосердечным Виталием Степановичем приехали на автомобиле его родственники, и он умчал в свой старозаветный городишко. Свя-

то место, известно, пусто не бывает. На смену врачу — кардиологу прибыл инженер-строитель Дымов Александр Владимирович. Он страдал язвой двенадцатиперстной кишки, а потому оказался невольным спутником Василия при посещении лечебных кабинетов.

Курировала «язвенников» врач — терапевт Лапина Марина Егоровна. В красочном буклете «Березка», она значилась под именем Марии. Где была истина: обозначенная в буклете или в начертанной ее рукою записи, на курортной книжке Василия? Осталось, неизвестно. Но, не в имени суть. Она в том, что эта русоволосая, экстравагантная женщина бальзаковского возраста имела неизменную страсть к общим беседам. Случалось сидеть в томительном ожидании приема — час, а то и два. Дождавшись — отвечать на вопросы, не имеющие никакого отношения к здоровью пациента. Как-то: «Где и кем вы работаете? Сколько получаете? Какие у вас и с кем связи? Можете ли что достать?». Такая всеядность терапевта напоминала Горичеву докучливость его школьной директрисы. Ему становилось ясно, что «рвачи» в обилии есть не только в среде просвещенцев, но и в здравоохранении. После очередного подобного допроса, он возмутился:

— Да. Поскорее отпускайте, ведь люди в очереди ждут.

— Им спешить некуда! — слышит в ответ.

— Но, у нас еще — процедуры, обед, прогулка.

— Невтерпеж, тогда можете быть свободными, — холодным, раздражительным тоном заключила беседу Лапина, — отправляйтесь на свои процедуры.

Его строптивость не осталась незамеченной. Он был наказан такой «диетой», что не возрадовался — в рот ничего не лезло. Лишь после вмешательства влиятельных друзей «по столу» ему, наконец, поменяли опостылевшую безвкусицу на более сносные блюда.

В который раз Горичев убедился, что люди всегда остаются, подвержены одним и тем же порокам, независимо, где они трудятся: на производстве или в учреждении, в музее или, как в данном случае — в санатории. Всюду комфортно может чувствовать себя либо лукавый угодник, либо богатый прохиндей — «бедным, но честным» и в раю нелегко.

В холле лечебницы — книга отзывов. Читаем. Клиентка Букина пишет: «Приезжаю в санаторий 5-й раз! Хорошо!». Ей подпевает Мамаева: «Я здесь 6-й раз! Прекрасно!».

Фермер Александр Стебаев, сотоварищ Горичева по «Раковому корпусу» провел как-то опрос среди отдыхающих на предмет, где и кем они работают и в который раз посещают санаторий?

Ответы поразили. Большинство пациентов лечебницы оказались случайными, не подлежащими реабилитации. Это были здоровые люди из числа отставных, типа главы района Гапонова или действующих чиновников, жаждущих комфортного отдыха и бесплатного питания. Тружеников от плуга или станка — можно по пальцам пересчитать. Санаторий же рассчитан на 260 койко-мест. Если учесть, что каждая путевка обходится государству в 5-7 тысяч рублей, то диву даешься столь разорительным для страны расходам. Все чиновные дармоеды, использующие связи и свое служебное положение, скрываются за графой — трудящиеся. В отличие от таких лживых пролетариев, гораздо честнее поступают даже господа цыгане и «новые русские» — они приобретают путевки за наличный расчет.

Но, не все пациенты пели дифирамбы. Мать семилетнего Алеши, врач областной больницы Елена Карпова, писала: «Санаторий не подготовлен для приема детей. Нет игральной комнаты, детского врача. Отсутствуют диет — бар, кислородные коктейли, антропометрические измерения. Нет разработанного маршрута терренкура — просек в лесу. В организации питания не присутствуют: культура, своевременность, качество, индивидуальный подход. Интервалы между подачами блюд составляют 30-40 минут — устаешь ждать. Предлагаемые котлеты, гарниры, овощные приправы — не выдерживают критики».

Директора «Березки» часто меняются, ибо уличаются в злостных нарушениях финансовой дисциплины. Тем не менее, местное телевидение до небес возносило прелести здравницы. Но, их, ни профессор Базиков, ни фермер Стебаев, ни строитель Дымов, ни сам Горичев, порою, не замечали. Кроме ингаляции, физзарядки, да таблеток — никаких иных терапевтических процедур с ними проведено не было. Грязевые и хвойные ванны, массажи, фито терапия и теплолечение — оказались платными, не для них. За обычною таблеткой приходилось, порою, выстаивать длинные очереди, да и те не всегда оказывались в нужном ассортименте.

В документе, выданном Горичеву, по окончанию курса реа-

билитации, лечащий врач записала: «Санаторное — курортное лечение ежегодно». Василий лишь развел руками — держи карман шире. Хоть раз по нужде побывал и за то огромное спасибо зав отделением ОООД Абрамову, что помог из сострадания. Во второй, третий раз — зазря ноги собьешь о пороги чиновничьих кабинетов, как это случилось с его школьной коллегою — учительницей химии Леоновой. Встретив ее в здравнице, он удивленно спросил:

— Какими судьбами к нам, Нина Гавриловна? Ну, меня два года желудок мучил, а вы — в соку, цветущая женщина и, вдруг, в санатории?

— Ах, Василий Павлович! — воскликнула она, — это я с виду такая справная, а на деле — развалина. Суставы болят — ходить не могу. Вот грязевые ванны мне и понадобились.

— С путевкою, как — без проблем?

— Что, вы? Да еще с какими! Раз пять ходила к заму Филину. Все требовала: «Али я не достойна? Всю молодость, все здоровье — школе отдала?».

— Филин, конечно, сдался?

— Едва уломала.

— Смелость — города берет!

— Как иначе — жизнь научила.

— Что нового в альма — матер?

— Все на месте. Но зав РОНО — новый. Вы с ним в городской школе работали, так, что лучше меня знаете.

— Малевич?

— Да, вроде так. Но мы его, все больше — Гогой, а кто и Гошей, зовем. От производных двух «Ге» в имени и отчестве — Евгений Сергеевич. Чужой какой-то. Правдин был на своем месте. Он, говорят, мэру не по нутру пришелся за излишнюю самостоятельность. Его за директора Розова, в защиту которого выступил, в рядовые упекли. Проштрафился один, отвечает другой — совсем невинный.

— Бывает и такое.

— Поговаривают, что новый зав РОНО, этого шустрого Филина, из своих замов уберет. Будет знать, как с путевкой канителить — не удержалась, чтобы не съязвить собеседница.

Заметим, что прогноз Леоновой оправдается. Не пройдет и

месяца, как на смену Филину придет, уже известная читателю, госпожа Никонова. Правда, Филин пытался протестовать, грозился судом, но жилка оказалась слаба. Если сам Правдин, не чета ему, а признанный чиновный авторитет, ушел без боя, то куда уж Филину — браться за копье.

В областной газете «Меридиан» за 1999 год и от 28 июня 2000 -го появятся статьи, проливающие свет на всю подоплеку кадровых перестановок в РОНО. Их авторы представят мэра и Малевича в негативе, но от того им хуже не стало. На их стороне были сила и власть. В этой связи Горичеву вспомнилась его беседа с опальным Правдиным. Он спокойно и твердо констатировал:

— Вот ты все правильно говоришь о Рыковой, и я согласен с тобою, что она — неумный директор. Но ведь, если коллективу педагогов школы, придется выбирать между самодурством Рыковой и честностью Горичева, то он, наверняка, единогласно, станет на сторону администратора, как — более сильного.

— Совершенно с вами согласен, — Василий даже искренне рассмеялся, — в своих записках, я как раз и пишу об учителях — лизоблюдах. О тех, кто, поправ совесть, легко и бесстыдно перестроился. Отбросив, как ненужный, а скорее опасный хлам — коммунистическую идеологию, они стали усердно воспевать прелести буржуазной культуры. И все ради инстинкта самосохранения, во имя корыстных интересов.

Однако, как говорят на Востоке, вернемся к своим баранам. В данном случае к описанию здравницы «Березка». Оказывается, ранее здесь, на месте нынешних ее роскошных строений, размещался в 70-е годы, скромный пионерлагерь с идентичным названием. Василию Павловичу довелось одно лето поработать в нем воспитателем. Он тогда и гимн сочинил. Несколько строк Василий помнил на память:

Всюду огни -
Лагерь не спит,
Лунная манит дорожка.
И соловьиная песня звенит
В рощах веселых -
«Березки».

Теперь это заветное место, уже не казалось ему таким, как прежде, веселым и радостным. Хотя процесс его реабилитации был успешно завершен. Симптомов раковых образований, до нынешних дней, не выявлено. В подобном случае, молодой, но ставший постоянным клиентом ОООД, выпускник коммерческого института, страдающий заболеванием поджелудочной железы, неунывающий сосед по палате Владимир Алейкин говорил: «Рожденный умереть от пули, не погибнет под колесами автомобиля». Знать, верно. У того же профессора Базикова, как и у Горичева был диагностирован — рак желудка. Врач Абрамов, при его вскрытии, ничего злокачественного не обнаружил. И, как Леонид Дмитриевич сам выразился — почистил и зашил. Многие больные сомнительно покачивали головами: «Не жилец, выходит, профессор. Два-три месяца протянет и баста». Но, прав, как всегда, оказался знаменитый хирург. На высоте оказался и сам профессор. Если оперируемые Абрамовым пациенты, по нескольку месяцев носили, стягивающие живот страховочные от разрыва пояса, то Базиков таковой отбросил спустя четыре недели. Более того, на устраиваемых в санатории праздниках, он бесстрашно отплясывал «барыню».

Спустя год, в июле 2000-го, Горичев встретился с ним и его молодою супругой на центральном рынке. Любуясь его стройной фигурой и быстрой походкой, Василий невольно заметил своей половине: «Смотри, какой молодчина этот профессор! А ведь рук Абрамова, он не миновал».

29 августа 1999 года закончился срок пребывания в «Березке» и Василий, получив документы, отправился с ними в «Раковый корпус». Сдал их лечащему врачу и еще раз поблагодарил Леонида Дмитриевича за спасение. Абрамов, улыбаясь, сказал на прощание:

— В случае обострения — непременно заходи, Дело поправим. Но, помни о гарантии.

— Как же забыть — 60 лет впереди!

— Молодец, поэт, ты, как всегда, в своем амплуа. Шути — здоровее будешь!

Глава двадцать вторая

НА КРУГИ СВОЯ

Грустил Василий о мальчишках -
Ну, как они там без меня?
В урочный час,
Он в школу с книжками,
Вернулся — на круги своя.

Василий, распрощавшись с белою пургой березовой рощи, счастливо исцеленный от гнетущего недуга не долго засиделся дома. Готовый, еще два месяца назад к самому мрачному исходу, он теперь рассуждал, ну, просто, как мудрый Ходжа Насреддин. «Да! — некогда восклицал хитроумный весельчак — мусульманин, — в мире слишком много хорошего, чтобы я согласился когда — ни будь умереть. Если бы даже мне твердо пообещали рай. Ведь там можно взбеситься от скуки, сидя вечно и бесконечно под одним и тем же деревом, в окружении одних и тех же гурий». Так и наш герой. Устав выслушивать сетования своей дорогой супруги, призывающей беречь себя, он, уже на другой день, а именно 30 августа 1999 года появился в школе. Странно, но он по ней, действительно, соскучился. Потому, без особого на то приглашения, а по личной инициативе, Горичев принял участие в работе педагогического совета.

Тихим, как всегда, но каким-то выразительно — скрипучим голоском, завуч Краева Полина Афанасьевна прочитала с листа длиннющий доклад по итогам работы, канувшего в Лету, учебного года. В нем она часто ссылалась на выводы, сделанные участниками «космического десанта». Упомянула, разумеется, в негативном плане и скромное имя нашего героя. Он никак на это не реагировал: болезнь стушевала, приглушила горечи и обиды. Благополучно избежав гильотины, он не замечал, направленных против него критических рапир. Более того, улучив удобный момент, он храбро выложил госпоже Рыковой свое пожелание:

— Хотя я на бюллетене, но уроки могу вполне давать.

— Не надо напрасных жертв Василий Павлович, — раздраженно отчеканила в ответ директор, — мы, как нибудь без вас.

И, на этот раз Горичев, словно не заметив бестактность тона взбалмошной директрисы, не изменил себе — остался спокойным и невозмутимым. Ни единым мускулом не дрогнул он, и когда доброжелатели сообщили ему, о ее очередных каверзах. Галина Ивановна, твердо уверовав в безвозвратность, «поедаемого раком» учителя, поспешила принять на его место сразу двух молоденьких барышень. Казалось, что ее заветная мечта приобрела крылья. Но, вот незадача. О ней Горичеву, с неподдельной тревогой, поведает уже в декабре, сама «генеральша».

— Василий Павлович! Я вынуждена признаться, — голос завуча Полины Афанасьевны приобрел патетику и силу, — что вы были правы, когда перед методистом Орловой отстаивали свою точку зрения на учебное планирование. Это сейчас, хотя с опозданием, но признали и в РОНО. Я за вами была, как за каменный стеной, ибо всегда опиралась на ваш бесценный опыт и профессионализм, который, вы знаете, я высоко ценю. А, что натворили без вас эти зеленые девчонки? Несчастных детей запутали, меня в лужу посадили. «Историю России» поставили на первое полугодие, вместо второго, а «Обществознание», вообще, начали изучать непонятно с какого конца. Ужас охватывает! Вы, пожалуйста, исправьте все их ляпсусы, сделайте все, как это надо.

Василий выполнил эту просьбу завуча Краевой, когда возвратился «на круги своя», то — есть в декабре. В сентябре — октябре же он находился на бюллетене.

Несмотря на справку ОООД, комиссия ВТЭК от 1 октября 1999 года отказала ему в назначение 2-й или 3-й группы инвалидности, но при этом продлили бюллетень на неопределенное время. Василий был все еще слаб, но вес понемногу набирал.

Шел четвертый месяц его вынужденного прогула. Приближалась та критическая черта, за порогом которой у администрации появляются права на увольнение работника — по состоянию здоровья. Такой драматический финал Горичева явно не устраивал, а потому, посоветовавшись с лечащим врачом — онкологом Кытиным и замом главного врача по экспертизе Тимошиловой, он прервал бюллетень и досрочно вышел на работу.

Обескураженная его неожиданным появлением в школе, госпожа Рыкова буквально неистовствовала.

— Вам, что даже группу не дали? — насмешливо спросила она.

— Нет.

— Видать плохо просили.

— Возможно.

— Вы, видимо, до сих пор не знаете, как и за что у нас «группу» получают?

— Выходит — не знаю.

— Ха-ха! Верится с трудом? Наверняка, пожадничали! — издевалась директриса, — в любом случае, я вас до занятий не допущу.

— Это почему? — задал он дежурный вопрос, хотя сам отлично знал на него ответ. Сострадания, тем более уважения с ее стороны к своей персоне он, разумеется, не ожидал.

— Во-первых, ваше место занято, а во-вторых — вы еще в отпуске не были.

— Обойдусь без отпуска.

— Как бы не так! — не уступала Рыкова, — к тому же и бухгалтер против этого.

— Но, причем здесь бухгалтер?

— Притом, что существует определенный порядок. Не верите мне, так сходите в бухгалтерию сами, там все и узнаете.

— Зачем мне лишние склоки? — возразил учитель.

— Проконсультируетесь.

— Для консультации я лучше схожу к своему другу.

— Это, к кому? — насторожилась директор.

— К заведующему РОНО.

— Малевич! Ваш друг? Ха-ха! Ну и друга нашли! Сами от него сбежали, а теперь к нему за помощью. Где же ваша хваленая принципиальность?!

— Не знаю, чем вам — то Малевич не угодил?

— Гога есть Гога. Его все учителя не любят. Сами знаете, как русские к евреям относятся, а он из их числа. Да и не разъяснить, ни поговорить толком не может. Диву даемся, как он только ребятам физику преподает? Мало того, что плохо видит, но и слушать не умеет. Будто в облаках витает. Невольно Правдина вспомнишь, хотя и Константин Михайлович, то же был — не сахар!

— Мне другие не указ. Каждый молится своему Богу, — уловив насмешливую иронию директрисы, сказал Горичев, — да я ушел из школы, но сам Малевич меня не отпускал. Тому пору-

кой им выданная мне — прекрасная характеристика. Сами читали.

— Читала. Но и слышала о вашем с ним конфликте.

— Был не конфликт, а рабочее недоразумение, К тому же и не по его вине. Так сложились обстоятельства. Мы все в руках божьего провидения. Малевич же для меня не только хорошим товарищем, но и стал моим — кровным братом!

— Удивляете вы меня, Василий Павлович! Как это понимать? — брови директрисы высоко приподнялись, темные зрачки глаз стали величиной в спелую горошину, — фантазируете все!?

— Ничуть, — спокойно объяснял суть темы учитель, — в моих жилах течет его кровь, что он подарил мне в период операции.

— Значит, теперь и вы, наполовину — еврей — ха-ха?! — будто пораженная молнией Рыкова вскочила из-за стола, — вот глупая, я не знала, что он вашим донором был. Нам же вы запретили в ОООД являться.

— Раковый корпус тут не причем.

— Как?! Я вас не понимаю. Я ничего такого не слышала.

— И не могли слышать. Тому событию семь лет давности, — и Василий изложил, уже известные читателю факты из его беседы с доцентом Логвиновым, — в августе 1992 года я, при автомобильной аварии, сломал ногу. Попал на операцию в травматологическое отделение городской больницы, к врачу — хирургу Владимиру Красовитову. Он потребовал приобрести донорскую кровь. Так вот директор Малевич счел своим долгом помочь секретарю партбюро школы и учителю Горичеву встать на ноги. Евгений Сергеевич, которого вы насмешливо «Гагой» называете, не только организовал группу доноров из числа педагогов, но и сам первым лег под капельницу. Такое не забывается. И пусть он дважды еврей, но он — мой кровный брат! Кстати, другой еврей — мэр города Соколовский, мне квартиру под литературный кабинет выделил, к тому же, издание книг спонсировал. А, что сделали для меня вы, русская? Разве, что только принесли — одни неприятности.

— Ну и дела! — удивлению госпожи Рыковой не было предела, — а на меня вы зря обижаетесь — сами хороши! Сколько раз и Краева и я сама вам мир предлагали? Вы же нашу руку дружбы отвергли.

— Всякая дружба крепится или разрушается конкретными поступками.

— Ну, уж какая есть! — развела руками директор.

Заведующий РОНО Евгений Сергеевич Малевич встретил своего бывшего партийного секретаря и обществоведа Горичева Василий Павловича, по обыкновению, приветливо. Расспросил о здоровье. Но их дружескую беседу неожиданно прервала, заглянувшая в кабинет, его заместитель Никонова Виктория Дмитриевна. Рыкова уже успела сообщить ей по телефону о предстоящем к ним визите историка. Взяла со стола своего начальника какие-то бумаги и также молча, как пришла, так и ушла. Любопытство ее было явно удовлетворено.

— Когда в школу? Не выписали еще? — спросил Малевич.

— Хоть сейчас, — ответил Горичев и в деталях передал ему свою беседу с директором. За исключением, разумеется, сведений, касающихся его личности.

Внимательно выслушав учителя, он согласился со всеми его доводами и безапелляционно заявил:

— Выходи на работу, а там видно будет!

— Но, Галина Ивановна, против этого! — напомнил он.

— Кто возражает? Ах, Рыкова! Если ей не понятно, то передай, пусть поднимет трубку и мне позвонит! Я ей разъясню, как надо достойно вести себя.

Так, с легкой руки зав РОНО Малевича, 13 октября, он приступил к своим педагогическим обязанностям. Но, что случилось с его учебной нагрузкой? Вместо полутора ставки, всего — 17 часов — и это на последнем, предпенсионном году!

Галина Ивановна была верна себе. Горбатого, знать, лишь могила исправит. Мертвые же срама, как говорили предки, не имут. Действуя по принципу, хоть снизу, но ущипну, она, чтобы избегнуть упрека в недостающем часе до ставки, небрежно бросила:

— Будете больного ученика на дому учить! Вот и набегут часы.

— Из чьего класса? — спросил Горичев.

— Маргариты Ивановны Ткачевой. Правда, ездить к нему от вашего дома не близко, он в другом районе живет, за пять верст, но решайте сами.

— Сама же Ткачева где квартирует?

— Там же, где и ее ученик.

— Так пусть она его и обучает — ей, классному руководителю, сподручнее, будет.

— Значит, отказываетесь. Так и запишем.

— Воля ваша.

Работать, однако, пришлось недолго. Уже через две недели, не мытьем, так катаньем, он был выдворен, иначе не скажешь, в принудительный отпуск. И лишь во второй половине декабря, наконец, обрел статус постоянства.

Это Вселенная, как утверждают астрономы, вечна и бесконечна. У всякого же земного явления есть начало и его конец. Завершился и незапланированный отпуск нашего героя. Словно из дальних странствий возвратись, с ощущением тревоги за свое будущее, 16 декабря 1999 года, он с книжками в толстом портфеле вернулся — на круги своя.

«Старые» ученики встретили Горичева с нескрываемым восторгом, «новички» же с напряженным любопытством. Наслышанные, о его требовательности, они боялись утраты своих прежних привилегий. Как-то: получать высокие баллы не за знания, а всего лишь — за посещаемость, за видимость активности на уроках.

Дабы избегнуть всевозможных недоразумений, он предложил своим коллегам — предшественницам самим выставить оценки по итогам 1-го полугодия. Это позволяло ему, без всяких эксцессов, начать новый 2000 год, как выражаются, с чистого листа. С его разумными доводами согласились, как молодые историки, но так же, что особенно важно, данный его шаг горячо приветствовали и сами господа администраторы. «Горичев, если захочет, оказывается, может идти с ними в одну ногу, — радовались они, — понимает, что им любою ценою нужен высокий процент успеваемости».

Новогодний праздник Василий Павлович, вместе с женою, отмечал на квартире у зятя Игоря Корнеева. В кругу семьи — дочери Ирины и двух любимых внучат — Максимки и Настеньки. Пришла к ним на Елку и урожденная княжна Разумовская Антонина Афанасьевна, его сваха и спасительница.

Вечерний гость — товарищ телевизор сообщил всем жителям страны радостную новость — президент Борис Ельцин добровольно уходит в отставку. Свой же «державный престол» он передает в руки малоизвестному тогда политику, руководителю ФСБ Владимиру Владимировичу Путину. В ту пору Борис Николаевич так опостылел всему народу, что россиянам — такое наименование русских его изобретение — было все равно, кто будет у руля власти, что ни черт, то — батька. Но, лишь бы не алкоголик — Ельцин!

Как в старой матушке — Европе,
В России завопила голь:
— Король «скончался», совесть пропив!
Ура! Да здравствует король!

Приятели Горичева — Валерий Часовитин, Петр Родичев, Сергей Шмелев не замедлили позвонить ему по телефону, чтобы наряду с Новым годом поздравить и с этою приятной вестью. Они также не преминули напомнить другу и о предстоящем, выпадающем на субботу, 1 июля 2000 года, его 60-летнем юбилее.

Василий Павлович искренне поблагодарил товарищей «за память» и заранее пригласил их к себе на торжественный вечер, путь к которому был длиною в 180 дней. Срок не малый. И совсем не спроста, его старший брат Александр, проживающий в городе Серпухове, в ответ на письменное приглашение, пришедшее к нему в самый канун Нового года, иронически ответствовал: «До твоей круглой даты — еще дожить надо!». Он явно намекал на свой солидный возраст и его слабое здоровье.

Но, забегая вперед, заметим, что «Старшой», как в юности звали Александра его младшие последыши — Иван и Василий, не только счастливо отметил юбилей своего младшего брата, но в сентябре 2005 -го отметил и свое 80-летие. Здравствует он и сегодня, видно, есть еще порох в пороховницах!

Отшумел бокальным звоном и шелестом сухих иголок потускневших елей новогодний праздник. Начались трудовые будни. Уже на 5 января в школе было намечено необычное мероприятие — встреча с правоверными христианами. Точнее сказать — с попами той православной обители, что возродилась на месте

былого, в годы власти Советов, театра кукол.

Кроме отцов святой церкви, став удивительно набожной, Галина Ивановна Рыкова привечала у себя и мать-игуменью женского монастыря. Словно в дар, она поставляла ей для черной работы учеников. Но и этого оказалось мало. Забыв, что школа все еще остается светским учреждением, директор решила не только детей, но и их наставников обратить в веру.

И вот, в черных сутанах, с огромными, серебряными крестами на животе, двое молодых, но бородатых пастыря, по ее настойчивым наветам, начали «образовывать атеистическое братство учителей. Особенно усердствовал отец Николай. Он прочел священную проповедь «О роли православия в воспитании детей». Василий даже законспектировал основные постулаты его цветистой речи.

— Сложилось негативное отношение к церкви, — констатировал батюшка в рясе, — она, де, служит в угоду богатым чадам.

Историк, при этом вспоминал, как отцы церкви, еще в эпоху татаро-монгольского ига призывали русский народ безропотно покориться «монгольскому Царю». То же самое, они вопрошали с амвонов своих церквей и в период Отечественных войн — 1812 и 1941 — 45 — годов. Имена иностранных владык лишь менялись, а суть проповедей оставалась прежней. Просматривается закономерность: чем беднее живет простой народ, тем пышнее расцветает церковь. Тысячи новых и старых храмов оделись ныне в золотые купола! Такое их обилие, а оно было и ранее, смутило в свое время даже, оказавшегося в Москве, императора Франции Наполеона. В беседе с послом русского царя Александра 1 Балашовым он твердо ему сказал: «Большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа». Разве не так? Был Советский Союз — великим и могучим, храмов насчитывалось мало. Погрузилась страна в бездну разора и хаоса, они тут же стали прорастать на Руси, как грибы, после дождя.

Вот и следующий постулат отца Николая:

— Религия — это теория о спасении души. Религия не наука, ибо она опирается на веру, тогда, как наука — на опыт и эксперимент.

В этой связи Горичеву пришла на ум притча, в которой ста-

вится вопрос: «Чем дурак отличается от умного человека?». И дается ответ: «Дурак — всему верит, а умный во всем сомневается». Вывод ясен — религия рассчитана на легковерных глупцов. Истинен, как утверждал Пушкин, лишь «опыт» и «просвещенья дух». Божья вера необходима власть имущим, чтобы держать в своем повиновении и самих попов — «пастухов» и их «овец православных».

И третья догма отца Николая:

— Научный атеизм опирается больше на учение Маркса — Ленина, чем на биологию.

«Как бы не так, — мысленно спорил со священником Василий, — «Происхождение видов» Дарвина, как раз и доказывает, что в природе нет места теизму — вере в Бога. И второго пришествия Христа нам не дождаться, ибо, кроме пустых выдумок господ евреев, не было и первого.

Напрасно тратили свое красноречие «святые отцы». Большинство педагогов, так и остались на своих прежних позициях: «Бог-то Бог, да не будь сам плох!». На них сильное впечатление произвела статья, опубликованная в областной газете «Меридиан» за номером 41 от 11 октября 2000 года под заголовком «Монастырский беспредел». В ней ярко раскрывалась сущность современной церкви — ее ложь и лицемерие. Пример тому горький опыт некой Нины Девяткиной, пожелавшей, но так и не ставшей по причине бедности, православной монахиней. Всякая обработка новой паствы начинается с приобщения к вере во Христа, а закачивается — нищетой или безвременной смертью. Православным отцам, как и католикам — иезуитам, масонам и сектантам всех мастей нужно одно — деньги и квартиры одиноких граждан. Тому тысячи скорбных примеров. Лев Толстой в «Войне и мире» повествует, как обрабатывалась на предмет веры графиня Элен Безухова. Он пишет: «Цель этих слов и хлопот состояла преимущественно в том, чтобы, обратив ее в католичество, взять с нее много денег в пользу иезуитских учреждений». А вот признание самого Пьера Безухова, ставшего масоном: «Масоны клянутся кровью в том, что готовы жертвовать для ближнего, а не платят даже по одному рублю на сборы для бедных». С классиком, право, трудно спорить.

Потому было непонятно, почему директор Рыкова, считая себя умною, не только не учится на чужих ошибках, но и не учи-

тывает собственные промахи. Зачем ей, верующей, вдруг, было нужно изживать сектантку Фатееву? Или отказать в заступничестве хамбардистке Гриневой? Диву даешься такой непоследовательности. Знать грешная душа ее тревожит. Грешники же всегда обращаются к магии и спиритизму. Истинно — душа покоя просит, жаль лишь, что блаженный покой — нам только снится.

Так и есть. Уже 14 января, на совещании, директор строго предупредила:

— Товарищи учителя! В апреле 2000-го вновь будет инспекторская проверка, Так что готовьтесь. Подновите наглядную агитацию, практические поделки, особенно обратят внимание на календарно-тематические и поурочные планы. При этом Рыкова внимательно посмотрела на свою прежнюю фаворитку Югову. Некогда вельможная пани находилась в опале. Галина Ивановна, будто копировала государя Павла 1, который высокомерно заявлял: «У меня тот вельможа, на кого я смотрю!». Пока, разумеется, благосклонно директор «смотрела» на Серафиму Федоровну, та была в завучах, а наскучило — в рядовых. Теперь же и в «рядовых» к ней одни беспокойные придирки. «Право, — размышляла про себя филолог Югова, — трудно отыскать на свете, «где оскорбленному есть чувству уголок!».

Галина Ивановна, между тем, продолжала:

— Историка Ткачеву Маргариту Ивановну скоро отправим на курсы по повышению квалификации. Пусть подучится, а то она с подругами, в отсутствие Горичева, такое спланировали с историей и обществоведением, что нам с завучем Краевой стыдно в РОНО показываться.

Василий Павлович понимал, что критика его коллеги, это для отвода глаз. Идея заключалась в том, что в лице Ткачевой, ему заранее готовилась замена — юбилей приближался, а с ним и срок его выхода на пенсию.

Вот и наступил злополучный апрель. Из РОНО действительно приходили методисты. У ряда учителей даже сидели на уроках. Поразительно, а может, и закономерно, ведь успехи-то у обучаемых им детей неплохие, к Горичеву, вплоть до конца учебного года, так никто и не заглянул.

Непредвиденная пауза «покоя» затягивалась. Ему даже стало скучновато. И он тогда, вдруг, уверовал, что его в связи с перенесенной тяжелой болезнью, просто жалеют или, наоборот, хладнокровно ждут проявления у него «раковых симптомов». Ведь тогда можно, как это сказал дедушка Крылов: «совсем без драки — попасть в большие забияки». Но, будучи по природе, чрезвычайно чутким и отзывчивым на чужую доброту, он воспылал к прежним мучителям своим благодарностью, за проявленное сострадание. Как-то раз он уже вознамеривался публично выразить господам администратором свою признательность. Но случайная беседа с симпатизирующей ему коллегой — англичанкой Войковой остановила его опрометчивый шаг.

В кабинете иностранных языков было прохладно и тихо. На светлых окнах, в узорчатых вазах и горшках, что на столах и стенах — пышно благоухали цветы. Все располагало к идиллии. Сердобольная Рита Моисеевна внимательно с ласкою смотрела на историка и чему-то загадочно улыбалась.

— Вас больше не ругают за дружбу со мною? — шутливо спросил он Войкову.

— Теперь, нет, — ответила она, — запрещают лишь с Юговой общаться.

— Все не слава, богу, — рассмеялся Василий Павлович, — право, не везет вам — из огня да в полымя.

— Но, вам, зато повезло.

— Как?

— Только ты не передавай никому. У тебя, по простоте твоей, секреты не задерживаются.

— Я буду, немым, как могила.

— То-то смотри.

— Весь внимание, дорогая Рита Моисеевна.

— Знаешь, директриса своим подругам призналась, что с нею зав РОНО Малевич строго беседовал. Это твой бывший директор. С ним ты еще вместе в городской школе работал. Его еще Гогой, а кто и Гошей зовут.

— Что зовут «Гогой», как производное от «Г», в имени — отчестве, я это слышал от Рыковой и химика Леоновой, а вот почему «Гошей» и откуда у него столь обидные клички — не ведаю.

— Надеюсь, ты смотрел фильм «Москва слезам не верит». В

нем актер Алексей Баталов играл роль некоего мастерового механика, что рекомендовался — то Гогой, то Гошей. Он все крутился возле ученых физиков. Евгений Сергеевич сам физик, наоборот, крутится возле мастеровых механиков. Практического опыта, видать у них набирается. К тому же он, как Баталов — длинный и нескладный. Вот отсюда и прилепились к нему эти несуразные имена — Гога и Гоша.

— Теперь понятно. И, что же нашему диктатору говорил обо мне Евгений Сергеевич?

— Малевич предупредил ее, чтобы она тебя больше не трогала, и своему заму Никоновой наказал — пусть Горичев спокойно до пенсии доработает. Видно, что он тебя уважает, как и Правдин Константин, Михайлович — добром будет помянут. Вот потому к тебе никто и на уроки не пришел во время апрельской инспекторской проверки.

— А ларчик просто открывался! — воскликнул Василий Павлович, — а я-то грешным делом подумал, что это меня сама госпожа Рыкова ненароком возлюбила. Хотел уже признательность ей выразить.

— Никогда не спеши ходить к лисе с приветом, напутствовала нашего героя добросердечная англичанка, — все лисы — хитры и злопамятны. Не забыл детскую сказку о добром зайчике, что по весне впустил погреться к себе в лубяную избушку коварную лису. Пожалел, называется. Она же, вошла к нему и бедного зайчика из его собственной избушки — то, и выгнала. Так и ты — не допускай в свое сердце жалость, не верь льстивым лисьим речам — без работы останешься.

Глава двадцать третья

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ МАХОВ

Российский гений — Ломоносов,
С лукавством шел на пьедестал,
И Махов — феномен серьезный,
В 17-ть — «новым русским» стал!

Основоположник научного коммунизма Карл Маркс утверждал: «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Есть и народная мудрость: «Умный человек, в гору не пойдет, умный гору — обойдет».

Уравновешивает эти противоположные постулаты, на наш взгляд, исторический сказ об отважном, но неудачливом полководце и о хитроумном еврее. Более месяца героических сражений под стенами могучей крепости, ничего, кроме многочисленных жертв не принесли полководцу. Отчаявшись, он уже принял решение об отходе. Но тут ему на выручку пришел обычный старик, державший за повод ишака, груженый двумя тяжелыми тюками поклажи. Спокойно и деловито он вразумлял воинского начальника:

— То, что не сделала твоя грозная 20-тысячная армия, то я могу сделать один со своим ишаком.

— Ты, что, еврей, насмехаться надо мною вздумал? — рассвирепел уязвленный полководец, — как это, с помощью твоей глупой скотины взять такую неприступную крепость? Сказки сказываешь?

— Не извольте гневаться, господин начальник, — испугался не на шутку старый купец, — в тюках, что висят на моем ишаке — ключи от крепости.

— Что за ключи?

— Это два пуда моего золота, что заменят отчаянную храбрость твоей армии.

— Так, действуй! — приказал полководец.

Прибывший к воротам крепости купец-еврей отыскал сре-

ди ее героических защитников сановника — предателя. Подкупил его золотом. И тот в условленный час открыл ворота наступающей армии. Несокрушимая дотоль цитадель пала.

Не за счет ли золота и хитрости одних, и предательства сановных вельмож с другой стороны, и пал великий Советский Союз?

Нам представляется, что в основе своей, именно так оно и было.

Теперь с политической плоскости попытаемся перекинуть мостик в науку. Зададимся вопросом: только ли гениальный ум помог 19-летнему рыбаку Михайле Ломоносову достичь сияющих вершин? Ответ категоричен — нет. Кроме ума, ему также остро потребовались — железная воля и природная, граничащая с самопожертвованием — хитрость. Читателям известно, чтобы поступить учиться в Московскую славяно-греко-латинскую академию находчивый юноша из северного города Архангельск выдает себя за дворянского сына. Решив отправиться в экспедицию, Михайло вновь идет на обман — называет себя поповичем и даже при этом, приносит присягу. Вздумав жениться на состоятельной немке, он совершает очередной лукавый шаг — представляется родителям невесты — кандидатом медицинских наук.

В конечном счете, он достигает успеха, а победителей, известно, не судят. Вот таким, подобно Ломоносову, волевым и находчивым представлялся Горичеву его ученик Максим Махов. Не по воле бога, а по своему собственному желанию он произвел себя в **экстернаты**. Вот, как это было.

Учились — мучились в вечернем 11-г классе, руководимые учительницей физики Филиной, обычные ребята. Во имя объективности следует отметить, что из десятка по списку, на занятия являлись лишь четверо. Наиболее заметною личностью среди них был 17-летний юноша Максим Махов. Он подкупал сердце историка своею спокойной и не по возрасту, мудрой рассудительностью и удивительной, порою, отчаянной искренностью. О своей короткой еще жизни, о своих пристрастиях и увлечениях он делился с Горичевым, как со старшим товарищем. Охотно, начистоту рассказывал о потайных поступках и замыслах своих родителей и близких. При этом отнюдь, не был — ни глупым, не наивным. Он знал, что делал, и у него была своя, но пламенная страсть, и заветная цель.

Отец Максима в прошлом — обычный заводской водитель, превратился ныне в ресторанного бизнесмена. Доходы — не малые! В распоряжении семьи: собственный коттедж, КАМАЗ, две иномарки, гаражи и дачи. Мама — при доме. Забот ей хватает. Один из ближайших родственников Маховых, его дядя — владелец роскошного особняка, который усердно охраняют две, специально дрессированные овчарки. Страсть его — экзотическая живность. Как-то: обезьяны, удавы, змеи, черепахи. И все это — во имя престижа!

Личный дом родителей Максима — полная чаша. К его услугам не только обычные — телефоны, радиоприемники, музыкальный центр, но и суперсовременные атрибуты технической революции — два компьютера, пейджер, фотоаппараты и киноустановка. Вплоть до приборов ночного видения. Учебной, художественной, справочной литературы целые шкафы и настенные полки. Налицо — все возможности для отличной и результативной учебы.

Взрослые Маховы, надо отдать им должное, все делали для того, чтобы их дитя росло не просто обеспеченным — как денди Лондонский одет — а и смогло стать истинным интеллигентом. Высоко просвещенным специалистом, какой — либо, им самим избранной, профессии. Его не лишают ни самостоятельности, ни личной инициативы.

Заметим, что старания Маховых — старших дали — позитивные плоды. Максим оказался юношей честолюбивым, волевым, целеустремленным. Он уже имел права шофера — профессионала. Прекрасно водит не только иностранные легковушки, но и тяжелый, папин КАМАЗ. И не ради баловства, раскатывает на нем по городам и весям, а перевозит полезный коммерческий груз. Его личный заработок таков, что ему позавидует не то, чтобы сверстник, а и бывалый мужчина. Но ограничиваться карьерой, даже высокопрофессионального шофера, это — не уважать ни себя, не своих заботливых родителей. У Максима имелась более высокая цель жизни.

7 апреля 2000 года, перед уроком истории, Махов поделился с преподавателем своей сокровенной мечтой.

— Василий Павлович! — с доверчивою улыбкой глядя прямо в глаза учителя, признался Максим, — я хочу поступить во

Санкт — Петербургский военный институт противовоздушной обороны.

— Почему, именно, туда? — поинтересовался Горичев.

— Там учится мой брат — старший лейтенант Российской армии. Он уже предварительно говорил обо мне с двумя генералами.

— Позондировал, так сказать, почву?

— Да. И они согласились помочь.

— Но, хватит ли у мужика — умения и средств, чтобы двух генералов прокормить? — не удержался от шутки учитель.

— Вполне. Ведь мой батя — не простой мужик из сказки Салтыкова — Щедрина, мы с ним — «новые русские».

— Зачем же тогда остановка?

— За моим Аттестатом зрелости!

— Через год, в 2001-м, закончишь 12-й класс и получишь сей вожделенный документ, — объяснил преподаватель, сложившийся в их школе, порядок вещей.

Выслушав эту тираду, Махов многозначительно ухмыльнулся — какой не понятливый учитель ему попался?! Вслух же, сказал:

— В том-то и дело, что тянуть еще год «лямку ученика» я не желаю — непроизводительно как-то получается. Ведь время — деньги!

— Но другого выхода нет! — упорствовал педагог.

— Вы просто, за наукою, отстали от жизни, — со смелым лукавством прозвучал в адрес учителя, упрек ученика, — выход всегда найдется, когда есть деньги.

— Звучит нагловато! — возмутился Горичев.

— Вы, извините, я не хотел вас обидеть. Но таковы реалии жизни.

— И каковы же они, на твой взгляд? Продолжай, это интересно.

— Пожалуйста. Вот они. Моя мама ходила в ГОРОНО, к начальнику Шахову. И он уже звонил по телефону нашему директору Рыковой.

— Что же решили начальники?

— Они договорились, уже в этом году, принять у меня государственные экзамены за полный курс школы — **экстерном.**

— Но, ты же не Михаил Ломоносов и не Владимир Ульянов

— Ленин, чтобы за один год усвоить программу двух-трех годичного обучения? Или в тебе заложены знания и силы, о которых я не ведаю, и ты сможешь повторить их феномен?

— Может и я, как они, окажусь — **феноменальным**, — в голосе Махова звучали не скрываемые твердость и уверенность

— Но, разве ты знаешь материал 12-го класса? — упрямство ученика начинало досаждать Горичева.

— Не знаю, но буду готовиться. Боюсь, вот только, что у вас — историю с обществоведением не сдам. Хотя у меня и стоят — 4-ки.

— А литературу, математику, физику, химию, биологию, ты — сдашь? Они, куда труднее моих дисциплин.

— С этими предметами проблем не будет!

— Как?! — с досадой вопрошал историк.

— Галина Ивановна со всеми учителями уже обо всем договорилась. Они против нее не пойдут. Так, что «четверками», я заранее обеспечен.

— И никто не возражал?

— Нет.

— Ах! Вот оно что!

— Да, только...

— Договаривай, раз уж начал.

— Рыкова говорит, что вы, дескать, принципиальный, — тяжело вздохнул Максим, — и можете все дело испортить.

— Это верно! Тут она права, — подтвердил историк, — ведь знаний у тебя, как, впрочем, и у сегодняшних выпускников — учащихся 12-х классов, как выражаются, с гулькин нос.

— Согласен, но я подготовлюсь.

— У тебя что, как у Наполеона или того же Ломоносова — фотографическая память?

— Нет, такой способностью я, к сожалению, не обладаю, — с нескрываемою горечью в голосе, признался Махов.

— Тогда остается одно — нанять репетитора.

— Лучше вас репетитора ни где не найти! — словно бритвой, резанул слух учителя, острою фразой до наглости упорный ученик.

— Ну, ты же — настоящий — подхалим! — только и нашелся он сказать.

— Напрасно вы ругаетесь, Василий Павлович, — засмущав-

шись, потупил свой взгляд, настойчивый собеседник, — я и не думал льстить. Ведь это вы «Историю Государства Российского» в стихах написали. Кто у нас в городе, из учителей, на такое оказался способен? Никто! Я многие главы из вашей книги наизусть выучил. Хотите, прочту?

— В другой раз! — отмахнулся Горичев, — а сейчас тебе мой совет: купи «Экзаменационные билеты» по истории и обществоведению и начинай самостоятельно готовиться. Что будет непонятно, подойдешь — объясню.

— Будет сделано! — обрадовался Максим, — главное, что вы согласились.

— Да. Но не ради тебя.

— Кого же тогда?

— Моего внука, его тоже Максимом зовут.

— Так, спасибо вашему внуку!

— Ладно — ладно.

Всякому непосвященному, как божий день, ясно, что вся возня с экстернатом Маховым — это чистой воды **авантюра чиновников от просвещения — Шахова и Рыковой**. Учителя же — лишь разменная карта в их большой игре, где ставка измеряется — не малыми деньгами. И, как не противоречило это обстоятельство внутренним убеждениям историка, он решил в ней поучаствовать. И не во имя корысти, даже не ради «покоя», а потому, что искренне симпатизировал этому самоуверенному, нагловатому юноше. В нем подкупали — целеустремленность и настойчивость. Горичев рассуждал так: «Махов стремится не к престижной торгашеской профессии, а горит желанием быть офицером, чтобы Родину защищать! Это же и благородно и похвально!».

Смелость города берет, а деньги, золото — надежнее всякого ключа, как о том повествует рассказанная нами притча, открывают ворота любой крепости. Они — то и помогли феноменальному Максиму Махову достичь заветной цели.

Глава двадцать четвертая

ФИЛОСОФИЯ НИЩЕТЫ

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.
Омар ХАЙЯМ

Как Христа, все мы ждем,
Что придет избавитель
И Россия величье опять обретет.
Но, как сильными стать,
Если беден учитель,
Если он, как пастух -
Подаяньем живет?!

Василий с горечью вспоминал свое безотрадное послевоенное детство. К ним, в деревню нанимались пастухами безработные калужане. Кормились по дворам. И одежку носили — с подаянья добрых людей. Не случайно слово «пастух» стало нарицательным. Оно означало — бедность и нищету, что — хуже некуда. Хотя и сами крестьяне едва сводили концы с концами. Лишнюю скотину, для прибытка, держать не только запрещали, но и было экономически невыгодно. Ведь налоги не брались, а буквально «выдирались». Как-то: деньгами и натурой — мясом, шкурами, шерстью, кожей, медом. А также — молоком, сметаной, яйцами.

Когда, в 60-е с данными поборами было, наконец, покончено и люди начали распрямляться, то чиновники выдвинули лживую теорию — не перспективности деревень. Стала разрушаться крестьянская община. Молодежь, в поисках лучшей жизни, уезжала на заработки, превращалась в городских пролетариев. Разрушались родовые, дедовские корни. Горбачевская перестройка и буржуазная революция 1991 — го окончательно похоронили деревню. Утратилась продовольственная, а с нею и гражданская, военно-политическая безопасность страны.

Без поддержки села стало плохо жить и городу. Пока граждане и регионы задыхаются в нищете, правительство «заморозило» колоссальные средства, полученные за счет недр. Стабилизационный фонд превысил 3 триллиона рублей. Эти средства составляют 60 процентов всех доходов федерального бюджета, но обслуживают интересы враждебного нам Запада. Честные политики, утверждают:

«Капитализм убивает Россию. В стране больше нет единства общества, единства слова и дела. Правящая элита, патриотичная на словах, не стремится к сбережению территории, народа и его культуры. Совесть и труд не в почете. Достижения уникальной цивилизации придаются забвению.

По Конституции власть в России принадлежит народу. На деле властвует союз «трех толстяков», «трех ненасытных глоток» — буржуа, бюрократа и бандита. Парламент, правительство и президент — лишь доверенные лица на службе этого союза. Жажда наживы узкого клана олигархов не знает границ. В России осталось лишь 10 процентов государственной собственности, тогда как в Европе — не менее трети. Богатеющие на распродаже природных ресурсов отдают в бюджет лишь 34 процента ренты. Но везде в мире — в США, Норвегии, Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии достигает 90 процентов. Продовольственная и экономическая зависимость делают реальной утрату суверенитета нашей Родины. За период с 1992 года с боевого дежурства снято 6 тысяч ядерных боеголовок, 500 баллистических ракет, 100 бомбардировщиков и 30 подводных лодок. Установлен информационный террор. В СМИ ведется настоящая война против здравого смысла. В результате нищий и вымирающий народ часто верит словам, а не делам и поступкам. Порою, мы забываем о **трагедиях России.** О погубленном «Курске», затопленном «Мире», про «Норд-Ост» и Беслан. Про нищие города и разоренные села. Про миллионы беспризорных и обездоленных малышей и подростков. Про потери населения, сравнимые с жертвами России в первую мировую войну. Про растущую безграмотность русских детей и засилье бездуховности».

Обо всем этом, не только коммунисты с парламентских трибун, но и историк Горичев постоянно говорил на уроках ребятам, на педсоветах — своим коллегам, что чаще всего не одобрялось

ново — русской администрацией школы. И, как оно будет ими поощряться, если их зарплаты были несопоставимыми. У Рыковой — за 2000, ее замов — более 1000, тогда, как у бывшего зав РОНО, а теперешнего директора малокомплектной школы Правдина, всего — 928, его несчастного зама Филина — 638, у физика Иванова — 700, а у историка Горичева, лишь — 450.. Плата за учительский труд скорее напоминала Василию пастушье подаяние. На нее нельзя было достойно жить, а лишь только существовать. Бытие же, известно определяет сознание. Вот он и взялся за изучение не «Нищеты философии» Карла Маркса, а за разработку злободневной проблемы, которую определил, как — **философия нищеты.**

Сами философы и поэты, как уяснил Горичев, нередко являлись пауперами, а порою, как ни странно, добровольными изгнанниками. Бродяга же, что курица, которая, коль перелетит с места на место, то обязательно, хотя одно перышко, но потеряет. Тот — же современник Ломоносова, первый философ на Украине Григорий Сковорода. Он 30 лет ходил по беленым хатам и торжищам в своей серой свите и всюду проповедовал: «Всякий должен узнать свой народ и в народе себя». От всех земных благ, в укор сытым вельможам, отказывался, хотя мог, по отзывам современников, составить себе только подарками — целое состояние. Ходжа Насреддин и только — все для людей! А он, Сковорода, подобно тому же Ходже, пожив в одном доме, ночуя в саду под кустарником, а зимою в конюшне, как нынешние бомжи, пускался в путь дальше. Никто, во всякое время года не видел его иначе, как пешим.

Мы не о том, чтобы призвать нынешних думских философов, типа Грызлова, Миронова, Жириновского или Зюганова, подобно Сковороде стать бессеребренниками и добровольно пойти в бомжи или в бичи. Нет. Мы о том, что сегодня и свободным нищим не позавидуешь — опасным стало их сосуществование. Ведь если раньше они боялись только полиции и милиции, то теперь опасаются тех, с кем некогда мирно существовали — воров, наркоманов, проституток.

Писатель Евгений Сухов в своей книге «Я — вор в законе» раскрыл сущность доктрины «законников» — уничтожать бомжей и нищих, из-за которых, как они утверждают, им «честным

ворам», милицией и ОМОНом чинятся неудобства. Как-то — постоянно обыскиваются их сумки, багажи и автомобили. Эта доктрина, в отличие от норм права, исполняется неукоснительно — нищих бродяг ежедневно находят убитыми в подвалах и на чердаках домов, в тепловых люках и просто у обочин дорог. О, несчастные любители путешествий Ходжа Насреддин и Григорий Сковорода! О, незабвенные философы и защитники справедливости! Коротким бы ныне оказался ваш век в эпоху тоталитарной демократии. Разумеется, если бы вам вздумалось странствовать по городам и весям России, а не по привольным степям Малороссии или полупустыням и благодатным оазисам стран Востока.

Но странно, как ни стараются «законники» и безнравственные наркоманы — подростки, стремящиеся за счет бомжей расширить географию своих притонов, но количество «босяков» не только не убывает, но и катастрофически возрастает. Да иначе и быть не может. Ведь об этом «заботится» само государство, превратив в обездоленных пауперов многие социальные слои общества.

8 декабря 2000 года, в телевизионной передаче «Глас народа», посвященной принятию Государственной Думой закона — о Гербе, Флаге и Гимне России, одна из «активистов зала» бросила гневный упрек в адрес руководителя СПС — Ирины Хакамады и еврейского писателя Виктора Войновича.

— Вот вы, — бросила она прозападным подпевалам, — все точно подсчитали: сколько людей погибло в период советского тоталитаризма, начиная с 1917 по 1990 годы. Но поему вы не удосужились подсчитать жертвы «демократического правления»? Таковых будет не меньше. Ибо миллионы и миллионы погибают ныне от пуль бандитов, всевозможных террористов, и просто — от голода и нищеты Их же — целые страты!

Одним из таких слоев и является — учительство. О них — о любимых и родных, и пойдет речь. Тем более что приморские педагоги, первыми, уже возвысили свой протестующий голос. На всю страну заговорили об их попранном человеческом достоинстве, ныне властвующими временщиками.

Справедливости ради, заметим, что учителю во все времена жилось нелегко. Разговоры о том, что при царе, (хотя заработ-

ная плата педагогов тогда, действительно, была в 3-4 раза выше, чем сегодня), все было хорошо, это — блеф. Все относительно. Позволим себе обратиться к очевидцу тех лет — Максиму Горькому.

— Когда я, — писал он, — встречаю женщину с лицом бледным и утомленным, с темными пятнами под глазами, женщину, которая идет торопливой походкой человека, не имеющего ни одной свободной минуты, и помимо утомления имеет на лице и во всей фигуре нечто, внушающее уважение к ней, я думаю про себя: «Это, наверное, учительница». Затем я вздыхаю и думаю про себя об одном из мучительных видов каторжной работы, о том ее виде, который называется педагогической деятельностью.

Но, как бы Максим Горький, говоривший, с сожалением — «о чахлых над книгами узниках» подивился бы — подлинной каторге современных педагогов. Ведь им, помимо школы, порою, приходится и еще где-то подрабатывать, чтобы не жить, а просто — выжить. Имея среднюю зарплату в 700-800 рублей, а молодые, и того меньше, при прожиточном минимуме в 1300 рублей — их горькой участи — не позавидуешь.

Не легко выполнять бедному учителю предначертания другого классика — Антона Павловича Чехова, желающего, чтобы в человеке было все прекрасно. Как — лицо, слова и мысли, так и его одежда. Не редко педагог одет гораздо хуже своих учеников — детей состоятельных родителей. Учителю бессмысленно ратовать за эстетику, его призыв всерьез не воспримут, если он сам — в потертом костюме или в старомодном платье. В стоптанных туфлях или, в молью изъеденной, кроликовой шапке.

Как-то Горичев встретился в вестибюле школы с завхозом Свитовой. Шутливо спросил:

— Вот интересуюсь, какой это у тебя зверь на голове?

— Шапка-то? — переспросила она, — из норки.

— А у супруга твоего, Николая? Он же сотрудник солидной фирмы.

— У него, понятно — Бобр!

Молодая 33-летняя преподаватель иностранного языка Университета, работающая в школе, по совместительству, Гришина — в куньей шапке, сам Горичев — в кроличьей, а охранник Владимир Петров, за неимением и таковой, вообще, без головного убора. И это зимою — в 20-градусный мороз!

— Дома шапка, из старой нутрии где-то валяется — стыдно надевать, — с тоскою признается он, — за какие шиши, обнову купишь? В последние годы в безработных числился, а теперь, в охране, всего платят — 350 целковых. Не разгуляешься, как говорят китайцы — кушать хочется.

Василий хорошо помнит, как в студеный день, он прибежал из школы к себе домой, в промокшей обуви. Разулся и пришел в ужас, от всего увиденного им — новые ботинки дали течь. Казалось бы, толстым, фигурным подошвам сноса не будет, а на поверку — обе подошвы переломлены «с мясом». Дешевый картон не выдержал и недельной нагрузки! Глупят покупателей поставщики — подсовывают вместо кожи — бумагу.

— Ну, вот, дорогой, — сочувственно констатирует его жена Валентина, — готовь тысячу и покупай новые ботинки.

— Как, 1000!? — отбивается он, — у меня зарплата с премией — 700 рублей!

— И что?! — твердо продолжает она, — какие туфли, что у тебя переломились, стоят 500, а добротные, чтобы носились — тысячу, а то и — полторы.

— Да у меня и денег таких нет.

— На нет и суда нет. У нас сейчас обувь не шьют, а латают из одних заменителей. Подмажут, подкрасят и — на базар. Упразднили ОТК — не стало качества.

— В чем же теперь ходить?

— Копи деньги, а пока в дырявых туфлях побегаешь.

В декабрьский день 2000-го, явившись на уроки в вечернюю смену, Горичев застал в кабинете завуча директора школы. Рыкова была явно расстроена.

— Что случилось? — поинтересовался он.

— Вы только загляните в мой кабинет, — с огорченным вздохом, предлагает ему Галина Ивановна, — и сами все поймете. Есть от чего голову потерять.

Историк так и поступил. Его взору предстала безрадостная картина: в опустевшем, некогда роскошном офисе, скорбно стояли у стен, лишь пара шкафов, не было — ни столов, ни стульев, ни сейфа, ни этажерок с книгами. А с потолка, пугающего сизо-серым наплывом, падали вниз крупные, грязно — желтые капли воды.

Подвела водонагревательная труба, что размещалась на чердаке школы. Такое явление случалось каждый год, а потому она была сплошь в аварийных хомутах. Трубы, изготовленные нынешними полукустарными компаниями с нарушениями всякой технологии, не выдерживают давления пара и горячей воды — лопаются со скоростью бумажных подошв его ботинок. Так часто, что спасительных хомутов, изготовляемых слесарем Николаем Свитовым, мужем завхоза, вечно недостовало. Правда, в минувшее лето были поставлены на чердаке новые трубы, однако, результат все тот же — плачевный — они продолжали лопаться и давать течь.

— Куда не кинь, всюду клин! — философски рассудил Горичев, — ни в чем и нигде не стало гарантированного качества. Лукавые же пропагандисты с телеэкранов не прекращают трезвонить, при этом, о переходе на европейское качество обслуживания, забывая, что при власти Советов оно уже было. И порою надежнее европейского.

Василий Павлович не преминул рассказать директору, чтобы как-то развеять ее горе, и собравшимся коллегам о своей беде — историю с лопнувшими ботинками.

— Сходите на обувную фабрику, где вы их покупали, — ободряюще посоветовала Рыкова, — там, за проходной, обувь в ремонт принимают. Я сама туда наведывалась. Замена подошв в 150-200 рублей обойдется — все дешевле, чем новые покупать.

— Придется, так и поступить, — согласился с шефом историк, — расходы на питание урезать.

— С питанием — подлинная проблема, — сокрушается директор, — мы с мужем вроде и не плохо зарабатываем. Но все в обрез. Двух сынов — студентов растим. Учим, как понимаете, не бесплатно. И самих их, одеть, обуть, а тем более прокормить — не просто. Наготовлю на своих трех мужиков кастрюлю наваристого борща — в раз, съедают. Мясо же ныне кусается — пятьдесят рубликов за килограмм.

— Ничего, вот с января 2001-го, с начала 3-го тысячелетия, нам зарплату прибавят, так сразу дыру в семейном бюджете и заштопаем.

— Ах, не шутите, Василий Павлович! — оживилась Рыкова, — зарплата увеличится на 20 процентов, а коммунальные платежи, товары и продукты питания обойдутся втридорога!

— Верно. Оплата труда растет в арифметической прогрессии, — вставляет свое профессиональное замечание математик Аркадьева Светлана Геннадьевна, — а цены на услуги и товары — в геометрической.

— Ну, впрямь, по теории Мальтуса! — иронизирует Горичев. Он вспомнил при этом стихи поэта Петра Родичева:

Я презираю хамство цен
И ложь не слаще хрена,
И этот рыночный безмен -
Ломаю об колено.

Преступен вторгшийся режим,
Но, потакнув злодею!? -
Чего ж мы перед ним дрожим,
Чего не гоним в шею?

— Совсем нет! — вмешивается в разговор филолог Югова Серафима Федоровна, — что касается демографической стороны вопроса, чем была сильна его теория, то тут Мальтус, как говорят, попал пальцем в небо — русские катастрофически вымирают.

Василий не стал далее поддерживать, становящуюся грустной, полемику коллег. Он вспомнил слова выдающегося писателя — современника Петра Проскурина, который не убоялся резко заявить: «Русскую нацию нынче пытаются просто уничтожить. Но эти попытки бывали не раз и прежде, и всегда, Россия становилась после тяжелейших испытаний — сильнее и могучее». Хотелось бы надеяться, что мудрый писатель окажется прав в своей столь оптимистической оценке будущего Родины. Сам же Горичев с ужасом взирал на сегодняшнюю действительность. Его мало стал радовать, казавшийся ранее бесценным, «дар мэра Соколовского» — в квартире уйма неполадок! Вышла их строя канализация — краны, водопроводные трубы, отопительные батареи. Старые книжные шкафы, одолженные любезною директрисой, нуждаются в облицовке и ремонте. Настенные полки из березовых досок — коробятся. Ванную комнату и кухню надо бы вместо обоев, выложить кафелем. Но, где на все это взять деньги? Нужны тысячи, а зарплата лишь — на питание!

Сознание того, что не он один так бедствует, утешало слабо. Право, стал бы унижать себя подработкою в чужой школе, где натаскивает неучей по физике, директор малокомплектной школы неподкупный и гордый Правдин? Разумеется, что нет. Или, решился бы ему в том следовать, его друг и бывший 63-х летний зам — выпускник аспирантуры Филин? Ответ тот же — отрицательный. Филин же сегодня с болью признается — кушать хочется!

Да, что безвестные — Правдин и Филин! Великий современный русский писатель **Василий Белов** и тот, в своем письме редактору «ЗАЛПА» Петру Родичеву, от 19 сентября 2000 года с горечью признался: «Правда, всех маркитантов (типа писателя Юрия Оноприенко и др.) за тысячи верст не углядишь, и как урчит в их животах, не услышишь. Тем более в наше время, когда радио и ТВ захлебываются в цинизме. Эстетика наша протаранена, как атомоход «Курск», и лежит в холодных водах.

Ко всему этому наше **подлое и всеобщее безденежье**. Что делать? Надо как-то жить и печататься, кормить деток, у кого они есть».

Классик прав. Разве при сытой жизни мучались бы с дебилами педагоги — пенсионеры: Васильева, Власова, Войкова, тем более — физик Филина и секретарь Горева, коим за 70? Безусловно, нет. Не от хорошей судьбы также, в свои 80-т, сгибают спины над полами и партами с тряпкою в руках, неутомимые труженицы — технички Пронова и Бокова. Поистине, бедные люди несчастной страны! Учителя перестали ходить в кино, театр, покупать книги, выписывать газеты и журналы. Отсутствие же свежей информации больно бьет по их престижу.

В школьной библиотеке — пусто. Рыкова, дважды в год, в мае и сентябре, удерживает из зарплаты педагогов по 83 рубля на приобретение методической литературы. Помноженная на 20, эта сумма расходов составляла 3320 рублей. Все они шли, как мы ранее отмечали, не на методику (по утверждению почтальона к ним доставлялся ее, лишь один журнал «Вестник образования»), а на организацию «Чая» для важных особ и на канцелярские расходы. Со стороны директора, это, конечно, произвол, но понять можно и Рыкову: не ударять же ей перед гостями — лицом в грязь! Где взять средства, если все статьи расходов урезаны?

Учителя все реже устраивают «торжества», пишут письма и поздравительные открытки. К детям и внукам, о прокормлении которых выражал трогательную заботу в своем письме писатель Василий Белов, стало стыдно являться без подарков. Как им, еще не разумным, объяснишь, что это не от скаредности, не от дефицита внимания и заботы, а от обыденной нищеты.

В России все уравнивается нищетой. В России всегда было неприличным быть богатым. Нищета же унижает человека! Не случайно одна из героинь популярного американского романа «Унесенные ветром» красавица Скарлетт признавалась, что она готова — красть, предавать и продавать себя, лишь бы не быть — нищей! На подобные поступки, за малым исключением, школьные учителя, воспитанные в рамках еще коммунистической морали пойти не могут. Да и возможности отсутствуют — лучшие годы ушли, остается одно — прозябание.

Виктор Иванович Корчагин — единственный и безупречный патриот России, не побоялся опубликовать список из 100 имен «новых русских» — захребетников, которые по убеждению писателя Петра Родичева, подлежат поголовному расстрелу или приговору к пожизненному тюремному заключению. Сидит же пока, один Ходорковский! Нынешние правители, по сути — оккупационные могут дополнить этот криминальный список, если не вспомнят о народе, который безбожно обдирают, ничего не давая взамен. Вот, как пишет тот же Родичев о таких финансовых и прочих воротилах, как: Абрамович, Вексельберг, Прохоров, Потанин, Фридман, Лисин, Дерипаска, Алеклеров и других богачах:

Я «новых русских» узнаю
По их глазам бесстыжим,
Они в России! — как в раю
С несбывшимся престижем.

Им — что доступней, то наглей -
Поторговавшим знатно,
Отчизны проданной своей
Не выкупить обратно.

Что миллиардеры! В Государственной Думе, в Совете Федерации, не говоря уже о членах правительства, то же отнюдь — не

бедные люди! Но заботятся они о народе, лишь в период очередных парламентских или президентских выборах. Но, не успеют еще высохнуть чернила на приказах и Указах о повышении зарплат и пенсий, как бешено, возрастают цены на товары, жилье и услуги. Выходит, что мы не то государство построили, если не можем справиться с нищетой.

В ноябре 2000 года Горичев встретился с Правдиным. Константин Михайлович спешил в соседнюю школу на уроки.

— Я там физику веду. Подрабатываю, — объяснил он, — а ты еще работаешь?

— Тружусь, но видно последний год, — ответил историк на вопрос бывшего начальника, а теперь доброго товарища.

— Это почему?

— Я — пенсионер и мне не выгодно половину пенсии терять. «Потею» месяц, по существу, за 200 рублей. Не производительно, как выражался мой феноменальный ученик Максим Махов, получается.

(Ведь только с 2002 года работающие пенсионеры получили право сохранять за собою все начисляемую пенсию, до того же срока им платили, лишь — половину).

— Не уходи, трудись. Скоро зарплату прибавят — жить надо! — стоял на своем убеждении Правдин.

Другого мнения на этот счет был другой товарищ Горичева, журналист областной газеты Юрий Семенов. Он недвусмысленно вколачивал в него свою идею:

— Чем тебе в школе «за бесценок» нервы трепать, да пенсию терять, лучше — уйти. Ты же не только учитель, но и профессиональный журналист. Две-три статьи напишешь, вот тебе и 300 — 400 рублей в кармане!

— Заняться журналистикой — это заново перестраивать себя и сферу своих отношений. Актеру, а не то, что учителю, и тому не просто бывает поменять театр. Везде, в каждом коллективе — свои традиции, свои подводные рифы и течения.

— С этим не спорю. Но, с твоими способностями можно преодолеть любые преграды. Ты же книги пишешь, а газета расширяет горизонты творчества.

— Творчеством займемся попозже.

— Тебе виднее, — согласился Юрий.

Василий знал: Семенов — мудрый человек и его никак нельзя упрекнуть в наивности. Но реалии жизни таковы, что ныне и корреспондентам нелегко. Если ты сам, не работаешь в каком— либо издании, то без заказа, нигде не напечатают — ни стихов, ни статей. Если же что и опубликуют, так гонорара, все равно, не начислят. Это с ним случалось. Таков стал несуразный порядок в постсоветской, демократической прессе. Так называемая свобода слова, свобода печати — это удел богатых.

Не лучше и на «педагогической ниве». Если учебная нагрузка, как некогда в старые времена — 54 часа, надорвешься, инфаркт заработаешь, тем не менее, из нужды не выберешься. Сколько, подобно волу, ни упирайся, а воз бедности не вытянешь, лишь хребет сломаешь. Тысячу раз прав Джек Лондон, на собственной шкуре испытавший все муки адовы, когда утверждал, что «будучи вьючным животным, светлых высот, не достигнешь — никогда!».

Пока же Василий, по своему, завидовал странствующему философу Григорию Сковороде, который ни к кому не нанимался в учителя, не был ни при какой должности. Ибо он считал: «если займешь должность, то может случиться, в каких-то делах придется пойти против совести». Это подлинно так! Но, как жить без денег? Как и чем тогда сможешь помочь любимым внукам? Значит о совести надо, хотя бы временно, как это не **драматично** звучит — забыть. Такова — философия нищеты!

Глава двадцать пятая

ЛЕСТЬ И МЕСТЬ

Миром правит насилие, злоба и месть,
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.
Омар ХАЙЯМ

Тайны успеха обучения заключаются не в авторитетном назидании, в котором упражняются, в общем, формальные, неумные педагоги, а в том, чтобы учитель, как бы скрывался за учением, старался лишь помочь природе познания — он минуту за минутой переживает с детьми. И со стороны, кажется, что не он их учит, а сам с ними учится.

Такова была метода историка Горичева. Он был живым, страстным человеком. Воспитание — это и есть жизнь, а не подготовка к ней. Юноша не учится жизни — он просто живет. Огонь души его передавался детям. Но, он осознавал, что учитель — не ангел с крылышками, а ученики его, отнюдь, не херувимчики. У Василия были чистые, даже наивные, но с лукавинкой, с доброй усмешкою глаза: мол, свое дело, знаем. Может оттого, что, он долгие годы смотрел в одно **чистое зеркало** — в глаза детей.

Рыкова, наблюдая за его вознею со школьниками, видя, их тягу и любовь к учителю, неизменно повторяла: «Опасный человек!». Чем он, опасный? Тем, что искренне делает то, что она делает по необходимости. Как все диктаторы, она любила призывать к инициативе, но терпеть не могла, чтобы эта инициатива оказалась вне ее — личного контроля. Историк же осмеливался выйти из «футляра», многое брал на себя — не боялся ответственности. Стало быть, необходимо сделать так, чтобы опасался вольничать. Для обуздания строптивого все средства хороши, вплоть до запрещенных в педагогике приемов — детских интриг.

Читателю уже известно, какую роль в классе химика Леоновой играла разбитная ученица-двоечница Катя Чернова, неудачно собиравшая подписи для «подметного письма» в РОНО. Ей дали от ворот поворот ребята параллельного класса.

Не стесняясь при учителе отпускать нецензурные выражения, она неумолчной сорокою стрекотала на уроках. Посвященная в «дворцовые тайны», она открыто демонстрировала свою неуязвимость. Словно назойливая оса, стремясь неизменно ужалить. Вот, как это виделось самому учителю, глядевшему прямо в ее наглые, зеленые глаза, которые чистыми уже никак не назовешь:

Ну, впрямь, лягушечьи глаза -
Юлят, лукавят,
Жужжит, как дикая оса,
Вот-вот — ужалит!

«Мина», как известно не сработала. Но, воспользовавшись долгим отсутствием историка по причине болезни и, упреждая грозящий конфликт с Черновой, а за хороший Аттестат ее родителями было уже заранее оплачено, администраторы отстранили его от занятий в их классе, где большинство ребят относились к учителю с должным уважением.

Незаметно пролетел учебный год. Настало время выпускного бала. И о, чудо! Единственная и неповторимая Катя Чернова, за верное служение «двору ее величества», в укор историку, вместе с «Аттестатом зрелости» была удостоена особого поощрения — «Благодарственного письма». Ясно — пустили леща! Нарочно не придумаешь! Рыкова, вручавшая эту — льстивую, сомнительную награду, искоса наблюдала за реакцией учителя Горичева. Ее комментарий был еще поразительней.

— Верно, что Чернова не всегда была дисциплинированной и старательной, — звучал тенор директора, — но за последний год, она в корне исправилась в лучшую сторону. Так пусть ее родители узнают об этом. Наше письмо — это дар гуманизма и веры.

Иначе расценили реверанс директора Катины одноклассники.

— Василий Павлович! — горячо убеждали они историка, — пожалуйста, не верьте сказке Галины Ивановной о чудодейственном перерождении Черновой, ибо черного пса не отмоешь до бела. Врученное ей администрацией письмо, не что иное, как «награда за подлость»!

В памяти Василия, в тот незабываемый вечер в школе, всплыли, будто сами собой, энергичные строчки краснодарского учителя и поэта Сергея Бакалдина:

Привычна, гуманизма дань:
Всех воспитать пытаемся,
Хоть сами видим:
Дрянью — дрянь,
Такою и останется!

Совсем иначе была «поощрена» госпожой Рыковой другая девушка — 17-летняя Юлия Титова. Стройная, русоволосая, всегда серьезная, а, порою, задумчивая Юля училась, наряду с коррекционной школой, в художественном училище. По вечерам посещала уроки в 12-д классе.

Титова, в отличие от Кати Черновой, уважала историка, любила его всегда обстоятельные и доказательные объяснения нового материала. Когда же она узнала о предстоящем юбилее учителя, то в знак искренней признательности, подарила ему собственноручно выполненную картину «Лодочный причал на Оке». Это художественное полотно, довольно приличного качества, и сегодня украшает литературный кабинет нашего героя.

Чтобы не оставаться в долгу, Горичев не преминул вручить молодой художнице, с чистыми глазами, в качестве ответного дара, свою книгу «Русь». Она к тому же, по его мнению, должна была помочь ей при подготовке к предстоящему экзамену по «Истории России». Свидетелем данного обмена подарками стала историк Ткачева. Маргарита Ивановна не умела хранить тайн, а потому слух о данном событии достиг чутких ушей «царствующей особы».

-Как! — возмутилась та, — ведь табу на внимание и любовь к Горичеву, а тем более на его поощрение ценными подарками, еще никто не отменял! Ну, погоди ослушница! Я тебе на экзамене устрою трепку нервов! Твой «Аттестат», глупая девчонка, не у историка, а у меня в руках.

И началось. За день до экзамена по истории в 12-х классах, она отставила от председательства завуча Краеву, которая по иронии судьбы благоволила «к таланту» Горичева и, самолично, возглавила Государственную комиссию.

В кабинет, где проходил экзамен, директор явилась не сразу, а именно в то время, когда ничего не подозревающая, несчастная Юля готовилась отвечать на злополучный 11-й билет. Села не за учительский стол, а напротив ее, за парту. Увидев историка улыбающимся, съязвила:

— Что-то вы некстати развеселились, Василий Павлович?!

— Не вижу причин для грусти, — спокойно отреагировал он, — все идет своим чередом. Ребята нормально отвечают.

— Посмотрим — посмотрим. Ну-ка, иди Титова? — грубо скомандовала она, — нечего под партою копаться. На шпаргалку надеяться! Выходи и начинай отвечать!

Замечание о шпаргалке смутило и без того застенчивую девушку. Потому она долго молчала, собираясь с мыслями.

Будучи математиком Рыкова, тем не менее, считала себя сведущей и в истории — сыпала вопросами, как из рога изобилия. Ее действия оправдывали присказку: один дурак может задать столько вопросов, что и 10 умников — не ответят.

Юля, к сожалению, в отличниках не числилась, а потому под штормом допроса, часто сбивалась, утрачивала нить мысли.

— Не картины малевать, — зло иронизировала директриса, — а историю было нужно изучать. Тебе для того книгу и дали. Сейчас же — отправляйся в коридор! Кто там, следующий? Ты, Глинская?

Не блистала знаниями и эта ученица. Еще более невразумительно отвечала на поставленные вопросы, заключающая собою группу испытуемых, выпускница Скулова. В школе она была — редкою гостьей.

При подведении итогов, торжествующая Галина Ивановна, обращаясь к Горичеву, предложила:

— Василий Павлович! Давай — те мы этой троице по двойке поставим. Вам переживать нечего, занятия вы у них, по болезни, не проводили. Вся ответственность за «неуды» — на них и молодых учительниц. Эти заносчивые девчонки пусть знают, что и в нашей школе нужно серьезно учиться.

— Знаний, верно, у них кот наплакал, — согласился он, — но за многолетнюю практику, я никого «не резал» на экзаменах.

— Надо когда-то начинать, — насмешливо бросила Рыкова.

— Воля комиссии?! — не стал упорствовать учитель.

Двое, кроме них, членов комиссии поспешили выразить свои верноподданнические чувства. Им риск ни к чему. К тому же они и не догадывались об истинных истоках «вихрей враждебных» реющих над девичьими головами.

Плачущей, так до конца и не осознавшей всю подоплеку дела, потерявшей самообладание художнице и ее, не менее расстроенным подругам Горичев, в мягких тонах, разъяснил складывающуюся ситуацию. При этом объявил, что через неделю им назначена — переэкзаменовка.

Но, коль пришла беда — отворяй ворота. Испытания выдержали лишь двое — Титова и Глинская. Скулова, по личным причинам, на экзамен не явилась. Не пришла она и на информатику. Вследствие чего заветный «Аттестат» она не получила. Впрочем, об этом известно лишь одной директрисе. У нее в таких вопросах, как любят выражаться депутаты парламента, нет никакой — прозрачности.

Рыкова, на этот раз, утолив жажду мести, в период повторного испытания, с ребятами не конфликтовала. Зачем — себе хуже!

С 6-го июня 2000 года, когда разыгралась эта злополучная драма, прошли долгие месяцы и годы. Время излечивает раны. Но мы верим, что на памяти художницы Юлии Титовой остался больной рубец, Нет-нет, да и встрепенется ее романтичная душа. «Как, — задастся она вопросом, — я хоть что-то знала, а другие и носа в школу не показывали? И, вообще, ничего не отвечали — молчали. Им же поставили «тройки», а кому-то и «4-ки». Почему, так? И не найдет ответа.

Все это, по мнению Василия Павловича, произошло вследствие порочной педагогики, навязываемой директором школы Рыковой. Катю Чернову, за сомнительные услуги она поощряет «Благодарственным письмом», а художницу Юлию Титову «награждает за дружбу с историком» — сомнительной двойкой.

Одну — за «личные услуги»,
Ждала директорская лесть.
Избравшую ж — иного друга
Настигла роковая месть!

Не ведомо художнице, что «двойка» — это орудие мести коварной женщины, упивающейся властью. Острие же его направлено против двух людей — ее и учителя. И оба они наказаны — за талант! Царствующие посредственности, наличие такового у подданных — прощать не изволят.

С художницей Юлией Титовой, казалось, все ясно. Ну, а Скулова с Глинской, тут причем? Это подстраховка — во имя пресловутой объективности. По принципу: вали кулем, а там разберем — удар по ним прошелся рикошетом. Не зря в старину говорили: «паны дерутся, а у холопов — чубы трещат!». Ассистенты же играли в этой драме — вторые, второстепенные партии.

Глава двадцать шестая

ОПАЛЬНЫЙ ФИЗРУК

Профессиональный педагог,
Спортсмен бывалый.
За то, что угождать не мог -
Попал в «опалу»!

Значительное лицо в коллективе, Владимир Григорьевич Яковлев. Он преподаватель физвоспитания педагогического университета. В коррекционной же школе работает по совместительству. Атлетического сложения, высокий, стройный, седовласый, он одним своим видом внушает почтение. Превосходный спортсмен, энергичный заводила, Яковлев, тем не менее, держится недоступно, в классе и на спортплощадке строг. Требовательный к себе, он и от подростков ждет беспрекословности, невозможности даже и порассуждать: надо ли, мол, учиться, перенапрягаться? Надо и точка!

Владимир родился в учительской семье. Определяя судьбу сына, его отец советовал смышленому юноше, пойти их стопами.

— Служба учителя, — говорил он, — самая чистая, никуда не собьешься. Пока дети растут, страшно за них, за их честь: а ну как случится, что худое? А в учительском деле, какие соблазны? Богатство учителю не светит, лихоимством учителя, за малым исключением, не занимаются. Не то, что чиновники, карьеру не делают — чистая служба, никуда не собьешься.

Владимир и не сбивался. Отличный легкоатлет, он стал не только учителем, аспирантом, но и кандидатом в мастера спорта. Как и военрук, майор Виктор Петренко, он придерживался системы воспитания прославленного педагога Антона Семеновича Макаренко. Все трое были — украинцами. Когда Яковлеву попадались молодые «новые русские», ученики, вроде Максима Махова, требующие непонятных демократических свобод, он строго говорил:

— Мы уже раз наступали на эти грабли. Хотите повторить,

пожалуйста. Но, только помните, лишь глупые люди повторяют ошибки прошлого.

— О чем это вы? — недоумевали ребята.

И он, не пожалел времени, провел с ними разъяснительную работу. Собравшимся в одном из кабинетов школы ребятам Владимир Григорьевич рассказывал то, что слышал ранее от очевидца тех событий, своего отца.

— После революции 1917 года, — начал он, — встал вопрос «о новой школе». Всем тогда казалось, что новая школа должна во всем — и по духу, и по содержанию, и по форме — решительно отличаться от старой школы. Все старое было ненавистно, отвратительно. Все казалось враждебным и контрреволюционным. Таковым многим из вас ныне кажется и советская школа. Если ныне вновь появились лицеи, гимназии, то тогда новая школа строилась, наоборот, как анти — гимназия.

Что было в старой школе? Известно — отметки, программы, правило вставать при входе учителя, обязательность посещения уроков? Все это — долой и баста! Свобода! Не того ли вы — добровольного посещения занятий, высоких, незаслуженных отметок, непочтение к старшим — требуете сегодня, а?

Ребята засмущались, опустили головы.

— Вопрос упирался в педагогов, — продолжал физрук, — как быть с теми из них, на уроки которых ходит абсолютное меньшинство? Было даже принято решение: если на уроки приходит меньше 5-ти человек, то педагогу в этот день пайка не давать. Не смешно?

— Шутка! — раздалось из зала.

— Совсем нет, — твердо сказал физрук, — об этом написано в «Двух капитанах» Вениамина Каверина. Надеюсь, читали или фильм смотрели?

— Кино видели.

— Хорошо, что есть кино. Можно еще вспомнить и «Швамбранию» Льва Кассиля:

— Постойте же, ребята! — сказал комиссар.

— Мы не жеребята! — крикнул зал.

— Товарищи! — поправился комиссар.

— Мы тебе не товарищи! — издевался зал.

— Как же вас изволите величать? — рассердился военный.

— Троглодиты! — хором ответил зал.

И, в общем-то, если бы так продолжалось еще несколько лет, выпускники тогдашних школ по уровню знаний и вправду мало, чем стали бы отличаться от троглодитов.

После революции 17-го, лишь 23 процента было грамотными, а в 1959 таковых насчитывалось — 98, 5 процента. Слово «ликбез» умерло. До Отечественной войны было обязательным — начальное, с 1949 — семилетнее, с 1959 — восьмилетнее, а с 1975 — всеобщее среднее образование. Таковы успехи советской системы обучения. Сейчас мы, современники буржуазной революции 1991 года, вновь имеем целые миллионы неграмотных. Это и есть — вторые грабли. А почему? Потому, что кому-то очень хочется погрузить русский народ в пучину бескультурья и невежества. И старым, и новым господам всегда нужны слепые исполнители их воли. Им не хочется тратить деньги на народное образование. Это, как я вам говорил, мы уже проходили.

Кто из вас ребята, знает великого педагога России Антона Семеновича Макаренко, который сначала переделал себя, затем своих колонистов, затем всю науку воспитания? Кто читал его книги — «Педагогическую поэму» и «Флаги на башнях»? Поднимите руки!

Никто и это прискорбно.

Макаренко получил в детстве мизерное образование. За счет десятилетнего самообразования, к 1922 году он становится учителем. Играет ученикам на скрипке. Ведет кружок рисования. В его комнате висел портрет Льва Толстого, нарисованный им самим. Через несколько лет он нарисует для колонии портрет своего кумира и наставника Максима Горького. Долгое время о Макаренко говорили: «практик», «малообразован», «отвергает науку». Как бы не так. Его знания по математике, которою он особенно не интересовался, были в пределах курса Учительского института. Он совершенно свободно себя чувствовал в области природоведения — физиологии животных и растений, имел солидные знания в общей биологии, знал прекрасно географию, а история была его любимым предметом. Что касается военного дела и физического воспитания, то его не зря считали полковником царской армии — так он был требователен ко всякому порядку и дисциплине. Вот так-то. На рубеже тридцать второго и 33-го года жизни в нем вдруг проснулись дремавшие силы бор-

ца. Недаром он всю жизнь любил военное — форму, строй, честь, уважение к знамени. «Солнце Наполеона едва ли способно было затмить мою сегодняшнюю славу, — пишет он в «Педагогической поэме», рассказывая, о победе над Куряжем и продолжает, — а ведь Наполеону гораздо легче было воевать, чем мне. Хотел бы я посмотреть, что получилось бы из полководца, если бы методы социалистического воспитания для него были бы так же обязательны, как для меня».

Как, истинный исследователь — гуманист, как врач, который вводит себе сильную вакцину, Макаренко поставил опыт, прежде, на самом себе. Результаты оказались прекрасными. Он почувствовал себя человеком! И он хотел, чтобы это же чувство — радость быть собранным, мужественным, деятельным человеком — испытали все его воспитанники. Педагогика Макаренко — педагогика борьбы и мужества. Он поднял руку на хулигана Задорнова, рискуя быть убитым его дружками, или им самим. Но, идя на риск, он никогда не жалел об этом. Жестокость не свойственна Макаренко. Он жалел слабых ребят, но никогда не ограничивался лишь одним этим чувством. Жалость для него — потребность в немедленном действии.

— Именно так, по — Макаренко стараюсь поступать и я, — говорил Яковлев, — мое педагогическое кредо так же основано на высокой требовательности и принципиальности, жажде справедливости и бескорыстия. Вы знаете, что я всякого лодыря, хулигана, невежу, называю своим именем. Без всяких скидок на возраст, пол, социальное положение его родителей. Единственное, что я беру во вниманье — это здоровье воспитанников. Тут я, как водится, никаких отклонений без учета физиологических и психических норм не допускаю. И это, надеюсь, вы хорошо знаете.

— Знаем, знаем, — подтвердили ребята.

Большинство мальчишек и девчонок с той памятной беседы стали уважать своего педагога. Его интеллект, атлетический вид, его боевой задор подкупали их юные сердца. Действовал же Яковлев, в отличие от большинства коллег, решительно, открыто и смело — в кулак не шептал. Он был подлинным профессионалом своего дела.

— Не гибкий вы, какой-то! — отчитывала физрука Яковле-

ва директор, — опять ребят двойками засыпали. Скоро они, вообще, перестанут ходить. Мы же не Университет, в котором вы преподаете, а всего лишь — коррекционная школа. Наши ученики — не ваши студенты — высокая требовательность, которой, к примеру, страдает и наш историк Василий Павлович Горичев, им ни к чему. Пора менять тактику работы.

— Они не хотят заниматься.

— Ищите подходы, заинтересовывайте, воспитывайте.

— Им не сентенции читать, как зажравшемуся на кухне коту, а хворостина нужна.

— Я вижу, мы с вами не сработаемся! — закипала гневом Рыкова.

И впрямь не сработались. В 1997-98 учебном году физкультуру в школе стала вести, так же, как и Яковлев, кандидат в мастера спорта Сырова Марина Федоровна. На практике, оказалось, сменяли сокола на кукушку. Она, на беду администрации, не только проявила себя — лентяйкой и лежебокой, которой на детей было наплевать, но и выпивохой. Истина, известно, познается в сравнении. Тут директриса вновь вспомнила о трезвом, скромном и работящем хохле Яковлеве, который, не выдержав ее придирок, добровольно покинул школу.

— Лучше покориться способному человеку, потерпеть, чем владеть глупою лежебокой, — решила она

Сырову, под благовидным предлогом уволили, а опальный Яковлев вернулся на круги своя. Пришлось отбросить самолюбие и гордость, забыть прежние обиды и унижения. Деньги — вот мерило нашего «Я». Зарплата в Университете не ахти, а молодую жену надо одевать — обувать. И, чтобы выглядела не бедною Золушкой, а подстать имени — Еленой Прекрасной! Владимир Григорьевич не забыл свою с нею первую встречу, что произошла в далеком 1983 -ем году. Тогда, Елена — юная, 20-ти летняя студентка — третьекурсница художественно — графического факультета Университета, а он ее — преподаватель физкультуры. Высокая, стройная, русоволосая, улыбчивая Елена влюбилась в него — симпатичного и волевого педагога. Действовала она не менее решительно, чем некогда студентка Московской консерватории Антонина Милюкова, самозабвенно, всем пылким и влюбчивым сердцем, убеждавшая так же своего избранника, педагога — музыканта Петра Ильича Чайковского:

— Без вас для меня нет жизни!

В то время композитор, поглощенный сочинением оперы «Евгений Онегин», решил не уподобляться холодному денди, не отвергать искренние, как ему казалось, горячие чувства девушки. Он безумно и страстно надеялся, что Тоня сделает его счастливым — и просчитался. Все потому, что сам был молод и неопытен.

Другое дело Владимир Григорьевич Яковлев! Он был в ту пору женат, завел двух детей. Опыта семейной жизни у него — с избытком, да и от постоянных ссор уже успел устать. А тут на ловца и пушистый, и нежный зверек — с огнем любви, с огнем желанья. Страсть к молодой художнице так яростно захватила его отзывчивое на чужую ласку сердце, что он не устоял перед решительным шагом. Понятно, что это далось ему нелегко. На пути бракосочетания с Еленой Прекрасной, а иначе ее он не осмеливался, и называть, стояла прежняя супруга и мать двух их отпрысков. Он твердо обещал ей взять на себя все расходы по их воспитанию. Заметим, что слово сдержал.

Он не отдал на поруганье своих детей -
Кормил, поил! Без назиданья,
Их занимался воспитаньем -
До наших дней.

Дети детьми, но любовь к женщине — всепобеждающа! И вот уже 17 лет она пламенеет в сердцах педагога и его бывшей ученицы — лазоревым светом. Да, Яковлев оказался счастливее маэстро Чайковского! Правда, оно иногда омрачается облачком грусти об отсутствии у них общих детей. Но это больше огорчает Елену, чем Владимира. Он не только оставался заботливым отцом, но и успел обзавестись внуками. Никогда не забывает их побаловать подарками и вниманием. К тому же ностальгию по формально утерянному отцовству ему восполняют его воспитанники — бесчисленные ученики. Им он отдает весь жар своего широкого сердца.

На педагогическом совете, что состоялся 10 ноября 2000 года, Василий Горичев, неожиданно оказался за одною партою с учительницей рисования и домоводства Еленой Петровной Яков-

левой. Она появилась в школе недавно, а потому он еще не был знаком с нею, не ведал также и о том, что эта симпатичная женщина — супруга физрука. Елена же глядела на Василия с широко раскрытыми глазами и пыталась заговорить. Завуч, читая, доклад об итогах первой четверти, подняла голову от текста и строго посмотрела в их сторону. Находчивая учительница тут же предложила вести диалог через переписку. Первое ее послание гласило:

— Василий Павлович! Неужели вы меня не помните? Мы с вами вместе работали в городской школе.

— Нет! — начертал Горичев.

— Коммунистку — художницу Наталию Грачикову — мы с нею вместе учились в Университете, вы, надеюсь, помните?

— Ее, да!

— Почему так?

— Она партийная, а вы нет.

— Все равно, меня вы должны знать! Я преподавала «Изобразительное искусство» в начальном и среднем звене. В том числе в классе Осиповой Нины Николаевной — вы с нею дружили.

— Весьма смутно, что не удивительно! Ведь там у нас не 20, как здесь, а 150 учителей было — всех не упомнишь.

— Согласна. А когда директор Генриетта ушла из школы? И завуч Геннадий Александрович?

— Подшивалова Генриетта Орестовна вышла на пенсию в 1990, а завуча «ушли за пьянку» — годом раньше.

— Вот как — не знала!

— Грачикова замуж не вышла?

— Она — художница! Поступки же работников искусств — непредсказуемы.

— Я то же художница!

— Тогда извольте написать мой портрет.

— Изволю! — весело рассмеялась соседка и принялась за работу.

— Весьма похож, — прокомментировал, спустя три минуты, Василий карандашный рисунок учительницы и добавил, — не достает лишь автографа.

— Получай! — автор размашисто и неразборчиво начертала свою фамилию.

— Расшифруй! — попросил историк

— Яковлева Елена Петровна. Труд. ИЗО.

Педсовет закончился и они расстались. На следующий день Горичев спросил у оппозиционерки Васильевой Зинаиды Петровной, которая знала обо всех лучше, чем о самой себя: «Кем доводится художница, физруку — у них одинаковые фамилии?».

— Женой! Кем еще?! — развеяла математик все его сомнения на этот счет.

— Ну и ну! — покачал он головой.

— Да, она у него — не первая!

— А. какая?

— Вторая, конечно.

Выбрав время, Василий зашел в кабинет домоводства и вручил Елене Петровне свой книгу «Перелески», с автографом. При этом сказал:

— Это подарок — по вашей просьбе. Он пойдет в счет гонорара за мой портрет.

— Вот спасибо, Василий Павлович! Мне очень приятно будет узнать, кому из наших бывших коллег вы посвятили свои стихи. Может, сами назовете?

— Пожалуйста! Это — Жанне Семениной, Нине Осиповой, Тамаре Салыновой, Геннадию Голикову и двум Василиям — Пискареву и Савину.

— Ой, как здорово! — обрадовалась художница, — они все из городской, а из нашей коррекционной школы, кому?

— Никому!

— Печально, но почему?

— Я сделал больше, чем написал стихи.

— Вы меня просто интригуете.

— Учителям нашей обители я посвятил целую повесть.

— Как здорово! Вы же, настоящий талант! Скажите по секрету: обо мне и муже моем, что-либо, черкнете?

— Непременно. Ваш супруг — последователь Макаренко, а мне это далеко не безразлично. Ведь наши ребята ничем не отличаются от колонистов из «Педагогической поэмы». Владимир же Григорьевич, как прежде Антон Семенович энергично взялся за их перековку — это делает ему честь.

— Уж, и не скажите Василий Павлович! Сколько шишек на этом пути набил, ему же все неймется. Таков уж у него твердый характер! Возьмется за что — с места не сдвинешь. Упрямый! Сам

в строгости — в семье учителей воспитан. Такой же требовательный он к себе и другим.

— Молодец! — не сдержался от похвалы Горичев.

— Эх, Василий Павлович! Если бы все, как вы порядочными были, тогда бы дело пошло. Вон, та же директриса его с грязью смешала. Говорю: «Володя угомонись! Второй раз выживет! Ему бы хоть ты что. Отвечает: «Рыкова — временщик! Нам о судьбе детей и страны думать надо!» Вот, он какой, мой славный муженек — патриот!».

Патриоту же, действительно, доставалось на орехи. И не только от диктатора, но и от рядовых коллег. На одном из совещаний, та же вездесущая математик Васильева гневно упрекала Яковлева:

— Вы так поставили вопрос, что у нас теперь — не математика с физикой, не русский язык с химией и биологией, не история с географией и обществознанием, а ваша физкультура стала самым главным предметом. Интересно — почему так?

— Здоровье — прежде всего! — нисколько не смущаясь плохо скрытой иронии, — отрезал физрук.

— Ребята из школы скоро разбегутся — директор правильно сказала, — в тон Васильевой наступала на спортсмена химик Леонова Нина Гавриловна, — то форму вам подавай, то на уроки не опаздывай, то справку о болезни принеси.

— Как же иначе?! — упорствовал Яковлев, — требование соблюдения порядка и правил — залог успеха!

— Вы забыли, Владимир Григорьевич, — подала свой голос Рыкова, — я вам уже неоднократно долбила, а не просто говорила, что у нас не Университет, а коррекционная школа. Тут свои особенные законы.

— Закон, как я понимаю, должен быть единым, — стоял на своем убеждении физрук.

— Не думаю.

— А, я считаю, что именно у нас и необходимо использовать макаренковскую систему воспитания. Добиваться успехов — через труд, самоорганизацию и жесткую дисциплину.

— Макаренко устарел. Время сейчас другое, — не сдавалась директор.

— Какие бы не дули ветры в паруса страны, а люди не меняются. Они все так же хотят пить — есть, поменьше работать и

легче учиться. И прав великий Суворов: трудно в учении — легко в бою!

— Что же вы, уважаемый полководец, предлагаете? — Галина Ивановна плохо сдерживала усмешку.

— Да выбивать у бездельников апатию, хотя бы с помощью физкультуры и спорта. Ведь лень — мать всех пороков.

— Нам не до высоких материй, — горестно вздыхает Галина Ивановна, — не до жиру, быть бы живу. Главное — ребят занять, от тлетворного влияния улицы уберечь.

— Усадите за телевизор — еще хуже будет.

— Как с вами трудно — ничего не понимаете, — заключила беседу директор.

Нет. Все отлично понимал педагог Яковлев. Это самой Рыковой было невдомек, что притянутая за уши, так называемая, бесконфликтная педагогика порождает в душах детей — косность и равнодушие. Недооценивать это — чрезвычайно недальновидно и опасно. Плодить равнодушных обывателей Владимир Григорьевич не может по состоянию своей чистой души. Потому он, наперекор коллегам и ложным постулатам директрисы, настойчиво продолжает бороться с лицемерной педагогикой благодушия и самоуспокоенности.

Физрук постоянно во всеоружии. На шее у него — секундомер и свисток. В руках — мяч и обруч. Ребята — на снарядах и бойцовских коврах. А кто и совершает по парку пробежки — кроссы, делает физзарядку. Все и вся — в движении и в работе. Терпение и труд, считает учитель Яковлев, все — перетрут.

Василий Павлович! — с неподдельной искренностью в голосе, делилась со старым товарищем Елена Петровна о своем любимом муже, — я знаю, что Владимир Григорьевич, случается излишне — педантичен, суховат. Но за 17 лет совместной жизни, я твердо убедилась, что он — честный и порядочный человек. И не только по отношению ко мне, но и к прежней жене и детям. И он, больше жизни, как педагог Макаренко, науке которого неизменно следует, всем сердцем, любит своих учеников

Горичев знал, что женщина боготворит дорогого мужчину не столько словами и глазами, сколько сердцем. Оно же у Елены Прекрасной — золотое. И права София Ротару, утверждая в своей песне, что:

«Золотое сердце не обманет,
Золотое сердце — не соврет!».

Глава двадцать седьмая

ОПРИЧНИНА

***Опричнина**, как принцип самовластья,*
Лишала бедный люд — земли и воли.
Она не только для страны — несчастье,
Но явно стала горем и для школы.

Как известно, из «Истории Государства Российского», в начале 1565 года Иван Грозный учредил опричнину — выделил значительную часть государства в особое личное владение. Царь создал опричное войско — личную гвардию для проведения карательных операций. Его воины приторачивали к седлам своих коней собачью голову и метлу, что символизировало их животную преданность государю и решимость вымести всякую измену из государства. В своем романе «Князь Серебряный» граф Алексей Константинович Толстой поведал, что от опричников гибли не только самовластные князья, бояре и прочие господа, ненавистные Ивану 1У, но в первую очередь, невинные крестьяне — землепашцы. Они, как всегда, становились разменной монетой в их жесточайших распрях — лишались земли и воли, а нередко и самой жизни.

Так, как школа является — маленькой моделью страны, то и в ней может учредиться в миниатюре, некое подобие опричнины. Это явление нельзя рассматривать без учета личных наклонностей, как монарха в стране, так и диктатора в школе, которым одинаково мерещились заговоры и измены.

Читателю памятно заносчивое заявление госпожи Рыковой: «Да, я — сталинистка!». Иосиф Сталин, несомненно, использовал в борьбе с оппонентами «опричный опыт» царя Ивана Грозного. Для чего и создал карательные органы — НКВД, VIIУ, МГБ, где на определенном этапе были свои — Басмановы и Скуратовы (Ягода, Ежов, Берия).

У Рыковой был свой клан, состоящий из ее подруг — офицерских жен — Краевой и Роговой.

Однако проводить параллели между великим Сталиным и

малоприметной особой Рыковой абсурдно. Ведь театром действий «вождя всех народов» была не Россия, времен Ивана Грозного и даже не могучий Советский Союз. Ареною его битв стал весь многополюсный мир. Отсюда следует ремарка, что хотя и госпожа Рыкова и — «сталинистка», что явно не делает ей чести, но возможности ее, в отличие от своего божественного кумира — весьма ограничены.

К тому же, ее опричники — Краева и Рогова часто оказывались непоследовательными. Нередко благоволили, то к ненавистному Горичеву, то к фанатичному Яковлеву, считая их талантливыми педагогами. Более того, попавшие в немилость к диктатору, ее бывшие «азиатки» — приспешницы — Аркадьева и Югова, вообще, изменили своенравной Галине Ивановне. Они открыто стали на сторону опальных героев.

Верной опорой престола оставалась одна 72-х летняя секретарша директора — Горева. Педагоги и даже школьники называли ее, не иначе, как Малютой Скуратовым. Иногда уточняли — в юбке. Случалось, они, не на шутку рассерженные всеядностью секретаря, ей бросали вслед, презрительное — «крыса». Мы, однако, в 2008 — «год Крысы», когда и пишутся эти строки, из такта, не станем употреблять это грубое выражение. Ведь, в Китае и ряде других стран, «крыса» объявлена священным животным. Тем не менее, на взгляд многих, именно у крысы научилась секретарша Горева — осторожности и скрытности, хитрости и жестокости. Наиболее прозорливые были убеждены, что по архивам КГБ она давно числилась в секретных агентах. Учитывая, что сама Рыкова — дочь сотрудницы этого карательного органа, то такая взаимосвязь имела определенные основания. В любом случае методы работы секретаря носили подлинно конспиративный характер. Проверить данный постулат чрезвычайно легко. Стоит лишь задать ей несколько вопросов и все станет понятно. Учителя, порою, проводили своеобразные эксперименты — проверяли на честность. Спрашивали:

— Сколько учителей и учеников в школе? Кого и за что уволили или отчислили? Кому выдали и не выдали «Аттестаты зрелости»? Кто числится в «экстернатах»? Сколько из числа школьников воров и наркоманов, зарегистрированных в милиции? Кому и за что выдали документы досрочно? Какова зарплата и

сумма премиальных у администраторов школы? Кто из учителей и технических служащих зарплату получают, а фактически в школе не работают? Кто и сколько совместителей?

А в ответ — тишина. Старушка строго оглядит любопытного, недоуменно разведет руками и процедит сквозь зубы:

— Знать и отвечать — это прерогатива директора, я только — исполнитель!

Вещие слова. И они оцениваются по достоинству. Рогова получает не только за делопроизводство, секретарство, но и за библиотеку, которой заведует, подобно неуловимому летучему голландцу. Ежемесячно ей начисляются премии — за особые заслуги по упрочению диктатуры. Вот они: заготовка продуктов к «чаю», сбор денег и подарков от родителей за хорошие аттестаты, оформление подношений для вышестоящих лиц, уплата по квитанциям за свободные директорские квартиры. Все школьные «диссиденты» у нее на строгом учете. Зорким соколом она оглядывает коридоры, выслеживает — кто с кем стоит? Беда только — зрение подводит — очки устала менять. Да, вон, у окна — никак Горичев?

От него жди гроз и бури! -
Он, конечно, не один.
Точно — с кем-то балагурит.
С кем же? -
Сходим, поглядим!

Непременно подойдет. Высмотрит, подслушает, вынюхает. Запомнит все и по форме доложит, кому следует. Не обессудьте — такова стезя. Действует в унисон песенке композитора Шаинского:

Раз дощечка, два дощечка,
Будет — лесенка.
Раз словечко, два словечко,
Будет — песенка!

Но, это у легкомысленного музыканта «песенка», а у Малюты Скуратова уже готов секретный доклад.

— Галина Ивановна! — начинает она, сурово сдвинув гус-

тые, седые брови, его чтение, — а Горичев с Войковой, Юговой и Власовой у окна опять собирались — болтали.

— О чем?

— Об уроках, зарплатах, премиях.

— Они у меня договорятся — найдут на свою голову приключений! — голос Рыковой звенел, как туго натянутая квинта, — Войкову с Власовой я уже не раз предупреждала — никакой информации Горичеву! Клялись, божились, плакали. Но, видно, опять этим болтушкам, неймется?!

— На грех, Югова к нашему поэту липнуть стала. Никак, что замышляют? — негодовала Горева.

— Вряд ли! Просто Югова в друзья к историку набивается. Оппозицию создает проклятая авантюристка! Коброй вьется, а знать забыла, что еще в 95-м, первою на него докладную сварганила — под «выговор» подставила. Вы еще с Войковой ей тогда помогали. А, кто Катю Чернову подстрекал против него воду баламутить? Опять — эта же «Азиатка»! Горичев, мужчина — не глупый! Я думаю, он все помнит, а потому не станет с этою, действительно непорядочною женщиной, связываться. Беседует с нею, больше из приличия, из такта.

— Все, так. Вы, как всегда, правы, — не сдавалась старушка, — но сейчас у них — общие цели, как вам досадить. Могут ненароком объединиться.

— Не думаю. Я Василия Павловича хорошо изучила. Он на ее удочку не клюнет — характер не тот! Он, что весенний кот — гуляет сам по себе — индивидуалист! Но, хватит о нем, надоело, что еще?

— Девятиклассники на уроке биологии так распоясались, что на плечи учительницы Рыжковой руки уложили, нежно поглаживали, что сексуальные маньяки, — продолжала доносить Рогова, — а это не хорошо. Технички у двери класса стояли, все видели — смеялись.

— Плевать на их смех! — директор махнула рукой, — Наталья сама отгонит кобелей дамочка наглая! Тут бойся за Сухову. Право, девушка — тоненькая, сухонькая, слабая. Ей помочь надо: одернуть ее паршивых семиклассников — передайте этот мой наказ завучам! Не то хулиганы, без твердой руки, не то что на плечи, а и на голову сядут. Еще хуже — до инфаркта доведут!

— Обязательно передам, — откликается Горева и переходит

на шепот: «Знаете, у нас своя Маша Распутина объявилась!».

— Кто? — зрачки глаз у Рыковой еще более сузились и потемнели.

— Географичка Кузина Мария Сидоровна.

— И, что?

— Она, конечно, молодая, ей 22 года. Но, она учительница, а нарядилась так, как путана — юбка едва зад прикрывает. Ноги, что жерди, прямо из плеч растут. Ученики 8-го класса весь урок под ее столом ползают. Вроде, упавшую ручку ищут, а сами под подол к ней заглядывают — стыд какой!

— Знаю. Я не раз уже ее отчитывала, укоряла. Она же огрызается, говорит, что — мода такая!

— Модница беспутная! — гудела старушка, — волоса космами, распустила. В султанских гаремах и то подобное не позволяют.

— Согласна. В школе ей не место. Но у нашей Маши — броневая защита! Ее мама в научном центре ГОРОНО работает. К тому же она — председатель аттестационной комиссии. Поссоришься — начнутся придирки. С них станет — с самой категорию срежут. Так, что пускай себе Кузина с жиру бесится. Она — замужняя. Ее муженьку и карты в руки. Пусть в ущерб автосервису, коим занимается, он и за женою приглядывает, ее милый Слава.

— Да, да — это его печаль, — соглашается секретарь.

— Смотрю на них, — пустилась на откровения Галина Ивановна, — а саму смех разбирает. Оба молодожены — и Маша, и Слава, уж такие рослые, прямо высотою с колокольню Ивана Великого.

— Велика, фигура, да знать — дура! — не удержалась, чтобы не съязвить Горева.

— Главное, нам не остаться в дураках, — прервала ее директриса, — с ними то же все ясно. Что, еще?

— Боюсь и сказать!

— Выкладывай, не томи.

— К учительнице истории Ткачевой Маргарите Ивановне — бес прилип.

— Что за мистификация, — какой бес?!

— Да ученик ее бывший, Павел Фирсов, по пятам за нею бегает. И в школу на свиданья зачастил. 15 декабря 2000, прямо

на литературный вечер, что поэт наш Горичев готовил, посвященный Чайковскому и Апухтину, не постеснялся явиться.

— Мне, что-то об этом инспектор Аркадьева уже говорила. Фирсов де в Чечне около года провоевал, 8 тысяч долларов получил. Теперь, видимо, решил нашу Ткачеву одарить. Выходить, что у них — любовь!

— Но, у нее — муж, сын?!

— Конечно, безобразие — устраивают мне тут «Весну на Заречной улице»!

— Скорее — «Зиму на улице Герцена», — сделала попытку скаламбурить секретарша, имея в виду, место прогулок незадачливых влюбленных.

— Весну или зиму — не все ли равно. Поговорю с Ткачевой. Я ей 12 разряд, заведывание кабинетом, в пику Горичеву, что — за зря дала? Не посмотрела даже на то, что завучам ее уроки не нравятся. И какая мне за то плата? На глазах у всей школы — амуры разводит!

— Срам, что и говорить, — развила до неистовства благородный гнев своего шефа «Малюта в юбке», — хоть Павел — то был, как парень, а то — недотепа какой-то! Двух слов толком не свяжет. А она и замужняя, к тому ж!

— И с Ткачевой разобрались.

— Осталось, с уборщицами выяснить.

— Что?

— За раздевалку, говорят, мало платят.

— Старая песня. Пусть они ее не со мною, а с заведующим РОНО Малевичем, — поют. Да, громче, выводят! С меня других забот, хватит с избытком.

— Тогда на сегодня все.

— Благодарю за информацию!

— На то и служим! — угодливо, но твердо ответствовала неутомимая старушка.

Казалось, совсем недавно «детектив Горева» сама работала учительницей физики в одной из городских школ, вместе с математиком Власовой. Когда же Анжелу Сергеевну назначили директором, то она поспешила перейти под ее крыло в коррекционную школу. С директорством Власовой, здесь, как мы знаем, не повезло из-за интриг оппозиционеров, многие из которых

уже сами оказались за бортом их обители. Это обстоятельство, однако, никак не отразилось на Горевой, всегда умевшей держать «нос по ветру». Она, с выгодою для себя, превратилась из скромной учительницы в авторитетного секретаря директора. Прежняя дружба с Власовой была перечеркнута. Более того, во имя укрепления доверия, она с упоением служила новому шефу, по личной инициативе, информировала Рыкову о поведении ее предшественницы. И вот уже семь лет, как служила ей — верой и правдой. Отлично изучив все язвы и пороки «сталинистки», она старалась всеми силами развивать их, укреплять ее веру в необходимости установления диктатуры. Не без усердной деятельности секретаря, школьная оппозиция мигом оказалась в надежных — «ежовых рукавицах».

За все надо платить — это аксиома. И директор подкупила Васильеву и Леонову премиями и «высшими категориями». Теперь ей никакой «дворцовый переворот» уже не страшен. Васильева, коль надо с казенного счета денежки урвать, не прочь и за липовую премию расписаться, а затем передать ее в фонд «чайной королевы». Леонова, не постеснялась также взять грех на душу. По просьбе Юговой — Рыковой, подговорила Катю Чернову сочинить на строптивого историка компрометирующую его бумажку. Недаром же дочка Леоновой, не работая в школе, получала дутую зарплату за лаборанта. Все повязаны — все шитокрыто. Уже в 1999 оппозиция приказала долго жить. Отдельные вспышки, как одна снежинка или дождинка — еще не снег, еще — не дождь.

Секретарь Горева — не бабушка «божий одуванчик». Не случайно именно бывшие оппозиционеры, начиная с «Актрисы», окрестили ее прозвищем — Малюта Скуратов! Сколько на ее счету невинных жертв? На руках и ногах пальцев не хватит, чтобы их сосчитать. В последний раз, она решительно настояла на увольнении географички и художницы Алексеевой. Уж больно Горичев с нею крепкую дружбу свел — не просчитаться бы. Свободолюбивые художники и поэты — вечные враги диктатуры. Многие глупые простаки и болтуны да сегодняшнего дня не ведают, что стали «изгоями» с ее ловкой подачи. Так им и надо.

Кадры нужно укреплять своими людьми, чтобы были, как мудро учили Иван Грозный и товарищ Сталин — **лично тебе обя-**

занными. Таким «кадром» и стал в сентябре 2000, молодой биолог Войтов Сергей Яковлевич. Он приятель ее племянника — седьмая вода на киселе, а все-таки свой — лично обязанный. В противоположность ровеснику — молодому историку Роману Корневу, уволенному за крамолу, не станет без позволенья якшаться с Горичевым или с Яковлевым, ибо надежно ею проинструктирован. К сожалению, отзывы завучей о его работе, мягко говоря, неблагоприятные. Дебилы — ребята, а не то, что учителя его методику работы — на смех поднимают. Он им в отместку — двойки в журнал. Они же, в знак протеста, встают из-за парт и дружно уходят из класса. Особенно огорчает, что это не единичный случай, а стало системой — директору за него, порою, стыдно в глаза смотреть. За такого «протеже» приходиться лишний раз перед нею краснеть да заискивать. Сколько уже банок с соленьями, вареньями, соками ей перетаскала — не счесть, а ей все мало. У директорши друзей, что воробьев на заборе! И каждый норовит, по слаще, кусок ухватить! На их потребу — с утра до вечера чайник пыхтит. К чаю, кофе, опять же нужны — конфеты, печенья, торты, пирожные. Организуются вечеринки. Спасибо завхозу Свитовой выручает: то картошкой с капустой, то пирогами с яблоками, то хреном с огурцами и помидорами. На радость случается, что состоятельные и зависимые родителя «пробелы» восполняют. Но, беда, большая часть даров «новых русских» навсегда застревают в офисе самой Рыковой. До секретарской комнаты не доходят. Ты же думай, выкручивайся — тяжела ты — служба царская!

В сентябре 2000 -го, директор Рыкова озадачила историка неожиданным предложением.

— Василий Павлович, — сказала она, — вы слушали о повышении пенсий?

— Нет.

— Так сходите в собес, узнайте. Может, вам, нет никакого смысла учительствовать. Не столько заработаете, сколько потеряете.

— Конечно, схожу и узнаю, — согласился историк, — но только почему вы таких предложений не делаете Горевой? Ведь ваша секретарь на 12 лет старше меня, а все еще работает?

Присутствуя, при этом разговоре, здесь, в кабинете дирек-

тора, Горева, тяжело, вздохнула, покачала седою головой и нашлась: «Я тоже об увольнении думаю!».

— Не верьте ей! — горячо запротестовала Рыкова, — она из школы, пока я директорствую, никуда не уйдет.

— Отчего так? — наивно поинтересовался Горичев.

— Потому, что она мой ангел — хранитель! — директор не шутила, — она — мой верный друг, а друзей в беде не бросают.

— Но о какой беде вы говорите? — недоумевал учитель, — я ни о какой беде, ни с вами, ни с нею — ничего не слышал!

— Мне всегда нелегко. Над моей головою постоянно висит Дамоклов меч, — в голосе Галины Ивановной слышалась неподдельная нотка грусти, смешанная со страхом.

— Видать, и государям бывает тоскливо жить!? — пошутил историк.

— Все под Богом ходим — философски заключила беседу Рыкова.

Василий Павлович прекрасно понимал, что в отличие от бунтаря Горичева, ей, царствующей особе, вдруг, оказаться без Малюты Скуратова, без надежного всевидящего ока — подлинная драма. Где таковую, верную и преданную, еще, отыщешь?! Это верно, с нею она запросто так, как с ним — никогда не расстанется.

Хотя, как знать, Ведь срубил же Иван Грозный в 1571 году головы Малюты Скуратова с опричниками — за измену и трусость, проявленные в борьбе с крымским ханом Девлет — Гиреем! Он не простил своего верного слугу, когда понял, что Малюта Скуратов преуспел лишь в расправах над мирным населеньем и оказался жалким и слабым в сражении с подлинным и сильным противником. Подгнившая опора престолу не нужна, а потому бесноватый опричник был намертво вышиблен из седла.

Не менее грозно поступил со своими опричниками — Ягодой и Ежовым великий Сталин. Его некогда «заплечных дел мастера», были безжалостно расстреляны. Поводом для дискредитации Ягоды, стало убийство в 1934 году первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) Сергея Мироновича Кирова. Растяпа Ягода — не уберег любимца партии и народа, так получай — свою пулю! Ежов, вкупе с «ежовыми рукавицами» сгорел из-за «дела Шолохова», ложно обвиненного в организации контр-

революционного восстания на тихом Дону. Не сумел Ежов так же, как надлежало, спрятать концы и по уничтожению 20 тысяч невинных казаков Ростовской области. Прошляпил — сам становись к стене!

Что касается Лаврентия Берия, то его спасло бесстрашное поведение в первые дни Отечественной войны, когда сам «великий гений» оказался в прострации из-за предательства и вероломства, его друга и союзника — бесноватого Адольфа Гитлера. Тем не менее, уже в 50-е годы Сталин задумывал обновить команду, где уже не было место и палачу Берии. Подлинного мастера заплечных дел, которому француз Фуше — министр внутренних дел императора Наполеона и в подметки не годится, — спасла лишь скоропостижная смерть вождя.

Но, кто, в судьбе опричницы Горевой сыграет роль вероломного крымского хана, страдальца Кирова или находчивого Шолохова, для историка Горичева оставалось загадкой, тайною — за семью печатями.

Глава двадцать восьмая

НОВЫЙ ЗАВУЧ

«Частица черта в нас,
Заключена подчас»
(из оперетты)

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!
Омар ХАЙЯМ

За годы правления госпожи Рыковой (1993-2000), в школе сменилось три завуча: Иванов, Югова, Краева. По каким обстоятельствам лишились своей должности Иванов и Югова, читателям уже хорошо известно. Краева заведовала учебною частью с памятного июня 1998 по август 2000. Уже во второй половине этого летнего месяца, под бравурный марш «Прощание славянки», она отправилась по новому месту службы бригадного генерала — своего мужа в город Ржев. Невольно вспоминаются трагические строки Александра Твардовского:

Я убит, подо Ржевом
В безымянном болоте.

Данная фраза поэта относится к дням «годины горькой». Ныне в Ржеве, как некогда в Багдаде, до оккупации его американцами, было — все спокойно. 43-х летний комбриг ПВО Краев был занят охраною мирного неба, а его прекрасная половина Полина Афанасьевна с 10-летней дочуркою — третьеклассницей, по утрам», на командирском «газике» колесят в школу. Не в малокомплектную, а в большую — полнокровную.

— Страшно устаю от уроков, — жаловалась она в письме своей подруге Рыковой, — здесь каждый час — испытание на прочность. Ребята, не ваши дебилы, а — умные, пытливые. Одною книгою от них не отделаешься, приходиться потеть над дополнительною литературой.

— Вот так-то, — делится впечатлениями Галина Ивановна, — а наши учителя еще недовольны, что мало получают. Нам же за коррекцию в 7-9 классах на 25 процентов больше платят — это забывают. У Краевой же, с ее 21 часом нагрузки, зарплата ниже, чем была здесь. И это не смотря на то, что я ей по дружбе 13-й разряд сделала.

— Истина познается в сравнении, — философски заметил Хакимов.

— Конечно, — соглашается директор и добавляет, — Краевой, правда, грех жаловаться. Она — командирская жена. В любое время и привезут и отвезут. И у муженька ее — генеральский оклад.

— Что-то, наша, принявшая, от Полины Афанасьевны эстафету, новый завуч без часов осталась? — поинтересовался Горичев.

— Потому, что Левитина пришла к нам на работу, по приезду с Кавказа, лишь 21 сентября 2000 года. К тому времени мы уже всю нагрузку распределили.

— Взяли бы у кого из совместителей, от них все равно толку нет — вечно опаздывают, уроки срывают.

— С этим еще успеем, — в глазах директрисы проскользнула хитрая ухмылка.

Василий Павлович уже знал от самой Левитиной Нины Витальевны, что, принимая ее на работу, Рыкова записала в приказе — оформить с 3-х месячным испытательным сроком. И это не смотря на то, что зав РОНО Малевич распорядился назначить ее завучем без всяких околичностей и оговорок.

4-й, по счету, завуч, видимо, вызывала у диктатора смутные подозрения на предмет лояльности. Уж как-то она, на ее взгляд, держалась раскованно и независимо — нисколько не раболепствуя перед ее сиятельством.

«Самоуверенная гордячка, будто она и впрямь — кавказская княжна! — Галина Ивановна оценивающе, по-женски, осматривала 40-летнюю черноволосую красавицу, — всякое можно ждать от этой второй Тамары Гвардцетели! Как же — зам мэра города по народному образованию, «Отличник просвещения». Регалий-то, сколько, а мне «отличника» — все только обещают».

Становилось понятно, что в лице Левитиной госпожа Рыко-

ва увидела свою полную противоположность, уступая ей и по красоте, и по уму, и по силе характера. Озадачила новый завуч и учителей. Ее первым распоряжением было — представить для проверки дневники учащихся. Было от чего почесать в затылке! У большинства ребят и дневников-то никогда не было. Если же у кого есть, то смотреть — тоска! Они все — неряшливые, незаполненные, неподписанные. Сказались плоды порочной педагогики, с которую безуспешно пытались бороться Горичев и Яковлев. Не случайно, что эти учителя увидели в лице Нины Витальевны своего единомышленника по укреплению порядка и дисциплины в школе.

Делать нечего. Собрали классные руководители, требуемые ребячьи дневники, и пошли к завучу с отчетом. Ждали «грозы»! Они уже привыкли к «шквалам ярости» администраторов, Но, к их удивлению, все обошлось без излишних эмоций. Левитина по темпераменту, оказалась гораздо, рассудительной, спокойней и выдержанней своего непосредственного шефа. Это ее качество было по — достоинству оценено. Учителя без всякой оглядки все чаще стали наведываться в кабинет завуча. И не только по делам, но и просто, чтобы скоротать «окно» — поговорить о наболевших проблемах, посоветоваться.

Особенно частыми гостями у Левитиной стали «азиаты» — Югова и Аркадьева. Она казалась им своей, прибывшей, как и они — из мусульманского мира. Было о чем вспомнить. Прощупывая почву, они изучали ее привычки, пристрастия, слабости. Эта докучливость «азиатов» не ускользнула от взора умной, тонкой, быстро ориентирующейся в обстановке дискомфорта Нины Витальевны. Соблюдая корректность и такт, она частенько, под благовидными предлогами, отделывалась от назойливых собеседниц.

— До чего же надоедливые эти дамы, — с нескрываемою досадой, как-то, она призналась Горичеву.

-Терпите! — посоветовал он, — но поменьше откровений, не то греха наживете.

— Нет уж, я их работать заставлю! — твердо сказала завуч.

— Похвальное решение! — поддержал историк.

21 декабря 2000 года, по пути в школу, Василий, неожиданно для себя, сочинил небольшой сонет, посвященный новому за-

вучу, ее, трем предшественникам он такого не позволял. Ему пришло в голову прочесть ей свои стихи. Подумал: она литератор и может по достоинству их оценить!

С текстом в руках, Василий зашел в ее кабинет. Там находились — его хозяйка, физик и поэт Иванов, а так же инспектор и математик Аркадьева.

— Нина Витальевна! — с улыбкою спросил у завуча Горичев, — вы любите подхалимаж?

— Нет, что вы! — воскликнула она.

— Тогда, почему у вас сидит, подхалим № 1?

— Кто же, это? — взмахнула черными кудрями кавказская княжна.

— Да, вот он, что с вами сидит. Игорь Константинович — физик и поэт!

— Не знала.

— Еще три года назад, на юбилейном вечере своей подруги Власовой Анжелы Сергеевны, он, вдруг, разразился одою.

— Но это хорошо и к месту.

— Как бы не так, совсем не к месту был его панегирик.

— Не понимаю.

— И мы тогда недоумевали. Все поздравляем юбиляршу, а Иванов читает свои верноподданнические вирши, посвященные директору Рыковой — это и есть грубейший подхалимаж.

— Это правда?

— Спросите его сами.

— Кому хочу, тому и пишу, — смущенно, с обидою, пробормотал Иванов, задетый неожиданной шуткою товарища.

— Василий Павлович — не врет, — подтвердила Аркадьева, — мы еще тогда поражались: 60-летие у Анжелы Сергеевны, а торжественная ода — в честь Галины Ивановны?

— Теперь все понятно! — весело рассмеялась Нина Витальевна.

— Так вот, — продолжал Горичев, — чтобы моему другу Иванову было не обидно, а он и мне хорошие стихи посвящал, я разделю с ним огорчения, и стану подхалимом № 2!

— Вы нас совсем заинтриговали! — три пары глаз, устремились на историка, насторожились, — как вы это сделаете?

— Совсем просто — прочту сонет в вашу честь.

— Интересно, послушаем.

— Извольте! — и Горичев продекламировал:

Левитина — чиновная богиня!
К нам завучем судьбой занесена,
Зовут ее по-русски нежно — Нина
По-отчеству, Витальевна, она.

Всегда строга, но вовсе не сердита,
В ней море страсти и вулкан огня.
Она — прекрасна, словно Афродита,
Поистине — кавказская княжна!

— Ой, как хорошо! — засияла широкой улыбкою завуч, — подарите на память.

— Не могу.

— Почему?

— По принципиальным соображениям. За шесть лет работы в школе, я еще никому не посвящал и, соответственно, не дарил стихов. Мои, присутствующие коллеги, это могут подтвердить.

— Это так, — откликнулась Аркадьева Светлана Геннадьевна, — он не такой открытый, как наш Игорь Константинович, что всем дарит, кто не попросит. Василий Павлович у нас человек — загадка. Да и не любит он никого, разве, теперь вас, — коль стихи написал.

— Раз любите, тогда подарите, — улыбалась Левитина.

— Не могу, — упорствовал поэт, — вдруг, муж прочтет, рассердится.

— Ничего. Мой Володя, мужчина не ревнивый, уравновешенный.

— Кем же он работает?

— В строительном управлении. Главным инженером.

Раздался школьный звонок. Завершив беседу, все разошлись по классам. Уже по окончании уроков в вечерней смене историк зашел к завучу, чтобы, по установленному порядку оставить в ее кабинете классный журнал. За столом Левитиной сидел солидный, лет за пятьдесят мужчина.

— Знакомьтесь, — сказала Нина Витальевна, — это и есть мой муж.

— Здравствуйте, — сказал Горичев

— Будем знакомы, — услышал он в ответ баритон гостя. Владимир Михайлович, так было его полное имя, привстал и крепко, по рабочему, пожал руку учителю.

Не вступая в дальнейшие объяснения, Василий Павлович, вежливо попрощался и покинул начальственный кабинет.

Горичева подмывало использовать свои вирши, в качестве лакмусовой бумажки, на предмет выявления взаимных симпатий руководящего треугольника. Он не сомневался, что слух о его сонете не замедлил достичь ушей и двух других его представителей. Все тайны в школе быстро становятся явными. Кстати, ему встретилась на лестнице заместитель директора по воспитательной работе Рогова Надежда Кузьминична.

— Знаете, — говорит он ей, — я в такой переплет попал.

— Какой? — глаза Роговой расширились от любопытства.

— Да, вот, взбрело же, старому глупцу, сонет сочинить. В нем я Левитину «чиновницей» назвал. Тут, как на грех, муж ее вывернулся. Что было?! Не сносить, видно, мне головы.

— Неужели?

— Да!

— Ха-ха-ха! — раздался задорный смех легко воспламеняющейся воспитательницы, — у чиновницы, как вы правильно ее назвали, с мужем, действительно сложные отношения. Он на десяток лет ее старше, а потому не удивительно, что ревнует.

— Просто беда! — продолжал свой розыгрыш Горичев, — придется уроки фехтования у физрука Яковлева брать, чтобы в форме быть. Мало ли что!

— Вот, еще, что удумали! — звенит, стрекочет тоненьким, но сильным голоском «кузнечик», так, исходя из отчества — Кузьминична, зама называли ее друзья и коллеги, — до дуэли, надеюсь, дело не дойдет. Но впредь лучше мне посвящения пишите. Я страсть, как стихи люблю, Тем более, хорошие, как у вас. Образы-то, какие — Богиня, княжна, Афродита! Это же — здорово!

По эмоциональному всплеску, отраженному в глазах и движениях рук, по тону голоса, было ясно: два зама госпожи Рыковой явно недолюбливают друг друга. Уж слишком разновелик был их культурный кругозор. По степени эрудиции, жизненно-

го опыта и этики «4-й» завуч намного превосходила свою молодую коллегу.

Это отметила и сама Рогова.

— Знаете, — поделилась она с Горичевым, — какие Нина Витальевна сочинения пишет? Они все у нее — золотые! Где уж нам — сирым.

«Золотые сочинения» — это словосочетание напомнило историку пору весенних испытаний школьников. В выпускных — 4-5 вечерне — заочных, в 2-3 дневных классах, ежегодно насчитывалось до 100 учащихся. На постоянной же основе занимались не более 30. Другие наведывались изредка, а многие, вообще, не являлись в школу. Но, когда наступал срок выпускных экзаменов, то в нее, со всех концов города, а так же из ближайших к нему хуторов ручейками стекались некогда «пропавшие». Писать выпускные сочинения набиралось до -90 претендентов на «Аттестат зрелости». Их едва вмещали две просторные аудитории. Занятая организационными хлопотами директор возмущалась:

— Ведь прав Горичев, когда упрекает нас в потворстве «беглецам». В году их, действительно, не поймаешь, а теперь парт на них не наготовишься. Инспектор Никонова пришла. Я ее уговорила чайком побаловаться. Не то от скуки станет шпаргалки отбирать: пиши — пропало. Многие не то, чтобы самим написать, а из благоприобретенных «100 сочинений» готовых текстов, без ошибок переписать не могут. И с письменными экзаменами по математике, то же самое. Опять нам с Васильевой за них — любителей халявы, отдуваться придется. Начнешь их шпаргалки проверять, а у многих — ответы правильные, а ход решения обязательно перепутают, горе — одно, а не ученики.

Справедливости ради отметим, что сетования Рыковой лицемерны. Если ей нужно отомстить историку и художнице Юлии Титовой, то она тут же забывает о гуманизме. Вспомнил Василий так же упрек и в свой адрес. 18-летняя выпускница Татьяна Смирнова, с обидою отчитывала его:

— Вы, Василий Павлович, жалеете мне «4-ку» поставить, а я хорошо успевала в нормальной школе. Вы видно не понимаете, что наша коррекционная — это филиал 14-й, специальной школы для умственно отсталых ребят, просто — дураков!

— Седьмые — девятые, с некоторой поправкой, можно отнести к этой категории, — спорил учитель, — но многие вечерники — умные ребята. Возьми, твою соседку по парте Ларису Рыжкову, она, почти — отличница!

— Рыжкова, такая же, как и я! — запротестовала Смирнова, — а пятерки вы ей ставите не за знания, а за посещаемость — будто я это не знаю.

Из любви к литературе Горичев постоянно просил у литераторов: Зайцевой Юговой, Титовой и других показать ему лучшие сочинения на самостоятельные темы. С удовлетворением прочел одно из них — зарисовку Юлии Хрыковой «Как я провела лето?». В нем налицо — яркие образы, свежий взгляд на мир.

Беда, как это уже уловила завуч Левитина, наши горе — филологи боятся усложнять себе жизнь — не поддерживают интерес к самостоятельному творчеству: формализм поразил их души. Им легче перепеть классические стандарты, чем думать самим. С оригинальностью — горе наживешь. Так и воспитывают они себе подобных учеников — попугаев. Вот и получается, что не благодаря, а вопреки им, та же Екатерина Крылова напасала «Рассказ о хорошем человеке» — об историке Горичеве, который был оценен учеными экзаменаторами Университета — на «Отлично».

Огромную радость доставил Василию Павловичу его ученик Игорь Воронин. Он в 17-ть лет окончил дирижерское отделение музыкального училища, готовился поступать в Университет искусств и культуры. Эрудиция Игоря в области истории и обществознания поразила учителя своей уникальностью. Не случайно Горичев, ему, едва ли не единственному, поставил на выпускных экзаменах круглые «пятерки». В последующие годы, уже студент Воронин, при всякой оказии, спешил к любимому учителю на уроки, чтобы послушать его, поговорить о современной политике, краеведческих изысканиях, о социальных проблемах.

Прекрасные мгновения встреч с талантливыми ребятами, подобно яркому лучу солнца, нет-нет, да и сверкали ему, бриллиантами светлых надежд, в их темном царстве невежества и лицемерия.

В светлый день декабря завуч Левитина предложила Горичеву прочесть два сочинения своего сына Фрола, что были оценены при окончании им школы «Золотой медалью»! Одна рабо-

та посвящалась творчеству Пушкина и напоминала своим содержанием статью Белинского. Другая — отображала художественные достоинства «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери. Сочинения были написаны без единой поправки, каллиграфическим почерком и читались, как беллетристика, а не литературно — критическое или методическое исследования.

— Это же уровень профессионального писателя, вроде Добролюбова или Писарева! — не удержался Горичев от похвалы и самокритично добавил, — я бы так не смог. Молодец ваш, Фрол!

Нина Витальевна с должным вниманием выслушала горячий панегирик учителя. Затем загадочно — хитро улыбнулась и, наконец, выдала сокровенное:

— Эти сочинения за сына писала — Я!

— Как, вы?! — Василий даже подпрыгнул, словно сраженный ударом молнии в пороховую бочку. Стучало в висках. Твердый комок перехватывал горло. На слабеющих ногах, он молча перенес свое обмякшее, немолодое тело из комнаты завуча. Зашел в свой исторический кабинет и тяжело плюхнулся на узорчатый стул. Ничего невидящими глазами, он глядел в невидимую точку, где вспыхивала, как и в его сознании одна неотвязная мысль: «Как так? Писала мать, а золотую медаль получил — сын! Она — чиновница! Ей — все можно!».

Спустя некоторое время, Василий успокоился. В нем заговорил обществовед. Действительно, чего уж тут бесноваться, если в национальных республиках и в годы советской власти «коммунистическое воспитание» существовало лишь на бумаге. Тот же певец-еврей Иосиф Кобзон впервые стал заслуженным артистом не России, а Чечено-Ингушской АССР, к которой имел лишь косвенное отношение. В постсоветское же время является — депутатом Бурят — Монголии, где появляется раз в году. Или, еврей Абрамович, вдруг, — губернатор Чукотки! Живет же большую часть года, даже не в России, а в «туманном Альбионе». Деньги, всюду деньги, господа!

В феврале 2000-го в печати была опубликована информация о том, как директор одной из средних школ Татарстана хитро умудрился в течение одного выпуска разбазарить, по своим людям — 120 золотых и серебряных медалей. Это — ужасно! В городской школе, где он работал, выдали всего 6 медалей, так и то

всех учителей замучили бесконечные проверки на предмет возможной фальсификации. И, оказывается, что права его ученица Татьяна Смирнова, когда утверждает, что нам, русским, с нашим менталитетом справедливости, вечно оставаться — в дураках. Он пожалел для нее «4-ку», а господа «азиаты» — сотнями золотые медали незаслуженно, но за деньги, раздаривают направо и налево. Вот почему Югова, бывшая работник Министерства просвещения Киргизии удивляется нашей глупости — не брать презенты. Прошла школу лицемерия и госпожа Левитина. Можно только догадываться: сколько на ее совести грехов, помимо, нечестно заработанной ее сыном золотой медали?!

Теперь же вернемся к прерванному диалогу Горичева с замом директора по воспитательной работе Роговой. На ее вопрос: читал ли он «золотые сочинения» Левитиной? — он, подпустив юмор, ответил:

— Читал — пытал я Фроловы творенья!

— Они не его, а мамины, она сама призналась.

— Но, зачем ей нужны такие откровенья?

— Да, чтобы похвастаться, что она — такая умная! Левитина, по существу, была начальником ГОРУНО. Отчего удивляться, что не только медаль сына, но и другое — серебро и золото ее рук не минуло. А вы ее восхваляете — княжна, богиня!

Василий перешел на лирический лад, процитировал:

Простите, но не я тому виной,
Что в моем сердце соловьи запели.
Не мог я устоять пред красотой,
Перед — второй Тамарой Гвардцетели!

— Как всегда, все шутите, — Рогова пыталась погасить улыбку, — пленились чарами Левитиной, так готовьтесь к бою.

— С ее мужем?

— С нею самой. Она планирует к вам на уроки наведаться.

Горичев и на этот раз откликнулся стихами:

Я повстречать ее, совсем не прочь -
Зарю Кавказа — княжескую дочь!

— Только, смотрите, Василий Павлович, как бы разочароваться вам не пришлось. Восточные женщины — коварны и мстительны.

Если бы таковыми были одни восточные женщины. Та же русская госпожа Рыкова многие годы тиранит ослушников. Вот и теперь она дала указание ближним опричникам:

— Левитину к секретам не допускать, с дружбою повременить — надо присмотреться: каков этот южный плод? И с чем его едят?:

Для детального изучения характера и связей Нины Витальевны, она держит ее под присмотром капитанши Роговой, поселив их, как двух медведиц в одной берлоге. Кабинет прежнего завуча Краевой, Левитиной занимать не позволено. Именно, чтобы просвечивать каждый ее шаг, каждое слово. Малюте Скуратову дано прямое указание: выявлять тех, кто ей симпатизирует и к кому она сама благоволит?

Стоило Горичеву зайти к завучу, как следом за ним увязалась Горева. Ей надлежало выполнить задание директрисы — не допускать встреч без свидетелей. Там более с историком, к которому она снисходительна и учтива.

Рогова не соврала. Три дня завуч Левитина провела на уроках истории и обществоведения. Из ее, представленной учителю для ознакомления, справки, по итогам проверки, Василий Павлович сделал выписки.

«Вид контроля — персональный. Уроки Горичева отличаются системностью, продуманностью всех этапов. Хорошо владея методикой преподавания своего предмета, Василий Павлович в старших классах проводит лекционные и зачетные занятия, привлекая к работе самих учащихся. В ходе самой лекции широко использует межпредметные связи и дифференцированную систему зачетов. Четко прослеживается связь нового урока с предыдущим, последовательность объяснения и закрепления нового материала. Но уроки, не всегда достигают цели: донести до каждого ученика, хотя бы минимум знаний по предмету».

По последнему пункту Нина Витальевна, разъяснила: вы не виноваты, если у нас дети — дебилы!

Данная «Справка» была зачитана на совещании при директоре. Позже, побывав на занятиях, в 12-д классе, Левитина, как некогда завуч Краева, призналась:

— Василий Павлович! Вы дали прекрасный урок! Уровень нисколько не ниже, чем в элитной школе — я получила огромное удовольствие.

Слова и дела, как успел заметить Горичев, у Нины Витальевны заметно расходились. Она, прежде чем писать анализ его уроков, предварительно ознакомилась с материалами инспекторской проверки РОНО и с мнением госпожи Рыковой. Левитина осторожничала, действовала с оглядкою на то — «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?!».

Глава двадцать девятая

ПОРЫВ

«Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид»
Мих. Лермонтов

Он смело бросился на дзот!
Кричал приятелям: «Вперед!».
Но, не пошел в атаку взвод -
Спокон трусливый наш народ!

Новогодний праздник, совпавший с началом XX! века и 3-го тысячелетия, Горичевы отметили, дружной семьей — в составе трех поколений. Много радости бабушке с дедушкой доставили их неугомонные внуки — Максимка и Настенька. Они бегали вокруг Елки, украшенной игрушками, конфетами и разноцветным серпантином, отчаянно смеялись. Их веселому порыву, с лающим восторгом подыгрывал крупный, английской породы, пес по имени — Семка.

Взрослые внимательно прослушали ново-старый демократический гимн России на слова того же поэта Сергея Михалкова, безболезненно сумевшего адаптироваться к новым веяниям жизни. Василий же находил, что старый гимн был значительно лучше, более — сердечнее и оптимистичней. В новом варианте, он отмечал налет лицемерия и фальши. Хотя бы в первой строфе:

Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава -
Твое достоянье на все времена!

Если «Россия — священная держава», то отчего она стала «Россией — без русских!», вдруг, такою слабой и неуправляемой. Или, если «Россия — любимая наша страна», то почему дочери президента и дети многих министров и политиков беззаботно

живут и получают образование в чуждых краях?! Забывают родной язык, традиции и культуру собственной страны. Возвратившись в Россию, чтобы делать карьеру, они привнесут с собою чуждые и вредные нашему менталитету взгляды и нравы. По другим строфам вопросов типа «Почему?», напрашивается еще больше. Впрочем, что напрасно сетовать, в старину было не лучше. В 1917, не успев отпеть гимн «Боже, царя храни!», люциферы всех мастей тут же гневно выкрикивали: «Долой царя!» или «Смерть самодержавной власти!». Но оставим, до времени, пессимизм. На голубом экране появился худощавый, спортивного вида, в строгом костюме молодой президент РФ Владимир Владимирович Путин.

Он был, как будто, весь накачен ртутью -
Спортивный, энергичный, молодой.
Преемник Ельцина — Владимир Путин
Вел разговор с открытою душой.

Вся его речь была выдержана в светлых тонах. Еще бы! Впервые во — время в России принят бездефицитный бюджет. Наметилось оживление в экономике, политике, культуре. Не забыто и народное образование — ставку учителям повысили на 20 процентов.

Вдохновленные оптимистическими заявлениями президента, вернулись к своим повседневным заботам школьные учителя. Они тут же собрались в литературном кабинете на совещание, посвященное итогам первого полугодия. Все обратили внимание, что в зале отсутствует завуч Левитина, которая, по сути, и должна была делать доклад. Недоумение развеяла сама госпожа Рыкова. С нескрываемою иронией и не без доли кокетства, она объяснила:

— Нет завуча? Это потому, что Нина Витальевна занята. Она все что-то пишет. Ха-ха-ха!

Смех директрисы еще более смутил педагогов. Как это так? Рассматривается важнейший учебный вопрос, а ей, вместо живой работы поручают заниматься, делами секретаря, обычною канцелярской стряпней. Особенно шокировала присутствующих, казалось, совсем ни к месту прозвучавшая насмешка — Ха-ха-ха!

Внимательными педагогами давно было замечено, что Галина Ивановна не выдерживает конкуренции с выдержанной и обаятельной Ниной Витальевной, чья высокая компетентность и корректное поведение действовали подкупающе. Если директор решала вопросы с кондачка, абы, как выйдет, то в противоположность ей завуч поступала в соответствии с законами логики. Всегда учитывала место и время, предвосхищая конечные цели. Таким образом, она сочетала в себе одновременно — и тонкого тактика и сильного стратега.

Эти качества Левитиной, порою, не давали уснуть честолюбивой директрисе, и она потому старалась держать своего зама, на повадке. На расстоянии от коллектива, дабы избежать ее влияния на умы и сердца подчиненных.

Директор приняла отчеты классных руководителей. Зачитала список из 13 учащихся, отчисляемых за неуспеваемость. Большинство из них имели 2-ки по физкультуре. Классный руководитель 10-а Югова Серафима Федоровна, кипя страстью, жаловалась:

— Физрук Яковлев Владимир Григорьевич мелочится и излишне придирчив, а потому раздражает подростков.

Сидевшая, рядом с Горичевым, жена физрука Елена Петровна, услышав такое обвинение в адрес супруга, вся насторожилась, превратившись в слух. Чтобы разрядить напряженную обстановку, Василий Павлович бросил реплику:

— Владимир Григорьевич правильно делает. Школа без дисциплины ничто.

Замечание историка сдержало дальнейшие сетования Юговой, и она, грозно сверкнув очами, молча уселась на свое место.

— Кстати, Василий Павлович, — задала историку вопрос директор, -11-а будет допущен к экзаменам по обществоведению?

— Надеюсь! — отреагировал он шуткой, — мы из них настоящих людей сделаем.

— Или они из нас! — гневалась Рыкова.

На следующий день у ворот школы Василия Павловича дожидалась литератор Югова. Едва только поздоровались, как она с упреком:

— Ты зачем Яковлеву потакаешь? Ведь на совещании его жена была. Лена ему все расскажет.

— Ну и пусть — шила в мешке не утаишь!

— Эх, садовая твоя голова! Тебе, идеалисту, неведомо, что Владимир Григорьевич — матерый взяточник. Он в своем Университете никому без бутылки «тройку» не ставит. Эту же практику, он и на школу перенес. И друг твой по поэзии, физик Иванов Игорь Константинович, то же хлюст хороший! Все тишком, да тайком в сумочке своей домой презенты носит. Вот и получается, что у нас один ты — дурак! Простофиля и бессребреник в рваных ботинках! Ты лучше с нами дружи, коль не пьешь, так — сытый будешь!

— Учтем ваше пожелание, — рассмеялся Горичев.

В течение двух дней, 4 и 5 января, мужчины школы собирали новую мебель. Один из столов, предназначенных для кабинета Роговой, монтировали Горичев и Яковлев. Другим занимались — Иванов с охранником Владимиром Петровым. Когда же потребовалось из одного зала в другой перенести тяжелый сейф, то Игоря Константиновича, будто ветром сдуло. Охранник Петров иронически заметил, подражая скрывшемуся напарнику — стихотворцу Иванову:

Знать наш физик и поэт,
Умотался — на обед!
И плевать на кабинет,
Коль за это — денег нет.

— Такой он, Иванов, завсегда хитрющий, — покачала неодобрительно головою англичанка Войкова Рита Моисеевна, — очень заботлив к своему здоровью — боится надорваться. В трудную минуту, враз, сбежит. Через живого человека, через ту же подругу Власову переступит. Умеет жить — директорский любимец. Этот лирик — сердцевед, как ласковый жеребенок — двух маток сосет.

Девятого января Горичев пришел в школу в сопровождении своего 10— летнего внука Максима. Представил его учителям и завучу Левитиной.

— Как подрос-то, Максимка! — не скрыла своего восхищения, любуясь его статной, по-мальчишески, вытянувшейся фигурой физик Филина.

— Максим! — обратился дед к внуку, — эта учительница астрономию преподает. Она все про звезды знает.

— И про звезду академика Жореса Алферова?!

— И про нее то же.

— Как здорово!

В то время как шла эта мирная беседа, в учительской заседал городской координационный Совет в составе работников школ, РОНО и ГОРУНО.

— Рыкова там председательствует, — с обидою в голосе сказала историку завуч Левитина, — и Надежда Кузьминична там. Меня же не пригласили — унижают! Зарплата — 600 рублей и никакого уважения. Уйду с работы. Вот, подыщу место и, как можно подальше — от всей грязи.

— Не торопитесь, — посочувствовал историк, — все может измениться. Не все же коту масленица.

Это плохо успокоило ее. В глазах Нины Витальевны, в ее голосе скрывались грусть и печаль. Ее угнетало разочарование в надеждах на лучшую жизнь, чем сложилась у нее на грозовом Кавказе. Василию было жаль терять такого ценного работника для школы. Ведь она своим появлением, будто светлым лучом или яркою звездою Жореса Алферова осветила темное царство, где владычествовала «чайная королева». Он понимал, что с ее уходом погаснет последняя искра надежды на перемены к лучшему. Надо было ей помощь, но как? Этот вопрос неотступно мучил историка.

На следующий день, 10 января, состоялся педагогический совет. Известно, что педсоветы были разрешены Уставом 1828 года. Но они существовали лишь на бумаге. И только русский педагог Пирогов впервые добился, чтобы они действовали, как противовес диктату, подобие государственного парламента, дабы директор не мог единовластно и безгранично пользоваться властью.

В коррекционной же школе педсоветы, по обыкновению, из коллективного органа по выработке и принятию решений, превращались в форму отчета педагогов и безумолчный монолог директора или его замов. Рядовым учителям могли, предоставить слово для выступления, а могли и проигнорировать. Этика, культура взаимного общения — непозволительная роскошь.

Труд учителей не получал достойной оценки. Царили жестокость и несправедливость. Нет ничего хуже на свете, чем темная власть. Она, как нечистая сила несет зло и ненависть.

На данном педсовете Рыковой не оказалось. Накануне его открытия, спеша по своим делам, директор распорядилась:

— Надежда Кузьминична! Вы тут заседайте, а я пошла.

Странно было то, что первым ее замом была не Рогова, а Левитина, что сидела тут же. Но Нина Витальевна для диктатора, словно не существовала — пустое место. Рыкова не удостоила «княжну» даже взглядом. Не то, что отвергнутому завучу, но и учителям было крайне неудобно себя чувствовать в такой напряженной обстановке.

Делать нечего, боярыне, попрощались с государыней. Заместитель директора по воспитательной работе Рогова разложила на первых партах, стоящих в три ряда в литературном кабинете, свои многочисленные бумаги. Расставила на нижней полке классной доски методические книги. Взяв в руку мел, она, непонятно зачем, изобразила на черной доске корабль с пушками и со многими парусами и флагами, и начала читать доклад на тему: «Об эколога — педагогической помощи семье». Эмоций было, как всегда много, но ясности — никакой. Шумела, как ветер в пустую трубу. Весь излагаемый материал был выписан из методразработок, предназначенных для детсада, но не для средней специфической школы. Приводился пример того, как 9-летний ребенок реагирует на родительские просьбы — сходить за хлебом. Отсюда выводилась формула воспитания: корректность и такт — залог успеха! Учителя недоумевали. В их школе самый младший класс — это 7-й. Значит, их дети — 13—14-летнего возраста. Это уже — подростки. Им по силам носить не то чтобы хлеб, но и целый гранатомет. Их сверстники в Чечне нередко этим и занимаются. Явно проглядывалась оторванность докладчика от реалий жизни.

Но удивительнее было другое. Придворные учителя — подхалимы: Иванов, Панова, Зайцева удосужились развивать тему в том же ключе. Никто из них не поведал о личном опыте работы с подростками. В плохом воспитании винили — не понятно, чью школу, родителей, общество, но только не самих себя. Экс — подполковник Хакимов Денис Абрамович изложил свое жизненное кредо:

— Школа должна учить, а воспитывать детей — это долг семьи.

Не будучи профессиональным педагогом, он, видимо, не понимал, что обучение и воспитание — это единый процесс и им должны управлять в едином ключе — и семья, и школа. Но, кто его мог, кроме Левитиной, поправить. Ведь лишь Нина Витальевна, как многоопытный педагог — методист ощущала всю нелепость и темы, и всех ее толкователей. Но, она сидела молча, в скорбной позе. Завуч понимала, что любое ее возражение вызовет слезы у опростоволосившейся Роговой. Ее обвинят в подрыве авторитета молодой коллеги, а это грозит очередным конфликтом с Рыковой. Да, положение у «чиновной Богини» было хуже губернаторского. Однако, сам того не подозревая, к ней на выручку пришел все тот же бравый подполковник. Хакимов сказал, как отрезал:

— Надежа Кузьминична! Вы пользуетесь книгами многолетней давности. Вы не удосужились даже посмотреть: кто их автор? Каковы его политические и морально — этические взгляды? Ведь многие постсоветские методисты пишут диаметрально противоположные вещи. К делу воспитания надо подходить исходя из конкретных специфических условий — времени и места. И, конечно, с учетом возрастной психологии.

— В чем-то, конечно, вы правы Денис Абрамович, — согласилась Рогова, — но мне директор порекомендовала эту работу.

Слово взял и Горичев.

— По закону жанра, — сказал он, — если в сцене спектакля, на стене весит ружье, то оно должно когда — ни будь выстрелить. Вот ваш, Надежда Кузьминична, корабль. Он, хотя и многоцветен, но почему-то молчит. Что, в его пушках порох отсырел?

В зале раздался дружный смех. Педагоги приободрились. Начались разговоры. Рогова, смутившись, произнесла:

— Василий Павлович! Вы, как всегда оригинальны. Но мой рисунок из методического пособия и он означает многообразие средств и приемов воспитания. Чтобы вы не расслаблялись и не переводили серьезный вопрос в шутку, перед вами сейчас выступит Нина Витальевна.

Левитина встала и назвала несколько совсем, права Рогова, невеселых цифр:

— Из 99 учащихся дневных классов в 1-м полугодии не успевают — 35, а качество составляет лишь — 3 процента. За не посещаемость отчислены — 13-ть, а 10 учеников школы имеют неуды по поведению.

По окончанию работы педсовета, Горичев заглянул в кабинет завуча, спросил:

— Какого вы мнения о докладе Роговой и его обсуждении?

— Вот мы, — Левитина показывает глазами на присутствующую в ее кабинете математика Власову, — уже беседовали и пришли к единому мнению, что предмета разговора, вообще, не было. Мололи из пустого в порожнее.

— А идея Хакимова?

— Не было никакой идеи, хотя суть воспитания проста: кто каким зародится, таким и будет!

— Значит, все предопределяет Бог?

— Бог или природа — не все ли равно.

Действительно, в этот январский день «кавказской княжне» было все равно — душевное состояние завуча было на грани срыва. Василий Павлович особенно это почувствовал, когда они вместе с нею вышли из ворот школы. Кутаясь от мороза в длинное черное пальто с искрящимся на свету мехом воротника, Нина Витальевна с гневом говорила:

— Боже мой! Что за учителя? Ни у кого нет своего личного мнения. Перестраховываются. Лебезят, Подмазываются. Не самобытности, ни у кого, не оригинальности! Ни культуры!

— Каковы сани, таковы и сами.

— Не сани, а кучера!

— Где же наш главный наездник, пропал?

— Не знаю. Все на капитаншу Надю оставила. На меня не глядит. Как жить? Как работать? Душа почернела. Все опротивело! Уйду, уеду!

— Вам осталось одно, как Чацкому крикнуть: «Карету мне карету!», — попробовал развеселить ее Горичев.

— Что карета?! — не приняла шутку Левитина, — я пешком, по сугробам, к медведям в берлогу готова кинуться. Или, как Катерина из «Грозы» Островского: «С обрыва — в Волгу! Только бы не видеть всех этих мерзких людей!

Завуч, еще некоторое время выражала свое возмущение, установленными Рыковой порядками, раболепством учителей, глупостью Роговой. По окончании каждой фразы рефреном звучали ее резкие стенания, так похожие на проклятия: «Замордовали! Все оставлю, брошу, уйду — уеду!».

Василию Павловичу было искренне жаль эту умную и красивую женщину. Потерять талантливого завуча для школы, для коллектива, как говорят, не за понюх табаку было немыслимо, несправедливо. В его отзывчивой душе блеснула решимость — помощь несчастной «княжне», раз ее мужу Володе это не по силам. Или просто не пришло в голову. Он в тот момент руководствовался не разумом, а чувствами.

Возвратившись в свой домашний «литературный кабинет», Горичев уселся за видавшую виды пишущую машинку «Москва».

Чтоб не кончалась жизнь «обрывом» -
Нам драм достаточно в кино.
Василий, ***в рыцарском порыве,***
Составил ноту — в ГОРУНО.

На двух печатных страницах, через один интервал, он изложил, о наболевших проблемах — притеснениях педагогов со стороны диктатора школы Рыковой. О невинно пострадавшей «Чертовой дюжине изгоев», о поистине мучительной «гражданской казни» завуча Левитиной, о царедворцах и приживалах. Учитывая приверженность директора к сталинским методам расправы с неугодными лицами, он попросил освидетельствовать Галину Ивановну на предмет «паранойи» — именно данным недугом страдал, по мнению врачей, сам великий вождь. В случае если диагноз подтвердиться, то освободить госпожу Рыкову от руководящей должности, коей она, по профессиональным и человеческим качествам — не достойна.

На следующий день, 11 января 2001 года, Горичев, долго не раздумывая, направился в ГОРУНО. Начальник управления Шахов, средних лет мужчина с явным раздражением принял его «ноту». Не пожелав даже, ознакомиться с ее содержанием, он

тут же дал указание секретарю: «Зарегистрируйте!», при этом пообещал: «Ответ дадим в письменном виде».

После данной короткой аудиенции, Василий Павлович направился к заведующему РОНО Малевичу, чтобы передать ему копию своего документа. Удивительно, но еще у входа здания, он встретил на его порожках, саму госпожу Рыкову. Покачивая, державшую в руках, сумочку, он весело и беззаботно смеялась. Чтобы придти в себя от столь неожиданной встречи, историк, лишь бы что-то сказать, спросил:

— На совещании были?

— Да. Недавно окончилось.

В эти минуты разговора, Василий чувствовал себя в положении штурмбанфюрера Штирлица, врасплох застигнутого бригаденфюрером Шауленбергом в приемной одного из высокопоставленных «фюреров» третьего рейха. Он был, подобно прославленному разведчику, на грани провала. Стоило только госпоже Рыковой спросить: «Что это у вас в черной папке?» и он бы, с головою выдал себя. Она же, как и начальник Штирлица, его о том не спросила, и он был спасен. Но, надолго ли?

Зав РОНО Малевич, как старому товарищу, крепко пожал руку вошедшему посетителю и, усадив историка на стул, посетовал на плохую погоду.

— На дворе мороз, а вы ходите без шапки! — упрекнул его Горичев, — так недолго менингит прихватить и скоропостижно умереть, подобно писателю Дмитрию Фурманову, что, как и вы любил, гуляя по Петербургу, пофорсить пышными кудрями.

— Безусловно, ты прав, — улыбнулся заведующий, — придется учесть горький опыт Фурманова и отыскать, наконец, шапку.

— Давно пора — зима в зените! — продекламировал Горичев, кладя перед ним на стол свою бумагу.

— Скажи вкратце, в чем ее суть?

— Евгений Сергеевич, — начал Горичев, — за 10 лет работы в городской школе, я, хотя раз, к кому-либо обращался с жалобами?

— Такого не помню. На меня ты ничего не писал.

— За 7 лет труда в коррекционной школе — это первое заяв-

ление. Когда Рыкова травила меня, я молчал. Сейчас, когда она тиранит завуча Левитину, терпению моему пришел предел. Ведь чем сильнее сдавливаешь порох, тем очевиднее — взрыв!

— Даже так?! Хорошо — оставь. Прочту в спокойной обстановке. Ответ давать?

— Не надо. В ГОРУНО обещали дать в письменном виде.

— Понятно, — Малевич вышел вместе с Горичевым в коридор, где сидела, ожидавшая его приема группа посетителей.

Оказавшись в родных пенатах, Василий Павлович застал в кабинете обеих завучей. Ничего не подозревавшая, о его походах по инстанциям, Левитина Нина Витальевна познакомила историка с новою тарификацией. В ней значилось 18 часов нагрузки, взамен, прежних 23-х.

— Не огорчайтесь напрасно, — притворно успокаивала историка зам директора Рогова, — меньше уроков — крепче здоровье. Какие-то, лишние 5-ть часов погоды не сделают, а нервы сохранят.

— Премного, я вам благодарен, за столь душевную заботу, дорогая Надежда Кузьминична, — шутливо раскланялся Горичев.

Глава тридцатая

ЛЕТУЧКА

Нам так легко принять за честь
Призыв к терпенью.
И мало тех, в ком воля есть
К сопротивленью.
Валерий ХАТЮШИН

12 января, спустя день, после блуждания по высоким кабинетам, Василий Павлович стал эпицентром внимания всей школы. И детей и учителей. В суровых каменных стенах учебного заведения началось настоящее светопреставление. Такое, что будто бы сам Бог, наконец, спустился с небес. В образе «возбудителя спокойствия» стал не сказочный Хаджа Насреддин со своим своенравным ишаком, и даже не наш герой, а сама «чайная королева». Именно, она стала тем колоколом, колебания которого потрясали окружающую атмосферу.

Вот примерная фотография дня. Занятия начались в 8 часов утра. Согласно расписанию Горичев должен был дать пять уроков. Ждет — подождет он, а ребят 12 -го класса нет и нет. Так «пропали» два первых урока.

На перерыве к учителю подошла ученица 11-а Алена Гортова и с печалью в голосе, спросила:

— Василий Павлович! Почему вы нас бросили?

— Таковы плоды новой тарификации, — объяснил он, — теперь у вас другой учитель.

К ним неожиданно подошла директор, внимательно прислушиваясь к беседе. Алена, нисколько не смущаясь, обращается к ее сиятельству.

— Галина Ивановна! Мы не хотим, чтобы у нас Сухова вела обществознание. Она уже была в прошлом году. Мы ее уроков не любили, а Василий Павлович, не так как она только по книжке, а своими словами, интересно и доходчиво материал объясняет. С ним у нас и знания бывают хорошими.

— Ничего, и без него обойдетесь! — грубо ответила директриса.

— Сама Алена, видишь, мне просто не доверяют.

— Ну, зачем вы так, Василий Павлович?! — укорила историка Рыкова и, резко развернувшись, направилась в раздевалку.

— Все наладится Алена, зря не переживай, — как мог, пытался успокоить учитель обескураженную блондинку, — перемелется — мука будет.

— Вы, как всегда, шутите! — обиделась девушка, смущенно поправляя, свежую прическу, — будто я не знаю, что это директриса всю погоду портит.

На третьем часе, что состоялся в 12-а, на урок, как и следовало, ожидать явилась одна добросовестная завсегдатай, ученица Лариса Рыжкова. Она была совсем взрослой — ей шел 21 год. Она не просто любила предметы Горичева. Они ей были крайне необходимы. Ведь Лариса готовилась поступать на историко — филологический факультет Университета. Другие ребята отсутствовали.

Занятия проходили на первом этаже, в кабинете географии — историка, по-прежнему гоняли по «чужим» аудиториям. Не прошло и десяти минут после звонка, как к ним, вдруг, решительно и бесцеремонно, зашли зам директора Рогова и психолог Панова. Не обращая внимания на ученицу, совершенно бестактно, Надежда Кузьминична, с ходу бросила в адрес учителя гневную тираду:

— Василий Павлович! Зачем вы написали заявление в РОНО?! Если вы там на меня что наговорили, так знайте: я упаду в обморок. Со мною такое, случается.

— Вы в обморок, директор в истерику, а кто же работать будет? — пытался отшутиться Горичев.

— Никто! Как вы не понимаете, что мы на волоске висим. Всю школу, к чертовой матери разгонят! На занятия никто не ходит. Вот и сейчас у вас из всего класса, из 10-ти человек — одна Лариса сидит!

— Спасибо ей! — улыбается учитель, — хотя она выручает, а не то я совсем квалификацию потеряю.

Неизвестно зачем, описав круг по кабинету, Надежа Кузьминична поспешно, нервной походкою, покинула класс. Психолог Панова, напротив, не только задержалась, но и пригласила Горичева в укромный уголок, чтобы не слышала ученица, веж-

ливо, предупредительно начала убеждать:

— Смотрите, — она расчертила ручкой, на бумажном листе, непонятные знаки, — что получится после вашей жалобы. РОНО пришлет комиссию. Та придет к выводу — вечерняя школа распалась. Это факт! В результате — накажут администрацию, вместе с другими учителями потеряете работу и вы. Кому от этого выгода? Никому! Я слышала, что у вас отобрали 5 часов. Это и есть, первопричина вашего неудовольствия?

— Да, обидно, что сделано это исподволь, без всякой мотивировки, — сказал Горичев, как за спасительную соломинку, дабы не разглашать до времени суть «ноты протеста», ухватился за подсказку мотивировки письма в РОНО. Читателю же известно, что он узнал о новой тарификации уже после походов по инстанциям.

— Тут вы полностью правы! И я бы на вашем месте обиделась.

— Но, я об отторгнутых часах ничего не говорил и не писал.

— Все равно этого вопроса не миновать. Вам надо к Рыковой на прием сходить. Потолковать. Консенсус и найдется.

— Я уже пытался, но все бесполезно.

Не успели психолог с учителем завершить свою беседу, как в класс со строгим видом зашла секретарь Горева и с ходу объявила:

— Всем — на экстренную летучку!

— Куда?

— В учительскую!

Кто сотворить такое мог?
Чьи неуместны штучки?
В зените дня — переполох!
Знать важная — летучка!

Оставив ребят по аудиториям, как водится, на произвол судьбы педагоги заполнили зал учительского кабинета. За председательским столом восседала разгневанная директриса.

— Все собрались? — вопросила она, — хорошо, начнем. Коллеги нам стало известно, что Василий Павлович ходил жаловаться в РОНО (о «ноте» в ГОРУНО, ей пока было неизвестно) на плохую посещаемость. Вот теперь, я вынуждена объединить два 12-

х класса и два десятых — вместе. Таким образом, из 4-х, два комплекта сокращаются. Дайте мне тарификацию, я тут все поправлю.

— Василий Павлович! — взяла слово англичанка Войкова Рита Моисеевна, — скажи честно, разве мой 12-д, плохо ходит?

-Коль честно, то это не летучка, а спектакль, — отвечал Горичев, — цель его посеять рознь между мною и коллективом. О посещаемости я ни где и ни с кем не беседовал. Но, если по существу, то отвечу. Ваши ребята уроки посещают, но в течение не дней, а целых недель на занятиях в других 12-х классах не бывает никого, кроме известной Ларисы.

— Коган из 12-б сегодня был, — оправдывается классный руководитель Зайцева.

— Тиграна, вашего ученика, я на первом уроке не видел, — сказал историк, — может, сейчас подошел.

— Он проспал, а потому опоздал, — вмешалась в диалог физик Филина.

— Василий Павлович! — делано возмущалась математик Аркадьева, — ты дурака не валяй. Скажи, зачем на учителей жаловался? Разогнать школу хочешь?!

— Я на учителей не жаловался. Вы слышали звон, да не знаете, где он. Я повторяю, это козни Рыковой, которой не терпится убрать меня чужими руками, то есть — вашими.

— Что же, Василий Павлович! — с наигранною печалью в голосе вопрошает директриса, — мне прикажите — самой из школы теперь уходить?

— Давно пора! — отрезал Горичев.

— Как?!

— Молча. «По морозцу, по морозцу» — как говаривал некогда старый князь Болконский. И по той же стежке, которую протоптали ваши «изгои».

— Вон, вы куда метите!

— Именно, судите сами, — Василий решил не щадить самолюбия диктатора, — я семь лет числился в директорах и вы — семь — это полный президентский срок французского генерала де Голля! Так, что пора и честь знать!

В зале раздался смех. Но, тут на выручку к посрамленной подруге поспешила капитанша Рогова. Но, лучше бы она молчала и не подтверждала определения — **глупой** дамы, что ей дала

ее коллега по кабинету Левитина.

— Товарищи! — патетически воскликнула она, — вы должны знать, что рядовые учителя не имеют права ходить к заведующему РОНО! Это могут делать — только завуч и директор. Горичев же превысил свои возможности. И мы его за это должны осудить.

— Это глупость Надежда Кузьминична, — твердо заявил историк, — не меня следует осуждать, а вас.

— За что?

— За то, что вы переносите нормы воинского Устава, запрещающие военнослужащим обращаться с жалобами через голову непосредственного начальника, на гражданское общество.

— Я этого не знала.

— Вам, как нашему «воспитателю», так же следует помнить и об известной картине «Ходоки у Ленина». Теперь судите. Если к вождю ходили рядовые рабочие и крестьяне, то почему мне, своему «кровному брату», чья кровь течет в моих жилах, нельзя нанести визит? Абсурд получается: к ПРЕДСОВНАРКОМУ Ленину можно, а к заведующему РОНО, вдруг, — нельзя!

В учительской вновь наступило оживление. Смешки и перешептывание коллег, казалось, нисколько не смутили и не изменили точку зрения твердолобой Роговой. Она, по-прежнему стояла на своем мнении: не позволено и баста!

Василию Павловичу было очевидно, что его недоумение по поводу «незрелости» офицерской жены, разделяет большинство педагогов. Успокаивало его и осознание своей правоты и по другому обстоятельству. Он терзался угрызениями совести на тот счет, что назвал в «ноте протеста» Рыкову «шизофреничкой», страдающей манией преследования. Но, разве факт, что она, не разобравшись в сути его жалобы, услышав по телефону от Никоновой, лишь звон, устроила настоящую кутерьму. Сорвала весь учебный процесс. Перемутила весь педагогический и ученический коллективы. Разве это не есть акт -безумия директрисы?! Здесь, налицо, деградация личности — подлинная паранойя!

— Василий Павлович! — вывела Горичева из оцепенения директор, — вы обиделись, что я часы у вас отобрала?

— Да! — продолжал он навязанную ему игру, — вы сами слышали от Алены Гортовой, что ребята 11-х классов, любят мои уроки.

— Мне мнение Гортовой — до лампочки! — вспыхнула директриса.

— Тогда нам не о чем говорить.

— У вас 18 часов. К тому же вы пенсию получаете. Молодым то же надо жить.

— Вот вы и отдали бы им свое рисование. Ведь вы же — не художница!

— Не ваше дело.

— Мое дело, раз оно нагрузки касается. В прошлом году я не был пенсионером, а вы в канун начисления пенсии дали мне всего 17 часов. Это же прямой акт мести!

— Зря вы так думаете!

— Но это факт.

— Да! Но у меня есть справка РОНО, что вас можно было, из-за болезни, использовать лишь в вечерней школе. От нее, я и исходила.

— Как?! — поразился сей новости Горичев, — тогда получается, что я — дурак со справкой! Что же в таком случае вы аврал устроили? Какой с дурака может быть спрос?

В зале вновь поднялся дружный смех.

— Василий Павлович! — как-то тихо и жалобно обратилась к коллеге химик Леонова Нина Гавриловна, — о чем вы в письме написали? Об учебных неполадках, да?

— Косвенно. Главный же, на повестке дня — кадровый вопрос!

— Что это значит?! — насторожились все.

— Простите, но об этом, — твердо сказал историк, — мы будем вести разговор персонально с госпожою Рыковой, а не с педагогическим коллективом.

Директор бросила на оппонента гневный испытывающий взгляд, взяла в руки тарификацию. Резко встала и быстрой походкою, молча вышла из учительской. Следом за «королевой», в ее кабинет, ринулась топа придворных.

На этом, экстренная летучка, еще раз наглядно продемонстрировавшая психическую неуравновешенность директрисы, бесславно для нее и завершилась.

Горичев провел в кабинете физики урок с опоздавшим Тиграном Коганом, а на последнем, пятом по счету, занимался с уче-

никами 10-д класса. Из 13, по списку, за партами сидели всего трое ребят.

В конце рабочего дня, к Василию Павловичу вновь подошла психолог Панова Нина Львовна. Удивительно, но она призвала опального учителя не терять присутствия духа в предстоящей борьбе. В том, что она еще только начинается — никто уже не сомневался.

— Спасибо за внимание! — поблагодарил Горичев. Он не доверял протеже «чайной королевы», а потому в откровения с нею не пускался.

— Знаете, — многозначительно произнесла она, — директора с завучем пригласили в РОНО. Надеюсь, что все теперь прояснится.

— Безусловно, — подтвердил Василий Павлович и посоветовал осторожному психологу, — вы, пожалуйста, не спешите домой. По возвращению из РОНО, я в том уверен, Рыковой Галине Ивановне, наверняка, потребуются и медицинская и психологическая помощь. Вы будете кстати. Что касается меня, то я все удары постараюсь выдержать самостоятельно — не в первой.

— Хорошо, — согласилась Панова, — но и вы тоже держитесь. Вы нужны школе.

Ребята, да и многие учителя вас уважают.

Горичев еще раз выразил Нине Львовне свою признательность и поспешил из душной атмосферы помещения на улицу, где встречали его — мороз и солнце. Он нуждался не только в чистом, свежем воздухе, но и в уединенном осмыслении всего происходящего вокруг него.

Глава тридцать первая

ВИЗИТЕРЫ

«Если погибнет справедливость,
то человеческая жизнь не будет
более иметь никакой цены».
Эммануил КАНТ

Выходные дни Горичев провел в работе над своими «записками». Его волновало: как поведет себя в столь необычной ситуации завуч Левитина? На злопамятной «летучке» она стоически молчала, хотя, он был уверен, ловила каждое слово, отмечала каждый нюанс поведения пресловутого коллектива, который она успела возненавидеть. Но, как она раскроет себя в РОНО? Ведь женщины, поистине, непредсказуемы. В отличие от мужчин, они живут больше чувствами, чем разумом.

В понедельник, 15 января, Василий пришел на работу в вечернюю смену. Сидел за учебником, в ожидании учеников. Открылась дверь и в исторический кабинет, быстрою походкой, к нему подошла завуч Левитина. Говорила спокойно, вежливо, отчеканивая каждое слово:

— Василий Павлович! Вы поставили меня в неудобное положение. Знаете, в РОНО меня выставили обыкновенною сплетницей.

— Наверняка, Никонова?

— Она и директор.

— Ясно! — улыбнулся Горичев, — этого от них и следовало ожидать. Путь к звездам всегда лежит, через преодоление — терний. В качестве моральной поддержки, я предлагаю вам, эти стихи. Он прочел:

Сердца умом и статью покорила
Левитина — кавказская княжна!
Сгорая завистью, директор объявила:
— Мне эта завуч в школе — не нужна!

Кто нужен ей? -
Несведущая серость,
Послушные и жалкие рабы,
Чтоб и она — княгинею гляделась:
Но, не уйти тиранке от судьбы!

Нина Витальевна молча выслушала декламацию, взяла в руки лист со стихотворением тихо направилась к выходу, так, как из-за дверей кабинета, уже выглядывали любопытные мордашки учеников. Василию же стало не по себе. Он задавался вопросом: «Куда делся весь горячий апломб Левитиной? Уйду, уеду! С обрыва брошусь!». Ведь всего пять дней назад, она была готова растерзать Рыкову! Теперь от легкого булавочного укола по самолюбию, вдруг, в депрессию! В настоящей панике! О, женщины! Вы поистине — сосуд дьявола!». Ведь судя по настроению завуча, он представлялся ей — не другом, смело ставшим на ее защиту, которому, судя по логике, она должна была быть благодарна. Напротив, идя на самопожертвование, он просто, выходит, оказал ей, лишь медвежью услугу. Василию невольно припомнился печально — знаменитый афоризм косноязычного экс— премьера Виктора Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда!».

Уже в среду, 17 января, остановив историка в коридоре, Левитина предупредила:

— В 16 часов в школу придут проверяющие — будьте готовы к встрече!

— Всегда готов! — отчеканил он.

Визитеры явились без опозданий. Их было двое: главный специалист городского управления народного образования, опрятный, средних лет мужчина, Сергей Васильевич Лихачев и солидная дама, с теми же регалиями, но уже из РОНО — Окулова Елена Михайловна.

Один пришел по повеленью «ШАХА»,
Другую — сэр Малевич подослал:
Заговорила «нотная бумага»,
Когда пред ними — Горичев предстал!

Встреча проходила в кабинете директора. Здесь же, за широким столом сидела, шмыгающая в платок носом и нервно подергивая головой, сама госпожа Рыкова. Увидев ее, Василий Павлович, счел за нужное, предупредить гостей.

— У Галины Ивановны, — сказал он, — в случае опасностей срабатывает защитный рефлекс — истерика, слезы. Опасаюсь, не случилось бы чего? Ведь я буду говорить нелицеприятную правду. Она же, известно, глаза колет!

— Выдержите? — обеспокоилась за здоровье директрисы Окулова.

— Выдержу — начинайте, — успокоила всех Рыкова.

Внимательно рассматривая перепечатанное — переснятое на ксероксе заявление — «ноту» учителя, Сергей Васильевич спросил его:

— Вы подтверждаете пункты своего документа?

— Безусловно, — твердо ответил Горичев.

— Вот вы пишете о жене Букина. Но она умерла раньше его. Вы имели в виду, ее родственников?

— Конечно. Еще до ее смерти я несколько раз беседовал с нею. На похоронах самого Букина я в очередной раз услышал, уже от них, всю историю конфликта покойного историка с директором. Это могут подтвердить, присутствующие там педагоги. Да и сама Рыкова ничего о размолвках не скрывала.

— Это серьезное обвинение, — замечает Лихачев, — подталкивание к трагедии. Оно судебно наказуемое, если факт вины Рыковой подтвердится.

— Согласен.

В беседу вступила представитель РОНО Окулова. Она всем своим видом демонстрировала полную лояльность по отношению к директрисе. Не позволила Горичеву дать даже краткую характеристику причин увольнения дюжины — изгоев. С пристрастием лишь указывала на его описки и неточности.

— Вы пишите, — говорила она, — что учителя уволены в 1994-2000, тогда, как Никифорова ушла в 93-м, а художница Алексеева в 99-м, будучи последней, в списке.

— Я не придал значения датам, — признался историк, хотя про себя отметил: вот что значит спешка — она к добру не приводит. Однако, было ясно, что Елена Михайловна всеми силами старалась помощь утопающей директрисе ухватиться, хотя бы за соломинку.

— Скажите, — продолжала допрос Окулова, — завуч Левитина вас просила о защите?

— Нет! — твердо констатировал Горичев, — более того, она даже выразила мне свои на этот счет претензии.

— А уволенные учителя поручали вам за них заступаться?

— Нет. Это моя личная инициатива. Ведь еще певица Алла Пугачева утверждала, что у нее голова своя и, как ей на свете жить — сама она может решить. Таким же образом поступаю и я!

— Понятно! — Елена Петровна даже несколько оживилась, — а вот Краеву и Рогову, офицерских подруг Рыковой, вы называете — «посредственными педагогами» — вы, что у них на уроках были? У них же иные профессии, чем у вас?

— Не обязательно вариться в супе, чтобы знать, как себя чувствует там курица, — убеждал проверяющую Горичев, — я сужу об их работе, по отзывам учителей — специалистов. Хорошо изучил их общественное лицо, как замов директора. Не скрою, что у меня накоплен серьезный личный опыт, так как много лет сам трудился в рангах — завуча и директора ряда школ.

— Но, у биолога Краевой 13-й разряд?

— Чины людьми даются, а люди могут обмануться!

— Как?

— Это не Краевой, а Рыковой заслуга. Директор постоянно напоминает: «Я сделала Полине Афанасьевной 13-ю категорию!».

— Ничего я не говорила! — раздалась первая ложь, до сих пор молчавшей, директрисы.

— Галина Ивановна разряды не присваивает, — пыталась обелить свою подзащитную Окулова.

— Конечно, но она их «устраивает». Разве не так?

Все трое — проверяющие и Рыкова, переглянулись между собой и таинственно заулыбались — уж они-то прекрасно знали всю кухню производства «высокоразрядников».

— Вот вы установили диагноз «паранойя», — Елена Михайловна подняла глаза на историка, — а у вас на то есть основания?

— Есть. Рыкова объявила себя «сталинисткой», а известно, что Сталин страдал этим недугом.

— Я этого не говорила, — во второй раз солгала директриса.

— Но коллектив подтвердит.

— Ничего он не подтвердит! — убежденно заявила диктатор.

— Но раз коллектив у вас карманный, — сказал Горичев, — то вы сами подтвердили факт мании преследования, когда, не разобравшись в информации, собрали никому не нужную экстренную летучку. К тому же на ней вы обвинили меня в том, что я написал о развале вечерней школы, о плохой посещаемости. На поверку же, все, как сами убедились, оказалось очередной ложью.

— Я вас не обвиняла! И, вообще, никакой летучки не было! — в третий раз, уже, совсем нагло, врала директриса.

— Как?! — оторопел Горичев, — но, на ней присутствовали все учителя. Ученики добрый час болтались без дела.

— Ни учителя, ни ученики ничего не подтвердят! — упорствовала Рыкова.

— Круговая порука, так что ли? Еще на летучке ваша зам Рогова заявила, что учителя не имеют право ходить в РОНО.

— Ничего этого Надежда Кузьминична не говорила, — в четвертый раз, самым бессовестным образом, лгала директор.

Терпение Василия Павловича лопалось. Глупейшее запирательство директрисы было так явно, что обескураженные поведением своей подзащитной, проверяющие, понурив головы, уткнули свои носы в бумаги и нервно произносили, нечто невразумительное: гамы, г — мы.

Первой паузу неловкого молчания решилась нарушить Окулова. Елена Михайловна, перейдя на предупредительную, мирную интонацию, произнесла, видимо, для всех троих, сокровенное желание:

— Вам Василий Павлович непременно надо как-то поладить с Галиною Ивановной.

— Но, на какой платформе? Беспринципности и лжи?

— Общих интересов школы.

— У нас разные взгляды с директором на эту проблему.

— Ничего, поладите.

— Мы с ней поладим, коль вместе сядем?! — резко откликнулся на призыв, покидающих кабинет визитеров, Горичев.

— Вот и сядьте и поговорите, — махнула рукою на прощание Окулова.

Василию Павловичу уже не то, чтобы говорить с Рыковой, а и лицезреть оную особу, было не мочь. Потому он, вослед за господами — проверяющими, поспешил убраться из ненавистного кабинета.

Уже позже, в спокойной обстановке, размышляя о визите двух главных специалистов, наш герой составил для себя определенные выводы. Первый — Рыкова, безусловно, больна. Она не отдает отчета — ни своим словам, ни действиям, ни поступкам. Неадекватно реагирует — на обстановку, место и время.

С другой стороны, в ее бесконечных отрицаниях — этого не было, это не говорила, того никто не подтвердит — угадывалось влияние не только психолога, но и профессионального адвоката. Чтобы не допустить саморазоблачений, они, супруги Пановы, уже заранее подготовили ее: как нужно себя вести, какую форму защиты избрать, чтобы не подставить себя на случай серьезного следствия.

Вывод второй — прав бывший зав РОНО Правдин Константин Михайлович, который, вослед за философом Бердяевым утверждал, что коллектив предполагает наличие — «Мы!». Тогда, как толпа есть — расплывчатое «Оно!». Толпа живет лишь материальными интересами. Вот почему она поддерживает президента Путина или ту же Рыкову, которые, время от времени, побрасывают ей средства для лучшего пропитания.

Понятия — честь, достоинство, порядочность, совесть уходят на второй план. Да, замордованные директором педагоги, за редким исключением, далеко — не личности. Они не способны противостоять отрицательным явлениям, потому всегда готовы во имя сиюминутных интересов пойти на подлог и предательство истины. Они не коллектив вовсе, а пресловутая аморфная толпа жаждущая «корытного» счастья. Это отлично успела усвоить госпожа Рыкова. Кроме того, смелость ей придает ее высокая «крыша», в лице земляка мамы — чекистки, ныне — первого вице-губернатора Н. Что касается начальника ГОРУНО Шахова, то он повязан с нею воедино криминальными поступками типа выдачи липового аттестата феноменальному «экстернату» Махову. Ясно, что он вынужден, из страха разоблачения, всячески обелять школьного диктатора. Что касается заведующего РОНО Малевича, то он, целиком доверялся своей помощнице Никоновой. Круг, таким образом, замкнулся. Потому Горичев был уверен, что состоявшийся визит в школу двух проверяющих есть не что иное, как обычное соблюдение формальностей. Поступила

«Нота», значит надо отреагировать, но так, чтобы и волки были сыты и овцы целы — шум не уместен.

В данном случае, все именно так и произошло. Сильные просили мира, с тем, чтобы, при удобном случае, все-таки отыграться, на нем — доверчивым и слабым.

Глава тридцать вторая

КОДЕКС ЧЕСТИ

Нет, никакая в мире нечисть
Из нас не вытравит людей,
Пока звенит в траве кузнечик
И душу лечит соловей.
Валерий ХАТЮШИН

Истину глаголет литературный критик Дмитрий Иванович Писарев, когда в статье «Базаров», писал: «Во всякое время жили на свете люди, недовольные жизнью вообще или некоторыми формами жизни в особенности. Во всякое время эти люди составляли незначительное меньшинство».

Как тургеневский Базаров, так и наш герой Василий Горичев, выходцы из народных низов, отвергнув чиновную карьеру, трудом и потом добывали свой хлеб. И они не могли мириться с теми, кто предпочитал, в отличие от них, жить за счет обмана и плутовства. Но так как нечестных людей, а в особенности, смиренных приспособленцев, оказывалось значительно больше, то они — борцы за справедливость, всегда оказывались в меньшинстве. Один же в поле — не воин. «Единица, — по образному выражению поэта Владимира Маяковского, — вздор, единица — ноль!».

Бесноватая директриса Рыкова, в узком кругу доверенных лиц, не стеснялась признаться: «Горичев для меня — ноль без палочки». Но, крайне боялась, что вокруг нуля могут появиться единицы из числа его приверженцев или, хотя и временных, но опасных попутчиков. Потому и подкармливала бывших оппозиционеров Васильеву и Леонову, умиротворяла Хакимова и Войкову. Белой вороной в окружении опального историка выглядела лишь одна завуч Левитина. Не попав из-за духа соперничества и нравственных убеждений, в состав «хищной стаи», она так и не набралась храбрости открыто противостоять ей.

Наедине с Василием или из числа сочувствующих ее горю, педагогов, она страстно возмущалась тупостью и вероломством

директрисы, детской наивностью ее зама Роговой, но на людях, продолжала хранить гордое молчание. Чиновная осторожность брала верх. Она томительно ожидала, когда паны подерут чубы друг другу. Жаль только, что в схватке побеждают не ум и не порядочность принципиального историка, а откровенная наглость, с опорою на наработанные связи, директриса.

Рыкова же распоясалась, зычный голос ее раздается на всю Ивановскую, Тут она и сталинистка и приверженец Фридриха Ницше. Известно, что этот немецкий философ — идеалист, отрицая объективную закономерность в развитии общества, считал движущей силой исторического процесса «волю к власти», борьбу за власть, в которой побеждает сильнейший.

Но, окажется ли сильнейшей директор на этот раз, когда в школу зачастили господа — проверяющие? Разгадкою этого вопроса занята не одна завуч Левитина. Видя, одиноко маячившую в коридоре, у дверей своего офиса, скорбную фигуру директрисы, так сильно сдавшей за последние дни, многоопытные Васильева и Леонова пытаются разрешить ту же задачу. Василий Павлович молча проходит мимо их, тихо шепчущихся между собой, и становится в его душе — пусто и холодно. Казалось, совсем недавно, они активно сбивали его на борьбу с «чайной королевой», страстно уговаривали порадеть их родному человечку — Хакимову. Именно его они хотели видеть на директорском посту. Оппозиционерки уже подготовили свою «Ноту» в РОНО. Зная о дружбе с его заведующим Малевичем, они надеялись на благоприятный исход задуманного предприятия. И чем черт не шутит, согласись тогда, в январе 99-го, он поддержать их кандидатуру, как во главе школы, вот уже два года, находился бы правоверный мусульманин.

В стране складывалась для татар благоприятная обстановка. Господа евреи, в укор русским, поделили с ними власть. Еще бы! Ведь по численности (25 миллионов) они стояли на втором месте, после русских. К тому же к ним примыкали 6 миллионов башкир — мусульман — это сила, если учесть пассивность государство образующей нации. Среди татар появились не только миллионеры, но и миллиардеры. Ведь они владели, по своему усмотрению — вторым Баку.

Сам Хакимов не любил евреев. Он не мог простить им за те-

лефонный звонок из Москвы. Когда Денис Абрамович был назначен на высокую должность в областном УВД, то столичный чиновник — еврей, по его словам, негодовал: «Что, русского не могли найти?!». Теперь он — пенсионер, но старая рана не зажила.

Зная об этой размолвке, как мог Горичев идти уговаривать еврея Малевича помочь татарину Хакимову, который их терпеть не может. Василий в содействии отказал. Принципиальность историка, возможно, и погубила его карьеру. Естественно, что Денис Абрамович такого простить не мог. По поручению Рыковой, он неоднократно втайне записывал на магнитофон его беседы с учениками на уроках. Помогал отыскать идеологический компромат — видимо не нашел. Более того, Хакимов постоянно консультировал директрису по юридическим вопросам. А тут еще и со здоровьем нелады — туберкулез легких. С таким диагнозом другого учителя, к детям не подпустили бы. Василий сочувствовал экс — подполковнику, которого некогда сравнивал с могучим дубом. Заметим, что подобного чувства сострадания к нему, «раковому больному» товарищу, Хакимов не проявил.

В противостоянии: Горичев — Рыкова, Денис Абрамович, что свойственно менталитету восточных народов, занял выжидательную позицию. Ему, как и его протеже — оппозиционерам, несказанно хотелось их общей погибели. Они постоянно мутили воду. В мутной же воде, известно, рыбу ловить легче. Опальный историк набивал себе шишки, а они, за мнимую верность диктатору, получали и свободу и премии.

Наиболее прямолинейную и, по-своему, честную позицию занимала, в сложившейся ситуации, заместитель директора по воспитательной работе Рогова. Придя к власти, через отрешение от должностей «иностранки» Никифоровой и «организатора» Аркадьевой, «кузнечик» оставалась фанатично преданной своей старшей подруге. Строго блюла сумбардинацию. Ведь только ей, родной и единственной, Галине Ивановне, она обязана своим возвышением. Потерпев «фиаско» с бездарно — наивными выступлениями на педсовете и экстр — летучке, Надежда Кузьминична решила взять подлинный блиц — реванш. В горячем мозгу капитанши родилась идея, сродни воинской, принять неуправляемой братией школьников, разработанный ею — **Кодекс чести!**

«Это такое дело, — решила про себя Рогова, — которое не заметить будет просто нельзя! Директор заболела! Может и кстати — больше возможностей для личной инициативы. Пусть Горичев втолковывает визитерам о ее серости. Она же, всем чертям назло, покажет, какая она на самом деле — способная организатор и воспитатель!».

Действуя по принципу: куй железо, пока горячо, Надежда Кузьминична еще раз внимательно перечитала свой сочинение, напоминающее печально известный «Кодекс, строителей коммунизма», вперемежку с библейскими постулатами: с бору по нитке, голому — рубашка. И не простая — сатиновая, а многоклеточная — вязаная!

Рожденный ею документ обязывал, еще не оперившихся, юнцов: не пить, не курить, не принимать наркотики, не сквернословить! Прилежно учиться, не опаздывать на уроки! Быть добрым, честным и так далее. Всего — 10 заповедей! В случае их единогласного принятия, по мнению Роговой, сразу же снимались с повестки дня все опостылевшие, наболевшие проблемы по организации и воспитанию подрастающей смены в духе высокой нравственности.

В общем, все, что за долгие годы не могло осуществить государство с ее многочисленными институтами, решала одна Рогова. И как? Одним мановением колдовской палочки — поднятием руки!

Такое волшебство и в сладком сне не мог увидеть и сам великий педагог Макаренко. Вознеси ребята руки и его система воспитания, вкупе с «Педагогической поэмой» могли быть навеки посрамлены. Антону Семеновичу потребовались годы, чтобы превратить диких, оборванных мальчишек в благовоспитанных коммунаров, Надежда же Кузьминична решит все проблемы в единый миг. Наконец, настал ее звездный час!

На Доске объявлений не замедлило появиться красочное воззвание, призывающее всех и вся явиться 26 января 2001 года — на общешкольную линейку.

Трижды, в течение учебного дня, главный воспитатель заглядывала к Горичеву, в исторический кабинет, с требованием — быть на мероприятии.

— И без опозданий! — приказала Рогова, — не зря же мы на 30 минут занятия сократили.

После четвертого урока, Горичев поднялся на второй этаж. В просторном его коридоре, в одну — две шеренги, неровным кольцом стояла нестройная толпа учащихся 7—11-х классов. Позади ее и вперемежку робко жались к ребятам учителя — ненароком собьют. В центре, образовавшегося пяточка, с текстом в руках, стояла взволнованная Надежа Кузьминична и громко зачитывала вышеупомянутые пункты, сработанного ею в ночной тиши, документа. Окончив чтение, Рогова патетически произнесла:

— Кто за принятие данного «Кодекса чести», прошу поднять руки!

Главный воспитатель ожидала триумфа, но до него оказалось, так же далеко, как до синих звезд. Неподготовленные заранее, слабо усвоившие суть «10 заповедей», мальчишки и девчонки, коррекционных 7-9 классов, вразнобой потянули вверх свои запачканные чернилами длани. Когда же очередь дошла до выпускного 11-а класса, тон в котором задавали хулиган «Носиков и компания», то они, вдруг, заартачились и голосовать, наотрез, отказались. Раздались их надтреснутые голоса:

— Нам этот «Кодекс» ни к чему!

— Кому он нужен, те пусть и принимают!

— Не пить, не курить! — может еще, и есть запретите?!

— Не только мы, но и учителя должны быть честными, а они «Кодекс» — не принимают!— бросил критическую фразу долговязый юноша по прозвищу «Самохвал». Он даже свой каламбур сочинил:

Учителя без «Кодекса» живут,
Но, как и мы — халтурят, врут и пьют!

— Нашли дураков! — крикнул наркоман Носиков и продекламировал:

Не пить, не нюхать, не курить! -
Зачем тогда на свете жить?!

— Нет — «Кодексу»!

Внимая старшеклассникам, учащиеся других учебных групп, так же выразили свое не согласие. В результате, бурных дебатов, которые, порою, завязываются в парламентах, голосование было сорвано.

— Как!? — налилась гневом зам директора Рогова, — вы, против принятия?

— Да! — раздалось хором.

В васильковых глазах Надежды Кузьминичны закипели горячие слезы обиды и она, не сдержав своего отчаяния, воскликнула:

— Что же мне теперь и вправду, писать заявление, и уходить из школы?!

Ее возглас, больше направленный в адрес педагогов, чем ребятам, остался гласом вопиющего в пустыне. Воцарилась напряженная тишина. Мгновение переждав, и, не найдя ни в ком — ни у детей, не у учителей, так необходимой ей поддержки, главный воспитатель отчаянно зарыдала. Растолкав ослабевшими руками, окружавшую ее, ставшей, вдруг, ненавистной, толпу, Рогова быстрыми шагами ринулась в свой кабинет. Бранясь и плача, она оглушительно хлопнула дверью, которая и отдалила от нее — громоздкий и непослушный школьный коллектив.

Без всякого раскаяния за содеянное, мало смущаясь, коррекционные классы ретировались с места событий и шумною гурьбой устремились на улицу, дабы это дело завершить перекуром. Старшеклассники же, малыми ватагами, разбрелись по кабинетам.

Принятие «Кодекса чести» окончилось очередным бесчестием Роговой. Видать, что напрасно стрекотал «кузнечик!» — зелененький кузнечик, совсем, как огуречник!

В происшедшем инциденте Горичева поразила не столько очередная глупая выходка экспансивной и невыдержанной воспитательницы, которая по истеричному и самолюбивому характеру сродни своей «гарнизонной подружке», а позиция коллег — педагогов. Ведь никто из них, в том числе и завуч Левитина Нина Витальевна с классным руководителем 11-а Ткачевой Маргаритой Ивановной, ничего не предприняли для улаживания возникшего на линейке конфликта. «Прояви инициативу, — рассуждали они, — и тебе же обвинят в подрыве авторитета за-

местителя директора» — таковы плоды порочной педагогики.

— Ну, не приняли «Кодекс чести», — констатировала в беседе с историком выпускница Лариса Рыжкова, — но рыдать-то, хлопать дверью, зачем?!

Спустя, нескольких дней, Надежда Кузьминична вновь ударилась в истерику. На этот раз у нее нашла коса на камень с техничкою Проновой. Уборщица отказалась потакать девчатам 11-го класса в их стремлении единолично владеть ключом от женского туалета. Трое, девиц, буквально терроризировали бедную старушку. Ссора приобрела столь уродливые формы, что в нее оказались втянутыми учителя Васильева и Леонова. Они уже втроем с техничкою настойчиво убеждали зарвавшуюся Рогову в неправомерности ее потакания неразумным действиям взрослых школьниц — туалет-то общий. Воспитатель же, закусив удила, продолжала упорствовать:

— Будет так, как я сказала!

Как бы не так! Ее опрометчивое заявление ничего кроме смеха и тревожной грусти, других чувств, не вызывало. Как, впрочем, и поведение ее шефа Рыковой. Сторож школы Загайнов поведал историку о его встрече с директрисой.

— Захожу к ней в кабинет за трудовой книжкою сына, — начал он, — жалуюсь на завхоза Свитову, что не доплатила мне 100 рублей. Говорю, что она и супруга своего и сына с невесткою оформила слесарями да сторожами. Они же не работают, а зарплату получают. Летом по 6-7 тысяч рублей на ремонте школы зарабатывают. Делают же все с кондачка, абы — как. Разве это по закону? Они без стыда и совести государство доят, а с меня, мои же кровные, украли.

— Но сторожем, вместо вас, сын оформлен, — отвечает она, — а это не положено — вы полную пенсию получаете.

— Свитовым положено, а Загайновым нет? — упорствую я.

— Да, на меня заявление написали. Теперь от проверок не отобьешься, замучают, — оправдывалась она.

— Что, говорю, на вас написали — это цветочки, а ягодки будут впереди.

— И вы туда же?! — злится она, — забирайте книжку, и пошли вон!

Уже обращаясь, непосредственно к Горичеву, Загайнов сказал:

— Василий Павлович! Вы не отступайте. Я с вами! Этим жуликам — Рыковой со Свитовыми — не место в учебном заведении. Только скажите, всегда на помощь приду!

Так неожиданно, наряду с верными друзьями Боковой и Проновой, техничками, что угодили, из-за него в опалу, выявился еще один надежный союзник.

Что касается завуча Левитиной, то она, верная своей чиновной осторожности и предусмотрительности, отказалась от активной борьбы. Мол, я не Дон Кихот, чтобы воевать с ветряными мельницами: затрат энергии много, а результат нулевой. Умно рассуждает Нина Витальевна — ничего не добавишь. Второго февраля, при встрече у расписания, Левитина, опустив очи долу, призналась:

— Вчера звонила в ГОРУНО, просила поставить меня на вакансию. Надоело видеть всю эту Рыковскую камарилью — просто ужас!

— Вам за четыре месяца надоело, — упрекнул ее Горичев, — а я 7 лет мучаюсь. И только теперь осознал по-настоящему весь глубинный смысл монолога Тургенева о «великом и могучем» русском языке, что спас его от глубокого отчаяние при виде того, что «совершается дома». Да, не займись я творчеством, не доверь свои чувства и мысли перу, не отвлекись от зловещей суеты, то, наверное, сошел бы с ума. Не даром, сам великий Пушкин признавался:

Поэзия, как ангел — утешитель,
Меня спасла
И я воскрес душой!

— Вы, Василий Павлович, — согласилась с ним Левитина, — другое дело. Вы — поэт! Я же не стихов, ни повестей не пишу. Мне надо просто спокойно жить и работать.

— Но у вас же сочинения — золотые?

— Это в прошлом. Все больше — компиляция. По необходимости.

— Понимаю, — качнул он головою, — но продержитесь хотя до конца учебного года. Надо же кому-то очистить Авгиевы конюшни.

— Надоела вся эта грязь, — стояла на своем решении, завуч.

— Кстати, как вы расцениваете драму Роговой и ее «Кодекса чести»?

— Это срам и стыд! — встряхнула густыми черными кудрями кавказская княжна, — истеричный каприз. О каком авторитете воспитателя может идти речь? Она скорее о дискредитации его.

Василий убедился, что и на этот раз их взгляды на школьное бытие у них идентичны.

Совсем другим образом все обстояло у него с экс — завучем Юговой. Когда он,

встретился с нею в ее кабинете, то Серафима Федоровна озадачила историка, неожиданно каверзным, вопросом:

— Это ты опять написал?

— Вы о чем? — смутился Горичев.

— К нам, говорят, комиссия из ОБЛУНО приезжает.

— Ну и новость!

Опять комиссия!? О, боже! -
Вновь залпом пушки загремят!
На сердце сумрачно, тревожно,
Хоть он, ни в чем не виноват.

— Значит, не твоих рук дело?

— Не виноватый я, не виноватый! — шутливо перефразировал Василий безумный вопль на заседании суда Катюши Масловой — героини романа Льва Толстого «Воскресение»

— Может и виноватый! — Югова продолжала допрос с неизменным пристрастием, — скажи, вот Рыкову снимут с поста, а кто директором у нас будет? Нина Витальевна, что ли?! Да, она не знает нашей специфики. Или может сам, возьмешься управлять? А, что — опыт у тебя есть!

Град вопросов, обеспокоенной за личную судьбу «азиатки», ее фамильярное обращение ко всем, в том числе и к нему, на «Ты» начинали докучать Василию. Серафима Федоровна между тем, продолжала:

— Ты еще не забыл, как со мною ругался?

— Ха-ха-ха! Что вы! — рассмеялся Горичев, — как это можно? Никто не забыт и ничто не забыто!

До этого разговора с Юговой, у него и в мыслях не было, чтобы он, в 60 лет, вдруг, вздумал взять на себя «королевскую» ношу. Но, отставному завучу, всякая перетряска добавляет лишь туманные надежды на лучшую для нее перспективу. Но, не дай бог Василию Павловичу стать директором — это для нее подобно гибели!

Поистине, было над чем поразмышлять, когда-то всесильной интриганке, пережившей унижение и перенесшей тяжелую операцию, но не оставившей привычки к плутовству. Югова и теперь, будучи в малом ранге классного руководителя, все-таки умудрялась делать личный бизнес на родительской любви к своим чадам, своего подшефного 10-а. Каждый раз уходит домой с их дарами — никак не может отрешиться от азиатской привычки поборничества. Что тут поделать, ведь еще Никита Хрущев остроумно заметил: «Черного кобеля не отмоешь до бела». Будто фосфором высвечивался в его памяти ее лукавый совет:

— Дружи со мною — сытым будешь!

Будешь ли? Вот в чем вопрос. Все благодеяния неугомонной Серафимы, подобны Троянскому коню — и любопытны и опасны. Не зря же еще древние предупреждали: «Бойся данайцев, дары приносящих!».

Василий решил перевести разговор в другое русло, спросил Югову:

— Серафима Федоровна! А, как ваши ребята голосовали за «Кодекс чести»?

— Совсем не голосовали. Нас и на линейке не было.

— Но сами вы читали его блестящий, по словам Роговой, текст?

— Я глупостей не чтец, а пуще образцовых! — так, ты сам знаешь, еще Чацкий сказал. Рыковой ли с Роговой о чести говорить? Они не боятся, как ты, дурачина — простофиля коробку конфет взять, чтобы дома жену угостить. Они тысячами гребут за «хорошие» аттестаты с экстернатов и прочих. Разве ребята этого не знают? Отлично все знают и понимают. Вот потому и дали они Роговой с ее «Кодексом чести», как говаривал шолоховский дед Щукарь — полный отлуп!

Глава тридцать третья

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ

Она мечтала много лет подряд,
Чтоб избежать за криминал расплаты,
Занять надежно кресло депутата,
Однако ускользнул из рук — мандат.

По случаю Международного Женского праздника 8 марта, уже с первого дня весны в коррекционной школе, начинался предпраздничный ажиотаж: выпускались стенгазеты, готовились плакаты и фотовитрины, посвященные любимыми мамам и дорогим женщинам — учителям. В классах собирали деньги для особых подарков директору, завучам, классным руководителям. Помимо коллективных подношений, в виде всевозможных сувениров, не возбранялась и частная инициатива. Неисправимые двоечники и те спешили засвидетельствовать особую любовь к своей главной благодетельнице. Корыстолюбивая «чайная королева» не смущалась принимать их скромные дары. Снисходила до улыбки и благожелательной похвалы.

Но, на этот раз, напуганная волной разоблачений, она проявила крайнюю осторожность. Вот почему, неожиданно потерпел конфуз порыв сестер-девятиклассниц Кати и Гали Онегиных. Те пытались облагодетельствовать директрису весьма дорогими подношениями — двумя большими картинами абстракционистского жанра и коробкой конфет. Это, при том обстоятельстве, что их мама едва сводила концы с концами. Порою на хлеб денег не доставало, а тут — такая невиданная щедрость. Учитывая, что девочки числились в списках неблагонадежных: они стояли, на учете в милиции, то невольно закрадывалось подозрение — не украли ли?

Дабы от греха подальше, директриса, по православному обычаю, осенив себя крестом, вышеуказанные ценности, из своего офиса, представляющего музей ценностей, перенесла в скромную комнату завуча Левитиной. Решив про себя: «Случись беда, то на Нину Витальевну все и свалим». Так все и произошло. В шко-

ле побывали инспектор по делам несовершеннолетних РОВД и мама сестер Онегиных. Им-то и были переданы картины и конфеты.

Другое дело выпускник Слава Винтик, что принадлежал к категории «блатных». В ущерб урокам, он до тех пор дежурил у начальственных дверей, пока не вручил обрадованной директрисе свой презент. На вопрос товарищей: «Что принес?», он ответил: «Ценная вещица корейского производства». Слава официально работал охранником, а неофициально — рэкетиром. Мама его — адвокат. На занятиях, как правило, не бывает. Но, по особому указанию Рыковой посещает уроки историка Горичева и филолога Юговой, как педагогов не лояльных к ее особе — до экзаменов могут не допустить. По остальным предметам Слава получает оценки заочно — само собой. Такова практика работы с лицами, приближенными ее величества.

Мало, кто из учеников обошел стороной офис директора. Дары несли персональные, так как 7 марта, в канун женского праздника Галина Ивановна отмечала свой 40-летний юбилей!

В канун его, а именно 6 марта, филолог Зайцева Ирина Кузьминична, по совместительству сотрудница областного телевидения, устроила ей «Музыкальный подарок». Прославив публично педагогический «талант» своего шефа, она включила для «дорогой и любимой» песню Александры Пахмутовой «Надежда», в исполнении Эдиты Станиславовной. Не устоял перед долгом засвидетельствовать свое особое — поэтическое почтение к юбилярше и Василий.

Кто бизнес делает на пиве,
Кто на могилах и цветах,
А вам тучнеть на школьной ниве -
От мзды за дутый Аттестат.

И что не праздник — то презенты
К вам караваном в кабинет:
Коньяк, вино, цветы, конверты
И горы дорогих конфет!

Тут «музыкальный каравай»
Украсил песнею ваш рай -
Подружкою с телеэфира
Вплеснулся в офис и квартиры.

Растаять дикторша готова,
Улыбчива и черноброва:
— Коллеги, любящие босса,
Ее «талант» отметить просят!

И вот накатывает эхо -
Вам гимн поет Эдита Пьеха!
«Надеждой» сердце веселит,
Удачи в будущем сулит.

7 марта — день 40-летия Рыковой начался с утреннего поздравления учителей. Чисто выбритый, с благостной улыбкою физик и поэт Иванов Игорь Константинович, от имени коллектива преподнес, не к месту грустной юбилярше, букет алых гвоздик и произнес пламенную речь. Во время «сабантуя», начавшегося в полдень, он еще добавит к ней свой поэтический панегирик:

Глядеть на вас, и право, диво,
Так вы нарядны и красивы!
Желаю в ваши сорок лет
Одних лишь радостных побед!

Ради «шефа», с ее согласия, занятия были сорваны во всей школе. Был проведен лишь первый урок. Правда опальный историк осмелился ослушаться и разрядился — на два. Старшеклассники Максим Дубов и Александр Дерюжин выразили возмущение: — «Почему нас выгнали из школы — ведь сегодня рабочий день?!».

— Значит, так надо, — неопределенно ответил учитель.

— Зачем вы скрываете? — упрекнули они историка, — мы будто не знаем, что директор свой юбилей отмечает.

Сам Василий Павлович, дабы не омрачать своим присутствием столь светлое событие, в эйфории именин Рыковой участия

не принимал. Он предпочел провести этот день в кругу своей семьи.

Следующий, «красный день календаря» — 8 марта, преподнес Горичеву очередной сюрприз. Он вынул из своего домашнего почтового ящика красочные открытки и глазам своим не поверил — на него, казалось, с укоризною смотрела сама его «шеф». С нею рядом находились — ее муж и два их сына. На обратной стороне открыток — календари 2001 года, а по центру напечатано: «Галина Ивановна Рыкова — кандидат в депутаты городского Совета». Новость, прямо скажем — невероятная!

На следующий день поступила визитка с изображением директора со слесарем Николаем Свитовым, одетым в форму железнодорожника, а также большой плакат с фото героини, стоящей у школьной доски с указкою в руках. Была также опубликована в мажорных тонах и программа претендента.

До выборов 18 марта, оставалось девять дней, агитация за кандидата в депутаты была в самом пике, а он этого и не знал. Однако хорошо были осведомлены учителя, но никто из них ему эту тайну не поведал. Таков был наказ самой госпожи. Она боялась встречных шагов своего школьного оппонента. Напрасно. Горичев, по благородству души, отказался ей мешать и тогда, когда знакомые журналисты предлагали ему выступить в печати со статьей — памфлетом. Не стал он также вооружать негативом на Рыкову и ее соперников, хотя на этом мог заработать солидный гонорар. Он решил предоставить решение участи кандидата воле судьбы. Но, совсем не отреагировать на происходящее он не мог, а потому обратился к перу. Учитывая, что выборы приходились на «18 марта — День Парижской коммуны», то он связал эти две темы воедино.

Тысяча сто тридцать лет назад
Франции представилась фортуна,
Волею рабочих и солдат,
Учредить — Парижскую коммуну!

В этот день, что памятью согрет
Той победой пролетариата,
Обыватель — в городской Совет
Выбирает новых депутатов.

Кандидаты все, как на подбор,
Жаждут кресел — сладкую малину,
Мы же поведем свой разговор,
Об одном — о Рыковой Галине.

По сердцу нам явно не пришлась.
Эта дама, что метает розы:
Гордо «сталинисткой» назвалась,
Ныне ж метит — в козырные боссы!

— У меня, грозится, есть Семья.
Муженек — солидный полицейский,
«Крыша» и надежные друзья,
Ахните — в масштабе европейском!

Крутовато, что не говори.
Зрите фото — вздрогнете от спеси!
Врет она, как врут календари,
То мальчишке каждому известно.

Признается — надоел «дурдом»,
Много ль наживешь на Аттестатах?!
В горсовете ж, право, — знать кругом,
Богатеют, словно Крез, когда-то!

Если Гале, право, повезет,
Овладеть «горою Пролетарской»:
Власть — милуша жарко упадет,
К ней на плечи шубкою боярской.

Взявши меч, пойдет народ крушить,
Дань возложит с грозною личиной.
В этот раз, чтоб весело пожить,
Будет брать, не абы как, — по чину!

Отныне станет не в указ, закон,
Она его отменит, хоть бы, завтра!
Но, сбудется ли этот Галин сон? -
Узнаем 18 марта!

При подведении итогов прошедших выборов стало известно, что директор коррекционной школы Рыкова Галина Ивановна оказалась в нокауте. Педагога опередил кандидат от компартии, врач железнодорожной больницы. Галин сон был — не в руку. Огорчению не было предела. Ведь на саморекламу — цветные фотографии с обнадеживающими надписями: «У Рыковой есть Семья и надежные друзья», поздравительные открытки с розами, всевозможные календари, было истрачено 5352 рубля. И средства, и труд учеников и учителей, изо дня в день обегающих, в ущерб школьным занятиям, улицы и дома граждан — избирателей, все ушло в песок. Все в пустую — мечта, мечты, где ваша сладость?! Оградиться депутатским мандатом — щитом не подсудности, так и не удалось. Большая власть ускользнула из рук. Вновь приходилось довольствоваться, ставшим уже надоевшим и ненавистным «дурдомом». И будто в отместку за все огорчения директрисы, услужливая Ткачева Маргарита Ивановна, коллега Горичева, повесила на стене исторического кабинета, прямо над его головой, плакат с портретом Рыковой. Дескать, смотри и помни!

Василий Павлович пригласил к себе зама директора Рогову и попросил:

— Снимите, пожалуйста, портрет. Выборы закончились. Теперь он ни к чему.

— Ха-ха-ха! — не удержалась от смеха Надежда Кузьминична, — он вас смущает, но портрет с календарем, пригодится. Снимать не буду, пока не помиритесь с директором.

Ничего не оставалось бедному историку, как терпеть столь неприятное соседство. Заглянувшая к нему англичанка Войкова Рита Моисеевна поделилась последними новостями.

— Знаешь, всю выборную компанию Рыковой, сказала она, — организовывал наш милиционер Хакимов. Он обмолвился, что мол, всего 30 голосов до победы не хватило. Деньги же дали спонсоры. Да и правда, кто из воров — коммерсантов, откажется помощь жене налогового полицейского в чине подполковника? Вот, что значит, власть и связи. А ты все нервы свои напрасно на борьбу тратишь. Плюнул бы, да и успокоился. Учись у Дениса Абрамовича жить. Он свою копейку зря не упустит — на компании с выборами и деньжат заработал и у директора в чести. Так-то!

Глава тридцать четвертая

ЧИНОВНИЧЬИ ИГРЫ

Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели.
Александр ГРИБОЕДОВ

«В России властвует союз «трех толстяков»,
«трех ненасытных глоток» — буржуа,
бюрократа и бандита».
Геннадий ЗЮГАНОВ

Человечество склонно к гигантомании, к чему-то великому, необычно сказочному, чтобы — аж дух захватывало! Вот и появились на земле, так называемые — семь чудес света. Наиболее величественные из них, гробницы фараонов — египетские пирамиды. 2 300 000 каменных блоков было уложено в пирамиду Хеопса. Каждая, из 4-х сторон ее длиною в — 230 метров, а высота достигает 146-ти. Не меньшую пирамиду можно было бы сложить, вероятно, из костей рабов, погибших при сооружении этих своеобразных памятников человеческого тщеславия — желание ценою гибели тысяч живых обеспечить одному мертвому — вечный покой.

Удар по американскому тщеславию был нанесен арабскими террористами, в сентябре 2001 года, снесших, ценою гибели пассажиров и экипажа самолетов, два ньюйорских небоскреба.

Не избежали страсти к гигантомании и советские зодчие, возводя «сталинские пирамиды», типа здания МГУ. Выше египетских пирамид вознеслась к солнцу телебашня «Останкино». Школьники радостно мечтали и пели о домах, где «на 101-м этаже, в окне мурлычет кот».

Но, не только тщеславие, но и здравый смысл, толкнули, более 300 лет назад, Петра Великого соорудить гранитную цитадель на берегах Невы. Его заветною целью было «прорубить окно в Европу», превратить Россию в сильную и могущественную державу. Вторым подлинным патриотом, уже в науке, проявил себя «российский Колумб» Михаил Васильевич Ломоносов. Умирая,

он признался академику Штелину: «Спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринимал для пользы Отечества».

В противовес им, «лучший немец», но «худший русский», экс-президент СССР Михаил Горбачев развалил мировую систему социализма, а его сподвижник, первый Президент России Борис Ельцин разрушил могучий Советский Союз. Если царь и ученый были созидателями, то два последних политика — разрушителями. Ломать же, не строить — душа не болит.

В постсоветское время до невероятных размеров расцвела бюрократия. Если в эпоху Петра 1 и двух Екатерин страною управляли — императоры с узким кругом министров и губернаторов. То сегодня, каждый национальный князек мнит себя президентом, выполняя волю Ельцина — берите суверенитета, сколько проглотите.

Что автономии? Порою создается какая-либо пустяковая фирма, но во главе ее обязательно стоят — Президент или Генеральный директор. Случается, что в подобных организациях работают менее десятка человек, словом — мыльный пузырь.

Демократия, вызвала подлинный разгул тщеславия, отторгнувшее в небытие такое извечное понятие, как скромность — неотъемлемую черту высокой культуры. Еще философ Гегель писал: «Под словами «культурные люди» можно ближайшим образом понимать таких людей, которые в состоянии сделать все то, что делают другие, и которые не выставляют напоказ своей частности, между тем как у некультурных людей обнаруживается именно последняя черта. В своих отношениях с другими людьми некультурный человек может легко их обидеть, так как он дает волю лишь себе и не предается размышлениям о чувствах, которые испытывают другие. Он не хочет оскорблять других, но его поведение не согласуется с его волею. Культурность, следовательно, есть сглаживание особенности, чтобы она вела себя согласно природе предмета. Истинная оригинальность, являющаяся творчеством настоящего предмета, требует культурности. Между тем, как ложная оригинальность принимает форму тех безвкусных проявлений, которые приходят в голову лишь некультурным людям».

Болезнь, именуемая чиновным чванством и бескультурьем, поразила ныне не только сферы политики, экономики, нацио-

нальных отношений, но и проникла, в святые святых — народное просвещение.

Долгое время, например, в городе нашего героя, решали, мучаясь: быть одному ГОРОНО или без него, но нескольким РОНО, выходящим непосредственно на ОБЛОНО? Цель виделась благородной — сократить административный аппарат, так казне легче. Как бы не так! Гигантомания и чинодральство победили. На базе четырех малозначащих РОНО было сформировано целое — городское управление — штаты возросли. ОБЛОНО, так же превратилось, из отдела в — областное управление. Скромное «О» сменилось на многозначительное «У», где, в каждом из подразделений появились — главные и ведущие специалисты.

Обществовед Горичев, затюканный и замордованный «сталинисткой» Рыковой, на беду свою, не уследил, за быстро раскручивавшейся властной спиралью и попал, как водится, впросак. По инерции он подписал свою «Ноту» на имя Шахова, как зав ГОРОНО, в то время как Арнольд Васильевич пребывал уже в ипостаси — начальника городского управления, то — есть ГОРУНО. Вот почему у Арнольда Васильевича взыграло ретивое. Грозный властитель от просвещения, лишь мельком взглянул на заявление, и, узрев в нем, унижающую его чиновное достоинство ошибку, скривил холеное лицо и, сквозь зубы бросил через стол, убийственно — холодную фразу:

— Я даже читать не буду.

Демонстрируемая напоказ заносчивость объяснялась его породой и высокими связями. Ведь Шахов был зятем известного в области генерала — помощника губернатора по военным вопросам, который находился в тесном контакте с протеже Рыковой — первым замом губернатора. Отблески генеральских эполетов тестя высвечивали, в определенной мере, и личность самого, смазливого «рыцаря» его дочери. Таким образом, имея надежное покровительство в самых верхах, Арнольд Васильевич мог позволить себе полное небрежение к представителям низов, каким предстал перед ним неугомонный искатель справедливости Горичев.

В добрые, старые времена, чиновник Шаховского ранга проявил бы к делу, хотя бы формальный интерес. Ведь перед ним стоял не мальчишка, а ветеран педагогического труда, учитель, которого, по выражению Ленина, «советская власть подняла на

небывалую высоту!». Но господин Шахов — демократ, представитель «новых русских». Постулаты «Советов» ему не указ, дескать, это мы уже прошли и забыли, а корректность — не в его правилах. Лишь самоуверенность и самонадеянность сквозили в каждом его движении. Он твердо осознавал, что защищен от непрошенных гостей, не то, чтобы панцирем, а самой, что ни на есть — железобетонной стеной.

Не потому ли, ничуть не стесняясь в выражениях, он, в присутствии Василия, отчитал уже немолодую секретаршу:

— Зачем впустили без предварительной записи? — и, не слушая ее сбивчивых оправданий, указывая взглядом на бумагу, сурово приказал, — возьмите и подшейте!

Жестока, правда, жизни: на смену осужденному коммунистическому чванству, пришел — чиновный беспредел.

В этом, еще раз убедился Горичев, когда вновь оказался перед взором своевольного начальника. Это произошло в понедельник 12 марта. Два месяца бесплодных ожиданий письменного, как обещал Шахов, ответа, подвигли его на новый визит к нему. О, чудо, знать сам господь внимал опальному поэту. Неприступный дотоле Арнольд Васильевич, едва увидев его из полу распахнутых дверей кабинета, как тут же, не просто вышел, а проворно выбежал в приемную. С играющей на полном лице улыбкою, он вежливо поздоровался и крепко, будто старому другу, пожал ему руку. Мягко извинился за создавшуюся непредвиденную ситуацию по поводу задержки с ответом и проводил учителя до рабочей комнаты главного специалиста ГОРУНО господина Лихачева. Того самого, который в январе, вместе с коллегой из РОНО Окуловой, побывали в коррекционной школе с рабочим визитом.

— Сергей Васильевич, — распорядился Шахов, — объясните Василию Павловичу обстановку и передайте ему наше письмо.

— Хорошо! — отозвался тот.

В отличие от своего мажорного шефа, Лихачев, будто уличенный в недобром деле, был растерян. Вел себя напряженно — сдержанно. Он явно нервничал, когда рассказывал о том, что выслал ему, как заявителю, письмо, еще 31 января. Да, вот беда — перепутал адрес. Указал чужой дом. Корреспонденция видно затерялась. Это мы сейчас исправим.

Сергей Васильевич тут же переснял на ксероксе текст подготовленного им ранее послания и вручил Горичеву его копию, с которою тот, не отходя от стола, и ознакомился. Шахов, с подачи Лихачева, писал:

Уважаемый Василий Павлович!

Ваше заявление от 11 января 2001 о нарушениях в деятельности директора коррекционной школы Рыковой рассмотрено. В ходе проверки установлено, что завуч Левитина Нина Витальевна факты травли и ущемления своих личных прав со стороны Рыковой отрицает. Левитина сделала заявление, что с подобными жалобами и просьбой защитить ее к вам не обращалась.

Управление образования сообщает, что уровень профессионализма и квалификации педагогических работников может быть определен только аттестационными комиссиями разного уровня. Ваши оценки морально — этического поведения коллег — учителей школы носят субъективный характер и не подтверждены фактами.

Управление образования ставит вас в известность, что обследование психического и физического состояния работников и установление диагноза заболевания не входят в нашу компетенцию.

Начальник управления образования — А. В. ШАХОВ

— Иного ответа я, собственно, от вас и не ожидал, — прокомментировал письмо заявитель, — обыкновенная, при том лживая, отписка. Здесь, ни слова нет об инвалиде Букине, чья трагическая судьба, так затронула вас, и о других «изгоях».

— Ну, что ж, как есть! — сдержанно ответил Лихачев.

— И задержка с ответом, наверняка, умышленная авантюра, чтобы я не помешал Рыковой стать неподсудным депутатом. Оттого и слух идет в школе о комиссии ОБЛУНО — явно не случайно. Боятся Шахов с Рыковой разоблачений.

— Об этом вам лучше поговорить непосредственно с Шаховым.

— Как ни будь в другой раз, — ответил Василий, которому сразу стало понятно, столь — лицемерное и предупредительное поведение с ним шефа управления — он опасался его возможной жалобы — теперь уже в ОБЛУНО. Выборы же не за горами. И

ведь не только Рыкова, но и сам он баллотируется в горсовет — осторожность не помешает, — постараемся, при необходимости, встретиться.

— Ваше право, — Лихачев уткнулся носом в бумаги.

Василий далее не стал вести разговор с рядовым исполнителем, хотя по иронии судьбы и числившимся в главных специалистах. Ведь, по сути, Сергей Васильевич был виноват, впрочем, как и он сам, лишь в том, что волки хотят кушать. Потому историк направился из ГОРУНО в мэрию, где записался на рабочий прием к Соколовскому. Впрочем, это было проблематично, так как мэр был в отпуске в связи с выборами. Он также хотел быть избранным уже на второй депутатский срок. Взвесив, сложившуюся ситуацию, Горичев тут же, экспромтом, написал и оставил у секретаря письмо мэру. Оно гласило следующее:

Уважаемый Клим Николаевич!

Прошу извинить, что отнимаю у вас драгоценное время, но обстоятельства вынуждают меня прибегнуть к вашему содействию.

11 января 2001, я обратился к начальнику ГОРУНО Шахову Арнольду Васильевичу с «заявлением», в коем просил принять меры к директору коррекционной школы, где в настоящее время работаю, госпоже Рыковой Галине Ивановне, которая под разными предлогами травит и увольняет с работы «неугодных преподавателей», отказывающихся участвовать в круговой поруке лжи и стяжательства. Таковых набралось 15 человек и это в школе, где всего числится по штату — два десятка учителей. Под дамоклов меч самолюбивого диктатора, имеющую высокую «крышу», в настоящее время попала и способный завуч Левитина Нина Витальевна.

И что же? Арнольд Васильевич, протежируя Рыковой, пожелавшей стать депутатом горсовета, но которая по деловым, моральным, физическим качествам быть таковою недостойна, затянул с ответом на два, вместе одного, месяца. Предумышленность такого поступка очевидна. В этой связи прошу принять меня для личной беседы, с тем, чтобы при этом присутствовали сами господа — Шахов и Рыкова и где я мог бы аргументировать свою позицию фактами.

Учитель В. П. ГОРИЧЕВ

Чтобы не быть голословным, Василий, вместе с навестившим его приятелем — журналистом Александром Кубышкиным провели собственное журналистское расследование. 16 марта они оказались на приеме у начальника отделения связи Гусевой. Проверив документы, Ольга Александровна ответственно заявила, что письмо на имя Горичева из ГОРУНО не поступало, иначе оно было бы возвращено адресату и зафиксировано. Кроме того, почтальон Галина Дьякова объяснила, что во втором, частном доме, якобы указанном в адресе отправителя, не могла находиться квартира под номером 19. Вывод ясен: Лихачев и Шахов преднамеренно врали, издеваясь над здравым смыслом. Василий, по выработанной привычке, чтобы, как говориться, спустить пар, обратился в адрес начальника ГОРУНО Шахова со стихами:

Да, я — крестьянский сын,
Вы — генеральский зять!
Что спорить зря — у вас прочнее кожа,
Но, сердцу моему — острей дано понять,
Людскую боль, чем вам — вельможе!

То мой удел -
Невинных защищать,
Вы ж, облачившись в тогу демократа,
Способны только — лицемерить, лгать
И правого запугивать — распятьем!

Наводите вы тени на плетень.
Ведь вам не жаль -
Несчастного народа!
Но, верю я, наступит светлый день,
Когда на истину вновь возвратится мода!

Василий написал последние строчки и задумался: «Наступит ли?». Ведь еще революционные демократы Х1Х века взывали: «Когда же придет настоящий день?». Но, он, как пришел в 1917-м, так, вдруг, и ушел в 1991-м. Существовало, хотя относительное социальное равенство, сегодня нет и его. Были все — товарищи, а теперь вновь, все — господа. До сих пор слышится

горькая ирония в обращении к Парижским бродягам русского казачьего генерала, из кинофильма «Бег», переданная блестящим актером Михаилом Ульяновым: «Господа нищие!». Смешно! Но таковы — парадоксы истории.

Читатель уже осведомлен о том, что Горичев был давно лично знаком с мэром Соколовским по прежней совместной работе в системе автотранспорта. Более того, Ким Николаевич содействовал ему в приобретении квартиры и выделял средства на издание книг. От того у Василия не было никаких отрицательных предубеждений относительно его объективности. Одно время мэр многое сделал для оснащения улиц и площадей города многокрасочными плитами. Он даже на эту тему сочинил стихи.

Чужестранец любой, у кого не спроси,
Поразит вас признаньем, не меньше, чем Гоголь,
Что узрел он, средь тысячи бед на Руси,
Злободневные две — дураки и дороги!

— Ну и сколько же нам пребывать в дураках? -
Соколовский спросил у чиновников строго.
Сам же твердо решил: строить, так на века!
Не асфальтом, а плиткой украсил дороги.

И теперь всякий гость, приезжая в наш град,
Восхищен красотою его тротуаров.
Было трудно казне, но не зря говорят:
Красота — не обходится даром!

Однако, усердие мэра в украшении плитами площадей и переулков, вызвало нарекания у ряда депутатов, которые увидели в этом мероприятии личный интерес и непроизводительные финансовые расходы. Поистине, красота, не обошлась для Соколовского даром. Он, хотя с большим отрывом от соперников победил на выборах и стал депутатом, но обвиненный в волюнтаризме, на второй мэрский срок избран не был. Вот на таком неблагоприятном фоне, когда уходящему мэру было не до школьных проблем, Василий и получил от него ответ.

Уважаемый Василий Павлович!

Ваше письмо от 12 марта 2001 администрацией города получено. Сообщаем, что ваша жалоба на директора Рыкову рассматривалась управлением образования в январе текущего года. Проверкою установлено, что факты нарушений со стороны Рыковой не подтвердились. Заместитель директора Левитина претензий к директору не имеет.

О результатах проведенной проверки вам было сообщено письменно 31 января, а 11 марта копия данного письма была вручена вам лично в ГОРУНО.

В связи с вышеизложенным, администрация города считает нецелесообразным проведение дополнительных проверок в отношении Рыковой.

Мэр К. Н. Соколовский

Чиновные игры, а все проверки и отписки — факты не подтвердились, дополнительные проверки нецелесообразны, иначе не назовешь, вызывали у Василия, не только огорчения, но и недоумение. Ибо получается, что инвалид Букин умер сам по себе, более десятка учителей уволились с радостью, та же «организатор» Аркадьева добровольно, а не принудительно ушла в отставку. Не говоря уже о злоключениях экс — завуча Юговой. Выходит так же, что с 1 февраля 2001 завуч Левитина, совсем случайно зарегистрировалась в ГОРУНО на замещение вакансии? Получается, что от хорошей жизни! Хотя известно: от добра — добра не ищут!

Но, кого мучает чужое горе? Разве того, кто непосредственно его перенес. Василий поймал себя на мысли: сам он не пошел с соболезнованием к своему прежнему благодетелю Соколовскому, утратившему заветный пост мэра. Теперь ему на смену пришел глава администрации одного из районов города Петров. Не выразил он так же и сочувствие Рыковой по поводу ее неудачи на выборах. Выходит, что чужая боль и его мало тревожит, тем более, когда речь идет всего лишь о потере чиновничьих кресел.

Одно время Горичев напрасно допытывался у Правдина Константина Михайловича: кто конкретно «крыша» Рыковой? Боялся бывший чиновник назвать имя всесильного ее покровителя. Сработал инстинкт самосохранения — как бы чего не выш-

ло? Однако на ловца и зверь бежит. Зашла к историку завуч Левитина и сообщила об очередной публичной похвальбе Галины Ивановны. Та, с упоением рассказывала учителям о личных контактах, с убывшим в ставку губернатора, экс — мэром Соколовским. И так же о своих вояжах к дорогому и несравненному господину Н., который, по ее словам, ей дороже отца родного и назвала полное имя и должность знатного земляка. Мы же, в отличие от Рыковой, опасаемся всуе трепать столь высокое имя и ограничиваемся лишь инициалом.

В субботний день 7 апреля 2001, «на огонек» к Горичеву заглянул его старый друг инженер и литератор Сергей Шмелев.

— С Благовещением тебя! — прямо с порога выплеснул он свое поздравление.

— Спасибо! — обрадовался Василий приятелю и спросил, — как твои дела?

Сергей Иванович подробно рассказал о своей работе, где правят — буржуа, о бытовых неурядицах и о трагичной смерти киоскера — племянницы, убитой грабителями — бандитами, прямо в киоске, белым днем и всего за 150 рублей от выручки.

— Выходит, что прав лидер КПРФ Геннадий Зюганов, — заметил Горичев, — когда утверждает: в России правит союз «трех толстяков», «трех ненасытных глоток» — буржуя, бюрократа и бандита.

— Безусловно, — подтвердил Сергей Иванович, — я тебе поведал о двух «Б» — буржуе и бандитах. От тебя я хочу услышать о третьих «Б» — бюрократах. Прочти-ка мне, что ты там еще о них настрочил?

Василий прочел ему последние главы своих «Записок». Едва ли не каждый абзац Сергей сопровождал улыбкой, репликами и замечаниями. Маленькая комната поэта будто распахивалась — расширялась от его задорного смеха.

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — упрекнул чтец приятеля.

— Но директриса твоя — живая картинка! — не обиделся Шмелев и продолжал, — цены нет ее изобретательности, предприимчивости. Уверен — депутатство ей было нужно для того, чтобы спастись от оков, которые ты ей выковал.

— Всего лишь логичный путь карьеристки — констатировал Горичев.

— Нет, тебе обязательно надо сходить к новому мэру Петрову Василию Яковлевичу. Лично знаю его — порядочный человек

— Был бы таковым, то не уволил бы с поста архитектора моего приятеля, поэта Николая Вялого. Он же с Петровым — земляки, в одной школе вместе учились и с детства дружили. На спортивных соревнованиях соперничали.

— Не знал. Когда это случилось?

— Когда Василий Яковлевич возглавил район, то он пристроил Вялого, своим главным архитектором. Все шло, как сыр по маслу до тех пор, пока однажды Петров не увидел его пьяным. Раньше прощал, а тут его будто прорвало. Гневно распорядился: две недели срока — подыскивай новую работу. И откровенно, по-дружески, в стихах, добавил:

Ты архитектор, Вялый,
А, что ни день — то пьяный.
Чертить, коль надоело —
Ищи другое дело!

— Но, это поделом — пить надо меньше!

— Возможно, но за товарища обидно.

— Нисколько. Это еще раз подчеркивает высокие деловые и человеческие качества Василия Яковлевича. Первое — пьянству — бой! И это принципиально верно. Второе — дал время на подготовку тыла — тоже гуманно.

-. Но, хватит о мэре, — остановил друга Василий, — ясно, что ты его уважаешь. Не зря его Рыкова побаивается. Меня сейчас больше ее протеже Н. волнует.

— Значит надо готовиться с визитом к Петрову, и к этому господину — неизвестному (?). Он — человек еще коммунистической формации и должен будет понять, что твоя директриса его просто компрометирует.

— Но, прежде надо выяснить: кто он — хитрый лис или добродушный медведь?

— По ходу беседы поймешь.

— Если примет?

— Куда он денется. Не убоялся же мой отец добиться приема у самого губернатора, а он всего лишь его зам, хотя и — Первый.

— Но, Иван Сергеевич, твой отец — ветеран, фронтовик, орденоносец. На, что опереться мне — на журналистский билет?

— Хотя бы и так, коль писательского нет. Был бы ты на месте Рыковой, то давно бы состоял в Союзе. Дал бы тебе господин Н. деньжат на пару изданий книг. Затем позвонил, куда след. Глядишь и талант твой все наши «классики», вмиг бы узрели. Сегодня для них ты — опасный конкурент и к губернаторской «кормушке» они тебя не допустят.

— Истину глаголете! — рассмеялся Горичев, — бедняки, всегда — неудачники!

— Вот, видишь, — подхватил мысль поэта Шмелев, — я прав, все твои поражения от нищеты, а больше от праведной крестьянской честности. В знати — высоко породные граждане или находящиеся с ними в одной обойме.

— Порода знатная без добрых дел ничто! — Василий процитировал строки поэта XVIII века Хераскова.

— Это ты о Шахове или об Н.?

— И о них, и о классиках. Но по мне всего дороже — доверие: заботливый друг — лучше братьев двух!

— А это о ком?

— О тебе, о ком еще я могу такое говорить?!

— Спасибо! — смутился от похвалы Сергей, — удар учителя только сначала болит, но слаще меда становится в конце.

— Это не лесть, а благодарность.

— Хорошо, но я тебе гораздо больше буду обязан, если ты мне прочтешь и прокомментируешь из «1001ночи» пять наставлений визиря Нар ад-Дина своему сыну Газану Будр ад-Дину.

Василий взял со стола книгу арабских сказок, открыл нужную страницу и начал читать: «Первое — не знайся, с кем попало — и спасешься от зла, ибо спасение в уединении».

— Верно, это о нас, — заметил Шмелев, — мы проводим свою жизнь в затворничестве: работа, семья, телевизор и книги.

— «Второе — не обижай никого, не то судьба тебя обидит самого. Помни, успех чреват расплатой, а земная жизнь — это заем с возвращением». Ясно, что обо мне, — вздохнул Горичев, — это правда! Об успехе и расплате, и об обидах тоже!

— Нет, тут я не согласен. Что, значит — не обижай? — Сергей Иванович поднял крутые брови, — к примеру, если на совести Рыковой: смерть, кровь, слезы, то, что же выходит — минда-

литься с нею? Как бы не так! Еще герой Льва Толстого из «Войны и мира» князь Андрей Болконский говорил, что убить бешеную собаку — не грех, а праведное дело. Насчет «успеха чреватого расплатой», я согласен. Ты сам признавался, во что обошелся тебе успех с «Отчим краем» — потерей работы. Верно и то, что все мы смертны, а земная жизнь — это всего лишь «заем с возвращением».

— Третий совет, — читал Горичев, — «блюди молчание, пусть умолчит твое знание о пороках других. Ведь кто мудро молчит — спасается».

— Ну, это скорее не из «1001 ночи», — подал голос Шмелев, — а из «Премудрого пескаря» Салтыкова — Щедрина. Тот и жил — дрожал и помирал — дрожал. Молчание не всегда золото. Мы при коммунистах до того усердно «молчали», что не заметили, как страну «диссидентам» профукали. Вон Гусинский с Киселевым на НТВ не молчат. С самим Путиным открыто сражаются за право «говорить». Другое дело, что они себе на уме и под маркою «свободы слова» ведут непримиримую политическую борьбу. Направлена же она на разрушение государства Российского в интересах западного мира.

— Ясно, что работники НТВ не патриоты, — согласился историк, — за исключением разве только Парфенова с Митковой.

— Да и они — просто перебежчики. Их поманили пряником, они и рады стараться — беспринципные журналисты. Но мы отвлеклись.

— Верно, но четвертый совет тебя Сергей касается, — улыбнулся Горичев и продолжил чтение, — «предостерегаю — не пей вина. Всякой смуты начало — его ложно — умная глубина. Берегись, берегись, не пей вина!».

— Ха-ха-ха! — залился смехом собеседник поэта, — мудро как сказано: ложно — умная глубина! Не зря на Руси бают, что пьяному — море по колено. Тебе проще, ты не пьешь, ну а мы с Николаем Вялым конечно — призадумаемся.

— Пятое, последнее наставление визира: «Береги деньги, а они сберегут тебя. Не трать без меры, чтоб не постигли тебя напасти. Береги дирхемы: они — целительная мазь!».

— Этот пункт здорово усвоила твоя директриса, — горячо отозвался Шмелев, — да еще мой Генеральный Воробьев Михаил Михайлович. Они — новые буржуи.

— С Рыковой все понятно, а с твоим начальством, что? — спросил у друга Василий.

— Да, вот недавно, едва его уговорил повысить мне зарплату до 4-х тысяч.

— Но это не плохо!

— Ерунда! Я знаю обычного начальника отдела снабжения, который получает, только гласно — 6 тысяч. Я же в ранге коммерческого директора. Вот и выходит — продешевил. Выбил всего — 4-ре!

— Понятно — аппетит приходит во время еды!

— Именно. Работы невпроворот. Бюджет семьи — 7 тысяч в месяц. Сын Юрий — взрослый жених, дочь Наташа — студентка! Одни расходы. Говорю Наталье: «Ты должна всегда иметь под рукой 50—100 рублей, чтобы быть транспортабельной. Случись, хулиганы пристанут — не теряйся! Хватай такси — бросай деньги и кати, спасайся!». Или вот недавно за пять тысяч дачу на берегу реки купил. Так что знай, наступит творческий прилив, захочешь окунуться в природу — милости прошу в мои зеленые кущи!

— Спасибо! У меня свои пенаты по хозяину тоскуют. В марте же их воры проведали. У них — вечный досуг!

— Украли, что?

— Максимкин велосипед, что из Тулы привез — совсем еще новый! Инструменты, замки и прочее. Сосед Валерий Часовитин, знал об этом, а сообщил лишь месяц спустя.

— Это он маху дал! Видно стареет: ему 30 апреля — 60, а мне 5 мая — 50 стукнет!

— Одни празднества, о прозе жизни и подумать не с руки. Ведь и внуку моему Максиму 24 апреля первый 10-летний юбилей отмечать будем.

— Ну и как он?

— Молодцом — круглый хорошист! «Тимура и его команду» Аркадия Гайдара за день прочли. Теперь книги Аксакова, Сабанеева, Висококосова по рыболовству осваиваем — готовимся к летнему сезону. Любим мы с ним бывать на прудах и реках. Не станет профессионалом, так хотя к природе приобщиться.

— С таким дедом, он сможет и Тарзаном стать.

— Другом зверей?

— Царем природы!

— Не плохо бы! Но из животных, у него один надежный и проверенный друг — пес Семка! Мечтает его с собою «в ночное» взять, да боится, что без отца Игоря Николаевича ему с ним не справиться — своенравный очень. Он не такой смирный как овчарка у Часовитиных или твой черный пудель.

— И с моим пуделем не просто: заметит кошку — не удержишь!

Поговорив еще, некоторое время, о добре и зле, приятели расстались. Оставшись один, Василий надолго задумался о царстве природы. О зверях и о собаках, чьи хитроумные повадки, так ярко напоминают нравы, встречавшихся на его жизненном пути, чиновников. Их не редко жестокие игры, как и звериные, порою, сбивают с толку и обескураживают своей — непоследовательностью и непредсказуемостью. Чтобы как-то успокоиться, Василий взял томик стихов Омара Хайяма и, открыв наугад, прочел четверостишие под № 126.

У мира я в плену, — я это вижу ясно:
Своею тягощусь природою всечасно.
Ни тот, ни этот мир постичь я не сумел, -
Пытливый разум свой я напрягал напрасно.

Глава тридцать пятая

ПИСЬМО КУРАТОРУ

Да, гениальны мы и терпеливы,
Добры к евреям, немцам и другим.
Но как бездарно, подло и трусливо
Жестоки и безжалостны к своим!
Валерий ХАТЮШИН

Известно, что никогда самодержцы не бывают, благодарны человеку, обнаружившему их ошибку или несправедливость. Бессмертным остается рассказ Плутарха о солдате, который спас жизнь королю во время сражения. Вместо того чтобы бежать, как правильно советовал мудрец, он остался, рассчитывая на благодарность короля. За столь наивную доверчивость солдат поплатился головой. Короли не любят тех, кто был свидетелем их бесчестия и деспотические натуры не терпят советников, которые, хоть раз, оказались умнее их.

Как следовало бы поступить опальному историку, разворошившему осиное гнездо, сотканное изо лжи и лицемерия? Понятно, нужно было бы послушать мудреца и тихо, по-английски, уйти. Чиновники бы по — сталински торжествовали: нет человека, нет и проблемы. Он же не сдался, а потому на повестке дня у его мучителей оставалась все та же — одна, но пламенная страсть — изжить «возбудителя спокойствия». Методы были отработаны в верхах и низах.

Уже 5 февраля, две недели спустя, после визита Лихачева и Окуловой, к Горичеву, в исторический кабинет заглянули администраторы школы — Рыкова и Рогова. Директор, по обыкновению, не церемонилась в выборе благожелательных эпитетов. Что было на уме, то оказалось и на языке.

— Василий Павлович, — сказала она, — я сейчас занимаюсь комплектованием кадров на следующий учебный год. В этой связи меня интересует: долго ли вы собираетесь у нас работать?

— До конца срока своей жизни! — выпалил Горичев.

— Мы этот срок постараемся укоротить! — беззастенчиво и нагло заявила «главный воспитатель» Рогова.

— Воля ваша! — удержался историк от упреков, в адрес руководящих дам, хотя некорректность их поведения требовали того.

13 февраля завуч Левитина Нина Витальевна, задержав учителя обществоведения в своем кабинете, куда он заходил за журналом, сообщила:

— Василий Павлович, из РОНО звонила Никонова и просила, чтобы вы написали заявление о своем согласии на 8-часовую нагрузку в 2001-2002 учебном году.

— Знаете Нина Витальевна, я все-таки в авторитете.

— Как?! Вы меня шокируете, — удивилась завуч, — вас же просто унижают или выживают! Как хотите, так и понимайте.

— Это все так! Но вы не знаете, что у нас работала учителем географии и рисования, прекрасная художница Алексеева Анжела Викторовна. Она, подобно мне пребывала у директора в опале. Так вот Рыкова наградила ее всего 6-ю часами, а у меня на 2 — больше. Выходит, что я в авторитете.

Ух! — тяжело вздохнула Левитина, — ну и шутки у вас. Не было все так печально, я бы рассмеялась.

— Так зачем сдерживаться — улыбайтесь. Помните, юный герой из кинофильма «Крепостная актриса», мчась снежною зимою на графской тройке, радостно требовал от своей красавицы — невесты: «Улыбайтесь, Настенька!». Смейтесь и вы! Как в песне: «Не надо печалиться, все жизнь впереди — надейся и жди!».

— Я всегда завидую вашему оптимизму, — призналась завуч, — но 8 часов — это меньше половины ставки. Тут и оправдания на сокращение классов — комплектов не уместны. Это обыкновенный произвол.

— А другие учителя? — поинтересовался Горичев, — как на них повлияло сокращение штатной нагрузки?

-— Относительно спокойно, ведь им даны ставки воспитателей, вам — нет.

— Суду все ясно! — вновь не удержался от шутки историк.

— Не только суду, — поправила его, с явным огорчением Нина Витальевна, — но и ужу понятно! Однако, как все это — пошло и низко!

Завершив разговор с завучем, Горичев принял решение: с визитом воздержаться, а пока следует написать «Открытое письмо» заместителю зав РОНО, госпоже Никоновой.

Не откладывая дело в долгий ящик, по возвращению в свой домашний кабинет, он взялся за перо. Приводим текст его эпистолярного послания.

Дорогая Виктория Дмитриевна!

До моих ушей и сердца дошла радостная весть о вашем страстном желании — слышать и видеть меня. Вот почему, я отчаянно спешу, выразить вам великую благодарность за светлую память обо мне. Примите так же мое глубочайшее почтение за вашу постоянную, трогательную заботу о моем физическом, духовном и в особенности, материальном благополучии.

Мне никогда не забыть, как два года назад, в апреле 1999, вы, прибыли к нам во главе «космической комиссии». И лично провели надо мною свои бесценные опыты и эксперименты. Пройдя полный курс обучения, у известной сектантки — хаммббардистки Гриневой по трансцендентальной медитации, вы, со знанием дела, применяли ко мне мягкий гипноз. Результаты были поразительными. С диагнозом рака и двух — язвенной болезни желудка я тут же оказался в «Раковом корпусе» на операционном столе, где был **облегчен, с учетом раннего похудания, на половину своего веса — на 40 килограммов**. Когда же, после полугодового курса лечения я возвратился в рабочий строй, то с трепетом узнаю, что вашим указанием, **вместо 23-х,** моя учебная нагрузка также облегчилась и составила **всего 17 часов,** что ниже ставки. При этом, оберегая мое здоровье, вы отказали мне и в классном руководстве.

Сегодня, вы вновь продолжили линию по недопущению перегрузки в физическом и духовном плане, при этом, проявляете особую заботу, по опустошению моего и без того худого кармана. Вы просите меня дать согласие, **уже на 8-часовую, менее полу— ставки,** нагрузку, превращая мою зарплату, таким образом, в легчайшую пушинку. Сей блистательный эксперимент, в очередной раз подтверждает, что изобретательность ума вашего поистине безгранична.

Открою секрет, непосвященные в «тайны Мадридского дво-

ра» сочли такое предложение оскорбительным, так как на разнице пенсии (350) и заработка (300), я теряю личных 50 рублей, что будут использованы на финансовую поддержку чиновного аппарата, в состав которого входите, конечно, и вы. Последнее обстоятельство чрезвычайно согревает мое благодарное сердце, а потому простим вашим недоброжелателям их мелочность. Истинный джентльмен не станет придавать значение таким пустякам, как — **бесплатный труд!** Тем более **потерю 50 рублей** из личного бюджета.

Не в силах устоять перед соблазном, сделать вам, женщине, которая просит, приятный сюрприз, я торжественно, заявляю: «Конечно, согласен!». Более того, я готов, вообще, превратиться в бестелесное существо или в легкое перышко, чтобы кружиться и летать, доставляя, при этом вам, сладчайшее удовольствие.

И вновь меня гнетут воспоминания. Посетив мои уроки истории и обществоведения, вы с милой, я бы отметил, с лукавой улыбкою, сказали мне: «Василий Павлович! Я была на занятиях биологии и химии, не будучи специалистом — но все там поняла. У вас же ни в чем не разобралась, хотя историю любила с детства, к тому же, **сама я — литератор!»**.

Заранее приношу, тысячу извинений, за намерение с вашим суждением не согласиться, ибо тут вкралась досадная ошибка. Взгляните, пожалуйста, в свой Диплом. Там, черным по белому написано, что ваша специальность — **учитель русского языка и литературы**. В отличие от вас, в моем журналистском Дипломе начертано — **литературный сотрудник**. Таким образом, литератор и филолог — это величины не однозначные. Литераторы создают художественные вещи. За вами же числятся лишь несколько часов русского языка, да плоды канцелярской деятельности — протоколы совещаний, справки, отчеты, планы, акты. Я же, ваш визави, издал пять книг и опубликовал в печати сотни статей и корреспонденций. Потому и числюсь в литераторах. Вот и, на этот раз, я осмелюсь порадовать вас, **самозваного литератора,** своими скромными зарисовками. Их главным героем являетесь, конечно, вы и только — вы, «мой нежный и ласковый зверь», куратор и наставник.

КУРАТОР

И литератор, и куратор,
И заместитель зав РОНО.
Милы, прекрасны и богаты,
Вы, впрямь актриса — из кино!

Вашу полную чиновного достоинства, крепко сбитую, литую, с осанкою прекрасной статуи Венеры или самой Афродиты, ладную фигуру, часто, с нескрываемым волнением и почтением, наблюдают завсегдатаи коррекционной школы. В частых визитах, нет ничего удивительного, ведь вы ее куратор.

Любопытные неотрывно следят за тем, как вы стремительно пересекаете широкую площадь двора. Мельком обозреваете раскидистую грушу, что смотрит в просинь. Юрко проскальзываете мимо разгульной ребячьей толпы, отпускающей на ваш счет сальные замечания и нецензурную брань. Вы стараетесь их не слышать, как и не замечать тряпичного хлама и мусора, окурков и плевков, едкого табачного дыма.

Напряженно сжавшись в комок от страха — от дураков можно ожидать всякого, вы, не сделав никому замечаний, проворно устремляетесь через вестибюль школы на вожделенный второй этаж. Двери директорского офиса распахиваются, и вас радостно встречает сама его очаровательная хозяйка.

— Слава Богу, проскочила! — облегченно вздыхаете вы, усаживаясь в услужливо подставленное мягкое кресло. В кабинете, стены которого, во спасение от ребячьего шума, отгорожены плотной панелью. Тут светло и уютно. Будто на дне бушующего моря стоит безмолвная тишина. Здесь, наконец, можно не только дух перевести, но и досыта насладиться ароматом свежего кофе с шоколадом и духмяным настоем чая — беседы.

Принимая, как должное своей особе, льстивые ухаживания Рыковой, вы, порою, нисходите до восторженных восклицаний:

— Ах, Галина, Галя, Галочка! Ты же впрямь — чайная королева — и черноброва, и мила! И вокруг — благоухают цветы, радуют глаз живописные картины. Да и мебель, что надо! В общем, устроилась ты здорово!

— Что вы, что вы? — притворно скромно отзовется Галина Ивановна, — как могу, стараюсь. От этики устали, от эстетики

же пользы больше — и для души, и для постороннего взгляда.

— Правильно — встречают по одежке. Заходишь к тебе, и оторопь берет. Сразу чувствуется, что здесь, не абы кто, а настоящая хозяйка сидит.

— Уж, вы скажите! Вам-то чего стесняться? Да, вы для меня — лучшая наставница и желанная подруга!

На этот раз Рыкова не ерничает, а говорит истинную правду. Дел вами накручено — на арбе не увезешь. Подготовка совместных докладов, планов и инструкций, перемежается с выработками тайных операций по изжитию неугодных. Как-то: инвалида Букина, оппозиционерок — Александрову, Никифорову, Алексееву, непокорного Романа Корнева, глупую Саенко, непутевого хохла Петренко, зарвавшуюся Ветрову. И многих других «изгоев». Тщательно прорабатывались нюансы кадровых перестановок замов.

Здесь же, в райском уголке, отгороженного от суетного мира разноцветными занавесками, после издевательски — страстной проверки чиновниками высоких рангов, работы Горичева, родилась **сумасбродная идея устранения непотопляемого историка — через восхваление. Сия мудрость — от Бога!** Дескать, педагог, он бесспорно, талантливый, да не ко двору — дебилов строгостью портит! Так в родовых муках лукавого творчества, явилась на свет пресловутая **«Справка Никоновой».**

Открыть суть ее тайны помог его величество случай. Он выклюнулся из почки забвения на экстренной летучке 12 января 2001 года, после известных «Нот», переданных опальным учителем на имя Шахова-Малевича.

Вы, телефонные подружки, не разобравшись в сути дела, просто наломали дров, пытаясь убедить педагогов, что подобный Хадже Насреддину, «возмутить спокойствия» Василий Горичев, хочет разрушить устои школы. Ибо он изобличил администрацию в ее полном развале и деградации. У кого что болит, тот о том и говорит. Раздалось грозное — ату его!

Но, тут-то и выяснилась вся злополучная история со «Справкой Никоновой» — не было бы счастья, да несчастье помогло. Не скрою, что я испытывал горячее возмущение, сродни оболганному Чацкому. И подобно ему, я бросил обращенные уже не к его Софии, а к вам любезная Виктория Дмитриевна, гневные слова:

— Так этим вымыслом я вам еще обязан?!

Мне ничего лучшего не оставалось делать, как броситься к перу, чтобы по примеру бессмертного Александра Грибоедова, написать свое «Горе от ума».

На экстренной летучке директриса,
Отняв «Часы»,
Забыв и стыд и честь,
Свою вину свалила на комиссию.
— Что спорить, — заявила, -
Справка есть!

Глупей признания — никто не ожидал.
Как будто черт кольнул меня
Булавкой,
Сквозь дружный смех,
Я искренне сказал:
— Какой же спрос с меня,
Коль я — «дурак со Справкой»!?

— Зачем шутить?
Вы — педагог от Бога!
Комиссия признала ваш талант.
Но, к детям вы, — сказала, -
Слишком строги!
Вы строгостью испортите ребят!

А потому, по Никоновой воле,
О чем вели мы с нею разговор,
Решили -
Место вам — в элитной школе,
Где для ума и воли есть простор.

По логике красавиц чернобровых,
С коррекцией я должен завязать,
Но, как попасть мне -
В школу образцовую? -
Подружки позабыли рассказать

Вот почему — и горестно и больно
Мне с дамами распутывать «роман».
Я — Чацким стал,
По их коварной воле,
Познав, что значит -
«Горе от ума»!

Однако оставим стихи. Вспомним, ваше приятное пребывание в офисе чайной подруги. Обсудив наболевшие вопросы, подкрепившись тортом с печеньем, поразмышляв о том — сем, вы отправляетесь к себе. Но, на этот раз не налегке, а с дорогим подарком в руках. С тем же ужасом, надвинув на уши шляпу, чтобы не слышать мата распоясавшихся юнцов, вы серою мышью, проскальзываете через их нестройные ряды. Мельком бросаете взгляд на пожелтевшие от махрового дыма листья задумчивой груши. Споткнувшись о некстати оказавшуюся под ногами консервную банку, вы, тихо выругавшись, острым носком туфли, ловко отшвыриваете ее и, наконец, выходите на просторную площадь. Тесно прижимая к себе, словно священную реликвию — презент любимой подруги, вы думаете про себя: «Бедная Галя, как она только здесь со всем справляется? Сплошь — дебилы и грязь!».

Сильные, высокие ноги, которыми не раз любовались рыцари вашего сердца, несут вас, все дальше от тьмы к свету.

КОРЫСТЬ

Для школы всей,
Давно совсем не новость.
Что вас и Галю
Одолела — корысть!

На известной январской летучке остро поднимался вопрос о злостном хулигане из 11-а, сорвавшем с друзьями такое важное мероприятие, как принятие «Кодекса чести», Юрии Носикове. Признанный, среди крутых парней, за авторитет, он сколотил квартет подлинных нигилистов, состоящий из двух лю-

бовных пар: сам Носиков с подругою сердца Ириной Клык и его приятель Жена Рыбкин с одноклассницей Натальей Савиной.

Они-то и стали настоящей «грозой» не только для младших ребят, которых нещадно избивали и обирали, но и приводили в душевный трепет учителей и администрацию. Их классный руководитель Ткачева Маргарита Ивановна, инспектор Аркадьева, расписались в своем полном бессилии совладать с возмужавшими юнцами.

Когда, в очередной раз, атаман Носиков, напившись пьяным, походя, ни за что ни про что, избил пинками восьмиклассника Ваню Сонина, оскорбил нецензурною бранью техничку Пронову, сорвал уроки у ряда учителей, то директор вознамерилась, наконец, принять меры. Вызванной в школу маме хулигана, было предложено забрать документы сына, ибо все, применяемые к нему ранее меры наказания эффекта не возымели.

Учителя облегченно вздохнули — есть еще справедливость на свете. Но радость коллег оказалась преждевременной: не говори — гоп! — пока не перепрыгнешь. Вернувшись, после зимних каникул, окрепшим и посвежевшим, Носиков, все с той же нагловатой ухмылкой, продолжал гнуть свою нигилистическую линию.

— Мне на долг Родине — наплевать и размазать! — цинично и грозно, словно Соловей — разбойник, свистел — заявлял он старшим, пытавшимся урезонить его, как будущего воина, — в Армии служат только — дураки и нищие! Я не им чета!

Педагоги в полной растерянности: почему не слышен в ответ недостойному отщепенцу — рык Рыковой? Казалось, что она совсем недавно в адрес Носикова и всего квартета метала — громы и молнии! Тут же, вдруг, словно воды, в рот набрала? Она неожиданно — замолчала, стушевалась, сникла. Директор, не только не исключила из школы, но и даже не объявила «выговора», распоясавшемуся наглецу. Откуда такая добродетель? Ведь изгоняла же Галина Ивановна из школы ребят, вроде девятиклассника Димы Самохина, пойманного с непонятной травкой, а порою и за меньшие проступки? Тут, налицо демонстрации откровенного садизма! И — тишина. Тысячи — почему? Выходит, что она — молодец, лишь среди овец? А у Юры — молодца — сама овца?

Поразмышляв, все решили, что на Рыкову воздействовали загадочные космические силы. Действительно, от многочисленных НЛО люду просто деваться некуда, даже во сне снятся. Однако, если «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», тут поэт Тютчев прав, но разгадать тайный ребус директрисы все же можно.

Следует лишь прибегнуть, к испытанному Шерлоком Холмсом, методу дедукции. Начнем от общего к частному. Всему коллективу школы — учителям, ученикам, их родителям, чиновникам всех уровней доподлинно известно, что Галина Ивановна — корыстолюбива. Это — аксиома! Отталкиваясь от нее, приходим к умозаключению: Рыкова простила Носикова — за взятку! Знать, ларчик просто открывался!

Нам остается лишь прибегнуть к фактам.

Первый. В течение месяца, доведенный до гнева эротическими играми на уроках Носикова и компании, я добивался от Юрия, чтобы он пригласил в школу свою маму. Все — тщетно! Обратился за содействием к классному руководителю Ткачевой, заму директора по воспитательной работе Роговой, затем к психологу Пановой — воз и ныне там. И лишь вмешательство завуча Левитиной Нины Витальевны возымело действии — мама явилась! Вывод: первые, три педагога, выполняли диктат Рыковой — не помогать историку. Выходит, что был интерес.

Второй. В беседе с мамой хулигана выяснилось, что Носиков был изгнан из городской школы усилием математички Веры Марковны. Теперь подобный конфликт возник со мною. Обеспокоенная положением сына, мать спросила:

— Можно сделать так, чтобы Юрий занимался обществоведением у другого учителя?

— Нет, — отвечаю, — по этой науке в нашей маленькой школе, я — один специалист.

— В таком случае я поговорю с директором.

— Пожалуйста.

— Василий Павлович! — пустилась на откровении родительница, — я ради сына готова пойти на любые материальные издержки. Скажите, в чем Вы нуждаетесь?

— Во многом, но это к нашему вопросу отношения не имеет.

— Зря вы отказываетесь, — огорчилась она, — директор

ваша сговорчивее. Понимает, какая у нас сейчас жизнь и порядки.

— Это ее личное дело.

— Тогда я поговорю с Рыковой.

— Будьте любезны.

И она поговорила. Когда я выставил, кроме хорошистки Клык, за полугодие трем ее товарищам — ученикам, из состава квартета: Носикову, Рыбкину и Савиной заслуженные двойки, то директор поняла — надо спасать лентяев и хулиганов от принципиального учителя, отставив его от преподавания в 11-а и заодно, чтобы запутать следы — в 10-б. Не мешкая и не мучаясь совестью, Рыкова тут же **отобрала у меня 6 часов**, и пригласила в школу совместителя, ту самую Сухову, которую, по словам ученицы Алены Гортовой, они терпеть не могут — знать, одолела корысть.

Все хорошо прекрасная маркиза! Все хорошо — родители успокоены. Развратники восторжествовали победу. Совместитель же на занятия не является — далеко ездить. Уроки прогуливаются — учебная программа не выполняется. Выходит, как у Аллы Пугачевой: хорошо-то, хорошо, да ничего хорошего.

Уважаемая Виктория Дмитриевна! Не сомневаюсь, что, прочтя эти строки, вы непременно проконсультируете свою «чайную подругу», как следует ей подальше запрятать концы в воду. Здесь два пути: вернуть взятку, на что она явно не пойдет — язва корысти необорима или уговорить Носикову — молчать. То, что другие педагоги стали заложниками столь порочной системы вам, видимо, наплевать. Хотя, с высоких трибун, вы упорно твердите о высоконравственном воспитании подрастающего поколения. Поистине мир перевернулся. Но в воздухе пахнет грозой. Посему предлагаю на ваш благочестивый суд, мои размышления перед бурей.

О чем теперь куратор наш глаголет?
О чем печаль ее? Чего изволит?
Да, потому зам зав РОНО так в гневе,
Что тучи сдвинулись над «чайной королевой».

Вот-вот ударит гром над директрисой снова!
— Подружка милая, ты явно не здорова.
Ведь обещала, зарекалась -
Не трогать старика!
Опять ты с ним связалась.

*В его **6-ти часах**, что проку?*
Пускай бы вел себе — до сроку.
И сам бы он ушел спокойно, благочинно -
На полный пенсион, и — без кручины!

Ведь есть же у него -
И честь, и совесть.
Тебе ж, как видно, одолела корысть.
На что тебе сей Носиков, сдался?
Пора б унять — садиста и глупца!

Наглейший бес,
Наипустейший малый!
Прельстилась золотом -
Данайскими дарами?!
Умом раскинуть, видно, невдомек,
Что не всегда презенты — впрок!

Гадать напрасно на кофейной гуще,
Не разогнать сгустившиеся тучи.
Подставит, знать, тебя сей глупый неуч,
Вряд тут помогут — Шахов и Малевич!

Ну, раз отпишутся, отвергнут дело,
Но, Горичев, не лыком шит,
Он — смелый!
Черкнет в «верха» — развернет небо
И светлый мир, вмиг превратится в небыль.

Градинки пулей свистнут у виска
И рухнет имидж твой, что из песка.
Пора бы усвоить истину простую:
Кто сеет ветер — пожинает бурю!

Согласитесь, что я, по романтичности натуры, выдаю желаемое за действительное, ибо знаю, что вы так говорить, как отражено в стихах, с Рыковой не станете. Не резон обвинять подругу в том, в чем у самих вас, простите, рыльце в пушку. И совсем не случайно Галина Ивановна на летучке от 12 января, не ощутив поддержки коллег по обузданию «возмутителя спокойствия», отчаянно воскликнула:

— Мне, что же теперь — уходить из школы?

И в ответ — тишина! Мне лишь пришлось разорвать ее фразой: «Давно пора!».

— А, что же Носиков и компания? — спросите вы.

На ваш вопрос, вот вам ответ,
Чем занимается квартет?
Он так же курит, так же пьет.
Грубит, ворует, слабых бьет!

Он потому преступно смелый,
Что взял в заложники — кого?
Ужель не ясно? — королеву!
Не в них, а в золоте — все зло!

Однако, завершим дозволенные речи, хотя тема корысти — извечна и неисчерпаема.

Виктория Дмитриевна!

Вы с нетерпением ждете меня в РОНО, чтобы сообщить неприятное известие. Именно, что я, по вашей с Рыковой воле, стал — персоною нон грата. Иначе же ваши условия работы с нагрузкою всего в 8 часов — не назовешь. И, конечно, вы горите желанием — насладиться моим унижением и еще раз использовать возможность испробовать на мне свои способности гипнотизера. Позвольте вам в этой чести отказать. Вашу справку я готов подписать и непосредственно в кабинете директора школы.

Не скрою, что в настоящее время меня более заботит не личная судьба. Она уже состоялась. Я — ветеран труда, пенсионер. Мое сердце волнует будущее молодого поколения, моих внуков.

Мне представляется, что и вам, филологу и чиновнику от просвещения, так же след задуматься над таким злободневным вопросом: какое завтра ожидает страну того народа, который победил грозного иноземного врага, но остался терпеливым рабом своих нечестивых начальников? Не уж то вам безразличны боль и думы великого Гоголя, восклицавшего: «Русь! Куда несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа». Не дадите ответа и вы. На том основании, что вам, вкупе с «чайною подругой» нет никакого дела ни до Руси, ни до ее народа. В эпоху царствия мамоны, когда рубль диктует свои правила, вы настолько очерствели, что не осознаете, в какую безнравственную пучину вы вовлекли коллектив коррекционной школы. И не только ее одну. Именно в этом и заключаются все наши противоречия и наши противоположные позиции на проблемы школьного образования и воспитания, на культуру, литературу и жизнь. На толкование принципов — добра и зла.

На этом, позвольте, многоуважаемый куратор, и завершить мое письмо, которое я счел необходимым назвать — открытым.

С педагогическим приветом — Василий ГОРИЧЕВ
март 2001 года

Отпечатав на машинке «Москва» несколько экземпляров текста данного «Открытого письма», он распространил его среди коллег. Первыми с ним ознакомились завуч Левитина и англичанка Войкова. Оно привело их в восторг. Вне сомнения, что о содержании письма стало известно и школьным администраторам. Оказией, побывав в РОНО, Горичев оставил в одном из его отделов экземпляр для своего корреспондента — госпожи Никоновой. Видимо, обидевшись, она уже более не приглашала к себе с визитом опального историка — зачем лишние приключения.

Глава тридцать шестая

ПРЕЦЕДЕНТ

Пусть тот, кто жил среди обид,
Снося насилья и угрозы,
И счастлив был, смеясь сквозь слезы,
Пусть тот молчит.

А нам, чьи — помысли чисты
И души веселы, хоть животы пусты,
Нам нечего таить,
И в этом наша сила:
Ведь мы живем затем,
Чтоб вам не тошно было.

Фабий СКАВР,
римский поэт

Беззаконие всегда родит беспокойство, и нет проку в том, что добыто хитростью. Рыкова, получив взятку, заверила маму Юрия Носикова, что ее сын благополучно окончит школу и получит вожделенный Аттестат. Но когда Горичев выставил ученикам 10-б и 11-а, по итогам первого полугодия, соответственно, по три двойки, а в число неуспевающих попал и Юра, то ее уверенность поколебалась. Ведь этот неуязвимый учитель своей строгостью и принципиальностью мог просто посадить ее в лужу. Нужны были экстренные меры. Они вылились в отстранение Василия Павловича от преподавания в 11-а, где учился ее протеже, а заодно и в 10-б, где были свои «блатные». Когда же директор услышала, что обесчещенный ею учитель написал заявление в РОНО, то сразу же, на воре шапка горит, решила: это месть за отнятые часы. Зная, что Ахиллесовою пятой деятельности школы является — не посещаемость, то она, дабы реабилитироваться в глазах учителей, срочно созвала их на летучку.

Совсем не случайно психолог Панова Нина Львовна, выражая показное сочувствие историку, потерявшему 6 часов нагрузки, уговаривала его пойти к Рыковой. Побеседовать и все уладить. Более того, она намекнула ему, что эти часы еще никому

не распределены и находятся в резерве. Как некогда гордый император Александр 1 не снизошел до унижения перед всесильным Наполеоном — не пошел к нему на поклон, так поступил и Василий. Почему? Да потому, что отлично знал: от него потребуют, во имя примирения, компенсацию — выставить неисправимым неучам — тройки. Нет, коль он решил бороться, поднял меч, то должен и ударить. Лес же рубят — щепки летят. Под «щепками» им подразумевались утраченные часы.

Рыкова, не дождавшись, как Наполеон — ключей от Москвы, покорности от Горичева, передала его часы совместителю Суховой. Но, едва, ранее отверженная молодая учительница приступила к работе, как сразу же столкнулась с неприязнью. Все ребята, разве за исключением Носикова и его приятеля Жени Рыбкина, буквально игнорировали ее уроки. Сухова в класс — они, наоборот, вставали и уходили за двери его. Она раздражала их своим вычурным внешним видом и «школярскими» методами обучения — чтение по книге Высокая же эрудиция старого учителя, знание жизни, оригинальные приемы изложения материала, в сочетании с образностью речи — подкупали сердца уже взрослых ребят, таких, как 18-летний Андрей Лобов и его верных друзей — Филиппа Бабина и Оксану Щерба. Физически они были сильнее, а потому Носиков с Рыбкиным боялись их, и не могли переломить возникшую для Суховой неприглядную ситуацию отторжения. Тем более что и в 10-б наблюдалась вся та же картина — ученики не ходили на ее занятия.

Сухова, не раз поплакав от безысходного отчаяния, бросалась за помощью к директору. Та пыталась увещевать, стыдить и урезонивать юных «пугачевцев». Все напрасно. Для ребят, по себе знающих о ее стяжательстве и корыстолюбии, Галина Ивановна не была авторитетом. Молодая обществовед, все реже навещала школу. Она стала казаться ей — злою и ненавистной тюрьмою, набитой, по ее выражению — дебилами и дураками, а позже и вовсе отказалась от работы в столь мрачной и кошмарной обители. Рыковой ничего не оставалась делать, как вновь возвратить классы и часы опальному историку. Ребята встречали любимого учителя, под горячие аплодисменты, как полководца — триумфатора, при этом не стыдились признать, что и они проявили себя рыцарями — без страха и упрека!

С противоположным успехом для Горичева продолжались уже взрослые игры. Не удовлетворившись отписками чиновников, он продолжал бомбардировать, уже более подробными письмами ОБЛУНО, новых — мэра Петрова и председателя горсовета Никольского. Вместе со сторожем Загайновым они отправили жалобу криминального содержания, в районную прокуратуру.

Не дремали и оппоненты. Госпожа Рыкова, провалив мартовские выборы, пошла ва-банк. Уже в апреле адвокат Панов Роберт Федорович, супруг психолога, имея широкие связи в судейских кругах, подготовил в районный народный суд исковое заявление Рыковой — о защите чести, достоинства, деловой репутации и взыскании компенсации морального вреда.

Не только аппарат РОНО и ГОРУНО, администрация школы, но и все учителя были подняты по боевой тревоге, как некогда в период выборной компании Рыковой. Им поручалось в срочном порядке навестить, всех «изгоев», кого представлялось возможным. И покорный воле диктатора педагогический взвод пошел в наступление. Одних, ранее отверженных упросили, других, как родственников покойного Букина, ублажили подарками, но так или иначе всех убедили — не ворошить старое — не лить воду на мельницу смутьяна Горичева. Соответственно обрабатывались родители и ученики. Ребятам было настрого запрещено, вне уроков, общаться с опальным учителем. Классным руководителям вменялось в обязанность — контролировать исполнение сего указания. Предписывалось — ослушников выявлять и наказывать. Вплоть до исключения из школы.

Готовился и Горичев. Он навестил бывшего военрука, майора в запасе Петренко Виктора Герасимовича. Ненависть бывшего учителя к директору Рыковой была так велика, что он тут же принялся за составление своего послания в суд. «Ей место в каземате, а не в школе!», — ругался он. Уже дееспособный выпускник Андрей Лобов, в свою очередь, вызвался поведать суду о развернувшейся в школе травле их уважаемого учителя и преследование за дружбу с ним, его учеников. От услуг несовершеннолетних ребят историк категорически отказался — неправильно поймут. Дважды Василий Павлович заходил на квартиру художницы Алексеевой Анжелы Викторовны. Ведь это она, ранее

выражала готовность подписаться под каждою его строчкой. И, что же? Его опередили посыльные директрисы. Вручили больной женщине дорогой презент, с условием, чтобы она молчала. Потому, хотя Алексеева и была дома, но ее сын, убеждал заглянувшего к ним историка, что ее — нет. Учитель, огорченный, столь неожиданным предательством бывшей единомышленницы, оставил столбовую дворянку навсегда в покое.

И, право, ну зачем ей суд?
Ведь там — презентов не дают!

Писатель— публицист Петр Родичев, к тому же, как и Алексеева, прекрасный художник, но в отличие от нее, правдивый и смелый — не замедлил выступить в защиту своего друга. В письме на имя председателя суда, он сообщал:

«Считаю своим гражданским долгом свидетельствовать, что знаю Василия Павловича Горичева как литератора и добропорядочного человека очень давно, много лет. Приходилось по его просьбе, читать и редактировать отдельные его рукописи. Знаком и с книгами, выпущенными им в свет. К рукописи последней повести Василия Павловича мною написано предисловие с положительным заключением. Повесть потрясает критическим реализмом и может быть принята в качестве реабилитирующего документа против обвинений, предъявляемых Горичеву истицей Галиной Ивановной Рыковой.

Выступить на судебном заседании не имею возможности, так как являюсь инвалидом с затрудненным передвижением».

Обратился в районный суд и поэт Николай Вялый. Он писал:

«Горичева Василия Павловича знаю с молодых лет по совместному сотрудничеству в печати. Близко познакомились, когда я редактировал его книгу «Русь». Эта работа привлекла меня глубоким освоением исторического материала и своеобразным изложением «Истории Государства Российского от Гостомысла до Ельцина». Поразили так же его основательные знания в области жизненных истоков нашей действительности. В аннотации

я рекомендовал его книгу для внеклассного чтения по истории в средних учебных заведениях.

Хорошо знаю Василия Павловича и в быту. Он высоконравственный и честный человек, не позволяющий себе лицемерить даже в своих литературных произведениях.

Считаю своим моральным и гражданским долгом выступить в суде с защитою прав и чести Василия Павловича Горичева и прошу пригласить меня официально, в качестве свидетеля. С госпожою Рыковой я лично не знаком».

Однако самым примечательным явлением в калейдоскопе происходящих событий явилось созванное 18 мая 2001, после пятого урока, собрание педагогов, где громогласно зачитывалось письмо — и это все о нем, зловредном «возмутителе спокойствия» — Василии Павловиче Горичеве, его рассерженных коллег, в адрес начальника ОБЛУНО Котовой.

День 18 мая
Василию не позабыть,
Приказу Рыковой внимая,
Толпа взялась его корить:

Да, как ты мог?
Да, как ты смел -
Внести сумятицу в удел?
Виновен ты в злодейском деле -
Измене нашей королеве!

Наиболее поразительным было то, что председательствовать на данном мероприятии, было поручено не главному воспитателю Роговой, что в данных обстоятельствах, естественно, а завучу Левитиной Нине Витальевне. Укатали — таки Сивку крутые горки. Сломили и принудили поступить вопреки воле и убеждениям. Это — обычная расплата людей — слабых и малодушных. Стремление выжить, во что бы то не стало, подвигли некогда его активную сторонницу, с сохранившимся нравом чиновного приспособленчества, на измену истине. «Правдой сыт не будешь! — решила она.

Княжна кавказская стояла
И пасквиль на него, читала.

В длинном малограмотном опусе, подготовленном Роговой Надеждой Кузьминичной и подписанным учителями сообщалась о якобы грубом, некорректном поведении Горичева по отношению к своим коллегам и воспитанникам. Все приводимые факты — повторение того, о чем говорилось в кабинете бывшего зав РОНО Правдина. Смех у педагогов вызвали, сверстанные «кузнечиком» примеры, якобы его страшного проступка: девушку по имени Арнольд, он назвал — «Шварценеггер». Филолога Югову, приехавшую из Азии, именовал — «непорядочной азиаткой», молодую учительницу обозвал — «дочь моя», а себя — «старым дураком». И много других подобных глупостей и несуразиц. Отмечались так же и слабые стороны его педагогической деятельности, выявленные комиссией РОНО в апреле 1999 года. Более двух лет прошло, а наработанный Никоновой лживый негатив все еще давал о себе знать.

Когда, наконец, завуч Левитина окончила чтение, компрометировавшее больше, своею мелочностью и необъективностью самих подписантов, чем их оппонента, начались прения. Первою взяла слово экспансивная автор послания, отведшая душу за былое уличение историком в посредственности, Рогова. Ее же «пасквиль», как позже выяснилось, у работников ОБЛУНО, вызвал лишь недоумение. Их вердикт был однозначен — учителя, что дети неразумные! Не случайно сочинение Роговой будет позже выслано самому Горичеву: читай и знай своих коллег!

За капитаншею вослед выступили: химик Леонова, инспектор Аркадьева, бывший милиционер Хакимов. Все они верноподданнически отмечали «невиданные успехи» школы и лично их благодетельницы Рыковой, кипучая деятельность которой, по их лукавому мнению, благотворно влияет на воспитание подрастающей смены. И, конечно, с тем же энтузиазмом клеймили позором своего коллегу, осмелившегося вынести сор из избы. От чего теперь их несчастную обитель трясет, словно в лихорадке.

Особым пунктом был выделен факт игнорирования «возбудителем спокойствия» похорон учительницы математики Васильевой Зинаиды Петровны, что состоялись 14 мая. При этом,

безусловно, умалчивалось, что Горичев, как и они, сдал деньги на их проведение. Смерть былой оппозиционерки не явилось неожиданностью. Еще, встречая новогодний праздник, по обыкновению перебрав спиртного, она перенесла легкий инсульт. Врачи ей советовали от увлечения зеленым змием воздержаться. Но, не тут-то было. В день Победы, 9 мая, при очередном обильном употреблении, внутрь, обожаемого ею хмельного напитка, она была скоропостижно сражена уже вторым инсультом. И покоится теперь на городском кладбище. Жаль, конечно, но такова участь ожидает каждого, ведь, кроме бога, все смертны.

Не оказался Горичев на похоронах мнимой узницы фашизма, липовые документы которой были подготовлены ее золовкой, по банальной причине — не знал точного времени и места ее упокоения. В тот день ему вспомнились строки Омара Хайяма:

Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
Пусть не волнуют грудь победы и утраты.
Когда покинешь мир — ведь будет все равно,
Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.

О покойниках плохо не говорят, но это на поминках, а в литературе есть всему свое место. Васильева Зинаида Петровна осталась в его памяти, как злостная завистница и интриганка. Сместившая вкупе с Александровой и Леоновой незадачливых администраторов Власову — Иванова, она бравировала своею силою перед Рыковой, называя ее «дешевой». Готовила с химиком Леоновой, что ныне лила льстивые речи, новый переворот, дабы посадить в директорское кресло супруга своей школьной подруги — милиционера Хакимова. Этот план разрушил непредсказуемый Горичев, который решил, что из двух зол выбирают меньшее. Судя по ранним поступкам и последнему — елейному выступлению Дениса Абрамовича на собрании, так неожиданно перестроившегося по отношению к диктатору, кою ранее уличал в глупости, он оказался предусмотрительно дальновидным человеком. Его восточное двуличие как раз и смущало всегда, умеющего просчитывать партии на ход вперед, историка.

Васильева, отслеживая директрису «на взятках», сама же, из-за неполучения таковых, выставила двум наркоманам двойки по математике, и, не смотря на слезные просьбы их матерей,

она не допустила учеников Пронина и Дутлова к государственным экзаменам. Жадность и мстительность — ее подлинная натура.

Но, если на страдания и чужую боль ей было наплевать, то, как трогательно и заботливо она радела «родным человечкам»! В 1998, она привела в школу племянника и племянницу. Хвастливо заявила: — я им с 4-ками аттестат сделаю!

— Как?! — возмутился тогда историк, — да в их головах — торричелева пустота!

— Ерунда! — не сдавалась заносчивая тетя, — а я на что?

И вправду. Все учителя пошли навстречу ее уговорам, а вот на Горичеве срезалась. Ее Игорь и Людмила Серовы не получили таки, вожделенные 4-ки по истории и обществознанию.

Зная сварливый характер математички Васильевой, он вынужден был застраховаться от всевозможных неприятностей «Протоколом урока в 11-в классе» от 23 декабря 1998 года. Урок проводился в присутствии их классного руководителя и историка Ткачевой Маргариты Ивановной, а также 20 учащихся.

Ни на один, из 11 вопросов, заданных Игорю Серову не было получено вразумительного ответа. Что касается его сестры Людмилы, то она, в очередной раз, отказалась отвечать у доски — ей не хотелось публично демонстрировать свое полное невежество. Содержание зачета — перечень вопросов и суть ответов, было зафиксировано протоколом, который подписали учителя Горичев, Ткачева, староста класса Елена Олехова и трое учащихся — Хрымова, Кулешова и Шишова.

Узнав о данной «операции с племянниками», обиженная тетя, не в пример несдержанной директорше — не вспылила, а молча снесла обиду. Хотя на Горичева было грех обижаться. Ведь он, потрафил невеждам — племянникам, выставил им вместо заслуженных двоек, спасительные — тройки. Подпортил ими хороший аттестат? Но, что же — не всегда коту масленица! Платон мне друг, но — истина дороже!— сказал философ.

Васильева же не Аристотель, ей справедливость ни к чему, а потому она не преминула, после того случая, открыто перейти в стан директрисы, за то, и была облагодетельствована ею — высоким 14-м разрядом и премиями, часть из которых Зинаида Петровна передавала в фонд «чайной королевы».

Стоит ли после этого удивляться устроенным ей пышным

похоронам, глубокой скорби ее друзей — Леоновой и Хакимова, некстати лишившихся, в ее лице, активной и надежной опоры. На этом фоне, куда драматичнее факт, что ее жертвы — Иванов и Власова, проклиная покойницу в душе, на глазах у всех выражали подобающее времени и месту — лицемерное соболезнование. Всепрощенчество — добродетель глупцов или трусливых льстецов, каковыми они себя и зарекомендовали. Горичев же, не из их числа!

Вот как сказал об этом мудрый Омар Хайям:

Благородство и подлость, отвага и страх -
Все с рожденья заложено в наших телах.

Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже -
Мы такие, какими нас создал Аллах!

И, вот теперь, на собрании лжецы и подхалимы всех мастей задавали тон — увещевали, стыдили, угрожали. Собственно, сам опальный историк, судьба школы, детей их мало интересовали, они — им ни к чему, это второстепенное. Главное, они поняли, как ранее предупреждал Горичева мудрый Правдин Константин Михайлович, что сила на стороне Рыковой, а потому спешили засвидетельствовать свою приверженность к престолу.

Василий Павлович, молча смотрел и слушал. Ему казалось, что копошившийся перед ним и вокруг, человеческий муравейник, его совсем не касается. Он сам по себе. На него внимательно, изучающее смотрел хитрый Хакимов. Ему подмигивала, смеясь, инспектор Аркадьева. Опустив очи долу, сидела на мягком стуле завуч Левитина. В узком промежутке между стеной и столами бегала одна лишь взволнованная Рогова и неустанно вопрошала:

— Василий Павлович! Мы все выговорились. Теперь скажите вы, хоть, что ни — будь! Да, вы нас, просто, не уважаете. Почему вы молчите?

— Вы нам, хоть что-нибудь скажите! -
Кузнечик стала приставать, -
Ругайтесь, только говорите.
Зачем загадочно молчать?!

Настойчивые просьбы не возымели действия. Он молча размышлял про себя о том, что Надежда Кузьминична, на этот раз, попала в десятку. Ему действительно не за что было уважать тех, кто, подготовил на него этот, грубо сработанный, донос. Ведь, **по мнению Александра Грибоедова, на 25 глупцов приходится — один здравомыслящий**. Число же **подписантов — 21**. В том числе — Левитина и Хакимов, Войкова и Малюта Скуратов. Особенно его смущал небрежный автограф физрука Яковлева. Подумал: выходит — и последователь Макаренко туда же!? Знать не зря ему Югова о его поборах твердила! Не отстала от ябедников и супруга спортсмена — Елена Прекрасная! Стало быть, ни одного здравомыслящего не оказалось в их педагогическом коллективе. Он, видимо, спрятался где-то среди недостающих — четырех. О, как прав великий поэт! — об этом и были его мысли.

Еще бы долго сокрушалась его упорным молчанием неугомонная Рогова, если бы не разрядил напряженную обстановку, зашедший в зал собрания, молодой лейтенант милиции. Накануне он уже побывал в школе, а потому многих учителей знал в лицо. Оперуполномоченный, по борьбе с экономическими преступлениями Артем Хлыстов, прибыл разбираться по поводу письма Горичева и сторожа Загайнова. Оно из прокуратуры попало в РОВД.

Лейтенант, увидев перед собою ранее незнакомого человека, но похожим с описанной ему внешностью, обратился к нему:

— Вы, Горичев?

— Да!

— Пройдемте в исторический кабинет, поговорим.

Василий Павлович встал и покинул, наконец, шумный людской муравейник, под настороженным взглядом любопытных. Беседа велась с целью уточнения фактов, изложенных в их письме.

— Свидетелей, Васильеву и Пронову — жертв Дня Победы не воскресить, с мертвых взятки гладки, — грустно сказал Хлыстов, — мы их вычеркнем. Взяточников, типа вашей Рыковой, мы обычно ловим «с поличным». Найдется у вас 2-3 верных товарища, чтобы сказать всю правду?

— Вряд ли! — почесал в затылке Василий, перебирая в памяти тех, кто ранее плакался ему в жилетку, — вот художница

Алексеева обещала под каждым моим словом подписаться.

— Посмотрим, поговорим, проверим, — скороговоркой высказался лейтенант, — вы пока отдыхайте, а я сейчас побеседую с вашими коллегами. Вон, они уже у дверей толпятся.

— Хорошо, — ответил Горичев, — я пойду.

— Мы еще встретится! — бросил ему на прощание лейтенант.

Встреча, однако, не состоялась. Через месяц Василий получил из милиции ответ следующего содержания:

«Уведомляю, что ваше заявление, по фактам злоупотребления директора школы Рыковой Галины Ивановной, получено. По фактам, указанным в заявлении проведена проверка, в результате которой было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Данное решение может быть обжаловано прокурору или в суд.

Начальник РОВД, подполковник милиции Катаев А. Б».

Василий Павлович и его сподвижник Загайнов, отлично понимали, что на фоне, украденной и обворованной страны, разгуле коррупции и бандитизма, их дело представляется правовым органам досадною мелочью. Потому, благоразумно сочли они, вряд ли стоит напрасно трепать нервы, тем более что еще впереди предстоит суд, все с той же героиней — госпожой Рыковой.

Получил Горичев ответ и на свое письмо из ОБЛУНО. Оно гласило:

Уважаемый Василий Павлович!

В ответ на ваше заявление от 7 мая 2001 о нарушениях в деятельности директора Рыковой, сообщаем, что областная аттестационная комиссия, по вопросу аттестации Рыковой не выявила нарушений. В связи с чем, считаем нецелесообразным, направлять в школу проверочную комиссию.

Отмеченные вами недостатки в воспитании учащихся во многом объясняются спецификой контингента детей, многие из которых относятся к группе социального риска и проживают в неблагополучных семьях.

Считаем необходимым, сообщить, что в наш адрес посту-

пило коллективное письмо, за подписью 21 педагога вашей школы, опровергающих, изложенные вами факты нарушений в учебно-воспитательном процессе школы и произвола со стороны Рыковой.

Также сообщаем вам, что начальник ГОРУНО Шахов ведет прием граждан по личным вопросам — еженедельно.

Начальник управления С. В. Готова

Было ясно, что ОБЛУНО не желало заниматься мелкими склоками педагогов, а отсылало его по всем наболевшим вопросам обращаться к господину Шахову — ему виднее. Не замедлил придти ответ и от новой городской администрации.

Уважаемый Василий Павлович!

Факты о неудовлетворительном состоянии учебной и воспитательной работы в коррекционной школе, изложенные вами в письме от 10 мая, не подтвердились. В коллективном письме педагогов, поступившем к нам, опровергаются все предъявленные вами обвинения в адрес Рыковой.

По запросу судебных органов ГОРУНО представит необходимые материалы в суд.

Мэр города В. Я. Петров

В девяностые годы XX столетия стало считаться хорошею модой, во всем винить коммунистов. Отвращало то обстоятельство, что чернением их занимались прежние партийные функционеры, вновь захватившие в свои руки властные структуры.

Один из них, облачившись уже в тогу демократа — мэр Петров, как убедился читатель, отделался от пространного письма Горичева школярской отпиской, причем, с устрашающим намеком на суд — знай наших! Вот тебе и школьный друг поэта Николая Вялого! Поступил, как некогда Фамусов: подписано и с плеч долой!

Совсем иначе повел себя, секретарь регионального отделения КПРФ, председатель горсовета Василий Павлович Громов. На письмах Горичева и Левитиной, поступивших к нему, он начертал резолюцию: «Митину — для внимательного рассмотрения».

Председатель комитета по вопросам социальной политики Митин Юрий Семенович, достойно выполнил распоряжение своего шефа и дал ответ своему корреспонденту следующего содержания:

Уважаемый Василий Павлович!

Внимательно, несколько раз прочли ваше письмо, которое вы, руководствуясь чувством гражданского долга, написали в защиту завуча школы Левитиной Нины Витальевны от 10 мая 2001 года.

Несколькими днями позже Левитина, явно открещиваясь от ваших предложений встать на ее защиту, написала в городской Совет письмо с просьбой поддержать коллектив коррекционной школы. Его же позиция зафиксирована в письме на имя начальника ОБЛУНО Котовой С. В.

Горсовет не уполномочен заниматься разбором подобных дел. Это — исключительная компетенция районного суда. Из ряда источников нам стало известно, что директор школы Рыкова Г. И. уже обратилась в суд, с соответствующим иском. Ее поступок в этом случае не расходится с действующими нормами Конституции РФ.

Есть прямой смысл подождать судебного решения по возникшей конфликтной ситуации. Высылаем вам, в качестве приложения письма Левитиной и коллектива школы.

С наилучшими пожеланиями -

Председатель комитета
по социальной политике Ю. С. Митин.

Так, благодаря коммунистам городского Совета Василий оказался вооруженным письменными доказательствами факта предательства и глумления над истиной, со стороны его друзей и бывших единомышленников.

Между тем шел к концу месяц май. Настало время выставлять оценки. Выпускники: Носиков, Рыбкин, Савина из 11 — а и группа учащихся из других классов, не были аттестованы историком Горичевым по причине хронической непосещаемости и отсутствия знаний. Хулиган Носиков открыто заявил учителю,

что он его — убьет и закопает. Василий Павлович довел его угрозу до директора школа. Рыкова, смутившись, ответила:

— Что я с этим бандитом могу сделать? Носиков и меня вместе с вами, в одной могиле, обещал — закопать!

Печать и телевидение не скупились на информацию о подобных сюжетах расправы обиженных подростков над своими учителями. Мораль и нравственность в стране находились на нуле. Не были пустой бравадой и предупреждения о мщении за «двойки» и распоясавшихся юнцов коррекционной школы. За Горичевым не раз гнались они на автомобилях, встречали у подъезда дома. Угрозы сыпались, как из рога изобилия.

Между тем директор сама провоцировала учителей и ребят на конфликт. Не сумев лично воздействовать на строптивого историка, она привлекла к тому его коллег. 25 мая педагогический Совет принял официальное решение: обязать учителя Горичева ежедневно, с 9 до 12 часов принимать зачеты отстающих, образно выражаясь — доить давно пустое вымя! В тот же день, сестра Носикова, Елена публично, на глазах у ребят, повесила на спинку стула историка пакет с подарком, в обмен, естественно, на «тройку» брату.

Василий Павлович, горячо возмутившись, немедленно пригласил ее классного руководителя Зайцеву Ирину Кузьминичну в свой кабинет и потребовал убрать «дар данайцев». Но, если, на этот раз, его не удалось скомпрометировать «взяткой», то он не сомневался в том, что «рыковские наймиты», не преминут подобное устроить ему завтра. Нужно было спасать не только честь, но и свободу. И дабы школьная драма не переросла в трагедию, Горичев принял решение об увольнении с работы. Но, чтобы его не обвинили в мести детям, он отказался выставлять им какие — либо оценки в журнал. Таким образом, предоставил коллегам право самим решать судьбу ребят. В своем заявлении на имя директора Рыковой, он написал:

«Управляемый вами педагогический Совет школы от 25 мая 2001 года, обязал меня выставить положительные — переводные оценки хронически неуспевающим и не посещающим занятия учащимся, что противоречит моим нравственным убеждениям и принципам, выражающимся в формуле: «Ученье — это труд». Однако, не имея сил противостоять коллективному давлению, я вынужден просить об освобождении меня от обя-

занностей учителя истории и обществоведения с 29 мая 2001 года.

В. П. Горичев».

Если ранее, травимые Рыковой учителя, из страха перед «статьей», писали в подобных случаях: — прошу уволить «по собственному желанию» — эта формулировка, в противовес истине и давала Галине Ивановне юридическое право заявлять, что она ни на кого не давила и никого не преследовала. Совсем об обратном характере, свидетельствовало отныне заявление опального историка. Такой его смелый шаг **стал первым прецедентом в школе** — символом открытого протеста против диктаторской политики госпожи Рыковой и ее сподвижников.

Глава тридцать седьмая

СУД

«Где суд, там и — неправда!»
(пословица)

Давным-давно задумал я -
Узнать, прекрасна ли земля?
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родились мы?
Михаил ЛЕРМОНТОВ

Адвокат городской коллегии Елена Громова, знала Василия с молодых лет. Одно время, что скрывать, была даже увлечена им. Ее привлекали в нем романтическая пылкость и поэтическое вдохновение, острый ум, находчивость, душевная щедрость, а более всего простота и искренность славянской души. Сама Елена была из еврейской семьи, где жизнь протекала по своим особым, порою, скрытым от чужих глаз, законам. Со своими принципами и правилами поведения, воспитания, с отличными от русских, понятиями о патриотизме, добре и зле. Не случайно, многие стихи, из сборников, подаренных ей поэтом, она не воспринимала. Они были чужды ее скрытой натуре. Елена всегда была, себе на уме, Василий, напротив, представлялся ей рубахой — парнем, нередко наивным до глупости. Потому опытная юрист Громова считала своим долгом шефствовать над эмоциональным педагогом, учила его умению — властвовать собой.

Вот и на этот раз, увидев озабоченное лицо старого приятеля, она участливо спросила:

— Случилось ли что? Выкладывай, не стесняйся!

Василий, вместо устных объяснений, что сделать ему, в присутствии Лениных коллег представлялось неудобным, протянул адвокату свои бумаги. Внимательно ознакомившись с его письмом в ГОРУНО и с исковым заявлением Рыковой, она, сдержанно улыбаясь, сказала:

— Вся хитрость твоей директрисы шита белыми нитками. Но, если у нее есть хороший адвокат и «крыша», то она сможет

выиграть процесс. Ты, тут с «паранойей» дал маху — это, действительно, оскорбление. Впрочем, этот термин был назван не публично, а потому все зависит от искусства ее защитника.

— Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло, — скаламбурил Василий.

— Выходит, что так, — не смутилась юрист.

— Так ты и будь моим адвокатом! — предложил он.

— У меня сейчас много крупных дел. И они связаны с отъездом в Воронеж, — объяснила она, — у тебя же мелочь. К тому же, ты, человек образованный, вел обществоведение, право и я уверена, что сумеешь защитить себя сам. Тебя, если и оштрафуют, то всего на 2-3 тысячи, а именно такую сумму и надо будет уплатить адвокату. Пиши встречное исковое заявление. Рыкова требует от тебя 100 тысяч, а ты укажи — 150! Твоя честь — дороже! Пусть знает, с кем дело имеет. Экономь деньги — защищайся сам. Ищи свидетелей, готовь документы. И, помни: без бумажки, ты — букашка! Ха-ха-ха!

— А с бумажкой — человек! — продолжил за нее Василий.

— Именно, судьям подавай документы. Лирику, даже если она, как у тебя и очень хорошая, к делу не пришьешь. Все понял?

— Так точно!

— В таком случае, желаю успеха! — Елена, встала со стула и тепло пожала руку Василию. Прощаясь, дружески, заверила, — станет трудно, заглядывай — помогу!

На этом и завершилась беседа с озабоченно — вдумчивым, серьезным адвокатом Еленой Громовой, чей грудной, сдержанный смех, воспринимался им не иначе, как — профессиональная разрядка.

Трудностей на ухабистых судебных дорожках было много, но Василий счел неудобным докучать своими мелкими передрягами опытного юриста, талант которой ценили крупные бизнесмены и политики не только Воронежа и его небольшого города, но и самой столицы.

Перепечатать на компьютере, составленное им по совету адвоката, «Исковое заявление» помогла Наташа Шмелева, дочь его друга Сергея. Мы не станем передавать его содержание потому, что все обвинения, претензии истца Горичева и истцу Рыко-

вой и наоборот, так или иначе, нашли свое отражение в предыдущих главах нашей книги. К тому же о них еще речь впереди. Однако есть необходимость довести до сведения читателей идею и суть заявлений в суд: выпускника коррекционной школы Андрея Лобова и бывшего военрука Виктора Герасимовича Петренко. В них отражен взгляд на нашего героя представителей двух — старшего и младшего поколений. Отсюда вытекает их ценность.

Скромный до застенчивости, но твердый и упорный, когда это необходимо, Андрей Лобов писал в народный суд:

«В первом полугодии 2000-2001 учебного года, историю и обществознание вел у нас, в 11-а классе, учитель Василий Павлович Горичев. Мы полюбили его уроки. Но, наша радость была омрачена, когда во втором полугодии, он, вдруг, был отстранен от преподавания, как мы выяснили, за то, что поставил двойки трем нерадивым ученикам, как-то: Носикову, Рыбкину и Савиной. Но ученице из их компании — Ирине Клык, он поставил «4-ку», не смотря на ее плохое поведение. Учитель был всегда объективным и не путал знания с дисциплиной.

Из-за своего личного конфликта с Василием Павловичем, директор Рыкова Галина Ивановна запретила нам общаться с ним. Мы очень обрадовались, когда он вновь вернулся к нам вести занятия. Затем опять начались преследования.

23 мая 2001, наша классный руководитель Ткачева Маргарита Ивановна, наедине, строго отчитала меня, обвинив в том, что я развожу дискуссии с Горичевым. Когда же начался урок, то она повторила тот же упрек, но уже в присутствии всего класса. Это могут подтвердить мои товарищи: Филипп Бабин, Оксана Щерба и другие.

Считаю Василия Павловича Горичева отличным учителем и хорошим, справедливым человеком.

Прошу пригласить меня в суд в качестве свидетеля.

Андрей ЛОБОВ».

10 июня 2001 г.

А вот заявление в районный народный суд другого свидетеля, майора запаса Петренко. Виктор Герасимович писал:

«По поводу искового заявления директора коррекционной школы Рыковой Галины Ивановны к историку Горичеву Васи-

лию Павловичу, считаю необходимым заявить следующее:

1. Знаю Горичева по совместной работе в школе с сентября 1997 года, как порядочного и честного человека. Противоположное мнение, со стороны Рыковой, это, ни что иное, как ложь!

2. Горичев прав в утверждении, что директор Рыкова выдворила из школы многих честных учителей. В том числе и меня, обвинив в злоупотреблении спиртными напитками и в том, что я будто, не обладаю организаторскими способностями. И это после того, что я на протяжении всей 25-летней службы в Вооруженных Силах страны занимал командные должности и получил чин старшего офицера — майор!

3. Историк также справедлив в том, что Рыкова — деспотична и честолюбива. Она установила в школе «сталинские методы» изживания неугодных ей работников по формуле: «Нет человека — нет и проблемы!». Подслушивание, подсматривание, доносы и наговоры — это основные методы ее кадровой работы в школе.

4. Я слышал от старых учителей коррекционной школы, что директор довела инвалида по зрению, историка Букина до инфаркта и смерти, грубо заявив ему: «Убирайся вон — школа не богадельня!».

5. Все подробности наших взаимоотношений с Рыковой Галиной Ивановной и ее неблаговидных поступках я могу изложить в ходе судебного заседания, на которое прошу пригласить меня служебной повесткой, в качестве свидетеля -

майор В. Г. ПЕТРЕНКО,

20 июня 2001 г.

Заседание суда, в составе председательствующей Мухиной, заседателей Гришиной и Савиной, с участием адвоката Панова и при секретаре Сомовой состоялось 11 июля 2001 года. Судья провела формальные процедуры, зачитала оба исковые заявления. Так, как ни Рыкова, ни Горичев ничего к ним добавлять не стали, то начался опрос свидетелей.

Со стороны директора выступали лишь, подвластные ей, учителя. В их числе: завуч Левитина, физик Филина, психолог Панова, англичанка Войкова, математик Власова, химик Леонова, филолог Зайцева, историк Ткачева. Все они, как отмечено в решении суда, заявили, что именно благодаря требовательнос-

ти и принципиальности директора Рыковой, коррекционная — стала передовой и, что никакого преклонения и раболепия в школе нет. Факт, что Рыкова, будто изгнала из школы 12 учителей, подтверждения не нашел, так как в материалах дела есть заявления, свидетельствующие об их увольнении, по собственному желанию. Факт преследования ее, со стороны директора, завуч Левитина — опровергла.

Проверки, которыми подвергался учитель Горичев, каверзы не содержат, ибо являлись плановыми (а визиты методиста из ИУУ и инспектора из ОБЛУНО?). Директор его не преследовала и не вынудила уволиться, напротив, была всегда благожелательна. Факт передачи пакета истцу ученицей Носиковой не может компрометировать Рыкову.

Слова кололи будто брошь,
На острие низалась — ложь!

— Со стороны историка выступили: бывший учитель — военрук, майор Петренко, выпускник школы Андрей Лобов, инженер и поэт Николай Вялый. Все они говорили обратное, а именно: факты преследований — учителей и учеников, имели место. И, что Горичев — правдив и честен! Было приложено к делу и письмо в суд публициста Петра Родичева. Все их слова и речи были судом, явно сознательно, проигнорированы.

Судья, как бы заткнула уши -
О правде не хотела слушать!

Факт психического заболевания Рыковой паранойей, медицинским исследованием не подтвердился — есть справка.

Адвокат Панов, выступивший на заседании, естественно, повторил все доводы своей подзащитной. Потом, неожиданно, перешел, с официального тона, на — фамильярный язык. Он предложил судье:

— Хватит с Горичевым тут бузу разводить — оштрафуйте его и дело с концом. Пусть с пенсии потихоньку, по тысчонке рублей, и платит — жив будет!

Судья рассмеялась, сказала:

— Но, прежде надо послушать ответчика.

Горичев чувствовал себя на суде так же спокойно, как и на собрании учительского коллектива от 18 мая. Он уже заранее просчитал, что как будет. И ничего доброго для себя не ожидал. Потому, будто разделяя общее веселье, он сказал:

— Наше заседание похоже больше на Шемякин суд. Вы оказывается, судя по вашим репликам, уже заранее все решили. Ради формы разыграли спектакль. Одного лишь не предусмотрели: как быть с правдой? Ведь вслед за Рыковой, все свидетели, а это ее непосредственно подчиненные, говорили одну ложь. Адвокат Панов, по совместительству, также — ее учитель! Может ли раб перечить своему господину?

— Ну-ну! — вспылил адвокат, — говори, да не заговаривайся.

— Роберт Федорович, а вы, что, действительно, у Рыковой работаете? — спросила Панова, судья, — я этого не знала.

— Да есть у меня там несколько часов правоведения.

— Понятно.

На этом все закончилось. Решением суда, Горичев, в качестве компенсации морального вреда, принесенный им Рыковой был оштрафован на 5 тысяч, а также в пользу ее адвоката — в сумме 500 рублей. Сведения, изложенные им в письме начальнику ГОРУНО Шахову, признаны не соответствующими действительности. Его же иск оставлен без удовлетворения — не суйся со свиным рылом в калачный ряд!

Возвращался домой, после суда, Василий не один. С ним вместе вызвался отметить столь важное событие поэт Николай Вялый. Василий, по обыкновению, не пьющий, но тут был повод. Он достал из шкафа рюмки, поставил на стол бутылку водки. Разлил. Предложил шутливый тост: «Помирать, так с музыкой!». И собирался только выпить, как его остановил движением руки Вялый. Он попросил приятеля:

— Ты мне, лучше вместо рюмки дай граненый стакан.

— Маленковский, что ли?

— Именно его. Пить, так пить. От этого судейства, что-то муторно на душе.

— Но, это четверть литра. Не охмелеешь?

— Ничего, я привык. А помирать нам еще рановато — дел по горло.

После того, как приятели выпили, начались горячие комментарии, что вились вокруг темы завершившегося суда. Василий сказал:

— Николай, а что, если бы ты, в канун разбирательств, посетил своего школьного друга мэра Петрова, да по душам, поговорил с ним о моих скорбных делах, то, чем черт не шутит, все бы повернулось иначе?

— Возможно. Но, что я мог бы мэру преподнести в качестве доказательств?

— Мои записки о школе.

— Этого мало.

— Но, ты мог бы ему, как и на суде, рассказать об истории своей юной соседки — дочке инспектора ОБЛУНО, музыканте Насти Горшковой, что из-за моего упорства — Аттестата не получила?

— Да, это правильно, но как-то по-человечески неудобно.

— Рыковой с учителями лгать удобно, а нам правду сказать — совесть заела?

— Да, уж такие мы есть — русские дураки!

— Потому нас и бьют грешных?

— Именно так все и обстоит! — согласился с приятелем Николай Вялый.

Оставшись один, Василий вспомнил о Елене Громовой. Он был почему-то почти уверен, что будь она его адвокатом, с ее опытом, все стало бы на свое место. Ведь Панов ей и в подметки не годится. Еще он вспомнил о связях Рыковой, ее «крыше». Может в этом все дело? Ведь для судей важнее норм закона — телефонное право.

Глава тридцать восьмая

СПРУТ

Сколько ж можно нас бить и неволить,
Рушить, грабить, пытать и громить?
Или впрямь надломились мы, что ли,
И не в силах себя защитить?

Валерий ХАТЮШИН

О великом художнике слова Михаиле Шолохове говорили, что он подобно Сергею Есенину, ни при какой политической погоде не читал толстый «Капитал» Карла Маркса. Причиной тому его равнодушие к философским и социологическим абстракциям. Из всех гуманитарных наук он выше всего ценил историю, а точнее мемуары, воспоминания, взгляд очевидца на исторические события.

Автор замечательного романа «Петр Первый» граф Алексей Толстой также как и Шолохов, не читал главного труда основоположника научного коммунизма — скучно. Но деятельность Петра 1 его чрезвычайно вдохновляла, ибо в ней, во всех формах, пульсировала кипучая жизнь.

Первый русский император, для надежного функционирования государственной структуры создал бюрократический аппарат управления. В целях укрепления вертикали власти, он сформировал особый корпус стражей закона, коих величали «государевым оком». К ним принадлежали ближайшие сподвижники государя — Меньшиков, Головкин, Шафиров, Нартов.

Когда историк Горичев узнал о том, что президент Путин создал в России 7 федеральных округов, которые возглавили лично преданные ему чиновники, то решил, что и Путин вместо абстрактного «Капитала» Карла Маркса, читал скорее «Петра Первого!» Алексея Толстого. Но, а когда Владимир Владимирович стал твердить о формировании правового государства, то вообще, обрадовался: наконец-то закончится произвол губернских и городских чиновников. И трем «Б» — буржуазии, бюрократии и бандитам, будет дан настоящий бой. Ведь простым людям на-

доело жить во лжи. Ведь этого натерпелись вдоволь за годы власти Советов.

Тогда, всемирная философия подменялась марксисткой, а литература и искусство развивались на принципах социалистического реализма. Это же не что иное, как лакировка действительности. В университетах и школах насаждалось социалистическое — общественное воспитание. Вспомним, как еще в феврале 1918 года на 7-м чрезвычайном съезде партии Ленин проговорился: «Дать характер социализма мы не можем. Каков будет социализм, мы этого не знаем». Теперь понимаем, как говорится в Библии, что бывает, когда «слепой ведет слепых». Ленин стал употреблять вместо «Я» множественное число «Мы», чтобы его окружение разделяло с ним ответственность.

Да, кашу заварили Маркс и Энгельс. Но они употребляли «Социализм» в плане критики капитализма, а не как рекомендации строительства нового государственного строя с новой экономической структурой. Однако некоторые идеи из фантазии Маркса и Энгельса, Ленин и его приемники взяли на заметку и творчески развили до совершенства. Например, тезисы «Об экспроприации частной собственности» или «О замене домашнего воспитания общественным». Ведь именно эти тезисы легли в основу разрушения семьи, как ячейки государства.

Вот уже 17 лет (1991-2008) мы живем в условиях, так называемой демократии. Социализм, как прежде капитализм, мы разрушили до основания. И, что же теперь? По природным ресурсам мы самая богатая страна в мире. На каждого гражданина России приходится природных богатств на 160 тысяч долларов. В США эта сумма — 16 тысяч, в Европе — 6 тысяч. Но живем мы гораздо хуже американцев и европейцев, потому, что сами обогащаем их. 600 тысяч долларов правительство держит в иностранных банках, подпитывая, таким образом, чужую экономику. Врачи и учителя получают жалкую зарплату, крестьяне вымирают, едва сводя концы с концами, а средние в 3500 тысяч, пенсии — в два раза ниже содержания заключенного в тюрьме.

Прав писатель Юрий Власов, утверждая: «все, что случилось с русским народом сегодня образно представить можно следующим образом. Могучий Человек-богатырь — сеял с себя шлем, кольчугу, меч — и отдал недругам. Потом ввел их в свой дом и позволил вынести все, позволил, и загадить дом изнутри.

А после вышел на улицу, встал подле дома с протянутою рукой, и стал покорно молить о милостыне. Но все смеялись и плевали ему в лицо».

Нас мощно держит в своих руках олигархический спрут. Доходы же миллионеров и миллиардеров увеличились на треть. Как и прежде все материальные и духовные ценности создает народ, а его благами пользуются кучка магнатов и бюрократов всех мастей. Но, если президент, правительство, Государственная Дума, губернаторские чиновники сознательно обманывают народ во имя своего личного обогащения или политической выгоды, то почему от них должны отставить правовые структуры? Не случайно правым у нас остаются те, у кого больше прав. Законность и порядок — пустые лозунги.

Все это понимал историк и обществовед Василий Горичев, когда потерпел полное фиаско в суде. Однако более умом, чем сердцем, он все еще тешил себя иллюзиями о торжестве справедливости. Как писал Пушкин: «ведь обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Тем не менее, с чувствами светлой надежды на взаимопонимание, он взялся за перо и настрочил в судебную коллегию по гражданским делам областного суда **кассационную жалобу**.

«11 июля 2001, районный суд (председатель Мухина), — писал он, — рассмотрев иск директора коррекционной школы Рыковой «О защите чести, достоинства, деловой репутации и взыскания морального вреда» и по моему встречному иску, решил дело не по справедливости. А именно, мне, в моем иске отказано, тогда как в пользу Рыковой и ее адвоката я обязывался уплатить 5500 рублей. И, что будто факты, приведенные в моем письме на имя начальника ГОРУНО Шахова, не соответствуют действительности. Ответственно заявляю: ни один из перечисленных пунктов не является правомерным и объективным.

Если я, по вине Рыковой, последние два года был низкооплачиваемым учителем, получая 500-700 рублей, и считался бедным, то теперь, выплатив почти годовую сумму моего заработка, я становлюсь — нищим! Это ли не верх жестокости за справедливую критику?!

Во времена просвещенного абсолютизма крестьян, осмелив-

шихся жаловаться на своих помещиков, били палками и ссылали в Сибирь. Напротив, в советские времена, наказывались те чиновники, которые пытались «зажимать критику». Теперь же лживые демократы современности придумали статью 152, с тем, чтобы уберечь зарвавшихся администраторов не только от критики, но и от уголовного преследования. Кому это выгодно — обществу? Не уверен!

По вине Рыковой я подвергался издевательствам со стороны, натравливаемых ею, господ — проверяющих. Утверждение суда, что проверки были плановыми — ложь. Это был чиновничий сговор. Сама директор не постеснялась признаться: »Тебя будут проверять особо!». Именно, только меня, вослед за комиссией Никоновой, терзали — методист ИУУ и инспектор ОБЛУНО.

В результате их трехмесячной травли (апрель — июнь 1999), у меня произошло, резкое обострение язвы желудка и я оказался на операционном столе, что подтверждается медицинскою справкой. Спрашивается: почему мне не присуждена компенсация за нанесенный физический и моральный вред?

Судья Мухина оказалась на редкость глуха к страданиям рядового учителя, тогда как она была, подчеркнуто, внимательна «к болям», чаще придуманным, его начальницы. Где же объективность? Если Рыковой с ее адвокатом Пановым была предоставлена полная свобода в суждениях, то мои объяснения (это, при том, что у меня не было своего защитника) преднамеренно прерывались и открыто высмеивались. Когда я, не выдержав, упрекнул суд в предвзятости, то был остановлен окриком судьи:

— За замечания суду, буду строго наказывать!

Ответьте: как в такой ситуации, не имея средств нанять адвоката, я мог защитить себя? На стороне Рыковой выступали подвластные ей педагоги. Не случайно, находясь в большинстве, в дружеских отношениях со мною, они, предали истину. Но ведь именно они вооружали меня ранее теми фактами, которыми я апеллировал в суде. Они же о них, вдруг, запамятовали. Ясно, что из страха преследования. Удивительно поведение судьи. Чтобы ни говорили «рабы-свидетели» в пользу директора Рыковой, все ею воспринималось, как должное. Доводы же моих свидетелей — ни морально, ни материально от меня не зависящих, — брались под сомнение. Нонсенс.

Вот один из примеров. Оппонируя с пресловутой «Справкой Никоновой» и Рыковой, издатель и поэт Николай Вялый, демонстрируя суду мою «Историю Государства Российского от Гостомысла до Ельцина», резонно ставил вопрос: «Может ли быть плохим учителем автор учебника по истории? Ведь по нему обучаются дети в десятках школ города? Спрашивал и натыкался на глухую стену. Не одумалась, судья Мухина, даже тогда, когда свидетельница, учитель истории Ткачева Маргарита Ивановна чистосердечно призналась, что она уже два года с интересом и пользою изучает с ребятами книгу Василия Горичева. И совсем госпоже Мухиной заложило уши, когда бывший ученик Горичева, свидетель Андрей Лобов заявил ей, что считает Василия Павловича — отличным учителем и хорошим человеком. Она не поняла — у нее же другая установка. Налицо — сознательное глумление над личностью. Иначе не скажешь.

Мой высокий профессионализм и компетентность подтвержден документами. В том числе, характеристиками (находятся в деле) директоров городской школы: Подшиваловой и Малевича, который ныне возглавляет РОНО.

Предвзятость Мухиной сказалась и тогда, когда Андрей Лобов привел конкретные факты преследования меня в школе. Судья записала в своем решении: «Если такие факты имели место, то они не свидетельствуют, что Рыкова запрещала всем общаться с Горичевым». Парадокс.

Доверительный, келейный тон в общении с Рыковой и ее адвокатом Пановым вылился в сговор. Судья заранее, не выслушав моих доводов, подготовила решение. Вот и доказательство. После, наконец, представленного слова, меня одного попросили выйти, а уже через пять минут вручили отпечатанное на трех страницах постановление суда. Когда успели?

Все, так называемые, свидетели со стороны Рыковой давали подписку — говорить только правду! Я ответственно заявил на суде, что все они — лгали! Мои попытки, исходя из конкретных фактов, публично уличить их в лжесвидетельстве, судьей бесцеремонно пресекались. Истина для Мухиной — опасна. Она разрушала, видимо, ее задачи и цели. Была установка осудить Горичева, значит, ей должны соответствовать и речи. Но, это же не только правовой нигилизм, но и издевательство над здравым смыслом.

Кино— герой актера Георгия Вицина, как-то крикнул на суде:

— Да здравствует советский суд — самый гуманный и справедливый!

Зритель воспринимал данное восклицание с иронией, ибо не мало было негатива в судопроизводстве тех лет. Но то, что, исходя из личного опыта, в суде происходит сейчас — ни в какие нравственные рамки не входит. Вот пример.

Свидетель майор Петренко заявил на суде, что Горичев прав в том, что Рыкова деспотична и честолюбива. Она установила в школе сталинские методы изживания неугодных учителей. Подслушивание, подсматривание, доносы и наговоры — основные методы ее кадровой политики. Таким образом, он подтвердил суждения, изложенные мною в письме начальнику ГОРУНО Шахову. И, что же? Судья Мухина в своем решении записала, что все учителя (выходит Петренко не в счет!) заявили, что Рыкова доброжелательно относится к подчиненным, в том числе и ко мне. Мое же мнение, как и Петренко, сознательно проигнорировано. Более того, Мухина оговорила, что факты, изложенные мною в известном письме, также не подтвердились. Это же просто — злая шутка! Что ни строчка в творении Мухиной, то сплошные парадоксы.

Судья основала свои выводы о законности увольнения 12 «изгоев» на том основании, что они добровольно уволились, написав заявления. А, тот же Герасименко или я, прямо указавший на принудительный характер увольнения? Или инвалид Букин?

Мухина среагировала по-своему: «Мертвого не воскресишь!».

Я сказал тогда: «Как за деревьями не увидишь леса, так и за личными заявлениями, не определишь истину причин увольнения. Потому есть смысл пригласить в суд этих «изгоев», чтобы установить правду».

Судья усмехнувшись, сказала:

— Это ваша забота искать свидетелей.

— Хорошо, — согласился я, — но вы тогда обяжите Рыкову дать мне их адреса. Ведь я как-то пытался узнать таковой историка Романа Корнева, но мне секретарь директора Горева, в том отказала, заявив — нет его адреса, он как пришел, так и ушел — инкогнито.

Вот она на Яву вся благожелательность *Рыковой и ее помощников.*

— Сами договаривайтесь с Рыковой, — был ответ судьи.

Несколько слов о шизофрении. Рыкова страдает ею, иначе, как расценивать ее постоянные припадки, обмороки. Или такие элементы мания величия, как расклеивание по школе своих портретов. В том числе, над моей головой в историческом кабинете. Ее визитки — календари, ребята продавали по рублю, а затем покупали сигареты марки «Петр!». Она не только использовала бесплатный детский труд в своей выборной компании, но и провоцирует ребят на увлечение табачным зельем.

В так называемом коллективном письме учителей, указывается, что я систематически, в течение 7 лет работы в школе, направляю в различные инстанции жалобы и письма. Эту ложь опроверг даже зав РОНО Малевич, мой бывший директор городской школы. За 10 лет работы в ней и за 7 лет — в коррекционной, я лишь 11 января 2001, впервые, взялся за перо. К этому меня вынудила, своим поведением, госпожа Рыкова. Она травила завуча Левитину. Определила ей зарплату в 600 рублей, сама же получая до 3-х тысяч.

В письмах в горсовет и ОБЛУНО, а так же на суде, Левитина, под давлением Рыковой, стала говорить о том, что всегда получала доплату и ее заработок составляет 1140 рублей. Выходит, мне ранее говорила одно, теперь утверждает обратно. Вот и верь, после этого, людям! Есть смысл проверить документы: откуда взялась доплата? Полагаю — это блеф! Если она и появилась, то задним числом. Когда же Левитина, под страхом обстоятельств, заявила на суде, что Рыкова ее не унижала и не травила, я прямо спросил ее:

— А, как у вас, Нина Витальевна, обстоит дело с совестью?!

— Вы не имеете право так ставить вопрос! — судья, Рыкова и адвокат, хором оборвали меня — на воре шапка горит.

Все последующие мои обращения во властные структуры действия не возымели. Бюрократический аппарат зациклен на себя и ему нет никакого дела до боли и страданий честных рядовых граждан.

В связи с эти прошу:

— Решение суда от 11 июля 2001 года, отменить, а дело направить новому составу суда для дальнейшего рассмотрения.

— обеспечить явку 10 учителей, уволенных с работы под давлением Рыковой.

— Освободить меня, как ветерана труда с 45-летним стажем, от уплаты компенсации, так как нанесенный мне физический и моральный вред со стороны Рыковой не сопоставим с ее моральными потерями.

— Принять во внимание, что я не могу быть подсудным, так как публично не оскорблял директора. Обратиться же с заявлением к ее начальнику, я смел право.

В. П. Горичев»

21 июля 2001 года

Судебная коллегия по гражданским делам областного суда от 26 сентября 2001 года, заслушав дело по кассационной жалобе Горичева Василия Павловича, **определила:**

жалобу Горичева на решение районного народного суда оставить без удовлетворения.

Председатель суда М. И. Шевелев

Не зря твердят, что судьи глухи,
Коль «Дело» не сулит даров!
Такою оказалась — Мухина,
А, вслед за нею, — Шевелев!

Приятели уговаривали Горичева, не отчаиваться, а дело вынести на уровень Верховного суда. Им все еще, по старинке казалось, что чем ближе к солнцу, тем больше света. Но, Василий хорошо помнил, как еще в детстве, старенькая мама, наслушавшись его максималистских, революционных речей, покачает головою, скажет:

— Ты, сынок, молод, решать: что хорошо, а что плохо? Там, в Кремле, светлые головы сидят. Не то, что наши! Мы — маленькие люди, бедняки и неучи. Они все-то и обдумывают. Все-то решают. В Кремле лучше нас знают: сколько корова моя молока дала, а курочка — яичек снесла.

После событий 1991, 1993, до нас дошло, что вся гниль идет из Кремля, из столицы. Потому, Василий не сомневался, что дело его проиграно. Это поняла бы теперь и его старенькая мама — рядовая русского села! Если он в низах, на земле, не нашел опоры, то у горного пика ее будет еще меньше. Ведь чем ближе к

звездам, хотя бы и Кремлевским, тем холоднее. И со светом в космосе нелады — сплошная темень. Вся страна ныне заключена в тяжелых объятиях хищного спрута. Имя же ему — коррупция! С нею не смог справиться даже Петр Великий, обладающий неограниченными полномочиями. И как это мероприятие можно было провести в жизнь, если главным казнокрадом прославился сам царский постельничий, его — государево око — светлейший князь Александр Меньшиков. Из радио беседы поэта Андрея Дементьева и знаменитого доктора Рошаля от 26 января 2008 года, россияне узнали, что проворовавшегося министра здравоохранения Михаила Зурабова, президент Владимир Путин не только не отправил в места, не столь отдаленные, а назначил своим советником. Вот и получается, как в США: если ты украл кошелек с 10 долларами, то будешь сидеть в тюрьме, но если ты украл железную дорогу — тебя сделают сенатором. И делают! В Госдуме и Совете Федераций — есть не только миллионеры, но и миллиардеры. Крупная же собственность, как смело и справедливо утверждал, вослед за автором «Капитала» Карлом Марксом, писатель Джек Лондон — суть кража!

Поистине — мафия непобедима! Ведь стоило опальному историку Горичеву, наступить ногою на один из щупальцев спрута — администрацию школы, превратившее учебное заведение в фабрику по производству «липовых Аттестатов», как зашевелился весь его волнообразный организм. В результате — он был раздавлен и отброшен, унижен и обесчещен.

Мы остались одни
Без друзей и защиты.
И уже мы себя
Не способны спасти.
Никуда не уйти.
Все границы закрыты.
И сочувствия к нам
На земле не найти!

В этих строках московского поэта — патриота Валерия Хатюшина, выпукло обнажились, как трагедия русской земли, так и драма русского человека. И не важно кто он: учитель истории и обществоведения, как Василий Павлович Горичев, практикующий врач, городской рабочий или сельский пахарь.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Фронтовые были

Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.
Александр ПУШКИН

Солдатские судьбы. Куда только не заносили они славных защитников нашей Родины в суровые годы Великой Отечественной войны! Целых четыре года матери ожидали возвращения с фронта своих сыновей, жены мужей, невесты любимых. Тех, чьей горячей кровью политы не только родные поля и пригорки. Они «пол-Европы по-пластунски пропахали». И, в славном, 45-ом году, герои — освободители, ценою невероятных жертв, наконец, водрузили Знамя Победы над поверженным Рейхстагом!

Сегодня минул 63-ий победный май! Все меньше некогда славных бойцов присутствовали и маршировали на Красной площади в городе — герое Москве, в других городах и поселках. Поредели ряды ветеранов, скорбно стоящих у Вечного огня или у обелисков братских могил, где покоятся их братья по оружию. Это понятно, ведь самому молодому из ветеранов сегодня за 80. Никогда не забывают они «об огнях — пожарищах, о друзьях — товарищах»! Знаем хорошо и мы, их дети и внуки, что если кто войну забудет -вновь придет война. Это о них, о фронтовиках, так тепло и проникновенно писал редактор моей первой книги очерков о водителях «На трассах пятилетки», вышедшей в Тульском издательстве еще в 1978 году, поэт и друг Владимир Перкин:

В условный час,
В условном месте,
Сбежав от жен и от тоски,
Они встречаются все вместе,
Хоть раз в году, фронтовики.
В нехитром воинском застолье,
При всех медалях, орденах.
И столько молодости, воли
В их разговорах и делах.
Они мальчишки и поныне,
Петры, Иваны — отчеств нет,
Как будто не было в помине
Послевоенных этих лет,
Как будто только что из боя,

Разгоряченные винцом.
И пахнет небо голубое
Над ними дымом и свинцом
Но вот стихают шумы — споры,
Ив тишине, и в тишине
Восходит песня, без которой
Вовек, не выжить на войне.

Фронтовики! Святое братство!
Литое дружество мужчин!
О, как хотел бы я добраться
До вами занятых вершин!
Чтоб на грядущей вашей встрече,
Пройдя невидимую грань,

Подпеть вам, сдвинув с вами плечи,
И не сфальшивить ни на гран.

Чувство благодарной памяти героев русской земли подвигло ныне и меня взяться за перо, чтобы рассказать читателям о своих коротких встречах с теми, кому мы обязаны своей свободой и независимостью, десятками лет мирной жизни. Я встречал их у рабочего станка и в поле, в школах и клубах, в высоких кабинетах и в скромных квартирах. Беседовал с ними наедине или в кругу их домочадцев. Мои герои разные по званию: от рядового до генерала, разные по профессиям: от землепашца до наставника космонавтов. Но, всех их объединяет одно глубокое чувство — боль за судьбу Отечества, на верность которому они присягали.

Многих моих героев уже нет с нами, но подвиг их бессмертен, а память о них должна жить в веках. Она нужна нам, живым — потомкам и продолжателям их ратной и трудовой славы.

ФЛЯГА СОЛДАТА

На дне окопа, у оврага,
Среди травы лежала фляга.
На ней начертаны слова,
Штыком солдатским «Устъ — Лаба».

Десятилетняя Надя Барских, уже осенью, направляясь в школу, бежала вдоль оврага, образовавшегося от былой траншеи. Рядом с ним виднелись поросшие травою окопы. На дне одного из них, девочка разглядела, блестевший на солнце предмет. Дабы удовлетворить свое детское любопытство, она спустилась в окоп, подняла его. Находка представляла собою алюминиевую солдатскую флягу. Таких, продырявленных и помятых реликвий былой войны в ту пору находилось не мало. Потому Надя уже хотела, вновь отправить свой трофей по месту его прежнего пребывания, но тут она увидела, на светлом боку его, четко выгравированные, скорее всего солдатским штыком, слова. Автограф неизвестного бойца гласил: «Русанов Семен Андреевич. 1924 г. Станица Усть-Лаба, улица Рубина, № 20. Русановой Е. Ф.». Школьница решила: «Покажу учителю!».

Надина находка заинтересовала ее молодого педагога Анатолия Дмитриевича Прохорцева. Он не поленился, от имени красных следопытов школы, отправить письмо по вышеуказанному адресу. И чудо! Ответ не заставил себя долго ждать. Вот он:

Здравствуйте, дорогие пионеры!

Я, Семен Андреевич Русанов, очень рад и взволнован неожиданным вашим письмом. Спешу дать

ответ. Я жив, здоров. Работаю в настоящее время шофером в колхозе «Кубань» Краснодарского края.

В ваших орловских краях я был летом 1943 года, Тогда мы распрямляли так называемую Курскую дугу, в составе 61 — ой Армии. Мой боевой путь: Кубань — Эльба. В 1947 году я вернулся после демобилизации на Родину.

Дорогие мои, ребята! Историю фляги, которую вы нашли, я уже сейчас в подробностях не помню. Жаркие тогда бои были, да и срок в 25 лет притупил мою память. В одном уверен, что если бы я сам взглянул на нее, то, несомненно, многое бы прояснилось. Сообщаю вам, что наша станица теперь стала городом. Он именуется Устъ — Лабинск. Ребята! Спасибо вам, за внимание, ко мне. Очень буду рад встретиться.

Ваш Семен РУСАНОВ.

Вместе с письмом былой солдат прислал школьникам свою фотографию военных лет. Она была помещена на стенде боевой славы «Мы помним о них» в Сурьянинской восьмилетней школы, директором которой в 1968 -71 годах я работал.

Летом 1969 года Русанов приехал к нам в гости. Остановился в моем директорском доме. Выступил на проведенной в честь его визита, пионерской линейке, а затем отправился вместе с ребятами изучать окрестности — места былых сражений. Вспомнил, как они, обвешанные гранатами, подрывали немецкие «Тигры» и «Фердинанды». Погибало много его товарищей. В перерыве между боями, не надеясь остаться в живых, он, как некоторые другие бойцы, дабы хоть как-то остаться в памяти народной, острием штыков царапали на фляжках и котелках свои автографы. Его труд, как мы видим, не пропал даром — он стал знаменитым. И по праву. На его груди блистали боевые ордена и медали! В том числе и медаль «За трудовую доблесть». Как правильно отмечали тогда: «Из одного металла льют: медаль за бой, медаль — за труд!».

При отъезде на Кубань, мы подарили славному защитнику орловской земли его фронтовую флягу. Через некоторое время Семен Андреевич, в знак благодарности, прислал ребятам посылку с южными дарами, состоящую из фруктов и сушеной рыбы. Особый подарок — альбом для рисования с пачкою цветных карандашей, предназначался автору находки — Наде Барских.

Лично мне Русанов выслал местную районную газету, где на одной из страниц был помещен его фотопортрет с флягою в руках, которая стала именоваться уже боевой реликвией. В свою очередь, на страницах газеты «Волховская новь», я так же выступил с материалом на ту же волнующую тему, который так и озаглавил «Фляга солдата».

ГЕНЕРАЛ — ТАНКИСТ РОДИН

Из глухомани — из Болотова,
Он прорывался к пьедесталу.
Из пастушка полуголодного,
Мальчишка вышел в генералы.

В один из летних дней 1969 к моему дому, что располагался поблизости от здания школы, подкатил «газик» руководителя колхоза имени ХУ111 партсъезда Ивана Ивановича Леонтьева. Из кабины автомобиля, вслед за его хозяином, выбрался и председатель Сурьянинского сельского Совета Владимир Терентьевич Ишутин. На просушенных солнцем и ветром лицах этих, уже не молодых сельских вожаков, играла лукавая улыбка.

— Здорово, директор! — оба председателя крепко пожали мне руки, — собирай ребятню. Будем встречать генерала.

— Как генерала?! — опешил я, — никак опять война?

— Войны, слова богу, нет, — успокоил меня Леонтьев, — а вот разговор о былых огнях — пожарищах непременно будет.

Деревенские мальчишки

легки на подъем — собрались быстро. Пока старшая вожатая приводила в порядок пионерскую комнату, да инструктировала вихрастых мальчуган, как достойно вести себя в присутствии столь именного гостя, у порога школы притормозила черная райкомовская «Волга». На ней-то и прибыл гвардии генерал -лейтенант танковых войск, бывший командир Уральского танкового корпуса Георгий Семенович Родин.

Высокий, худощавый старик, с искривленной, как у героини «Тихого Дона» Натальи Мелеховой, шеей — следствие неоднократных контузий, он напоминал мне журавля. Толстые, роговые очки прикрывали верхнюю часть крупного носа. Поглаживая носовым платком широкую лысину, генерал густым баритоном, сказал:

— Я вам тут книги привез. В них рассказывается и о боях, что вели наши части на территории ваших сел: Струково, Сурьянино, Руднево, Долбилово, Красниково, Карачево. Да, и отчую деревушку Болотово довелось самому освобождать. Надеюсь, что с интересом прочтете.

— Обязательно прочитаем, — раздались голоса.

— Вашему директору и обоим председателям я подарю свои воспоминания, что называются «По следам минувшего» с личным автографом. Они недавно вышли в Тульском книжном издательстве. Да и в библиотеку передаю вам несколько экземпляров. У кого возникнет желание высказать свое мнение о книге, то прошу писать мне в Орел, по адресу: улица Салтыкова — Щедрина, 49.

— Спасибо! — отозвались мы.

— Ребята, — продолжал генерал, — будучи Почетным гражданином Орла и Болхова, я к тому же являюсь членом областного штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы, а потому счел своим долгом приехать к вам и поделиться своими воспоминаниями. Может, у кого есть ко мне вопросы. Не смущайтесь моих эполет, спрашивайте.

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали генералом? — обратилась к гостю, вожатая, — будущим воинам это будет полезно узнать.

— В ранце каждого солдата лежит маршальский жезл, — Родин снял очки и положил их перед собою на красную скатерть стола, — так любил повторять величайший полководец Фран-

ции Наполеон Бонапарт. Меня же боевым генералом сделала Великая Октябрьская революция 1917 года и родная Советская власть. Ведь родился я давно, еще при царе, 19 ноября 1897 года в деревне Болотово Орловского района. В бедной крестьянской семье я был 10-м по счету ребенком. Окончил 4-х классную школу. Нужда была такая, что мне порою не в чем было выйти на улицу, в особенности зимою — ни валенок, ни полушубка. По примеру матери не раз, украдкой от братьев, становился на колени перед иконой и умолял господа Бога помочь мне, обрести обувку и одежонку. Но, сколько я его не просил — все напрасно. Тогда я понял смысл народной поговорки: «Бог-то бог, да не будь сам плох». Потому начал самостоятельную борьбу за право называться Человеком. Переменил множество профессий: пастух, мальчик — подсобник, в пивной лавке грузина — бакалейщика, плотник. Переехав из Орла в Москву, стал рабочим на заводе Гужона. Моим мастером был Василий Агафонович Федоров. Он оказался профессиональным революционером. С него и началось мое пролетарское просвещение. Василий Агафонович просто и понятно объяснял, почему в той же Москве одни катаются в роскошных каретах, а другие — в дорожной пыли. Одни едят бублики, а другим достается дырка от бублика. Федоров немногими словами раскрывал подлинное лицо Гужона и других капиталистов, наживавших на империалистической войне, 1914—1918 годов, огромные барыши.

Затем настала и моя пора, не щадя живота своего, биться «за веру, царя и отечество». Курс молодого бойца проходил в городе на Клязьме.

При этих словах я невольно встрепенулся. Ведь и мне в 1960-м довелось служить в некогда стольном граде Владимире и, как юному Георгию Родину проходить четким строем улицей под гулкими Золотыми воротами с песней:

Солдаты в путь! В путь!
А для тебя, родная,
Есть почта полевая!

Рядовой Родин, конечно, пел совсем другие песни. Генерал, между тем продолжал вспоминать:

— Нравилось мне идти по Владимиру. Четкий строевой шаг,

хороший запевала. Стоит, бывало, грянуть:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром —

и горожане начинали хлопать калитками, открывать окна, выходить на улицу. Улыбки женщин и девушек (и от улыбок девичьих — вся улица светла!), их радостные возгласы: «Молодцы!», «Аи, да ребята!» действовали на солдат мгновенно. Они старались шагать и петь еще лучше. За «Бородино» следовали «Вейтесь, соколы, орлами!», «Во кузнице!» и другие песни.

После окончания учебных курсов я был направлен на фронт. Воевал в Белоруссии, в местечке Краево. Это произошло в начале 1917 года. Нарастающий шквал революции уже нельзя было остановить. Николай 11 отрекся от престола, власть перешла к Временному правительству. Затем уже Советское правительство издало декрет о создании Красной Армии. Меня направили в школу красных командиров, а в июне 1919 года приняли в члены большевистской партии.

Когда гитлеровцы напали на нашу страну, я, во главе танковой дивизии воевал на западной границе, затем участвовал в сражении под Сталинградом. В 1943 году на Урале был сформирован Добровольческий танковый корпус. Под моим командованием он получил свое первое боевое крещение на полях и речках Орловщины. На вашей и моей отчей стороне, дорогие ребята.

— А, какие у вас боевые награды? — полюбопытствовали мальчишки.

— Орден Ленина, четыре ордена Боевого Красного знамени, орден Красной Звезды и многие медали.

— Вот, здорово!

— Если больше нет вопросов, — заключил генерал, — то я сейчас с вашим директором Козиным Петром Дмитриевичем и другими товарищами побываю на ряде былых рубежей — сердце успокою. А вы, как выберите время, прочтите мою книгу. В ней рассказано о героях — уральцах, что пролили свою кровь за Родину и за ваше счастливое — мирное детство.

— Будет выполнено! — по-военному четко, хором пообещали ребята.

На двух легковых автомобилях мы отправились в Руднево,

центральную усадьбу артели, затем выехали в поле, постояли на берегу речки Скань, притоке Нугря, которые некогда форсировали знаменитые «34-ки» из корпуса генерала — лейтенанта Родина.

Георгию Семеновичу стукнуло 72, к тому же боевые ранения давали о себе знать. Вот почему, он поторопился с отъездом. Председатель колхоза Леонтьев предложил ему отметить нашу встречу с ним, на «фронтовой поляночке». Генерал же, сославшись на больное сердце, от ста граммов отказался, но нам посоветовал: «Обязательно выпейте! Помяните славных уральцев!».

На тризне по воинам-уральцам генерала Родина.

На снимке (слева) — председатель Сурьяновского сельского совета В.Т. Ишутин, его коллега из Струкова, редактор газеты «Болховская новь» М.М. Беликов, директор Сурьянинской школы П.Д. Козин, председатель колхоза им. 18 Партсъезда И.И. Леонтьев и водители.

Прощаясь, Георгий Семенович, распорядился:

— Вас Петр Дмитриевич и вас Владимир Терентьевич я жду у себя в Орле. Ознакомитесь с фотоальбомами и документами. Кое-что я передам из них для вашего школьного историко-краеведческого кружка. Адрес мой знаете, найдете.

— Найдем! Приедем! — заверил Родина председатель Совета Ишутин.

Когда райкомовская «Волга», подняв клуб пыли, взяла курс на Болхов, увозя занемогшего генерала, Иван Иванович, вместе со своим шофером, уже успели украсить «скатерть — самобранку» всем необходимым арсеналом выпивки и закусок.

В тризне, по безвременно павшим героям, приняли участие, наряду с двумя известными председателями, так же, редактор районной газеты «Болховская новь» Михаил Михайлович Беликов, председатель Струковского сельского совета (фамилию запамятовал) и водители. Присутствующий здесь же фоторепортер не замедлил запечатлеть нас на солнечной поляночке.

В Орел мы прибыли заблаговременно. Остановились в гостинице с одноименным названием. Чтобы скоротать время отправились в кинотеатр «Родина» посмотреть новый фильм. Билеты, вне очереди, нам вызвалась взять орловская девушка, назвавшаяся Лидией Степановой. Позже, когда я уже сам жил в областном центре, Лидия, вспоминая наше первое знакомство, весело говорила:

— Гляжу двое мужчин. Один солидный, в хромовых сапогах. Сразу решила про себя: «Это — председатель колхоза!». Тебя, молодого и строгого приняла за его главного агронома. Выходит немного ошиблась. Владимир Терентьевич, действительно, председатель, но — сельского Совета. Ты же, никак не ожидала — директор школы!

— Бывает и на старуху проруха, — отшучивался я.

В будущем Лидия Степанова и моя жена Валентина Алексеевна подружатся, станут помогать друг другу в житейских делах. Но, при случае, Лидия опять начинала корить себя, что оказалась некогда плохою ворожеей.

К 10 часам утра, как было заранее оговорено, мы с Ишутиным оказались у генеральского особняка. Открывшая калитку пожилая женщина, проводила нас до кабинета хозяина, сказала:

Заходите, пожалуйста, Георгий Семенович ждет вас.

Действительно, все было готово к нашему визиту. На широком, покрытым зеленым сукном, столе лежали объемистые фотоальбомы, карты, всевозможные бумаги, письма. В открытом шкафу виднелась генеральская форма и висела большая, в узорчатом чехле армейская сабля. Кроме встретившей нас женщины, в кабинете находилась еще одна, такого же пожилого возраста, дама.

Родин пожал нам руки. Склонился над столом и начал объяснять сущность и происхождение каждой схемы, каждого фотоснимка. И все это помогало раскрыть этапы боевого пути Уральского добровольческого танкового корпуса — его детища. За два года боев с фашистами уральцы под командованием Родина прошли от Орла до Праги более пяти тысяч километров. За это время от гитлеровских захватчиков ими освобождены тысячи населенных пунктов. Захвачено и уничтожено 1110 танков и такое же количество орудий, 589 минометов, 2125 пулеметов. Сбито 649 самолетов. Воины корпуса уничтожили 94620 и взяли в плен 44752 гитлеровца.

Родина высоко оценила боевые заслуги корпуса, наградив его орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова. 38, особо отличившимся бойцам и командирам, присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Воинам — уральцам сооружены памятники в Берлине, Праге, Львове, Свердловске, Перми, в ряде населенных пунктов Орловщины. Не преминул генерал поведать и о семейной трагедии. В пути при выполнении важного задания его встретила страшная весть о трагической гибели единственного сына — студента университета. Вскоре, не вынеся горя, скончалась и его жена. Чтобы скрасить одиночество, точнее, не сойти с ума, Родин идет к людям. Он частый гость молодых рабочих, призывников, школьников, воинов. Выступает на комсомольских активах, направляет деятельность «красных следопытов», участвует в работе ветеранов войны и революции. Генерал подарил школам Орла свой сад, несколько библиотек, отлично выполненные альбомы. Его девиз — все остается людям.

Георгий Семенович тепло отзывался о партийных работниках, первых секретарях обкомов партии: Свердловского — Андрианове, Пермского — Гусарове, Челябинского -Патоличеве,

которые помогли ему сформировать и оснастить Уральский добровольческий корпус. А также, о друзьях — полководцах, что посещали его дом: маршале Баграмяне, генералах Горбатове и Горшкове и его непосредственном начальнике, командующем 4-й танковой армией генерале Баданове.

Вместе с тем, меня и Ишутина поразила его критика в адрес заместителя Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Родин находил многие его поступки непродуманными и не объективными. Вот строки из его книги: «Под Орел, в район действующей 4-й танковой армии прибыл Жуков. Был он необыкновенно раздражен и не уравновешен. Не знаю, являлось ли это постоянной чертой его характера или было результатом того, что живая действительность расходилась с заранее намеченным планом». Эти и другие смелые замечания генерала Родина, высказанные им в дни, когда сам Жуков, готовил свои «Воспоминания и размышления» несколько шокировали нас: а вдруг Маршал Победы прочтет? Как отреагирует?

Позже, когда эту ситуацию я стал обсуждать с болховским краеведом Александром Венедиктовым, то мой приятель рассмеялся.

— Ты разве не знаешь, — сказал он, — ведь Жуков снял Родина с поста заместителя Командующего Юго-Западным фронтом по танковым войскам генерала армии Ватутина.

— За что?

— Да он танки в болоте утопил.

— На войне, как на войне — все гладко не бывает.

— И не гладко и не сладко тогда Родину пришлось. Вот и послали его на Урал новые танки добывать.

— Ну и дела, — только и нашелся я ответить приятелю.

Но, этот разговор будет потом. Пока же мы с Владимиром Терентьевичем, с неподдельным вниманием разглядывали обнаженную саблю. Эту боевую реликвию демонстрировал сам генерал. Она сегодня вместе с его мундиром хранится в областном краеведческом музее Орла. На прощание, Георгий Семенович, как и обещал, еще, будучи в Сурьянине, вручил нам несколько документов. Не забыл так же присовокупить к ним небольшой Альбом, посвященный его знаменитому корпусу.

6 января 1976 года генерал — лейтенант Родин скончался.

В 1995 году я выпустил в издательстве «Орелгипроприбор» поэтическую книгу «Русь». В нее вошла моя поэма «Жаркое лето», где повествуется, в том числе, и о подвигах героев — уральцев. А вот несколько строк, посвященных непосредственно Георгию Семеновичу:

Сдружил он крепко Болхов и Урал
В суровые и памятные годы.
Георгий Родин -русский генерал,
Достойный сын великого народа!

С ним вспомнили мы время беспокойное:
Коварство Сталина, холуйство Маленкова,
Горячность Жукова —
И многое другое.

Смолк генерал. Нас проводил до двери.
Кивнул нам на прощанье головой.
Мы молча шли — и, веря и не веря,
Что встретились с «историей» самой!

Возложение венков на братскую могилу в деревне Щербово учениками Михневской школы с их учителем Д.И. Ломакиным, 1970 г. (Здесь в том числе похоронены и танкисты-уральцы).

УЗНИК ОСВЕНЦИМА

Парнишкою юным, изведал Григорий,
Как зло и как страшно гудит крематорий,
Как в зеве печи, безудержно горят
Колодки и кудри орловских девчат.

Заведующая сельским клубом Валентина Прохорцева настойчиво уговаривала меня принять участие в смотре художественной самодеятельности.

— У вас есть хорошие стихи, я их читала в газетах, — убеждала она, — о войне, об отце, о маме. К тому же вы директор школы и ваши слова, я уверена, ребята горячо воспримут. Поэзия, как бальзам — лечит и воспитывает, а не только развлекает.

Было мне в ту пору 29. Я, как выражались тогда, еще не вышел из комсомольского возраста. Молодой задор давал о себе знать, и я согласился.

Сельская молодежь, действительно, со свойственным юности энтузиазмом восприняла мою декламацию собственных стихов. Меня не замедлили выдвинуть на районный смотр, что пришелся на 22 декабря 1969 года. В Болховском Доме культуры, где он состоялся, было полным — полно зрителей. Присутствовал на нем, в качестве члена жюри, и работник Орловского дома народного творчества, известный поэт — песенник Григорий Иванов. После концерта он отыскал меня, сказал:

— Петр Дмитриевич, я хотел бы с вами побеседовать. Не возражаете?

— Нет, — отвечаю я, глядя в открытое, совсем не интеллигентское лицо, еще относительно молодого мужчины, — но тут такая толчея.

— А мы погуляем с вами по улице. Там, конечно, свежо, но мороз слабый, не замерзнем.

— Хорошо, — отвечаю.

Мы быстро оделись и вышли, на залитую огнями Ленинскую магистраль. Григорий Фролович безо всяких обиняков похвалил мои стихи. При этом признался, что еще ранее он ознакомился с моими публикациями в «Болховской нови» и в «Орловском комсомольце».

— Особенно мне понравилась ваша «Озимь», — отметил он, — она только что напечатана в «Орловской правде». Эту газету я даже с собою прихватил. Свежо, непредвзято. Образно. И все-таки меня больше трогают ваши стихи о войне. О вашем инвалиде — отце и безутешном горе матери, стоящей над пеплом своего родного дома. Видно потому, что сам многое пережил — едва в крематории не сгорел.

— Как?! — воскликнул я, с интересом вглядываясь в его грустные глаза и коренастую, среднего роста, рабочую фигуру, — разве вы воевали?

— Нет. Тогда я еще годами не вышел. Но в фашистский капкан угодил. Долгие месяцы томился в Освенциме. Все круги ада прошел. Да, что зря говорить, я вам лучше стихи свои, называются «Березки — бжезинки», прочитаю. Не утомлю?

— Что вы? Буду только рад!

Читал Григорий выразительно, с волнением:

Не ветер гудит у Карпатских предгорий -
Я слышу, как будто гудит крематорий.
Я слышу колодки — стучат и стучат
И в пламени вижу орловских девчат.
Из черного пепла подруги встают,
Войну проклиная, и долю свою.
И гневно звучит каждой узницы сердце:
— Не повторись на планете Освенцим!
Березки — бжезинки,
Березки — бжезинки
Свисают, как жемчуг,
Холодные льдинки.

— Здорово! — не сдержался я от восхищения и признался, — я так не смогу. У меня все проще, примитивнее.

— А вот самоуничижением заниматься не надо! — осадил меня поэт Иванов, — хватить с нас немцев. Это они нас быдлом считали. Русский же человек — талантлив. И в России, больше гениев, чем в Германии. Их, к примеру, Гете с Байроном, и в подметки нашим Пушкину с Лермонтовым не годятся.

— Смелое утверждение! — улыбнулся я.

— Как есть, — не смутился Григорий и спросил, — вы кни-

гу не собираетесь издать?

— Вы что? Рад и тому, что хотя в газетах изредка печатают.

— Напрасно. Пессимизм — плохой советчик. Впрочем, вы молоды. Я-то лет на 15 вас постарше, а то же лишь недавно издался. В 1967, в Туле у меня небольшой сборник вышел.

— Как называется?

— «Земляки мои» О нас с вами, об орловцах.

— Не читал?

— Не беда. У меня несколько книжек с собою — подарю, но с двумя условиями.

— Какими? Вы меня просто озадачиваете.

— Именно, чтобы зря не скромничали. Первое: вы начнете готовить рукопись будущей книги. Второе: непременно приедете в Орел на областной смотр. Мы вас уже выдвинули, как самодеятельного чтеца. С декламацией у вас, действительно, на редкость хорошо. Поэты свои стихи, по обыкновению, нудно читают, а вы как подлинный артист.

— Спасибо на добром слове! — засмеялся я.

— По заслугам и награда! — не смутился Иванов.

Вышло все так, как и предсказывал Григорий. Поздно, но я все же выпустил в свет свои вирши. И не одну книгу, а целых три. И второе условие было выполнено. В январе 1970— го, во Дворце железнодорожников Орла, я с успехом выступил на областном смотре и был удостоен Диплома 3-й степени. На подаренной мне книге «песенник орловского края», как назвал Григория Фроловича писатель Иван Подсвиров, сделал дарственную надпись: «Петру Козину на добрую память от автора. Гр. Иванов». Затем у меня появится его повесть «Зеленая балка».

Что касается песен Григория Иванова, то они облетели всю страну. Член союза композиторов, профессор Рыжкин писал: «Песни на стихи орловца Иванова, разнообразные по жанрам, по настроению, написанные на отличном художественном уровне, служат полезным вкладом в репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов».

Когда я узнал о смерти поэта Григория Иванова, то еще раз перечитал его книги. Вот как бывший узник Освенцима, а затем юный партизан писал о своей девушке, с которою ходил в разведку:

А пули срезают ветки.
И стонет от раны ветла.
В то утро твоя разведка -
Последней разведкой была.
В то утро в лесу Спадщанском
Мы дали три залпа подряд.
И молча с тобою прощался,
Винтовки сжимая, отряд.

В 1972 году я был назначен директором Золотаревской средней школы и естественно, будучи историком и обществоведом, вновь, как и в Сурьянине, руководил занятиями краеведческого кружка. Вместе с ребятами, мы встречались с ветеранами Великой Отечественной, записывали их рассказы — были о войне. Некоторые, наиболее яркие из них, мы и предлагаем вниманию читателей.

ГРАНАТА ЛЕТИТ В ЦЕЛЬ

Из-за раскидистого дуба
Строчил немецкий пулемет.
Боец Ретюнин, стиснув зубы,
Ему заткнул гранатой «рот»!

— Воевал на Северо-Западном фронте с февраля 1942 по август 1943 года, — рассказывал старший бухгалтер Золотаревского СПТУ-21 Алексей Никанорович Ретюнин, — затем наша часть была переброшена на 3-й Украинский фронт, под Харьков. В его подразделениях я сражался до долгожданной победы.

С боями мы форсировали реку Ловать в районе города Старая Руса. Штурмовали Днепр, форсировали Нигулец, Днестр, Прут, Дунай.

Значительным эпизодом запечатлелся в моей памяти случай на Днепре. Заняли мы небольшой клочок земли на берегу реки. Немцы всеми силами старались сбросить нас в воду. Но мы удержались. Ночью пришло подкрепление. И началось расширение плацдарма. Враг подтянул резервы. Но благодаря стойкости и героизму наших солдат неприятельские атаки захлебнулись. Подошли наши танки, и фашисты отступили.

За форсирование Днепра меня наградили орденом Славы 3-й степени. В феврале 1944 года мы успешно вели наступление на город Кривой Рог. Во время очередной атаки был ранен. Три месяца находился в госпитале. Потом снова фронт. Родная часть. За штурм Кривого Рога я был награжден орденом Красной Звезды. Наступая, наши войска освободили от врага Молдавию, выш-

ли на реку Прут. В этой операции меня отметили орденом Славы 2-й степени.

В районе озера Балатон, что в Венгрии, немцы наступали беспрерывно. И они, и мы несли большие потери. К нам на батарею 120 мм минометов пришел командир полка И. Ф. Жеребцов и повел бойцов в контрнаступление на наседавшего противника. Вокруг шумел лес. Из-за большого, раскидистого дуба строчил пулемет. Я бросил в него гранату. Один немец был сражен наповал. Другого фрица, взяли в плен.

Войну закончил в австрийском городке Граце. Связь с боевыми товарищами поддерживаю до сих пор.

ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ СУМАТОХОЙ

Дела у фрицев стали плохи,
Когда намявши им бока,
Бойцы, при общей суматохе,
У них — украли «языка»!

Ветеринар — пенсионер Алексей Федорович Лукашин говорил спокойно, не торопясь:

— Родился в 1909 году. В армию был призван в начале войны Моховским райвоенкоматом Орловской области. Воевал на Ленинградском фронте.

Из боевых эпизодов вспоминаю такой, наиболее комичный. Как-то командир приказал достать «языка». И наш разведывательный взвод приступил к выполнению этой важной задачи. Это было в начале 1942 года, когда нам более еще крайне трудно. Мы двигались по замерзшей реке. Враг не ждал от нас дерзостных поступков, чувствовал себе уверенным, ибо был сильнее. Поэтому, когда мы подошли к деревне Шапки, фашисты ничего не подозревали. Были многие из них навеселе, без оружия. Раздавался их веселый хохот. Мы тут же забросали их гранатами. Большою суматохою, которая поднялась в деревне, мы и воспользовались. Скрутили немецкого офицера и стали отходить. Густой камыш, торчавший из-подо льда берега реки, надежно при-

крывал нас. В этой операции мы не потеряли ни одного человека.

Мне довелось участвовать в защите Ленинграда, освобождении от врагов Пскова, Волхова, Тихвина.

Войну закончил младшим командиром на Дальнем Востоке. За боевые заслуги я был награжден, многими медалями.

В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ

Сознанье, потеряв от боли -
От ран, в боях за Ленинград.
К фашистам,
в рабскую неволю
Попал Некрасов Александр!

Воспитатель общежития Золотаревского СПТУ-21 Александр Сергеевич Некрасов, переживший фашистский плен, хорошо знает цену сегодняшней мирной жизни.

— На Ленинградском фронте, — вспоминает он, — в направлении города Старая Руса мы охраняли железную дорогу — важную артерию снабжения наших войск и жителей блокадного города. Немцы наседали, нам пришлось отступить. В бою меня тяжело ранило. Осколками взорвавшегося снаряда изрешетило — грудь и живот. Когда же пришел от невероятной боли в сознание, то увидел перед собою немецкого солдата.

Плен. Допросы. Я молчал. Фашисты зверски избивали меня. В Кричевском лагере смерти военнопленные работали с утра до вечера. Нам давали суп из гнилой картошки, да и тот был к тому же, наполовину с опилками. От такой еды мы болели и многие умирали. В лагере было много честных советских людей. Среди них запомнился русский доктор. Он очистил мою рану на груди, смазал креолином рубцы на животе. Таким образом, провел курс лечения, и пообещал отправить меня в тифозный лагерь. Там условия содержания были сноснее. Так все и произошло. Потом я бежал с товарищем, но нас поймали.

Враги допытывались, кто мы: партизаны или беглецы? Мы

молчали, ибо отлично знали, что и за то и другое ждет смерть. Нас изрядно высекли, после чего отправили на работу в Эстонскую сланцевую шахту, где я пробыл с сентября 1943 до весны 1944 года.

Между тем, советские войска вели успешные бои на Ленинградском фронте, и дошли до Нарвы. Немцы пытались эвакуировать нас в Германию. И вновь, улучив момент, я предпринял попытку к бегству. Во время перегона с Малой на Большую пристань, ночью, нас охранял немецкий конвой. Через каждые 15 метров — солдат с овчаркой.

Медленно двигалась колонна вдоль глубокого кювета. И вот, наконец, наступила та напряженная минута, которая решила нашу судьбу. Я и еще один пленный, упав на землю, залегли. А за тем, оттолкнувшись, покатились в кювет. На дне его, затаив дыхание, пролежали до тех пор, пока лай собак не стал слышен. Нам не верилось, что мы уже на свободе.

Несколько позже повстречали еще 4-х беглецов, своих товарищей. Достали два боевых автомата. Посмелев, стали обстреливать немецкие обозы, портить связь. Так было до сентября 1944 года.

И вот на остров Эзель высадился советский десант, подошли танкисты. Мы доложили командиру полка о себе, и он зачислил нас в подразделение моторизованных стрелков. В составе танковой части мы добивали врага. На острове Эзель для меня закончилась война. Я добровольно остался строить разбитые врагом гавани.

Вернулся на Родину. Затем пришли награды — две боевые медали.

ДОШЛИ ДО ЭЛЬБЫ

Снаряды, будто звезды падали -
Шли беспрерывные бои!
С американскими солдатами
На Эльбе — повстречались мы!

— На фронте — с первого дня войны. Находился на границе с Румынией. Шли несмолкаемые бои. Я был сапером, — рассказывает Павел Михайлович Минаков, сантехник Золотаревского СПТУ-21, — с изнурительными боями отступали. Долог был путь к Победе. В составе первого Украинского фронта мы освободили Польшу от вражеских войск. Затем овладели городом Франкфурт на Одере. В Берлинской операции нам пришлось очищать от немцев Силезский вокзал.

Самое памятное событие — встреча на Эльбе с американскими войсками. Мы мечтали тогда о мире, о сотрудничестве. И совсем не предполагали, что, закончив горячую схватку с общим противником, мы вступим в полосу межусобной — холодной войны. Здесь, на Эльбе и закончилась для меня вьюга — завируха.

Награжден я — орденом Отечественная война 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За оборону Кавказа» и другими.

И ЖИВУ Я НА ЗЕМЛЕ ДОБРОЙ ...

Как нас снаряды не косили,
Среди весны или зимы,
Куда бы нас не заносило -
О светлых днях мечтали мы!

— В ряды Советской Армии я был призван в августе 1943 года, — рассказывал заместитель председателя колхоза имени Дзержинского Василий Матвеевич Конов, — и был направлен в 1174-й полк 108-й дивизии Центрального фронта. Им тогда командовал Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский.

После освобождения Орла 5 августа (этой датой ныне именуется улица города, на которой и проживает автор этих строк — П. К.) 1943 года, наша дивизия шла в направлении на Брянск. В первый бой вступил под станцией Нарышкино.

Мне доверили командовать отделением. В нем насчитывалось 12 необстрелянных солдат, пришедших в пополнение после битвы под Орлом. Что говорить, было страшновато идти в первый бой. После артподготовки, от которой вся передовая линия врага покрылась сплошным черным облаком. В небо взвилась зеленая ракета — сигнал к атаке. Мы выскочили из окопов, держа впереди себя автоматы, и пошли вперед, стреляя на ходу. Противник открыл сильный минометный огонь. Атака успеха не имела. Мы вернулись на исходные позиции. Но тут увидели, как передний край обороны врага обрабатывают наши артиллерия и авиация. Особый ужас на фашистов наводили наши гвардейские минометы — «Катюши». На этот раз нам удалось выбить врага с его позиций и пройти с боями 60-70 километров.

Впоследствии я воевал на первом Белорусском фронте, на третьем и четвертом Украинских фронтах. Прошел с боями Румынию, Чехословакию, Венгрию, Югославию.

В моей солдатской жизни было много боевых эпизодов. Особенно интересный случай произошел в то время, когда я был помощником командира взвода разведки. Нам дали задание взять «языка». Место действия — окрестности города Будапешта. Мы подобрались к передней линии. Один из нас пробрался даже в тыл противника. Вот он уже находится у блиндажа командного состава. Дерзость, помноженная на выдержку, помогла выкрасть офицера. Он оказался командиром части и сообщил затем очень важные сведения. Звали нашего славного разведчика — Подобед Виктор Михайлович. Он храбро сражался с врагами и геройски погиб у озера Балатон.

Вместе с боевыми товарищами и я внес свою лепту в победу над врагом. Теперь часто вспоминаю погибших друзей, особенно разведчика Виктора Подобеда. И невольно приходят на память слова поэта Роберта Рождественского:

«И живу я на земле доброй
За себя и за того парня!».

Боевые заслуги не забываются. Орденом Славы 3-й степени меня наградили за спасение командира роты, тяжело раненого в бою. Орден Славы 2-й степени мне вручили за два подбитых танка в районе озера Балатон. Медаль «За отвагу» получена за успешное отражение атак противника.

ПАРТИЗАН КУЛИКОВ

За землю Русскую, за честь
И за бесчисленные раны,
С врагом схватились насмерть здесь -
В краю орловском — партизаны!

— Когда немцы подходили к Орлу, меня, секретаря райкома партии, — рассказывал былой партизан Куликов Михаил Андрианович, — оставили в качестве командира диверсионных групп. Каждая из них состояла из трех человек. Действовали они на территории 30 сельских Советов.

Накануне захвата немцами станции Домнино нами было принято решение угнать от фашистов скот. Я послал мальчишку — связного к председателю колхоза Кондрашовой, чтобы передать ей указание — скот не должен достаться врагу. Немцы выследили и арестовали связного. Тогда я сам лично объехал деревни: Телегино, Марьино и другие, где провел работу не только по угону животных, но, в первую очередь, отправил военнообязанных в город Елец.

Горько сознавать, но многих моих верных помощников фашисты схватили и расстреляли. Так в селе Спасском погиб подпольщик Синицын, на станции Золотарево — партизан Мирошкин.

Ответственные задания выполняли юные 14-летние партизаны. Они действовали под городом Карачевом, где в окружении врага оказались воины третьей дивизии. Спасая бойцов от участи пленения, многие из них не уберегли сами.

Мне довелось, с жестокими боями, освобождать землю родного края: Орел, Моховое, Мценск, собственное село — Михай-

ловку. Много было боевых эпизодов и приключений. Но, не стирается в памяти геройская борьба и подлинное мужество безвременно погибших юных подпольщиков и партизан. Им бы жить, да жить!

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

Теснимые огнем и страхом,
Фашисты удирали прочь:
Берлину — некому помочь -
Сияет Знамя над Рейхстагом!

— Мне, молодому бойцу, необыкновенно повезло, — рассказывал хлебороб сельхозартели имени Дзержинского Василий Григорьевич Александров, — я освобождал в августе 1943 года родной Орел. Находясь в артиллерийской части, исполнял должность старшины. Под Вяткою несколько раз ходил в разведку.

Не забыть жестокие бои по взятию Сандомирского плацдарма. Десять часов находились в окружении. Враг не давал передохнуть. Воздух был насыщен гарью и копотью. Ничего невозможно было рассмотреть — небо смешалось с землей. Со всех сторон слышались стоны умирающих. Но оставшиеся в живых продолжали вести бой. И это не смотря на то, что нам не хватало боеприпасов и многие орудия вышли из строя.

На правом фланге фашисты сосредоточили большие силы. На нас шли десятки танков и самоходных орудий. С воздуха нас осыпали зло воющие бомбы. Но воля и мужество бойцов взяли верх. Мы победили!

За освобождение польского города Кракова, я был награжден орденом славы 2-й Степени. 1 мая 1945 года наша часть ворвалась в Берлин. Какое было для меня счастье видеть, как над поверженным рейхстагом, взвивалось Красное Знамя нашей Победы! И пусть меня простят мои земляки, но эта радость была даже выше, чем та, которую, я испытал при освобождении родного Орла.

«НЕТ — ФАШИЗМУ!»

И не во славу, ради жизни,
Свободу на штыках несли
Они народам всей земли -
Герои — земляки мои.
Девиз их краток:
— «Нет — фашизму!».

Скромный кладовщик профессионального училища Петр Федорович Петелин, один из славных сынов Орловского края, вдохновенно повествовал о пережитом:

— Мне довелось сражаться в составе ударной 287 дивизии. До февраля 1943 года, она располагалась в районе города Мценска. Мы ни днем, ни ночью не давали покоя врагам. С упорными боями освободили поселок Залегощь. Отделение, которым я командовал, совершало неоднократно, смелые вылазки в сторону обороны противника. В сражении под поселком Шаблыкино, я был ранен. Излечился. Но в новых схватках с фашистами, уже под Великими Луками, истекшего кровью, меня опять поместили в госпиталь. Не успев окрепнуть, я потребовал досрочно выписать меня и направить на фронт. Так глубоко проникло в мое сознание и сердце решение — отмстить врагу за порушенные ими наши села и города.

На этот раз попал в состав 33-й дивизии. Она участвовала в освобождении Латвии. С тяжелыми боями, теряя верных товарищей, воины дивизии вскоре вышли на государственную границу страны.

Граница. Дальше — чужая земля, где господствует фашизм. «Нет — фашизму!» — с таким девизом мы шли на помощь зарубежным друзьям. С одним желанием — избавить их от черного ярма гитлеризма. Цель — разбить врага в его собственной берлоге!

Здесь, в Румынии, и закончилась для меня военная эпопея. Много было фронтовых приключений. Но это хлеб для беллетристов. Главное в войне — это подвиг русского, в первую очередь, народа. Именно его освободительная миссия помогла Европе искоренить коричневую чуму XX столетия — фашизм!

ОТВАЖНЫЙ ЗНАМЕНОСЕЦ

Андрюша Гелкин — знаменосец,
Прославил Родину свою -
В неравном, яростном бою,
Погиб! -
но Знамени не бросил!

Старший фельдшер Золотаревской участковой больницы Николай Георгиевич Сериков вел разговор с нами в присутствии своей любимой дочери Галины, словно передавая ей эстафету памяти. Вот, что он рассказал нам из пережитого им в дни годины горькой:

— Воевать начал в июле 1942 года. Куда только не забрасывала меня фронтовая судьба. Освобождал Белоруссию. Форсировал, печально известную французскому императору Наполеону, реку Березину. Штурмом брал Витебск, где с поля боя вынес раненого связиста. Очищал от фашистской нечисти Литву. Вплавь переправился через Неман. Штурмовал польский город Сувалки.

В Восточной Пруссии нашу дивизию окружили плотным кольцом немецкие войска. Командир полка Ковтунов созвал Совет офицеров и поставил задачу: прорваться — во что бы то ни стало!

В наступление пошли ночью. Завязалась жаркая схватка! Фашисты окружили гвардейца — знаменосца Андрея Гелкина! Они предложили ему сдаться в плен. Но отважный боец решил дать неравный бой! Горячий патриот своей Родины, он не бросил Знамя, а обернул им свою грудь. С оружием в руках он сражался до тех пор, пока в широкой груди не перестало стучать его пламенное сердце.

После боя возле тела Андрея было обнаружено 30 фашистских трупов. Знамя, в которое он был, обернут, оказалось все изрешечено пулями и полито горячей кровью героя. За этот беззаветный подвиг Андрею Гелкину, посмертно, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза!

УЧИТЕЛЬ — БОЕЦ!

Решал с детьми задачи в школе,
Затем с бойцами в ратном поле.
И на груди его не зря -
Две Красные Звезды горят!

Имя Михаила Александровича Чубина знакомо каждому учащемуся Золотаревской средней школы, а некоторые учителя хорошо помнят его, своего бывшего коллегу, еще с довоенных лет. Тогда он здесь преподавал математику. Отсюда и был призван в ряды Советской Армии. Первое боевое крещение Михаил Александрович получил в 1939 году, освобождая народы Западной Украины и Западной Белоруссии от ненавистного режима. Окончив специальные курсы политсостава, он принимал активное участие в боях на родной орловской земле. Юная краевед Нина Баулина записала его рассказ о делах ратных:

«В 1942 году освобождал я от немцев — Верхнюю и Нижнюю Залегощь. Особенно запомнилось сражение под Змиевкой. За овладение этой станцией, велись ожесточенные бои — за два дня пришлось отбить 13 вражеских атак. Лишь ценою больших жертв нам досталась победа над неприятелем.

В 50-ти километрах от Змиевки находится село Потемкино. В течение трех суток оно несколько раз переходило из рук в руки. Это было страшное зрелище. Горели танки, автомашины, дымилась земля, умирали солдаты. В начале перевес был на стороне немцев. Они превосходили нас в боевой технике и живой силе. Поэтому село пришлось временно оставить. Но, через неделю к нам пришло подкрепление, и мы сумели сломить оборону противника. Особенно хорошо нас поддержала авиация. В результате — Потемкино в наших руках. Однако немцы собрались в кулак. Новые бои. Мы в обороне. Еще пять дней боев и, наконец, село было освобождено, уже навсегда.

Не забывается и сражение за деревню Васильевка, что произошло 30 июня 1943 года. Командир батальона получил приказ: наступать. И вот гремит бой! Наши воины проявили невиданный героизм, стойкость и мужество. Было подбито несколько немецких танков. Уничтожены и взяты в плен десятки вра-

жеских солдат и офицеров. Захвачены два склада с продовольствием и боеприпасами. За участие в боях под Васильевкой меня наградили орденом Красной Звезды.

Затем довелось форсировать Десну. Здесь, у деревушки Боровичи меня ранило. За успешные операции был награжден вторым орденом Красной Звезды. После лечения в Иркутском госпитале, я был направлен служить в должности заместителя командира батальона. После освобождения Воронежа исполнял обязанности помощника военного коменданта этого большого степного города. В 1946 году демобилизовался и приступил к работе учителя родной школы».

ЗАВЕТЫ ВЕТЕРАНА

Боец наказывал ребятам
Хранить идеи Октября.
Но, разве дети виноваты,
Что нынче новая заря!?

Передо мною лежит пожелтевшее фото. С портрета, чем-то напоминающего писателя — певца природы Михаила Пришвина, на меня смотрят за круглыми стеклами очков внимательные, строгие глаза пожилого человека в рабочем костюме. Это Георгий Гаврилович Тарасов, член КПСС с 1918 года, участник гражданской войны, персональный пенсионер. Он полный тезка моему бывшему директору Репнинской средней школы Георгию Гавриловичу Тимохину. Разница лишь в фамилии, да возрасте. Если Тарасов утверждал идеи Октября на полях сражений с белогвардейцами в памятном 19-ом, то молодой офицер Тимохин с именем Сталина, громил фрицев всей мощью вверенной ему батареи «Катюш» в грозовые — сороковые.

Однако оставим до времени воспоминания о моем дорогом учителе и директоре. Сейчас постараемся разобраться в том, что же начеркал на обратной стороне своего фото рыцарь революции, почетный гражданин Верховского района. Читаем: «На память ученику 5-а класса Золотаревской средней школы Володе Коно-

ву, который повязал мне на встрече 22 апреля (в день рождения Ленина) 1967 года пионерский красный галстук. От старейшего друга детей Георгия Тарасова».

Подобная фотография была подарена и пятикласснице Наде Зеновой, которая преподнесла старому ветерану книгу.

Много интересного услышали в тот незабываемый вечер ребята об истории своего края. Ведь Тарасов был не только очевидец, но и непосредственный участник многих революционных преобразований на Орловщине.

— Ко дню призыва в царскую армию (в ноябре 1912), — рассказывал Георгий Гаврилович, — я уже имел двенадцатилетний трудовой стаж. Был батраком, шахтером. 26 октября 1917 года — на второй день большевистского переворота, в город Владивосток, где я проходил службу, поступило телеграфное сообщение о том, что 25 октября 1917 в Петрограде рабочие, солдаты и матросы под руководством партии большевиков взяли власть в свои руки.

В феврале 1918 года я вернулся в родное село Золотарево, теперь Залегощенского района. Тогда же местная власть сосредотачивалась в Михайловке. Михайловский волисполком находился в семи километрах. Это было богатое село. Руководство волисполкомом находилось в руках левых эсеров. В Михайловке было много излишков хлеба, но кулаки не хотели добровольно их сдавать советскому государству. Кулацкими главарями значились: Дорогов, Редникин, Рожков. Они имели связь с уездными и губернскими эсерами и готовили контрреволюционный переворот. Среди еврейских партий (левых и правых эсеров, большевиков, монархистов, кадетов и других), как мы видим, не было единства ни в целях, ни в методах революционной борьбы.

В начале июня 1918 года был организован волостной комитет бедноты во главе с Мироновым. Секретарем был избран я. Волисполком из Михайловки был переведен в село Золотарево. В августе 1918 вспыхнуло левоэсеровское восстание. В ответ на это Золотаревская волостная ячейка большевиков во главе с Мироновым организовала добровольцев и направила их в ряды Красной Армии. Я тоже пошел на фронт добровольцем. Меня зачислили на Орловские пехотные командные курсы. Во время учебы, нам, курсантам, очень часто приходилось принимать уча-

стие в подавлении кулацко-эсеровских и белогвардейских выступлений.

В мае 1919 года, по окончанию курсов, я был направлен на южный фронт, где был назначен командиром 8-й роты. Она прикрывала действия бронепоезда «Черноморец». В октябре этого года белогвардейским войскам генерала Деникина удалось на короткое время захватить Орел и его окрестности. В том числе и мое родное село Золотарево. В результате предательства деникинцы взяли в плен штаб 55-й дивизии во главе с некогда царским генералом Станкевичем, перешедшим на сторону большевиков. Над 14-ю штабистами зверски издевались, а затем расстреляли. Станкевичу было предложено перейти к ним на службу в качестве генерала, на высокую командную должность. Но он категорически отверг предложение врага и заявил, что он служит только великому советскому народу. После такого резкого выпада, Станкевич был казнен.

В это же самое время белогвардейский офицер с группой солдат окружили хатенку моих родителей и стали искать меня. Но, когда им это осуществить не удалось, то они в злобе забрали все до нитки. Пытавшуюся вступиться за нажитое трудом добро, мою мать, избили шомполами до потери сознания. Но, недолго бандам Деникина пришлось властвовать на Орловщине. Красная Армия полностью разгромила вражеские войска и освободила Орел.

Золотаревские большевики совместно с коммунистами окружающих сел и со всеми крестьянами похоронили 14 штабистов в братской могиле. Она располагалась в имении бывшего помещика Галльского. А гроб с телом помощника командующего 13-й армией Станкевича был отправлен в Москву и похоронен у Кремлевской стены. У общественных организаций и местных жителей есть большое желание воздвигнуть товарищу Станкевичу памятник на месте его гибели в селе Золотарево.

Станкевич умер за Россию,
За власть рабочих и крестьян —
Не уж то нет у власти силы
Его поднять — на пьедестал?!

В заключение своей беседы, Тарасов сказал:

— Я горжусь, что поступил правильно, отдав все свои силы с первых дней Октября упорной борьбе с контрреволюцией. И я очень счастлив, что пролил свою кровь, за торжество идей Ленинской партии, за власть Советов. От всей чистой души и искреннего сердца желаю вам, дорогие ребята, комсомольцы и пионеры, доброго здоровья и неутомимого труда в овладении наукой. Храните пройденный путь и преданность Родине ваших дедов и отцов. Будьте нашей достойной сменой, смело идите вперед к светлому будущему.

Эти заветы старого ветерана — большевика ребята, как могли, старались выполнять. Володя Конов, например, тот, которому Георгий Гаврилович подарил свою фотографию с дарственной надписью, успешно закончил не только школу, но и машиностроительный институт. Стал инженером. «Душа класса» Надя Зенова подарившая Тарасову свою книгу, еще, будучи в пятом классе, так же отлично завершила учебу в средней школе и в Университете. Работает в Орле.

И Володя, и Надя, и другие юные краеведы Золотаревской средней школы, руководимые преподавателем географии Ларисой Александровной Ганжой, были очень огорчены вестью о смерти персонального пенсионера страны Георгия Гавриловича Тарасова. Он скончался в июне 1972 года и похоронен по последнему месту жительства, в поселке Верховье.

Воспоминания «живой легенды» Октября и гражданской войны — Тарасова тщательно записаны. О них многие годы, на торжественных линейках и пионерских сборах, рассказывалось ребятам — юной поросли ленинцев. Так было до 1991 года. С приходом к власти демократов, объявивших себя анти ленинцами, все изменилось. Не стало ни комсомольцев, ни пионеров. Оставшихся в Золотарево, верными делу революции 1917, коммунистов можно пересчитать, по пальцам. Не удивительно, что наказ большевика Тарасова увековечить нравственный подвиг генерала Станкевича — памятником и присвоением его имени школе, не выполнено. Вот, что сказал о нашем времени, а точнее о безвременье поэт Валерий Хатюшин:

Мы крест несем за то, что вновь
Поверили заклятьям ложным.

Надежда, Родина, Любовь -
Расстреляны в недавнем прошлом.
В душе мечта истреблена -
Страна великая распалась!
И только ненависть одна
В крови бестрепетной осталась.
Теперь не стоит ни рожна
Все, что вчера звучало гордо.
Разгромлена моя страна.
Что делать мне — я знаю твердо.

На этом мы заканчиваем воспоминания бойцов и о бойцах села Золотарево. В 1974 году я переехал на постоянное жительство в Орел, где проживали свои ветераны гражданской и Отечественной войны. Об их ратных подвигах я и постараюсь поведать моему благодарному и внимательному читателю.

ПОДВИГИ РОБЕРТА КЛЕЙНА

Был Роберт Клейн из таковых,
Чья жизнь трагичней всех живых:
Он был чужой, среди — своих
И был своим, среди — чужих!

На земле всегда есть место подвигу. И подлинных героев не счесть. Однако СЛАВА — особа своенравная! Она многих из них, порою несправедливо, обходит. Например, десятки летчиков бросали свой горящий самолет на базы противника или отважно шли на таран. Но у нас, в памяти, лишь имена Гастелло и Талалихина. Не мало калек служили в авиации и в других родах войск, совершая при этом изумительные чудеса храбрости, но мы хорошо помним из их необозримого числа только имя Алексея Маресьева. Почему? Да потому, что существует такой неприятно — обыденный термин, как реклама. Да, именно, реклама. Она не только двигатель торговли, но и побудительный мотив славы. Не окажись в нужном месте и в урочный час рядом с тем же Маресьевым писатель Борис Полевой, не напиши он «Повесть о настоящем человеке», то вряд ли десятки миллионы россиян и жители всей планеты, знали бы о бесстрашии и мужестве безногого летчика.

Это, так же, благодаря блестящему таланту Александра Фадеева, создавшему эпохальный роман «Молодая гвардия», мы знаем сегодня о кипучей деятельности подпольной молодежной организации, руководимой Иваном Туркеничем и Олегом Кошевым в шахтерском городе Краснодоне. Среди героев — молодогвардейцев орловцам особенно дорого имя их земляка, уроженца старинного города Новосиля — Сергея Тюленина. И за все это спасибо выдающемуся русскому писателю Фадееву.

И, как грустно, в этой связи, сознавать, что находились советские политработники, вроде секретаря райкома партии Михаила Андриановича Куликова (смотрите главу «Партизан Куликов»), которые посылали на верную смерть 14-летних детей и даже не удосужились установить их имена и фамилии. Стыдно, господа коммунисты! Из-за таких, Куликовых, которые видели в людях массу, а не личности, и произошло в 90-е годы, величайшее предательство идеалов социализма и поругание нашей несчастной Родины.

Или такой факт. В книгах партизана Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом» ярко и выпукло нарисован образ героя — уральца Николая Кузнецова. О нем красноречиво повествуется и в кинофильме «Подвиг разведчика». Кузнецов, в форме немецкого офицера, по выкраденным документам, буквально из-под носа фашистов вывез к партизанам их важного генерала. Он так же уничтожил наместника Украины Эриха Коха. По известному многосерийному фильму «17 мгновений весны» мы теперь отлично знаем и о подвигах полковника Исаева, воплощенного на экране актером Вячеславом Тихоновым, в образе штандартенфюрера СС Штирлица.

Нашему герою, начальнику разведки первой Украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза Семена Ковпака, капитану Роберту Александровичу Клейну, явно не повезло. О нем упоминается лишь, между прочим, вскользь. У писателя — партизана Петры Вершигора есть книга «Люди с чистой совестью». Она посвящена легендарному рейду партизанского соединения Ковпака от Брянских лесов до урочищ горных Карпат. И опять о Клейне почти ничего. А ведь именно в состав его подразделений он и входил. Так уж бывает, поется в популярной песне, так уж выходит: кто-то теряет, а кто-то находит. Петр Вершигора выпустил из виду нашего героя, а мы его нашли. Вот, как это было.

Волею случая, в августе 1974 года, я пришел в Орловское управление автомобильного транспорта, которое возглавлял, к тому времени, уже 30 лет, Герой Советского Союза Роберт Александрович Клейн.

Юркий, не смотря на полноту своей фигуры, и невероятно болтливый, начальник отдела кадров Александр Иванович Мак-

сименко представил меня своему шефу. При этом не говорил, а будто жонглировал словами:

— Петр Дмитриевич, по образованию, учитель, а не технарь. Но он директором школы работал. Как вы считаете, куда его лучше определить?

Пожилой, средних лет, волевой, что угадывалось, в его крутом подбородке и строгом взгляде, из-под светлых очков, мужчина, спокойно ответил:

— Направьте его пока в отдел пассажирских перевозок, а там Курпас Виктор Павлович сам разберется, что и как. Ты же знаешь, я ухожу. Министр Трубицын уже подписал приказ. С обкомом то же все согласовано.

— Понятно. Пусть идет к Ефимову.

Так я стал чиновником управления, главным шефом которого стал, прибывший из Брянска новый товарищ. А отныне, бывший начальник Клейн, уйдя на пенсию, тем не менее, не оставил свою связь с автотранспортом. Он был назначен председателем областного общества авто — любителей.

За семь лет работы, с 1974 по 1981 годы, под руководством Виктора Павловича Курпаса, я редко видел Клейна. Он сознательно обегал свои прежние владения. Скромный и предупредительный, он не желал своим авторитетом застить свет своему приемнику. Но, к тому времени, я уже знал, что Роберт Александрович — немец и подлинный Герой войны. В «Орловской правде» от 1 мая 1975 года мне довелось прочесть очерк журналиста Высокосова «За особые заслуги», из серии «Золотые звезды Орловщины», где раскрывалась в какой-то мере ратная стезя Роберта Клейна.

Газетчик писал:

— Далеко не всегда человек на войне, да еще во вражеском тылу знает, что его ожидает завтра, какие испытания лягут на его плечи. Нередко военная круговерть ставит человека в такие обстоятельства, при которых нужно, принять единственно правильное решение, может быть, последнее в жизни решение.

Не раз и не два, война задавала такие задачи офицеру-танкисту Роберту Клейну, ставшему затем командиром партизанской разведки. По утрам он выстраивал своих бойцов, будучи сам в новенькой, с иголочки, форме немецкого офицера. Обходил строй. Объяснял партизанам очередное задание. Они же были,

как правило, самыми сложными, требующими от разведчиков смелости, умения, выдержки, а порою, самопожертвования. Воины партизанского соединения имени Чапаева хорошо помнят, как действовал Клейн.

Грамотный кадровый офицер, он проникал в расположение вражеских гарнизонов, добывал для отряда и штаба фронта ценнейшие сведения. С двумя-тремя разведчиками, тоже в немецкой форме, проводил необыкновенно дерзкие операции. На глазах у врагов партизаны забирали со складов продовольствие, уводили автоколонны, обозы, именем народа карали предателей и фашистских палачей.

Командованию соединения стало известно о зверствах фашистской комендатуры в селе Малый Букрин, что на Киевщине. Народные мстители решили воздать должное оккупантам. С группой, уходивших на задание партизан, был и Роберт Клейн. На нем красовалась форма немецкого майора. Еще два разведчика надели вражеские мундиры, четвертый — повязку полицейского.

В селе группа тихо окружила комендатуру. Часового сняли без помех. Никто, кроме Клейна, немецкого языка не знал.

— Говорить буду только я, — распорядился Роберт Александрович, — без моей команды не стрелять. Он, коренной поволжский немец, по образному выражению режиссера Никиты Михалкова, был поистине «чужой, среди своих, и свой среди чужих».

Партизаны решительно вошли в комнату коменданта. Здесь находились четыре офицера, несколько солдат. По их вопросительным взглядам можно было понять, что никаких майоров тут не ожидали. Недоуменная пауза прервалась короткой командой Клейна:

— Руки вверх! Сопротивление бесполезно.

Опешившие немцы медленно подняли руки. Пленных увели за дом, где ожидали остальные партизаны. Но операция на этом не закончилась. В конце улицы оказалась автомашина с полным кузовом солдат. Клейн вышел навстречу, поднял руку. Старшего машины, пригласили в комендатуру и разоружили. На улице раздались выстрелы. Клейн выбежал на крыльцо.

— Мы окружены партизанами! — закричал он. — Сдавайтесь!

Немецкие солдаты сложили оружие. Утром на партизанской базе народные мстители судили коменданта за его зверское отношение к советским людям. Приговор, зачитанный Клейном, гласил: расстрел!

Комендант решил разжалобить Клейна, спросил: «Почему вы отнеслись ко мне так строго? Ведь вы, кажется, тоже немец?!».

— Да, я — немец! — серьезно проговорил Роберт Клейн. — Но мы караем вас не за то, что вы немец, а за то, что вы фашист, палач, кровавый убийца и оккупант.

Был немцем Клейн,
Но ненавидел Рейх!
Вот почему — свой ум, и дух и силы,
Бесстрашно направлял он против тех,
Кто разорял его Отечество -
Россию!

По всей партизанской земле Украины стало известно имя Роберта Александровича Клейна, чьи предки, по державной воле Екатерины Великой осели на жительство в русском Поволжье. Осенью 1943 года, когда наша Армия теснила гитлеровцев к Днепру, соединению имени Чапаева была поставлена задача — сорвать, на одном из участков, переправу немцев через Днепр. Не дать возможности противнику уйти на западный берег. В открытом бою партизанам не удалось бы удержать большие массы вражеских войск, рвущихся к мосту. Так возник дерзкий план.

Утром, обгоняя беспорядочные отряды врага, к переправе спешил «Опель — адмирал». Рядом с шофером важно восседал полковник. Это был, конечно, Клейн. Разыскав коменданта, он, как представитель Ставки фюрера, потребовал — прекратить переправу. Ушедшие на правый берег части — вернуть! А тем, что не переправились, занимать оборону и ждать дальнейших приказаний. Все это происходило в присутствии командиров немецких частей и подразделений, рвавшихся в паническом страхе за реку.

Комендант попросил представителя Ставки предъявить письменные полномочия. Вот он и настал, твой час, Роберт Клейн! Не думай о мгновеньях свысока! Решай! Действуй!

— Что? Что? Вы берете под сомнение действия представи-

теля Ставки?! — Клейн вскинул пистолет. — Именем фюрера! — грохнул выстрел. Офицеры вытянулись по стойке «смирно» и сразу поспешили к своим подразделениям выполнять распоряжения тут же назначенного коменданта.

Начался беспримерный рейд по тылам врага Первой Украинской партизанской дивизии имени Ковпака. Начальник разведки этого боевого соединения капитан Роберт Клейн с боями прошел по землям Украины, Белоруссии, Польши. За мужество и храбрость, а так же — за особые заслуги, Клейну было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Вот таким, вторым легендарным Николаем Кузнецовым, подлинным Героем войны, был на самом деле, казавшийся тихим и скромным с виду, ушедший на пенсию, мой несостоявшийся начальник Роберт Александрович Клейн. Но, что делает с героями быт, мирная жизнь? Порою, диву даешься, как преображается человек. Как теряется, видоизменяется в обыденных обстоятельствах. Меня, к слову, поразил такой, казалось бы, рядовой факт. Много лет, проработавший с Клейном, хохол Александр Иванович Максименко был крайне подвержен хлестаковщине. Он долгое время демонстрировал, по управлению, изданный совместно с болгарами журнал, с напечатанной в нем, его небольшой статьей. Кадровик, майор Максименко был представлен там, в форме советского полковника! Два просвета и три большие звезды на погонах сладко тешили мелкого честолюбца. Я спросил его:

— А Клейн, видел этот снимок?

— Да! — был ответ.

— И он, не взгрел вас, за бахвальство? Ведь вы две звезды лишние присовокупили?

— Ха — ха! — рассмеялся находчивый хохол, — а я ему сказал, что меня в военкомате, аттестовали на подполковника.

— Но от «под» — до полного полковника, еще минимум 6 лет ходу?!

— Роберт Александрович, в отличие от вас, таким мелочам значения не придает. Он — гуманный человек! И сам Клейн, в годы войны, вместо капитанских эполет, полковничьи погоны цеплял!— Максименко не выходил из своего репертуара вешать

простолюдинам «лапшу на уши».

— Но, это же совсем другая опера?! — изумлялся я наглости новоявленного Хлестакова, — в том была оперативная необходимость.

Однако, не все коту масленица. Новый начальник управления Курпас, был по национальности не немцем, а евреем. У него, по молодости, он с 1934 года рождения, не было военных заслуг, как у 60-летнего Клейна, но он был принципиальным, а отнюдь не гуманным, как его предшественник, человеком. Не удивительно, что Виктор Павлович быстро раскусил своего кадровика и уже через пару недель, выставил бахвала Максименко — за ворота автоуправления. И — поделом!

Фронтовики — сотрудники Транспортного управления, 1974 г.

В 1981 году я стал работать в проектно — технологическом бюро, одном из филиалов транспортного управления. И вновь оказался под началом Клейна. Но, на этот раз, не Роберта Александровича, а Артура Робертовича — сына Героя. Как говорят в таком случае: удивительное — рядом. В ПТБ ТУ трудились на

инженерных должностях много былых фронтовиков. В праздники они являлись при полном параде — вся грудь в орденах. Посмотришь на них — душевный трепет охватывал: сидят в обнимку ветераны. И не все они были интернационалистами. Многие возмущались засильем господ евреев, на руководящих должностях ведомства Курпаса. За ним же, из Брянска их приехало не менее десятка. «Вначале немцы с Запада наступали, — шутили фронтовики, — теперь евреи». Эпоха Брежнева — период крушения русской государственности. Это хорошо мы понимаем теперь, тогда же я не придавал этому большого значения. Устои социализма нам казались непоколебимы. С малых же лет мы усвоили, что в каждой нации, есть — и трусы, и герои.

Артур Клейн редко говорил со мною о подвигах своего отца. И никогда не прикрывался его авторитетом, хотя находился у Курпаса в негласной опале. Другое дело заместитель начальника контрольно — ревизионного отдела ТУ Анатолий Сотников. Когда он узнал, что я профессиональный журналист, то, честолюбивый ревизор, не отстал от меня до тех пор, пока я не согласился написать очерк о его дяде.

НАМ СТАРЕТЬ НЕДОСУГ

Любое дело Сотников Иван
Спешил исполнить с молодым азартом —
Возглавил КИМ, отважно воевал
И в звездный путь готовил космонавтов!

Дядя Анатолия, полковник в отставке, Иван Тимофеевич Сотников, действительно оказался интересным человеком и добрым собеседником. Если, Георгий Гаврилович Тарасов, о чьей героической судьбе мы рассказали ранее, был рыцарем революции и героем гражданской войны, то Иван Сотников олицетворял собою комсомольскую юность страны.

— Комсомольский билет я получил в конце 20-х годов, — делился воспоминаниями Иван Тимофеевич, — а с 10 апреля 1930, стал председателем коммуны «КИМ». Она была создана на месте кулацких усадеб в Покровском сельском Совете Урицкого района. Познакомившись с состоянием «хозяйства», мы с товарищами — кимовцами почувствовали конкретную ответственность не только за материальные ценности, но и за людей. Подгоняла весна. Нужно было готовиться к севу, а у нас ни одной лошади. Совсем не приведен в порядок инвентарь, нет семенного фонда. Но, на то мы и назывались комсомольцами, чтобы уметь преодолевать трудности. Ребята, как один, вооружились лопатами, граблями, носилками. Добыли коней и семена. Закипела работа.

Нам не только удалось посадить, вырастить, но и во время убрать урожай, полностью рассчитаться с государством. Обеспечив всем необходимым собственное хозяйство, мы восстановили водяную мельницу с установкой по обработке пенькового волокна для населения. Привели в рабочее состояние шерстобойку. Получили не плохой доход от пасеки. Наши успехи заметили. К концу года стали поступать заявления о приеме в члены коммуны не только молодых людей, но и целых семей.

Одна цель была достигнута, что нас очень радовало. Но наряду с трудовым фронтом не менее волновали нас задачи культурной революции. Ведь среди коммунаров 7 классов имел лишь один Гриша Евсеев, остальные по 4-ре и меньше. Райком комсо-

мола помог Евсееву поступить в Воронежский сельскохозяйственный институт. Я же был направлен в Орловский Финансово-экономический техникум.

Дела в «Коммуне» стали процветать,
Казалось бы, о чем еще мечтать?!
Но, комсомол его зовет: — вперед!
И он уходит — на культурный фронт!

Мне памятен 1932 год — время обмена комсомольских билетов. В семидесятые молодежь вновь получает новые билеты. Они уже оформлены силуэтом Владимира Ильича Ленина. Именно, с его именем, мы строили новую — социалистическую магистраль, переносили непомерные тяготы, трудности и лишения. Анализируя сегодня в 1975-ом, нашу жизнь в 30-е годы, диву даешься, как далеко шагнули мы вперед. Нельзя не радоваться этому!

Немало интересных страниц и в боевой биографии ветерана. Сотников на минуту задумался, как бы что-то припоминая, и продолжил нашу беседу:

— Начало моей летной биографии, отношу к 1932 году, когда, завершив учебу в финансово-экономическом техникуме, по мобилизации ЦК ВЛКСМ, я был направлен в военную школу летчиков. После ее успешного окончания в 1935-ом, я служил во многих авиаподразделениях. Освоив все премудрости техники, я летал на 17-ти марках боевых самолетов. По технике и искусству пилотирования всегда имел только — отличную оценку. Иначе поступать не мог. Моим девизом были крылатые слова великого русского полководца Александра Суворова: «Трудно в учении — легко в бою!

Воевать пришлось с первого дня войны. Побывал на многих фронтах. И не смотря на то, что я занимал нестроевые командные посты — политкомиссара, затем замполита полка, начальника политотдела дивизии, а позже — корпуса, я, тем не менее, совершал постоянно и боевые вылеты. Как говорят, набивал руку.

Встречи? Много их было. Мне довелось служить с генерала-

ми, Героями Советского Союза — Байдуковым и Каманиным, быть наставником у будущего летчика — космонавта Георгия Берегового. Но, размышляя сейчас о судьбах нынешней молодежи, мне хочется подчеркнуть, что подвиги любого героя идут — от дисциплины, от собранности и сильной воли.

В первые дни войны весь мир был потрясен беспримерным подвигом летчика Гастелло. Он направил свой горящий самолет в скопление вражеских танков, цистерн, грузовиков. Капитан Николай Гастелло в критическую минуту проявил высшую воинскую доблесть и дисциплину.

В бою загорелся его самолет:
Одень парашют -
твой закончен полет.
Но Родина вдвое, чем жизнь дорога,
Он смело бросается в пекло врага!

Он принял единственно правильное решение. Я мог бы бесконечно рассказывать о героях-товарищах, о своих однополчанах. О них прекрасно рассказано в очерке «Летный день». Его написал, побывавший у нас, на Калининском фронте, бригадный комиссар, выдающийся советский писатель Александр Фадеев.

В гражданскую — прославлен «в деле»,
И с немцами шел смело в бой!
Таков был Александр Фадеев -
Писатель, патриот, герой!

Очерк был опубликован в «Правде» в 1942-м, а позже — в журнале «Новый мир» №2 за 1958 год. Впечатление от двухдневного непосредственного общения с Фадеевым? Признаюсь, что аура его таланта притягательна. Это открытой и щедрой души человек!

В том же 1942-м мне довелось встречаться и слушать яркие выступления секретаря ЦК КПСС, ныне академика Константинова, секретаря ВЦСПС Николаевой, доктора военных наук, генерал-полковника авиации, Героя Советского Союза Михаила Громова и других замечательных людей.

Командир 90-го гвардейского авиационного Краснознаменного штурмового полка Михаил Арсентьевич Ищенко — мой боевой товарищ. Мы с ним находились в долгой переписке. Он часто любил повторять, что молодым людям, необходимо уже с юности определить свой жизненный путь. Избрать любимое дело и неустанно совершенствоваться в нем. Непрестанно учиться и все время считать, что ты еще не все знаешь в избранной профессии. Моего друга обуревала неумная жажда познания. Подтверждением его мысли является летная биография и жизнь Берегового. Георгий пришел к нам в полк сержантом, затем стал лейтенантом. В короткое время в результате упорной, целеустремленной учебы и работы над собой стал превосходным летчиком — штурмовиком, Героем Советского Союза.

Некоторые молодые люди полагают, что героев рождают лишь исключительные обстоятельства. Нет. Героев рождает наша действительность. Следует помнить, что не только на войне, а и в мирное время всегда и везде есть место подвигу.

Иван Тимофеевич Сотников рассказал нам о своей большой общественной работе, которую он, вместе с другом, генералом — танкистом Родиным и другими боевыми товарищами проводит в мирные дни, уже, будучи на пенсии.

— 19 лет я являюсь председателем Комитета содействия по работе с офицерами запаса и семьями погибших фронтовиков, — говорил полковник Сотников, — мы заботимся об инвалидах войны, об их быте и обеспечении жильем, личным транспортом, врачебным уходом за ними.

Проводим также общественно — воспитательную работу. Читаем на военно-патриотические темы лекции в учебных заведениях Орла и области. Каждый из членов Комитета закреплен за той или иной школой, училищем, техникумом. Участвуем в комсомольских диспутах, собраниях, митингах. Мои непосредственные подшефные — это красные следопыты средней школы № 6. Пришли они недавно за фотографиями. Их заинтересовала та из них, где я сижу вместе с Александром Фадеевым и командиром полка Ищенко. Хоть и дорога она мне была, но ее пришлось им все-таки отдать для школьного музея.

Веду активную переписку с журналистом Николаем Котышем, соавтором летчика Берегового, а так же и самим Георгием

Трофимовичем. Они готовят к изданию книгу о его боевом пути. В частности и нашего родного 90-го полка, где я служил замполитом командира части. Поддерживаю связь с клубом боевой Славы, что в Старо — Константинове Хмельницкой области.

Мне очень приятно, что Советский комитет ветеранов войны не забывает старого летчика. Ежегодно присылает праздничные поздравления. Их подписывает Герой Советского Союза, а ныне ответственный секретарь Комитета Алексей Маресьев.

Пишу воспоминания о Герое Советского Союза Молодчикове, бывшем начальнике воздушно — стрелковой службы. В общем, нам стареть недосуг! Закончить мне хочется словами Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова: «Я — солдат. И мне хотелось бы, чтобы каждый из моих молодых соотечественников, независимо от того, учится он или служит в армии, чтобы каждый имел право с гордостью произнести близкие сердцу каждого советского человека слова: «Служу Советскому Союзу!».

Сегодня нет уже с нами, ни маршала Жукова, ни генерала Берегового, ни полковника Сотникова. Нет, в том числе, и славного Советского Союза. Россия, как некогда писал Герберт Уэльс, во мгле. И молодежь, лишенная социалистической идеологии, уже совсем не та. Совсем другие у нее постулаты и цели. И, к сожалению, за малым исключением, они — далеко не патриотические. В погоню за «золотым тельцом» устремился и племянник нашего героя — Анатолий Сотников, что подвигнул меня в 1975-ом, на написание этого очерка. Он быстро сориентировался в обстановке демократических веяний, отбросил, как ненужный хлам, наказы старого дяди — коммунара и героя — фронтовика: порадеть за ленинские идеи, а пошел в большие боссы. Долгие годы он руководит ритуальной конторой — и к земле и деньгам поближе. Боевая слава, а также авторитет дяди в городских властных структурах, помогли ему сделать удачливую карьеру современного буржуа.

БРАТЬЯ ЧЕРНЫШЕВЫ

Сегодня вспоминаю снова
Я о героях давних лет,
Стяжателей больших побед,
О славных братьях -
Чернышевых!
Один рекорд установил -
По урожаю зерновых.
Второй — отважный генерал,
Призы на ратном поле брал!
В народе ведь не зря поют:
— Из одного металла льют:
Медаль — за бой!
Медаль — за труд!

При Орловском краеведческом музее много лет, до своей кончины, в секции ветеранов партии, гражданской и Отечественной войн, работал Матвей Георгиевич Шарнин. Старый большевик, активный организатор военного и хозяйственного строительства на Орловщине, он часто заглядывал ко мне, в транспортное управление. Ему нужен был друг, единомышленник, способный понять и, что важно, сопережить, переоценить накатывающиеся процессы и проблемы текущего дня. Это тем более было с руки, что рядом с нашим ведомством, размещалось грузовое предприятие, которым руководил его сын Леонид Матвеевич Шарнин.

Комиссар по борьбе с бандитизмом — Матвей Шарнин, 1923 г.

— Знаешь, Петр Дмитриевич, — сокрушенно вздыхая, го-

ворил ветеран, — у меня дома есть прекрасная библиотека. Всю долгую жизнь собирал. Надеялся, что мой сын Леонид, ученым или, как ты, журналистом станет. Он же на книги смотрит с позиции их нарицательной стоимости. Печально это. Знаешь, я тебе, вот, принес прекрасный труд профессора химии, Александра Николаевича Энгельгардта. Его 12 писем за 1872—1897 годы, опубликованные в сборнике «Из деревни». Почитай. Я уверен, что они помогут тебе в подготовке материалов на сельскохозяйственные темы. Хотя сто лет прошло, формы обработки совершенствуются, но земля остается неизменна. Я знал одного председателя колхоза из села Красное Верховского района Григория Чернышова. Мудрый человек. Герой Социалистического труда. Вот он-то и работал с учетом опыта смоленского помещика Энгельгардта. Кстати, я тут материалы о братьях Чернышовых собрал. Да, да, у Григория брат Василий был в генералах. Разве это не здорово!? Один получил «Героя» за труд, другой — за бой! Так, что Петр, тебе, как говорят, и карты в руки. Твори, выдумывай, пробуй! Я же стар, стал — и глаза и руки подводят. Ах, если бы сын ленивым не оказался! Да, что напрасно сетовать. Хорошо, хотя есть такие люди, как ты, со светлой головой и горячим сердцем. Все нас, стариков, за труды тяжкие, добрым словом помянешь. Ведь страну с колен поднимали. От сохи до космоса Русь воспарила. Фашистам и тем хребет сломали. Пиши! И за то скажем спасибо.

Вняв просьбе «рыцаря революции и гражданской войны» Матвея Георгиевича Шарнина, я взялся за перо. Так, тридцать лет назад, 26 марта 1978 года за № 71 газета «Орловская правда» опубликовала на своих страницах мой очерк «Братья».

«Родина братьев — село Красное Верховского района Орловской области. Их отец, гонимый нуждой, нередко уходил на заработки в Ростов на Дону. В первую мировую войну Ефима Чернышова взяли на фронт, где он и погиб в 1914 году. Его вдова Евгения Николаевна, осталась с четырьмя детьми. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Чернышовых, если бы не Октябрьская революция.

Василий Чернышов в 18 лет стал коммунистом. Накануне Великой Отечественной войны он был секретарем Барановичского обкома партии. А в период войны Василия Ефимовича на-

значают командиром партизанского соединения. Его партизанское имя «генерал Платон» было широко известно в Белоруссии.

Приходилось работать в очень сложных условиях. Подняли голову националисты, предатели, свирепствовали оккупанты. Чернышов и его товарищи по соединению передали в Центральный штаб, которым руководил Клим Ворошилов, донесение с глубоким анализом политической обстановки. Василий Ефимович просил Москву вместе с оружием и боеприпасами прислать бумагу, шрифты и портативные типографские машины. И вот начали прибывать транспортные самолеты с большой земли.

Через короткое время в подполье действовали уже тысячи коммунистов. Партизанские типографии выпускали газеты, плакаты, листовки. Началась широкая и героическая борьба с фашистами. Вот один из эпизодов боевой жизни.

В июне 1943 года немцы решили окружить партизан и уничтожить их штаб. Эту крупную карательную операцию фашистов закодировали под названием «Герман».

Почти месяц шла ожесточенная борьба в лесах и болотах, на берегах Немана и Суллы. Партизанам удалось захватить штаб полковника-карателя Дирлевенгера, а вместе с ним план операции «Герман». Партизаны устраивали засады в самых неожиданных для врага точках, наносили чувствительные удары.

Между тем Гитлеру в Берлин каратели послали донесение. В нем, в частности, говорилось, что командующий партизанами «генерал Платон» с группой своих приближенных прорвался из окружения на танках, что все они были настигнуты войсками «СС» и уничтожены. Это была заведомая ложь: «погибший генерал Платон» продолжал успешно руководить боевыми действиями белорусских партизан.

Народные мстители еще решительнее и активнее помогали наступающей Красной Армии. На станциях скапливались вражеские эшелоны, танки, пушки. Вызванные партизанами советские самолеты превращали их в груды металла. В 1944 году партизанское соединение, которым командовал Василий Чернышов, встретилось с наступающими частями Советской Армии.

За образцовое выполнение задания партии и правительства в борьбе с врагом Василию Ефимовичу Чернышову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

После войны Василий Ефимович работает первым секретарем Брестского, затем Минского обкомов партии, а позже одним из секретарей Центрального Комитета Компартии Белоруссии.

С 1959 года и почти до смерти в 1969 году он был первым секретарем Приморского крайкома партии. Василия Ефимовича избирали членом ЦК на 4-х съездах партии, депутатом Верховного Совета. В последние дни своей жизни он работал на высоком посту заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Похоронен Василий Ефимович Чернышов в Москве, на Новодевичьем кладбище. Его имя носят — улица и техникум в Барановичах. Чтят память нашего славного земляка и дальневосточники, дав название плавучей рыбной базе «Василий Чернышов». А моряки этого судна написали гимн в его честь. Текст гимна «Мы — чернышовцы!», личная шинель «генерала Платона» и другие материалы стали достоянием Орловского краеведческого музея.

Брат Василия Чернышова, Григорий, навсегда остался верен земле. Он в 1929 году вступил в колхоз. Ни бедность, ни кулацкие пули не сломили волю землепашца. Когда же в колхозе появилась техника, то Григорий Ефимович взял в руки инструмент — стал «лекарем» сельскохозяйственных машин.

С первых дней Великой Отечественной войны он на фронте. Под Мценском был ранен, но не покинул боевых позиций. И, лишь тяжелая контузия, которую он получил под Мозырем, надолго вырвала его из боевых рядов. Как только частично восстановились слух и речь, Чернышев взялся за работу в своем родном селе. Односельчане единодушно доверили ему руководство колхозом «Ленинский путь». После объединения артели с совхозом «Троицкий» Чернышов возглавил его отделение.

Григорию Ефимовичу удалось добиться рекордного для Орловщины урожая в 1966 году. Пшеницы озимой по 47 центнеров, проса по 33, гречихи по 25 центнеров с каждого гектара. Помогла земледельческая наука профессора Энгельгардта. Вышло так, что смоленский помещик помог орловскому крестьянскому предводителю Чернышову. Победителем, однако, признают, по крылатому выражению императора Франции Наполеона, не того, кто дает умные советы, а того, кто взял ответственность

за их реализацию. Им же был Григорий Ефимович. Наградой за его самоотверженный труд стало высшее звание — Героя Социалистического Труда!

До последних дней своей жизни он не покидал родное село, оставался верным земле, родовым корням своего отца и деда. Такова судьба двух доблестных сынов Отечества: братьев — героев Чернышовых!».

ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Как жаль сжигать родные села,
Губить посевы на полях,
Где каждый куст тебе — знакомый,
Где тропка каждая — твоя.

В пяти километрах от райцентра Шаблыкино есть село Молодовое. Сюда, на зеленые берега большого пруда я частенько, неизменно, с ночевкою заглядывал в восьмидесятые, чтобы поудить золотистых карпов и карасей. Набирал в глубоком колодце фляжку студеной воды. Медленно пил, при этом с любопытством озирал, зеленые окрестности села. Вспоминался рассказ его бывшего жителя, генерала авиации Афанасия Викторовича Храмченкова. Ему, в июле 1943 года, довелось, по приказу командования накрывать бомбами вражеские танки, что прятались в зеленых квадратах садов. А ведь под крылами самолета находился родной дом, где в оккупации томились, вместе с односельчанами, и его родители. Когда, он видел под собою, взметавшиеся к небу столбы черного дыма, то у него невольно прибавлялось седины в волосах. Позже он узнает, что родные остались живы, но хатенку их, не они, а уже фашисты все-таки сожгли. Не уцелело родовое гнездо.

Приблизительно такое же чувство боли и сострадания за свою землю, за порушенные родные села и города испытывал

орловец — танкист Федор Бакин. Ему, после жестоких беев под Одессою и Сталинградом, довелось принять горячее участие в боях на Орловско-Курской дуге.

— Пришлось, пройти с боями, по северо-западным районам нашей Орловии, — с грустью вспоминает, бывший командир грозной тридцатьчетверки, Федор Федорович Бакин, — начиная с города Болхова, а затем освобождая: Нарышкино — Бунино — Карачев.

Под Карачевом наш экипаж раздавил две вражеские пушки с расчетом. За этот подвиг я был награжден орденом Красной Звезды. А за освобождение Унечи Брянской области удостоен второй боевой наградой — орденом Отечественной войны 1-й степени. Уже, находясь на территории Белоруссии, был тяжело ранен. После лечения в госпитале, меня направили в железнодорожные части, где и прослужил до 1948 года.

Начальник проектно-сметного отдела ПТБ транспортного управления Сергей Иванович Шмелев так отзывался о старом ветеране, который, после демобилизации долгое время работал в их коллективе:

— Трудно себе представить, как мы бы обходились без Федора Федоровича. Ведь инженер Бакин, несмотря на свой 70-летний возраст, зажигает сотрудников своей кипучей энергией, знанием дела и высокой исполнительностью. Он и на трудовом фронте ведет себя подлинным воином, устремленным к победам. Он мудрый наставник молодых специалистов — всегда доступен и открыт. О таких тружениках не зря говорят: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире, крепче гвоздей!».

ЕСТЬ «СВЯЗЬ!»

Он удостоился наград,
Освобождая Сталинград.
И на седом Днепре не раз
С дивизионом — ладил связь!

Потомственный столяр Нил Петрович Мосин, с юных лет любил свое дело, доводя свое мастерство до истинного искусства. Из любого куска дерева, а не то чтобы из доски, он был способен сотворить чудо. Хоть ложку, хоть миску, а коль надо порадовать внучат, то изготовит — ларец или шкатулку.

Но, уж так вышло — в годы войны служил связистом. И в этом деле он показал себя докой. Надолго запомнилась красноармейцу Мосину зима, когда его батальон в составе второго Украинского фронта принял активное участие в легендарной Сталинградской битве. Многое пришлось испытать молодому бойцу: и страх смерти, и колючий холод, и голод, и, наконец, радость победы.

— Поручило как-то командование батальона командиру взвода Василию Попову наладить связь с защитниками Сталинградского тракторного завода, — вспоминает Нил Петрович, — он взял на дело двоих — меня и еще одного бойца. Пробирались к заводу с опаской: где пригнувшись в траншеях, а где и, вообще, по-пластунски. Вот показались и полуразрушенные корпуса. Но, едва привстали, чтобы сделать бросок к укрытию, как я увидел фрица, прицеливающегося из-за угла разбитой стены. Раздумывать было некогда. Я крикнул товарищам: «Ложись!». А сам упал на землю, прикрыв собою тело командира. Над самой головою просвистела пуля. Освоившись в обстановке комвзвода Попов послал меня в обход стрелявшему немцу. Я ползком, используя траншею, пробрался в тыл к фашисту и выстрелом из карабина уничтожил врага — путь свободен.

За мужество и храбрость, проявленные при выполнении боевого задания и спасение командира меня наградили орденом Отечественной войны 3-й степени.

О седом Днепре, о его знаменитых порогах, обители запорожских казаков, Нил еще до войны читал в книжках. Но вперт-

вые увидел могучие днепровские воды, пенившиеся от обрушивающихся на них мин и снарядов, лишь теперь. Нелегко было воинам овладеть Днепром. Создать на его берегу плацдарм. Ведь там окопался ненавистный враг. Однако сделали свое дело советские летчики и артиллеристы.

Где по понтонным мостам, а где вплавь, используя, каждое бревно, доску или просто корягу, бойцы, один за другим ринулись к вражескому берегу. Фашисты неистовствовали. Они обстреливали русских ребят из всех имеющихся у них средств. Но не устрашились советские воины. Вот переправился один взвод, за ним рота. Затем оказался на противоположном берегу и весь дивизион. Тут-то командир и дал Нилу Мосину боевой приказ: «Пробраться через Днепр в распоряжение переправившегося дивизиона и наладить с ним связь».

И рядом и сзади, и спереди, все бухало и булькало. Мосин, зацепив за спину катушку, ухватившись одной рукою за корягу, поплыл к противоположному берегу. В голове мельтешила одна мысль: «Только бы успеть!». Минуты плавания по Днепру казались вечностью, но вот уже виден желанный берег. Нил стал грести все энергичнее, увереннее, не обращая внимания на посвист пуль и шипенье снарядов. У берега его встретили бойцы. Подхватив под руки, вытащили из воды, а спустя три минуты, боец Мосин доложил в штаб полка: «Есть «связь!».

За эту смелую операцию красноармеец Нил Мосин был награжден орденом Красной Звезды.

Я встретился с Нилом Петровичем в 1982 году. Ему было в ту пору 74, но он не думал оставлять свою дедовскую профессию. Продолжал столярничать в ПТБ.

— Буду трудиться, — сказал мне ветеран Великой Отечественной, — до тех пор, пока руки будут способны удерживать топор и стамеску. В работе, как в бою, я нахожу радость и удовлетворение, а главное — мой труд нужен людям.

ТРИ СЕСТРЫ

Война — суровая припарка,
И для мужчин — на рану соль,
Но если рядом санитарки -
То отступают — страх и боль.

В рабочей семье Степановых к началу войны было 9 человек. Вале, Ане и Жене по 18-20 лет. Остальные — школьники и малыши. Первой ушла на фронт Валя. Она тогда работала закройщицей на Орловской швейной фабрике. А через несколько дней в военкомат отправилась вторая сестра — Женя. Специальный санитарный поезд, куда после изгнания фашистов из Орла пришла и младшая — Анна, на долгие годы стал для сестер Степановых родным домом. Юные девушки — орловчанки побывали на многих фронтах. Их поезд вывозил раненных из осажденного Сталинграда, из Харькова, Орла, Белгорода. Девушки сутками дежурили у коек с тяжелоранеными, под обстрелом делали перевязки. 25 тысяч раненых перевез их поезд за годы войны.

Каждый год в День Победы, то в Орле, то в Брянске встречаются с сестрами Степановыми их фронтовые подруги. Это бывшая старшая операционная сестра, а ныне врач Брянской областной станции переливания крови Анна Самсонова, бывшая медсестра, а ныне работник Брянского обкома партии Татьяна Кучавинова. Приезжают и сестры Клавдия и Валентина Гайдар из Сумской области.

Частые гости у Степановых орловчанки Анна Ярунина и Фаина Родичева. Снова молодо и задушевно звучат их песни, которые некогда поднимали дух у тяжелораненых бойцов и командиров. Ведь они их лечили не только лекарствами, но и светлой улыбкой, добрым взглядом, и, конечно, ласковыми песнями о любви и мирной жизни.

ПЛЕНЕНИЕ ДИВЕРСАНТОВ

Герасим Митин был солдатом,
Исполнив честно ратный долг, -
Пленил немецких диверсантов,
И этим — Родине помог!

Когда молодой 19-летний паренек из села Карпово Троицкого сельсовета Маховского района, Орловской области, Герасим Митин был призван в ряды Красной Армии, то он еще ничего не знал об Александре Матросове, Юрии Смирнове и других героях. Ведь его служба началась 15 июня 1941 года, ровно за неделю до начала Великой Отечественной войны. Их же славные подвиги будут совершены позже, когда враг углубится на территорию нашей Родины. Но, это не означает, что он не был идеологически и нравственно подготовлен к схватке с врагами. Еще обучаясь в Карповской семилетней школе, а затем в профтехучилище, он вместе с товарищами восхищался мужеством летчика Валерия Чкалова, знаменитыми папанинцами, героями Хасана и Халхин-Гола, Карельского перешейка, Испании. Их молодые сердца воспламеняли сошедшие с большого экрана художественные фильмы «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». Они вызывали у них неуемное желание, быть такими, как их герои — смелыми и отважными. Герасим твердо верил, что Красная Армия — всех сильней и нет таких крепостей, которые не могли бы взять комсомольцы и большевики. Он так же безгранично верил в непоколебимую братскую дружбу всех народов нашей необъятной страны. Все это было, но, как-то стушевалось, сразу же пос-

ле того, как начались активные боевые действия на советско-германском фронте.

Причиною такого обстоятельства явилось бытие. Именно, оно определяет сознание. Дело в том, что подразделение связи, где начал службу бывший стрелочник железнодорожной станции Орла, боец Митин находилось в населенном пункте Пехтери Эстонской ССР, что на самом берегу Балтийского моря. Эстония же, всего год назад, как вошла в состав СССР. Большинство ее населения не признавали Советскую власть. И, как только немцы подошли к границе, то эстонские боевые части, тут же перешли на сторону Германии. Русских солдат беззастенчиво расстреливали из окон домов и чердаков. Положение настолько обострилось, что нашу армию отодвинули на рубежи старой государственной границы с Эстонией.

Часть Герасима Митина, входившая в состав Севера — Западного фронта под командованием Маршала Советского Союза Клима Ворошилова, оказалась в районе Старой Русы. Известно, что связь — это глаза и уши всякой армии. Ее обслуживанием — налаживанием оборудования и прокладыванием проволочной линии, непосредственно и занимался бывший орловский железнодорожник.

Немцы обрушивали на позиции советских войск авиационные бомбы, орудийные и минометные снаряды. В тылу армии бесчинствовали диверсанты. Они беззастенчиво грабили местных крестьян, увозя на подводах и автомобилях их скот, продукты и имущество. Подразделения СМЕРШ (Смерть шпионам!) находились лишь в стадии формирования, а потому отлавливать немецких диверсантов приходилось малоподготовленным в этом отношении солдатам.

Как-то в июле 1941 -го рота связистов увидела, двигающуюся колонну из трех немецких грузовиков. Далее предоставим слово участнику этих событий, рядовому Митину.

— Мы залегли за деревьями, что росли вдоль дороги, — начал свой рассказ Герасим, — командир роты расставил по местам пулеметчиков. Приказал: — вначале бить по задней и передней машинам, чтобы не утекли. Так все и сделали. Кто не успел убежать, того убили, раненых и трусливых, взяли в плен. На

исправную машину и дроги погрузили награбленное фашистами добро и отправили по месту назначения.

Рота ушла в казармы, а нам, троим связистам, было поручено проверить связь. Наступила ночь. Светя, изредка фонариком, я наматывал на катушку проволоку. Вдруг почувствовал, как ее, в свою очередь, кто-то тянет к себе. Вдруг, впереди, за чернобылом увидел три фигуры. Мгновение и они тут же упали в траву. Мы с товарищами взяли винтовки на изготовку. Выстрелили. Прижимаясь к земле, двинулись навстречу к незнакомцам. В руках одного из них блеснул пистолет. Я крикнул: «Бросай, оружие! Сдавайтесь! Руки вверх!». Немцы, а это были шоферы, сбежавшие из ранее обстрелянных нами автомашин, подчинились. Я быстро приблизился к ним. Забрал, брошенный фашистом пистолет. Подбежали и другие товарищи. Погрузили одного, нами раненого немца, на двуколку. Двум другим, связали сзади руки, и всех троих доставили в штаб.

Там подивились. Похвалили за смелость. Командир роты, однако, заметил, что будь у немцев автоматы — нам бы не сдобровать. Предупредил, чтобы в следующий раз были осторожнее и не действовали напролом.

Весь июль и август шли беспрерывные бои. Как-то, уже в конце последнего летнего месяца, бойцы заняли оборону. Командир приказал: «Окопаться!». Герасим повесил катушку на дерево и, тут же у огромной сосны, вырыл окоп. Начался мощный артиллерийский и минометный обстрел. Опасаясь за катушку, Митин встал из окопа. Снял ее с ветки и только прыгнул обратно в окоп, как мощная минометная мина врезалась в ствол загудевшей сосны. Взорвавшись, мина, градом осколков впилась в его, сразу обессилевшую руку, стесала кости предплечья. Часть мелких осколков вошли в левую часть груди. Потеряв сознание, связист Герасим Митин, так бы и умер, истекая кровью, если бы на выручку не пришли товарищи. Уложив тяжелораненого на плащ палатку, они доставили его в медсанбат. Из медсанбата Герасима направили в госпиталь города Старая Руса. Врачи приняли решение — удалить руку совсем. Под обнаженной костью начиналось гниение. За окончательной консультацией, они обратились к профессору медицины. Доктор тщательно обследовал рану, взял большой пинцет и резким движением оторвал насло-

ившуюся, одна на другую, кость. Почистив и продезинфицировав, сказал: «Жаль парня. Он так молод и, вдруг, без руки. Часть нервов и сухожилий еще дадут возможность ей, хоть как-то действовать».

«Рука сухая — сухожилья с кожей,
А все-таки она тебе поможет», -
Седой профессор взглядом обласкал.
Все вышло так, как он тогда сказал!

Для дальнейшего лечения Герасима направили в Костромской, а затем в Казанский госпиталь. В начале 1943 года боец Митин был признан инвалидом второй группы и непригодным к строевой службе. Можно было бы возвращаться домой, но Орел и область были оккупированы немцами — путь на Родину был закрыт.

Так началась полуторагодичная Одиссея орловского парня Герасима Митина. Лечившийся, вместе с ним в Казанском госпитале узбек Омар, предложил ему, на правах сына, поехать с ним в Голодную степь, где он проживал с большою семьей. Митину, ничего не оставалось делать, как согласится. Прибыли в аул. Дети Омара, уступили ему кровать, а сами спали на полу. Сами ели рис руками, а ему раздобыли ложку. Все лучшее из пищи отдавали ему. Тут Митин вновь понял, что дружба народов не пустой блеф. Тем не менее, осознал и другое обстоятельство, что он — нахлебник в семье, а не добытчик. Герасим решил покинуть гостеприимный дом бедных узбеков. Сел в поезд «Сталинабад — Алма-Ата». На одной из узловых станций пересел в состав, следующий в столицу Киргизии город Фрунзе. На базаре встретился с фронтовиками. Они посоветовали ему, поехать на жительство в богатый колхоз имени Ленина. За путевкою, он направился в Ворошиловский военный комиссариат. Русская девушка, работник военкомата помогла ему получить необходимые документы, и Герасим оказался, поистине, в стране чудес.

Колхоз имени Ленина располагался в предгорьях Тянь-Шаня. Он специализировался на животноводстве, овцеводстве и полеводстве. Но, самое интересное и привлекательное для души русского человека это то, что здесь вдоволь было вина. Виноде-

лием занимался непосредственно сам колхоз, и у крестьян имелись виноградные плантации. Всякий считал за честь угостить свежим напитком раненого русского солдата. Герасим, истосковавшийся по родному дому, часто хотел забыться, уйти в мир грез. И он, подобно, Омару Хайяму, просил:

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы изведали рай!

Но, какой не казалась райской жизнь в колхозе — миллионере и сколько не одурманивай разум зельем, рано или поздно наступает время прозренья. И Герасим задумался над вопросами: «Кто — я?!» и «Зачем я живу?!». Безделье, пустое время препровождение утомляет, порою, больше, чем тяжкий труд. И крестьянский парень, красноармеец в отставке попросил местное начальство — дать ему дело. Как не ограничивали его в употреблении янтарного напитка зеленой лозы, так и не отказали ему в удовольствии поразмять отекшие мышцы. Митина назначили на животноводческую ферму, в качестве фуражира. Он распределял корма, насыпал и отвешивал мешки с зерновой подкормкой для животных. Затаривал фуражом подводы. Главное, он имел постоянную возможность пить свежее молоко. Вдоволь было так же: вкусного хлеба всевозможных пряностей, мяса и фруктов.

Поистине, колхоз имени Ленина представлял собою страну Аркадию, волшебный цветущий оазис, располагающийся посреди огромной пустыни, где бушевали не только песчаные бури, но и фронтовые метели Жестокая, страшная война где-то там, далеко, на холодном Западе, а здесь у подножья могучих, с белоснежными шапками вершин, теньшанских гор — море тепла и света!

Киргизы по достоинству оценили усердие русского солдата и возвели его, из рядовых фуражиров, на самую почетную, по тем временам, должность. 22-х летний фронтовик Митин был назначен Уполномоченным по заготовкам. В его распоряжение был выделен конь, впряженный в легковую тележку. И теперь его, стар и мал, величали не иначе, как по имени — отчеству: Герасимом Васильевичем.

И стала жизнь его — одна отрада,

О том могла б поведать Шагразада:
Он превратился, как в волшебной сказке,
В — визира мудрого, из глупого Гераськи!

Однако, не из страха перед возможной обидой моего героя, за недозволенные речи, а во имя благочестия, придержим поводья своего языка и пера. Скажем правду о внутренних противоречиях былого связиста. Ведь, как не хорошо в гостях, а домой его тянуло необычайно. Страшная болезнь — ностальгия, все чаще давала о себе знать. Восточные красавицы утомляли его. Ему хотелось пусть не столь сладкого житья, как здесь, на Востоке, а пусть даже пресного, но своего, родного — понятного и близкого. А, тут еще фронтовики — орловцы засобирались в родные края. Их было трое. Парень из Орла работал бухгалтером артели. При деле оказались и двое других земляков. Один родом — из Шаблыкино, второй — из Урицкого района.

Делать нечего, бояре, сказать проще, чиновные фронтовики, погрустив о добром рае, собрали свои нехитрые пожитки и отправились восвояси. Как водится на святой Руси, вперед и с песнями. Дорога не утомляла. Продуктов питания, благодаря заботам гостеприимных киргизов было много. Вдоволь было и вина. А за окнами проносились неоглядные российские просторы. Степь сменилась тайгой. За нею — бескрайние равнины и рощи, реки и озера. Вот, наконец, близкие сердцу ландшафты орловского мелколесья. Огорчали только мрачные остовы домов и хат, сожженных фашиста-

Боевые соратники Герасима Митина — Михаил и Василий.

ми городов и сел. Всюду громоздились разбитые танки и самоходки, орудия и минометы. Землянки и блиндажи, бесчисленные траншеи и окопы, брустверы и минные воронки — эти зловещие раны войны. Они будоражили молодые сердца наших героев, тягостными воспоминаниями о былых огнях — пожарищах. Об ушедших навечно в небытие, друзьях — товарищах. Но, посидев в обнимку, ветераны разъехались по родовым гнездам.

В родном селе Карпово.

Вернулся Герасим Митин на родину, в Карпово, уже по — осени. К радости солдата, хатенка, хотя и старенькая, но стояла надежно. Рядом — двор и сараи. Вниз к речке Оптуха, сбегая, зеленели огороды. Все надо было обустраивать, но многое ли что сделаешь с одной рукой. Нужна была надежная помощница. Задумался былой фронтовик о зазнобе сердца своего, о хозяйке. Невесту Герасим отыскал в соседнем селе Троицкое. Парни были тогда в дефиците. Смугловатая красавица Антонина не побрезговала увечным связистом. Напротив, ее привлекали его пышные русые волосы, симпатичное лицо и веселый, открытый характер.

Не падал духом никогда солдат,
А водку пил и честно признавался: -
Я пью за тех, кто не пришел назад,
Но, кто навечно в памяти остался!

За долгое житье — бытие, супруги Митины нажили пол дюжины детей. А после ушедшей в мир вечности Антонины Гавриловны в 1991 году, Герасим Васильевич с горечью констатировал о безвременной смерти не только дорогой половины, но и 4-х из некогда шестерых, их наследников. Покинув деревню, ветеран войны, нуждающийся по старости в уходе, переехал на постоянное жительство в Орел. Жил попеременно, то у старшей

дочери Людмилы Герасимовной Шмелевой, то у младшей — Наташе.

За послевоенную жизнь колхозник Митин сменил множество профессий: от рядового полевода, мельника, до заведующего молочно — товарной фермы. Восемь лет бегал в сельских почтальонах, сторожил склад.

Родина достойно оценила подвиги былого фронтовика. За проявленные в боях, стойкость и мужество, пленение фашистов, Герасим Васильевич Митин награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За боевые заслуги».

Дети фронтовиков.
Дочь Герасима Митина — Людмила с мужем Сергеем Шмелёвым.

«ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ»

Не позабыть «Германскую войну»,
Что и сегодня не уходит в Лету!
И потому, из всех наград, ему,
Дороже нет медали — «За победу!».

Берлин. Трептов парк. Он стоит с непокрытой головой, в походной гимнастерке и плащ-палатке, наброшенной на могучие плечи. В правой руке — меч, разрубивший фашистскую свастику. На другой руке воина — маленькая девочка, доверчиво прижавшаяся к его широкой груди. Это величественное творение скульптора, с большою силою художественного обобщения говорит о великом подвиге советского солдата, спасшего человечество от фашистского варварства, принесшего народам Европы мир и веру в будущее. Путь же к награде — боевой медали «За победу над Германией!» был у нашего народа, как и у русского лейтенанта — железнодорожника Ивана Сергеевича Шмелева — нелегким и долгим. Он протянулся на целых четыре года.

Лейтенант
Иван Шмелёв.

Иван Шмелев родился 18 января 1913 года, за год до начала Первой Германской войны XX столетия (1914 — 1918). Скромный, тихий, симпатичный русский мальчишка Ваня, уроженец деревни с символичным названием Красная Слободка Свердловского района Орловской области, и подозревать не мог, что наступит срок, и он станет воином Красной Армии и примет участие, уже, во второй Германской войне 1941 — 1945-го. И это не важно, что чаще всего ее называют — Великой Отечественной.

Пока же, окончив 7 классов средней школы № 8 в Орле, он

поступает в Ленинградский техникум железнодорожного транспорта, а затем, в 1940 году, успешно оканчивает в славном городе на Неве, того же профиля и полный курс института. Перед молодым инженером — эксплуатационником открываются широкие перспективы. Но, в октябре того же предвоенного года Ивана Шмелева призывают на воинскую службу. С октября 1940 по июль 1941 он — курсант 3-го железнодорожного полка Белорусского военного округа. Уже в июле 1941-го, в связи с нагрянувшей на страну военной грозой, он становится бойцом, а затем командиром отделения железнодорожной роты Брянского фронта, которым командовал генерал Попов.

Не только немцам, захватившим Брянск и Орел, но и воинам — железнодорожникам долго помнилась, печально — знаменитая рельсовая война, которую активно вели народные мстители — партизаны. Поистине «Шумел сурово Брянский лес», когда они уходили или возвращались с боевого задания. Но, если партизаны, в основном, разрушали железную дорогу, портили подвижной состав, то у товарищей Ивана Шмелева, были прямо противоположные задачи. На войне, как на войне. Нередко, под огнем противника, они восстанавливали на нужных участках движение поездов и локомотивов, ремонтировали вагоны и возводили мосты. Нелегкая это была работа. После удачно завершившейся Орловско-Курской битвы, дивизии врага покатились на Запад. Следом за ними, в составе наших войск двинулись и железнодорожные части. Теперь они числились уже за Белорусским фронтом.

В ноябре 1944 года старшему сержанту Ивану Шмелеву присваивается офицерское звание — младший лейтенант и он назначается командиром взвода 3-го отдельного железнодорожного полка 4-го Украинского фронта. В его составе офицер Иван Шмелев, в мае 1945 -го, встретил радостную весть о величайшей победе героического советского народа над фашистской Германией. Отечественная война, продолжавшаяся 1418 дней и ночей, была победоносно завершена. Это был настоящий праздник «со слезами на глазах». Ликовали даже соловьи, что не давали солдатам поспать. Железнодорожники, по приказу командования, восстанавливали порушенные войной железнодорожную связь между, теперь мирными, немецкими городами.

Если многие боевые части расформировывались, а былые защитники Отечества демобилизовывались на Родину, то для товарищей лейтенанта Шмелева, война еще продолжалась. Вот уже разбита Квантунская армия фашистской Японии, а 2 сентября 1945-го, японская делегация на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе подписала акт о безоговорочной капитуляции. Казалось, вторая мировая война закончилась полным поражением и капитуляцией агрессоров. Пора бы вернуться и к мирным очагам, к заждавшимся матерям, родным и близким. Но железнодорожные войска продолжали нести службу. В сентябре 1945 года, прокатившись, во многом, по знакомым городам и весям с Запада на Восток, железнодорожный полк, в котором служил Шмелев, оказался в подчинении штаба Западно-Сибирского военного округа.

И вновь впереди — дороги, пыль, да туман. И труд. Тяжелый, изнурительный, повседневный. Когда газете 15-й отдельной железнодорожной бригады потребовался грамотный инженер — путеец, то Ивана Сергеевича Шмелева направляют в распоряжение Киевского военного округа. Здесь в качестве корреспондента — организатора бригадной газеты, он и прослужит с апреля по декабрь 1946. 16 декабря этого года, лейтенант Шмелев будет демобилизован, с одною из самых приятных пометок в военном билете — ранений и контузий не имеет. Видно, сам бог защищал инженера — воина от всех превратностей грозовых лет. А ведь были ж «схватки боевые, да, говорят, еще какие». В том же 1943, когда, под Брянском, прямо у железнодорожной ветки они схватились с фашистами, врукопашную. Немцы охотились за «языком», а потому не стреляли. Мороз и сегодня, при одном воспоминании, по коже скребет. Враг напал с ножом на Ивана, а он его огрел железнодорожным костылем. На том и порешил фашиста. Другим тоже здорово от товарищей досталось. Права поэтесса Юлия Друнина, когда писала:

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Иван Шмелев, за полные четыре года, не только знал, но

вынес ее на своих плечах, через жару и мороз, холод и болезни. Через все тяготы и лишения. Радость мирной жизни стала приходить лишь после его женитьбы на скромной, как и он сам, деревенской девушке из села 2-е Леженки Орловского района Татьяны Александровны. В 1949 -м появилась у них — старшая дочь Людмила, а в 1951 родился красавец сын — Сергей. Назвали его так, по деду, чтобы родословную не утерять. С младшей дочкою Ириной не повезло — долго болела. Но, зато Людмила и Сергей здоровыми внучатами порадовали старое сердце ветерана второй мировой. Всему бывают в жизни сроки. Но, для Ивана Сергеевича Шмелева, почетного железнодорожника, война, правда, тихая, но продолжалась бесконечно. Ведь до конца своих дней, уже, будучи на пенсии, он бессменно руководил музеем боевой и трудовой славы Орловского Дворца железнодорожников. Вел обширную и активную переписку с фронтовыми товарищами.

Случилось так, что былой военкор бригадной газеты дружил со мною, мирным журналистом. Мы, одно время вместе поработали страховыми агентами, с лукошками посещали Шаховский лес. Грибник Иван Сергеевич был заядлым. Поражала в нем исключительная до застенчивости скромность и величайшая культура общения. О таких людях, как ветеран войны и труда Шмелев, обычно говорят, что они и ругаться не умеют, и бранных слов не знают. Но, по больше бы нам таких чудесных и добропорядочных граждан. Ведь на таких, каким был Иван Сергеевич Шмелев, трудолюбивых и честных людях, и земля и мир держатся.

Маршал Победы — Г.К. Жуков.

И конечно на таких, волевых и целеустремлённых каким был кумир Ивана Сергеевича Шмелёва — великий патриот России Г. К. Жуков.

РОСТОВСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ

В 17 лет, он — дом, семью покинул,
И добровольцем, приписавши год,
В Карелии, покончив с бело — финнами,
Ушел бить немцев -
на Кавказский фронт!

Когда сегодня молодые призывники всеми правдами и неправдами, как выражаются, «косят» от армии, то в этом я вижу, прежде всего, вину правительства и средств массовой информации, отвергнувших идеологию патриотизма. Достаточно вспомнить, как и на чем воспитывалась наша молодежь в памятные 30-е годы. Она всецело записывалась в «Ворошиловские стрелки», стремилась быть — летчиками, моряками и танкистами. Юные новобранцы пели: «Броня крепка и танки наши быстры». Они были твердо уверены, что «наша Армия — всех сильней!». Их девизом были слова: «Первым делом — самолеты, ну а девушки — потом!». Гордо звучали славные строки песни «Врагу не сдается, наш гордый «Варяг!». Юность была уверена, что «Артиллерия — бог войны!», а наша «Пехота — царица победы».

Вот почему ничего не было в том удивительного, что когда 30 ноября 1939 года началась война с Финляндией, то молодые ребята стали записываться в добровольцы. Среди них оказался и 17— летний слесарь ремонтного завода города Ростова на Дону Иван Кадуков. Военком Октябрьского района заявил тогда юноше: «Ты — молод еще, да и без тебя обойдутся. Мы финнов шапками закидаем!».

Мы же из истории хорошо знаем, что «шапками» закидать врага не удалось. При попытке с бою взять «линию Маннергейма» — мощное оборонительное укрепление противника, что располагалась на Карельском перешейке, неподготовленная советская Армия потерпела поражение. И только в феврале 1940, получив подкрепление, войска Севера — Западного фронта под командованием Тимошенко прорвали злополучную «Линию» и взяли город Выборг. К этому времени Ивану исполнилось 18-ть и он, наконец, сумел осуществить свою мечту — стал красноармейцем.

Недолго пришлось повоевать ростовскому пареньку с лесными «Кукушками» — финскими разведчиками, прятавшимися среди густых ветвей елей в белых маскировочных халатах. Уже 12 марта с Финляндией был подписан мирный договор. Теперь уже весь Карельский перешеек с Выборгом и северным побережьем Ладожского озера отошли к СССР. Граница от Ленинграда отодвинулась на безопасное от врага расстояние. Такая победа была достигнута ценою исключения страны из Лиги Наций. Но, это печаль политиков. Генеральный штаб более волновало слабое оснащение войск автоматическим оружием, минометами, крупнокалиберной артиллерией. Порою, обычных винтовок и карабинов не хватало. Не случайно так поразительно успешно проводили свои боевые операции финские снайперы. «Ворошиловскому стрелку» Ивану Кадукову пришлось здорово потренироваться, чтобы овладеть их искусством меткого боя. Среднего роста, крепкого телосложения, с зоркими глазами, удивительно подвижный и сообразительный, он оказался на хорошем счету у командиров, заслужил боевую медаль, а тут огорчение — война закончилась.

Перевернув позорную страницу,
Что нанесла удар по хвастовству.
Мы поняли: нам надобно учиться,
Чтобы надежней защищать Москву.

Мирная жизнь, однако, продолжалась недолго. Грянула Великая Отечественная. И всю ярость благородную молодой солдат обрушил на более сильного врага — немцев. Иван Кадуков был зачислен минометчиком в 8-й Краснознаменный мота — стрелковый полк НКВД. Вместе с товарищами защищал он Военную — Грузинскую дорогу, очищал горный Кавказ от всяких нечестивцев.

Однажды фашисты в районе города Грозного высадили десант. Их отряд, из-за предательства группы татар, захватил в горах продовольственный караван, направляющийся в один из советских гарнизонов. Скрывавшихся немцев долго не удавалось обнаружить. В разведку брали только добровольцев. Иван Кадуков, по обыкновению, сделал шаг вперед. Его принцип выражался в бытовавшей тогда солдатской формуле: «Двум смертям не бывать, а одной — не миновать!».

— Я пойду! — твердо сказал он.

Бесшумной поступью пробирались вперед разведчики, под черным покрывалом кавказской ночи. Преодолевали мрачные горные хребты, зловещие бездонные ущелья. Осклизлые от росы острые камни. Вот и место ограбления.

Когда солдаты осмотрели трупы убитых бойцов, сопровождавших караван, то обнаружили на их груди горящие, в кровь вырезанные пятиконечные звезды. Ненавистью наливались сердца воинов.

Как красная тряпка, в испанской корриде,
Ярит и пугает свирепых быков,
Так красные звезды, совсем безобидные,
Приводят в неистовство наших врагов!

От того они и режут их на телах русских воинов, чтобы самим избавиться от страха перед Красной Армией, перед Красными звездами на Спасской башне Кремля — олицетворение славы и могущества нашей Родины. Фашисты, заметив разведчиков, открыли беспорядочную стрельбу и тем открыли себя. Об их месте дислокации было доложено по команде. Вскоре операция по ликвидации гитлеровцев, проводимая под руководством генерал-полковника Масленникова, была успешно завершена. Отважный старшина Иван Кадуков был награжден медалью «За оборону Кавказа».

После войны он долгие годы, вплоть до ухода на заслуженный отдых, работал в различных подразделениях МВД. И всегда, в любую трудную минуту, товарищи находили в нем свою надежную опору. Таков он уж был — решительным и смелым. Его любимым выражением были слова: «Солдат, всегда — солдат!».

НАГРАДА НАШЛА ГЕРОЯ

Он Эльтиген освобождал,
А потому героем стал!

В этой, шутливой, на первый взгляд, фразе есть доля истины. Вот, как все было. Сентябрьской ночью 1943 года войска 318 стрелковой дивизии высадились на берег Керченского полуострова. Закрепились в прибрежном селе Эльтиген (ныне оно называется не иначе, как — Героевка!). Более месяца отважные десантники отражали здесь яростные атаки немецко-фашистских подразделений, как с суши, так и с моря.

В те горячие дни командиру орудийного расчета, старшине Попекяну был отдан приказ: «Не допустить высадки немецкого десанта!». О том, как был выполнен этот приказ, мне рассказал бывший наводчик орудия, ныне сотрудник милиции Ростова Алексей Титович Ильин:

— Мы установили свою пушку между стен полуразрушенного дома, который одиноко стоял у самого берега. После третьего выстрела, одна из немецких барж, получив пробоину, начала тонуть. Враги открыли по нам ураганный огонь. Нас засыпало остатками стены, но мы продолжали стрелять. Еще несколько залпов и вторая баржа фрицев захлебнулась в море. Остальные пять — скрылись из виду.

За этот подвиг старшина Попекян был представлен к ордену Ленина. Вся прислуга орудийного расчета, в том числе и наводчик Алексей Ильин — к ордену Красной Звезды. Но прошло 23 года, прежде чем награда нашла героя. В этом бою Ильин был ранен, лечился в госпитале, а после выздоровления попал в другую часть. О награждении он не знал.

В 1965 году газета «Правда» опубликовала статью «Подвиг десантников», в которой описывались боевые действия воинов 318 стрелковой дивизии. Той самой, в частях которой сражался Ильин. Наконец, ему был вручен орден Красной Звезды — награда нашла героя.

ПОХВАЛА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Украинка, а позже, — ростовчанка,
Была из тех, кто Крым освобождал.
За подвиги — Маричкиной Наталке,
Сам СТАЛИН —
БЛАГОДАРНОСТЬ объявлял!

В 150-ти километрах от столицы Украины, древнего Киева, на территории Черниговской области есть два села с идентичным именем — Босань. Различаются они, лишь уточнением: Верхняя и Нижняя. Наталья Глушак родилась 12 августа 1919 года в Нижней Босани. Но и «Верхняя», не безразлична — это малая родина ее отца Андрея. Он перешел жить к маме, в «Нижнюю», в качестве «примака».

Маричкина Наталка (Наталья Андреевна Глушак-Борисова) в канун войны.

На Украине Наташу звали Наталкою, а ее маму, Марию, умершую при ее родах — Маричкою, потому односельчане ее величали, не иначе, как — Маричкина Наталка. Став, сразу же, наполовину, сиротой, девочка росла и воспитывалась вместе со старшими двумя братьями. Неудивительно, что у нее с детства выработались мужские черты характера — твердость и решимость, мужество и упорство. Она уже в 7-8 лет научилась стрянать и стала полноправной хозяйкою на кухне. Все мужчины, братья и отец, с радостью подчинялись ей. Требования у нее были просты и разумны. Чистота и порядок в доме, соблюдались неукоснительно.

Ах, года, ступеньки — лесенки
Вдаль уносятся, бегут.
Но, Наталке, не до песенок,
От нее — обеда ждут!

Наступили роковые, тридцатые. Началась ненавистная коллективизация. У Андрея Глушак отобрали единственную лошадь, а вслед за нею и корову с овцами. Продотряды бесчинствовали. Так подступил голод 1932 года. Обе Босани стали вымирать. 13-ти летняя Наталка, дабы выжить, перебирается в город Ростов. Здесь она устраивается на работу к местным евреям — портным. Быстро овладела швейным искусством. Стала их незаменимой помощницей. Одно плохо, что за труд, хитроумные евреи ей денег не платили, а рассчитывались лишь — жильем да продуктами.

В конце 30-х Наталка, переименованная на Руси, в Наталью, стала работать на железной дороге. В одном из домов, принадлежащих ее управлению она и жила. Он располагался прямо на берегу реки Темерник.

Политикой молодая девушка интересовалась мало, а потому ничего не знала о том, как долго и основательно, готовился Гитлер и его генералитет к войне с СССР. Как в глубокой тайне разрабатывались разбойничьи планы. Предусматривалось все до мельчайших подробностей — от начала наступления до парада немецких войск в поверженной Москве. По месяцам и дням были расписаны военные операции по захвату ключевых позиций и основных административных центров нашей Родины. В том числе и Ростова, как «ворот Кавказа». Были уже назначены гаулейтеры областей, как, например, на Украине — Эрик Кох и комендант захваченных городов. В зловещей бухгалтерии нацизма составлялись ведомости, в которых определялось количество гражданского населения для уничтожения на месте и для отправки на рабский труд в Германию. В этот зловещий список попал и мой старший брат Александр Козин, что два года будет работать на пользу Рейха. Все эти задумки фюрера, опьяненного легкими победами в Европе, хорошо укладывались на бумаге пресловутого плана «Барбаросса» и в его бредовой идее, заключенной в одном слове — «блицкриг».

План подписан. Дело ясно.
Самолеты в тот же миг,
Бомбы сбросили на «красных»,
Тем и кончился «блицкриг»!

Задним умом русские люди, да и братья — славяне, всегда были сильны. И, теперь, с высоты исторической Победы над Германией, мы легко можем судить и о просчетах Гитлера, и о собственном невежестве. Но, тогда, в 1942-м, когда близ Ростова образовался так называемый «Миусский фронт» все казалось не ясно. Ростов дважды отдавали, затем брали. Полная сумятица была не только на фронтах, но и в сознании мирных граждан. Тысячи советских книг рассказывают о высоком патриотизме советских людей, но мало кто из их авторов, честно говорит о массовом предательстве или просто бездушии. Наташе Глушак не нужно было далеко ходить за примером. Когда с поля боя, что шел под Таганрогом, стали привозить сотни контуженных и раненных бойцов, то комиссары были в полном отчаянии. Мало кто из местных жителей Ростова, осмеливался помогать им. Боялись, что завтра вновь появятся немцы и за то строго спросят. Вот и лежали днями и ночами, в домах, а то и прямо на улице, искалеченные бойцы. Не кому было их перевязать, обмыть и накормить. Политруки взывали местных жителей к христианскому милосердию и состраданию.

Тихо раненые стонут -
Ни лекарства, ни воды.
То не жизнь, а черный омут -
Кто спасет их от беды?!

Сама много пережившая и испытавшая в детстве, Наташа откликнулась на их призыв. И одною из первых стала ухаживать за ранеными. Когда за ними пришли санитарные эшелоны, то она приняла участие в погрузке. Зашла Наташа в вагон, а обратно уже не вышла. Начальник поезда распорядился — будете сопровождать больных! Так молодая ростовчанка, сама того не ведая, оказалась на служебном довольствии. И должность ей определили — санинструктор. Проехала всю Центральную Рос-

сию, Сибирь и прибыла в Туркестан. Не жалели девушек комиссары. Заставляли таскать и грузить 80 — килограммовые мешки с зерном и другими продуктами. И нет причин удивляться тому, что под одним из них Наташа оказалась с переломанной ногою. Ее подлечили. Посадили вновь на поезд. Так начались этапы большого пути: Туркестан — Сибирь — Москва — Орел — Курск — Харьков. И, наконец, Крым.

Дороги, откосы,
А рядом враги.
Больные же просят -
Сестра, помоги!

В это время войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала Толбухина начали освобождение полуострова. Главный удар был нанесен с Сивашского плацдарма. Жестокие бои завязались и за знаменитый Перекоп. Наташа, не щадя жизни, спасала под огнем противника раненых бойцов и командиров. Сильная и мужественная, она вытаскивала их с поля боя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ей приказом от 11 апреля 1944 года Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ СТАЛИН «за отличные боевые действия по прорыву

Освободители Крыма.
В центре — Наталья Глушак-Борисова.

обороны немцев на Перекопском перешейке», объявил — **благодарность**. В письменном виде она и была вручена красноармейцу Наталии Глушак.

Толбухинцы не дремали. Уже 15 апреля они вышли к внешнему обводу укреплений легендарного Севастополя. 7 мая, после двухдневной артиллерийской подготовки начался его штурм, а 9 мая город русской славы был освобожден. И если в 1941— 42 годах немцам потребовалось 250 дней, чтобы захватить Севастополь, то советские войска освободили морскую цитадель за три дня. Боевые действия в Крыму закончились 12 мая пленением остатков немецко-румынских войск на мысе Херсонес.

И вновь, участнику боев за Севастополь Глушак Наталье, наряду с другими отличившимися, приказом от 10 мая 1944 года, товарищ СТАЛИН объявляет **благодарность**.

Вплоть до окончания войны, санинструктор Наталья Глушак будет служить на юге России. Не мало еще ей доведется переносить тягот и лишений. Отсюда, из Крыма, она будет и демобилизована. В 1947 году Наталья встретит молодого орловского парня Михаила Борисова, выйдет за него замуж. В 1948 году у них родится сын Александр, в 1951 — дочь Вера. Встретившись и познакомившись с Борисовыми в 1964 году, я навсегда остаюсь их другом. Это прекрасная, трудовая семья.

В 1972 году молодой, 24-летний Александр Борисов посетит на Черниговщине, родное село мамы Нижнюю Босань. Здесь же встретит и свою судьбу, в образе молодой киевлянки Ольги, учительницы английского языка, приехавшей, как и он навестить родных.

И надо ж случиться, на родине мамы,
Он встретит любовь свою, в — Нижней Босани!

21 сентября 1995 года Наталья Андреевна Борисова — Глушак умрет, а, не перенеся столь тяжкой утраты, вскоре скончается и ее муж Михаил Ильич Борисов. Их похоронят на Северном кладбище Ростова. Там же, где покоится ныне и мой брат Иван.

В мае 1996 года мы с Александром Борисовым побывали там и низко поклонились их светлой памяти.

За мужество и стойкость, проявленные, в боях с фашистскими оккупантами, санинструктор, красноармеец Глушак Наталья Андреевна была удостоена ордена Отечественной войны 2-й степени и медали «За победу над Германией». В семейном архиве Борисовых хранятся также и приказы — **похвалы Сталина**, с объявлением ей, заслуженных в боях, благодарностей.

СПАСИБО КОМАНДИРУ!

Нам важно знать:
За кем мы в бой идем?
Кто правит нами
В этом грешном мире?
Коль цель свята,
То средства не клянем,
А говорим -
Спасибо командиру!

В последние годы новоявленные демократы, стремясь унизить русский народ, на плечи которого, по признанию Сталина, легла основная тяжесть в борьбе с фашизмом, утверждают, что Победа далась неоправданно дорого. Ценою 27 миллионов загубленных человеческих жизней. Разрушением и сожжением многих тысяч городов и сел. Утратой демократии, воплощенной в системе Гулага.

Хулители всех мастей принижают роль Сталина, Жукова и других полководцев страны, которые, по их мнению, побеждали числом, а не умением. Особенно с гневом они об-

Сержант Пётр Козин.

рушиваются на подписанный 28 июля 1942 года, Сталиным приказ № 227, который имел целью самыми жестокими мерами пресечь проявление трусости и дезертирства.

Если кому интересно знать мое мнение, как историка и офицера, то оно однозначно: приказ Сталина, выражающийся в формуле «Ни шагу назад!», надо было издать еще раньше, в первые месяцы войны. Уверен, тогда бы не попали в плен 3, 5 миллиона солдат и офицеров и не было бы утрачены необъятные территории страны.

Что оставалось делать Сталину? 24 июля 1942 года противнику сдан Ростов. Немцы заняли Донбасс, вышли в излучину Дона, создали угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Нависали угроза окружения Москвы с Востока.

Все фронтовики, с кем бы я не беседовал, от солдата до генерала, поддерживали контрмеры Сталина. Им понятно, что во всякой войне побеждают, не добродетель, а порядок и дисциплина. Порядок же учреждают командиры, ибо, как говаривали на Руси, каков поп, таков и приход. Расстрел 40 тысяч офицеров и генералов в 1937-м, безусловно, отразился на ходе конфликта с Финляндией. Отрицательно сказался и на действии войск в первые месяцы войны. Но, благодаря приказу Сталина, сразу же выдвинулись вперед способные, а в некоторых случаях, талантливые командиры. Их инициатива, помноженная на смелость, позволила уже с меньшими потерями (вспомните героев романа Юрия Бондарева «Горячий снег») добиваться значительных успехов.

Почему наша Армия, в конце 40-х, в 50 и 60-е годы так была страшна капиталистам всего мира? Да, потому, что в ней задавали тон, закаленные в сражениях 2-й мировой, прекрасно обученные офицеры — патриоты. Народ, по выражению Сталина, лелеял свою армию. Служба в ее рядах была, поистине делом чести.

Не удивительно, что и сам я, за год до призыва, явился в Болховский райвоенкомат, с просьбой отправить меня служить добровольцем. Военком, Герой Советского Союза, майор Шаронов, смерил мою худощавую фигуру оценивающим взглядом, строго сказал:

— Сейчас, молодой человек, слава Богу, не война! Сиди дома, набирайся сил, а придет твой срок — заберем сами. Вот так!

Мой «срок» наступил в октябре 1959 года. О том, как я служил в учебном батальоне 322 гвардейского, Катовицкого, Краснознаменного артиллерийского полка, что дислоцировался в городе Боброве Воронежской области, я подробно рассказал в очерке «Школа полковника Федотова». Он опубликован (Орел, 2006), в моей книге «Родная сторона».

После его расформирования, волей бездарного вождя Никиты Хрущева, такого мнения о нем Георгий Жуков («Воспоминания и размышления») и я его разделяю, в мае 1960 года, меня направили в ракетную дивизию. Она располагалась в древней столице Руси, славном граде Владимире на Клязьме. Парк 850-летия Владимира. Золотые ворота. Кремль на высоком берегу реки, в водах которой, попав в бурун, я едва не утонул. Соборы и храмы. Недальнее село Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли. Все это, как сияние алмазов русской самобытной истории, воспламеняло мою впечатлительную юношескую душу.

Владимир, Суздаль и Хрустальный Гусь,
Нерль, Клязьма, Муром и соборов лики,
Все это вместе — сказочная Русь -
Былинная, святая и великая!

Но, самым волнующим воспоминанием было мое участие в параде (7 ноября 1960) войск на Красной площади в Москве. Парад принимал Маршал Советского Союза Малиновский. Он присутствовал так же у нас, на Фрунзенском аэродроме (Ходынское поле), во время генеральной репетиции. Видел я и Хрущева, стоящего в шляпе на трибуне Мавзолея. Когда на тягачах, позади которых были прицеплены ракетные установки, мы, покинув Красную площадь, ехали по городу, то жители столицы приветствовали нас, как героев. Ведь ракеты, как надежный и могучий щит страны социализма, тогда публично демонстрировались впервые. Это ликование москвичей, вызывало всеобщую гордость, и подтверждало подлинное единство армии и народа.

То самая высокая награда,
Подтянутым и гордым быть, как все,
Участником армейского парада,
В столице нашей Родины — Москве!

Нам, воинам — владимирцам, в том числе и мне с армейским другом Николаем Рязанцевым, посчастливилось увидеть в Мавзолее не только Ленина, но и в парадной форме Генералиссимуса, Иосифа Виссарионовича Сталина. И позор Хрущеву за развенчание, так называемого «культа». Ведь, по меткому выражению Вячеслава Молотова, наряду с культом, была и — личность! После Сталина, таковых не стало, а отсюда и все последующие беды нашей несчастной Родины. Ибо, как справедливо отметил писатель — патриот Юрий Власов, отныне — «Русь без вождя!». Без хозяина же, что хорошо понятно каждому крестьянину, и дом — сирота.

Вскоре, после возвращения из Москвы во Владимир, нас направили служить в город Тейково Ивановской области. В лесу обустраивались ракетные шахты. Батальону охраны, руководимым подполковником Бахтиным, поручено было нести круглосуточную вахту по сбережению государственной тайны. Это сегодня о Тейково пишут все, кому не лень. Тогда же монтирование ракетных площадок и все наши занятия, по их охране, были строго засекречены.

Служба моя протекало безоблачно, с огромной пользою для ума и здоровья. Я был дисциплинированным младшим командиром — не пил, не курил, не ходил в самоволки. Активно занимался самообразованием и спортом. С отличием окончил, организованную при политотделе дивизии, годичную партийную школу, а затем шестимесячные курсы по подготовке в Ивановский педагогический институт. Солдаты, мои подчиненные, воины других подразделений, уважали меня. Не случайно избирали, то редактором стенгазеты, то секретарем ротной комсомольской организации. Мы ни сном, не духом не ведали о такой, как ныне, страшной болезни в рядах армии, как дедовщина. Взаимопомощь, взаимовыручка — вот главные составляющие наших повседневных взаимоотношений.

Былой славный фронтовик, командир части Бахтин направил в адрес моей мамы Благодарственное письмо, в котором убеждал рядовую русскую крестьянку, что они, офицеры и солдаты, гордятся ее сыном, младшим командиром — отличником боевой и политической подготовки. За успехи в службе мне предоставлялся и краткосрочный, с выездом на родину, отпуск. Замести-

тель начальника политотдела дивизии по комсомольской работе, майор Морковин убеждал меня поехать учиться (жаль, что не поехал!) в Львовское военно-политическое училище, где готовили политработников и военных журналистов. Ведь я числился военкором ежедневной газеты Московского военного округа «Красный воин». В подтверждение тому, я предлагаю вниманию читателей, опубликованную в этой армейской газете, от 13 мая 1962 года, мою зарисовку. Она так и называется: **«Спасибо командиру!».**

«Как-то воинам нашей роты было поручено оборудовать стрельбище. В качестве бруствера мы решили использовать крутой обрыв. Но его требовалось укрепить. Солдаты дружно готовили дерн, переносили, укладывали. Нещадно палило солнце. Гимнастерки намокли от пота.

И вот рядовой Сафиуллин и его товарищ, воткнув лопаты в землю, сели отдохнуть. К ним сразу подошел капитан Губарев. Тот самый, кто за стойкость и мужество в боях с немцами, отмечен боевыми наградами. Наряду с ними, имеет и знак, подтверждающий серьезное ранение. Лицо офицера было спокойным. Он даже улыбнулся.

— Устали? — спросил Губарев. И, взяв лопату, ловко и быстро вырезал прямоугольный пласт дерна, поросшего свежей зеленой травой, понес его на бруствер. Солдаты переглянулись, а потом, словно по команде, вскочили и возобновили работу с новой силой. Наравне со всеми тогда работал офицер. Без позы и самолюбования. От сердца, от желания трудиться.

Задание было выполнено в срок и качественно. Командир части подполковник Бахтин объявил всему личному составу благодарность. Ее зачитал перед строем начальник штаба капитан Суровцев.

Это только один из воспитательных приемов командира нашей роты. А сколько их у него?! Я лично обязан офицеру Губареву многим. Служит в отделении, которым поручено мне, командовать, рядовой Лынов. Часто нарушал он дисциплину, считался «трудным» солдатом. То старшим нагрубит, то вступит в пререкания со мной. Бывало, из увольнения опаздывал, даже выпивал. Все средства, казалось, были исчерпаны. Но ни убеждения, ни наказания, ни вызовы на заседания комсомольского бюро

не помогали. Пришел я за советом к командиру роты: как, мол, дальше быть? Он внимательно выслушал меня, подумал.

— А вы пробовали давать ему какие-либо поручения? — спросил офицер, — он ведь кажется, раньше химическим инструктором был?

Я понял капитана. На первом же уроке по химической подготовке, когда приступили к тренировкам, я предложил рядовому Лынову заняться самостоятельно с группой воинов. Помочь им отработать несколько приемов. Солдат горячо взялся за дело и, надо сказать, отлично справился со своими обязанностями.

Больше того, такое доверие окрылило его, ведь оно помогало ему самоутвердиться в глазах товарищей. Другим стал воин. Конечно, не сразу, но перелом наметился в самом скором времени.

Зная и то, что Лынов неплохо разбирается в электротехнике, офицер Губарев однажды поручил ему электрифицировать один из объектов.

— Справишься? Может, помощь нужна? — спросили мы.

В глазах солдата вспыхнул огонек. Голосом, полным уверенности, он твердо сказал:

— Справлюсь!

За добросовестное выполнение задания командир роты предоставил ему двухсуточный отпуск. Так, шаг за шагом добивается офицер главного — глубокой, сознательной дисциплины в подразделении. Взять хотя бы социалистическое соревнование.

— Не нужно брать завышенных обязательств, — говорил он солдатам в самом начале года. — Но уж если слово дал, выполни его непременно, во что бы то ни стало. «Дал слово — сдержи его». Это стало заповедью в службе воинов. И вот итог — около 50-ти процентов отличников боевой и политической подготовки выращено в роте в настоящее время. Среди них — сержанты Корнеев, Кузнецов, Колесников, Малыхин, рядовые Халиев, Максютин, Валиев. Они сдержали свое слово. Все воины стали значкистами ГТО 2-й ступени. Каждый третий — разрядник по одному из видов спорта.

В своей повседневной работе командир опирается на силу партгруппы и комсомольской организации роты. Руководит, направляет, помогает. Мне, как секретарю комсомольской организации, часто приходится обращаться к командиру за советом. И я всегда нахожу поддержку.

Активно наши воины включились в эстафету полезных дел в честь XIV съезда ВЛКСМ. И собрание тогда провели, и бюро неоднократно занималось этим вопросом. Каждый взял индивидуальное обязательство, но чувствовалось, что чего-то все же не хватает.

— А вы непременно заведите дневник эстафеты. Заносите туда фамилии тех, кто на деле выполняет обязательства. Пусть о передовиках знают все, — посоветовал офицер.

Оживилось соревнование! Опытный командир, умелый пропагандист и агитатор, душевный и чуткий старший товарищ, коммунист Губарев пользуется заслуженным авторитетом среди воинов. Благодаря его чуткости и заботе рядовому Нигматуллину был предоставлен краткосрочный отпуск. Всегда ему будут благодарны рядовые Лынов и Хрипунов, нарушавшие в прошлом дисциплину. Теперь они на правильном пути.

— Соблюдение нравственных принципов морального кодекса — наш святой долг! — не раз говорил офицер Губарев воинам, проводя политические занятия. И эти слова он подкрепляет личным примером. В любом деле наш командир поступает, как подобает члену великой ленинской партии. А коммунисту до всего есть дело. И мы, его подчиненные, всегда с гордостью произносим: «Наш командир!». Говорим спасибо ему. Недаром рота второй год удерживает переходящий вымпел части.

Сержант Петр КОЗИН,
секретарь ротной комсомольской организации»

Вот такая, казалось бы, рядовая зарисовка, о моем командире, написанная с позиций нравственности, и в духе тех лет, когда мы свято верили в дело партии и комсомола. Она бесконечно дорога мне. Сегодня, по истечению 46 лет, многое в моем материале может показаться наивным. Но, я не стыжусь своих прежних идеалов. Напротив, я горжусь тем, что мы были честными и открытыми, добрыми и отзывчивыми. Именно, этих качеств так недостает нашим сегодняшним воинам и их командирам.

Выпуск партийной школы при политотделе дивизии.
В/ч 34048, 1962 г.
В первом ряду, третий справа — Пётр Козин.

Орёл, сквер танкистов.
Пётр Козин с дочерью
Ириной, 1975 год.

КОЗИНЫ — НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Отзывчивы мои родные
На беды горестной страны:
В сороковые — грозовые
И в наши — сумрачные дни!

Воспитанный на коммунистических идеалах, мой старший брат Александр Дмитриевич Козин (1925 года рождения), переживший голодное детство, в юные годы угодил в лапы, жаждавших рабов, гестаповцев. С 1942 по весну 1945, он — малолетний узник, познал все ужасы фашистской каторги. Освобожденный из цепей неволи, с приходом советских войск, Александр вливается в их боевые ряды. Шесть лет провел в поверженной Германии. Дослужился до старшего сержанта, командира знаменитого танка — «34-ки». Был награжден медалью «За победу над Германией».

Он танк водил по буеракам
И по приказу был готов:
Разить огнем, мотать на траки
Советской Родины врагов!

После службы брат Александр обосновался на жительство в старинном городе Серпухове. Отличный танкист, он быстро осваивает мирную профессию, становится водителем 1 класса. В 1952 году женится на молодой вдове, фронтовичке Таратыновой Нине Федоровне (1924 — 2004), с которой доживет до золотой свадьбы.

Александр Дмитриевич Козин, 1925 г.р. Узник фашизма, боец-танкист Советской армии.

Совсем иначе, чем у супруга сложилась боевая биография юной Нины. В первые дни войны, восемнадцатилетней девушкой она была зачислена на московские

зенитные — пулеметные курсы. И в 1941— 42 годах станет прикрывать небо столицы от фашистских бомбардировщиков. В 1942 — 45 годах в составе дивизиона зенитных установок одного из Белорусских фронтов, командир зенитного расчета, ефрейтор Нина Таратынова (Козина) будет совершать свои боевые подвиги на территории Польской народной республики.

Под прицел молодой зенитчицы попадали отъявленные немецкие ассы. Не один из них нашел свою погибель на земле братского народа.

Не только милую Отчизну,
Но и славян — поляков то ж,
Она спасала от фашизма -
Святую правду не тревожь!

Родина высоко оценило ратную службу отважного ефрейтора, удостоив ее боевым орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1 и 2-й степени, многими медалями и благодарностями Верховного Главнокомандующего.

За годы супружества у служилой четы Козиных родились: дочь Надя и сын Александр (младший).

Нина Фёдоровна Таратынова (Козина), (1924-2004 гг.). Воевала с 1941 до 1945 года в качестве командира зенитного расчёта.

С Александра Александровича Козина, появившегося на свет в августе 1956 года, ведется отчет второго поколения защитников Отечества, начавшейся формироваться военной династии Козиных. Молодой Александр успешно оканчивает среднюю школу в Серпухове, а затем 2-й Московский медицинский институт, интернатуру медицинского состава МВО.

Александр Козин (младший) с женою Ниной.

Ему присваивается квалификация врача 1-й категории.

Долгие годы офицер — военврач служит в 490 отдельном вертолетном Тульском полку, умножая его боевую славу.

В январе 1986, с аэродрома Тузель, из-под Ташкента, полк переводят на территорию тревожного Афганистана, в Кандагар. В феврале того же года формируется 205 отдельная вертолетная эскадрилья. Уже в 1988, она обосновывается в провинции Гильменд, на аэродроме Лашкаргах, которые советские воины называли по-русски — Лошкаревка. Здесь Александр Козин числился начальником медицинской службы.

205-я эскадрилья обслуживала бригаду спецназа ГРУ. Она постоянно участвовала в боевых вылетах, сопровождала колонны специального назначения, вела поисковую и спасательную службы. В ее обязанности также входило — вынос раненых из щелей и гор Гиндукуша и пустыни Регистан.

Стреляют душманы в горах Гиндукуша
И губят напрасно солдатские души.
В огне — полымя и пески Регистана,
Кровава заря над землею Афгана!

Священник молитву творит по усопшим,
Ползет санитар, изгибаясь под ношей.
Он вынес бойца, что был ранен у сопки,
В глазах его просьба:
«Спаси меня, доктор!».

И военврач его боли внимает,
Хоть сам от жары и безводья страдает.
Над раненым доктор склоняется ниц,
В руках его бинт и спасительный шприц!

Сколько их, искалеченных и контуженных, прошло через крепкие руки опытного военврача Александра Козина? Десятки и сотни жизней солдат и офицеров, он вернул в боевой строй. И не только своих однополчан. Ему довелось, исполняя личный приказ генерала Варенникова, лечить сына вождя племени «Белуджей». Это племя было союзником СССР. Его отряды прикрывали собой южные границы Афганистана с Пакистаном. С поставленной задачей капитан Козин успешно справился.

Обрел сын вождя — и отвагу, и силу,
Глядя Александру в глаза, он сказал:
— Спасибо тебе и великой России,
Когда бы не вы, я здоровым не стал.

Ты — доктор отличный, и воин геройский!
Тобою гордился бы сам Македонский.
Для всех белуджийцев — достойный пример,
Не зря ты, как он — Александр, Искандер!

То, что это не вымысел автора, а истина наглядно доказывает тот факт, что за успешное проведение боевых операций и лечение сына знатного афганского вождя военврач Александр Ко-

зин, наряду с орденом «За службу Родине», медалью «За боевые заслуги», был удостоен особой награды — медали «От благодарного Афганского народа».

Ветеран Афганской, Таджикской, Чеченской и Сербской войн, военврач Александр Александрович Козин.

Прошли годы. Давно наш ограниченный контингент под командованием генерала Громова покинул суровую афганскую землю. Громов, уже в ранге губернатора Московской области успел поздравить чету старших Козиных с золотым юбилеем. Однако мир не наступал. Горячей точкой, на этот раз, стал Таджикистан.

Сюда, в 1997 году, в качестве начальника медицинской службы 41 -ОВЭ, прибывает майор Александр Козин. Полгода он занимается своим благородным делом. Ставит «на ноги» не только наших бойцов — десантников, но и воинов таджикской армии. Родина награждает его медалью «За воинскую доблесть».

Наступил 2000 — юбилейный год Христа. В огне межэтнических усобиц братская Югославия. На этот раз мой боевой племянник руководит медицинскою службой 27-й авиационной группы российских войск. Поощряется медалью ООН — НАТО «Воинская доблесть».

Страна Югославия в страшном разоре:
Ушла Македония, нет Черногории.
У Сербии даже и Косово нет.
В несчастье славян виден Натовский след!

Наконец, в 2001-м, начале XX! века, воинский долг призывает майора Козина на Чеченскую землю. Местом дислокации

становится аэродром города Грозного. За проявленное мужество и героизм военврача удостаивают ордена «За военные заслуги».

Взрывается, стонет, стреляет Чечня
В больнице и той, нет спокойного дня.
Не зря же столицу Чечни, так серьезно,
Зовут не иначе, как городом — Грозный!

А в чем тут причина?
Известен ответ:
Свободу вручили,
Ермолова ж — нет!

Много кого и чего у нас не хватает. Так и хочется повторить рефрен графа — поэта Толстого: «Страна у нас большая — порядка только нет!». За все же остаются в ответе не политики, развязывающие войны, а военные. И, как всегда в самых болевых точках несут бессменную вахту военврачи. Они, как известно, также не застрахованы от погибели. О, сколько неимоверных мук переносят их родные и близкие, пока они выполняют свой клятвенный — Гиппократовский и воинский долг. Немало седых волос прибавилось, за годы тревожного ожидания любимого, и у молодой тамбовской красавицы Нины Козиной, героической жены беспокойного доктора, что с именем, как и у его горячо уважаемой мамы. Он, подобно ей, ветерану — зенитчице, в военные годы, колесит по бесконечным фронтовым дорогам, а его верная половина, совсем еще юная, что моложе мужа на 9 лет, в одиночку, воспитывает сына и дочь. И отлично с этим справляется.

Впрямь, позавидуешь родне -
Две Нины Козины в семье.
Мужчины — оба Саши!
Ну, в общем, знайте наших!

На радость молодой маме, дети вырастали — умные и добрые. Как видно сказались на них благотворные гены предков. И дед и бабушка слыли людьми мудрыми и отзывчивыми, способными учениками.

Кстати и сама Нина окончила среднюю школу в родном го-

родке Мучкапе Тамбовской губернии с золотой медалью, затем получит финансово — экономическое образование. Дочь Олеся, не посрамит ее светлые надежды, такую же дорогую медаль примет из рук Тульского губернатора. Сегодня же успешно завершает учебу, одновременно, в двух — экономическом и юридическом Университетах. За выдающиеся успехи, она удостоена высшей стипендии. Мало того ее уже пригласили на работу в качестве менеджера в одну из солидных Тульских рекламных компаний. И здесь, на новом месте, сотрудники и клиенты, восхищены ее светлой аурой и интеллектом.

Не зря «Песняры» в своей радостной песне
Взывают к кудеснице леса ОЛЕСЕ.
Ведь только ОЛЕСЯ к чему прикоснется,
Как светится мир, ярче Красного Солнца!

КурсантМосковского университета МВД РФ, Дмитрий Александрович Козин.

Дмитрий Александрович Козин — это особая статья. Девятнадцатилетний Дима, выпускник Лицея искусств №3, ныне является курсантом 2-го курса Московского Университета МВД РФ. В школьные годы — лауреат и дипломант театра «ЛИМПОПО», занявший в Туле 2-е место по кикбоксингу (45 кг), сегодня он активно участвует в команде КВН «Цемент» Московского университета МВД России. Успехи налицо. За ним и его товарищами надежно закреплено 1-е место в лиге Университетов.

Дима, хотя и не круглый отличник, но, как и сестра получает повышенную стипендию. Радует педагогов и родителей своей серьезностью и прилежанием. Мой внук, а его двоюродный брат Максимка Корнеев — Козин берет с него пример. Максим занимается на подготовительных курсах и готовится, как и Дима стать студентом Университета. Десятилетняя внучка Настя горячо любит своего «доброго бра-

тика». Постоянно просит меня передавать ему приветы и приглашение посетить Орел. Надежда встреч с ним, согревает ее детское сердце. И это все о нем ее мечты:

Максим Корнеев-Козин — с мечтой о ВДВ.

Мой братик Дима — солнце Крыма,
С ним — и светло, и хорошо.
Давно он наш Орел покинул,
Когда приедет к нам еще?

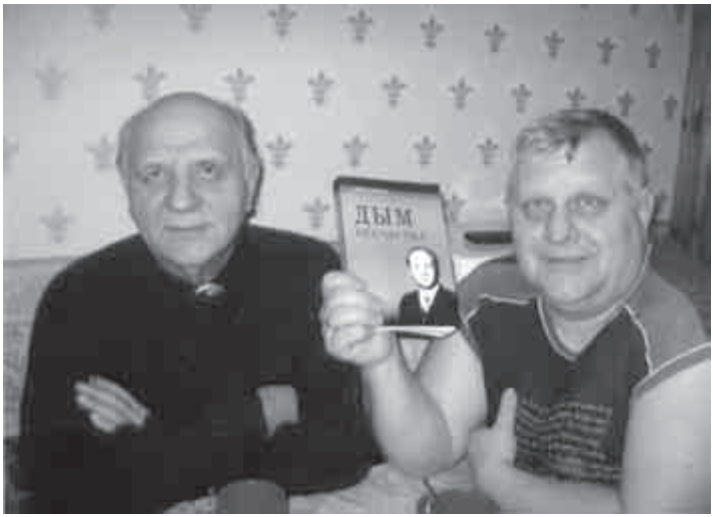
Надеюсь, что Дима услышит зовущий голос своей прелестной сестренки и, непременно, откликнется. Дима и Настя еще так юны, но именно за ними будущее не только семьи и рода Козиных, но и судьба всей страны.

Настя и Дима Козины, на встрече в Орле.

Именно, любовью к Родине, Дмитрий, названный в честь своего прадеда — патриота, родоначальника династии Козиных, продиктовано его желание стать представителем третьего поколения защитников России. На нем сегодня военная форма курсанта, а завтра он станет, подобно героическому отцу, офицером, военным следователем, а может статься и прокурором. Ему вершить законность и порядок в стране, где все еще царят бесправие и беспредел. Отсюда, именно, на него возлагаются не только надежды, но и большая ответственность. Уверен, что Дмитрий это хорошо понимает, и со своею задачей справится. Порукой тому достойный пример старших.

15 февраля 2008 года, в день празднования юбилея воинов — афганцев, я посетил Тулу. Привез семье дорого племянника в

подарок свою новую книгу «Дым Отечества». Пообещал, что в очередной работе, я расскажу о трех поколениях Козиных, посвятивших себя самому дорогому — защите родного Отечества. Таким образом, по достоинству отмечу их неоценимый вклад в дело укрепления обороноспособности страны, которую мы зовем светлым именем — Россия. Как убедился читатель, свое слово я, к всеобщему удовлетворению, сдержал. Подтверждением тому и является публикация в книге этого очерка.



Встреча с племянником Александром Козиным.
Тула, 15 января 2008 год.

С Ниной и Олесей Козиными. Тула, 15 февраля 2008 год.

Козины — Пётр и два Александра.
Железнодорожный вокзал г. Тула, 2005 год.

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА

Грибники — у лесного костра:
Абзагир Ярахмедов, Сергей Шмелёв и Пётр Козин.

И в светлый день, и в непогоду,
Забава эта мне мила -
Веду я «тихую охоту»
В лесах поблизости Орла.

Или сажусь на электричку
И мчусь в далекие края,
Где желтоглазые лисички
С восторгом смотрят на меня.

Где белый гриб на зорьке ранней
Под дубом воином стоит:
Красой невиданною манит
И счастьем душу веселит.

Под елью прячутся маслята,
В траве пригрелись — свинушки.
А ближе к осени — опята
Присядут стайкой на пеньки.

Не замечая непогоду,
Внимая птичьим голосам.
Веду я сбор даров природы
Пока в общественных лесах.

Тщусь ужасом — наступят сроки
Их купит ненасытный бар
И под угрозою двустволки
Табу наложит на «товар»!

Да, такое может случиться. За грибы и ягоды, собранные в лесу придется платить. Партия «единороссов» в Государственной Думе разработала законы не только о продаже земли, но и лесов, водоемов, рек и лугов. Вот почему мне по душе лозунг коммунистов: «Земля — не товар: матерью не торгуют!». Однако, они теперь не у власти. И песню «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» больше не поют. На «землю и волю» буржуазное правительство набросило аркан. Отныне, все продается и покупается, в том числе: свобода, честь, совесть.

Бывая в лесах, я все чаще замечаю бесхозную, хищническую вырубку самых ценных пород деревьев: дубов и ясеней, елей и сосен. Причем, отходы товарного леса — суки и ветки остают-

ся гнить, дополняя буреломы. Это в Европе леса — чистые и ухоженные. У нас же, как будто «Мамая прошел» — непроходимые чащи. Непонятно: за что, за какие заслуги российский Министр природных ресурсов, господин Трутнев получает самую высокую зарплату в сравнении с другими министрами? Телеэфир едва ли не ежедневно вещает о разграблении природных богатств: в Карелии и на Дальнем Востоке. В срединной России это, видимо, в порядке вещей. Увод пахотных земель под леса даже поощряется. В частности, неоправданно расширяется, под эгидой самого губернатора, зона «Орловского полесья». Причина ясна. За последние 15 лет, население области по вине, в том числе, того же Егора Семеновича Строева, бывшего секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, сократилось на сто тысяч человек. Обезлюдели сотни деревень и поселков. Поля заросли бурьяном и чертополохом — истинное раздолье для диких животных. Природа, известно, не любит пустоты. Для зверей, охота на которых стала лишь уделом богачей, повсеместно сооружаются кормушки. Охрана их поставлена выше, чем жизнь самого человека. В этом я убедился, бывая на малой родине — в Болховском районе. Всюду упреждающие знаки — не тронь, не лезь, не стреляй! Земляки живут без газа и электричества, порою без хлеба и молока. Криминал не оставляет в покое даже неимущих пенсионеров. Никто не заботится об их защите. Чиновники глухи и высокомерны по отношению «к черни». Понятно: власть всесильна, пока народ безмолвствует.

Но, достаточно о грустном. Свои короткие «Записки грибника», а таковым я стал последние два года, будучи безработным пенсионером, мне хотелось бы посвятить более оптимистичным темам.

ГРИБНОЙ ДУХ

Висят грибы над русской печкой,
На нитке друг за дружкой, в ряд
Горят, мерцают, будто свечи
И источают аромат.

И в нашей избе и в соседних домах, куда не зайди, всюду увидишь, нанизанные на нитках, будто звезды на Млечном Пути, подсыхающие над загнетками разнообразные грибы. Да, да, Самые разные. В пору моего детства сельчане, за редким исключением, с ними не церемонились. Не вели видовой отбор, а сушили или солили в кадушках вместе. В духмяном рассоле утопали: подберезовики и осинники, лисички и маслята, рыжики и свинушки. Вот только белые грузди готовились отдельно. Это потому, что для них необходим гнет. И должны они лежать под давлением не менее 40 дней. И едят их чаще всего в зимнюю пору. Белые, твердые, сочные, приправленные чесноком и маслом, они хрустят на зубах, как спелые яблоки. И не только в Сибири, но и в нашей срединной полосе их считают лучшей закуской. И подают чаще всего к столу — светлым праздником. Деликатес, да и только.

Грибники Пётр Козин и Валерий Часовитин на лесной даче у Емельяновых, пос. Крещенский Болховского района.

Сладко пахнет грибами в дому или близ кадушки в погребе, но куда более приятен их сыровато — терпкий запах в лесу. Мама моя, вечная труженица. Колхозные и домашние заботы не позволяли ей тратить время на дальние походы. А потому она приносила грибы из ближних рощ и перелесков, собранные, походя, во время полевых работ, в короткие минуты отдыха. За неимением под рукою корзины, она накладывала дары лета в фартук, а то и в подол юбки. От того и сама была завсегда пропахшая грибами. От свинушек, а в особенности от маслят быстро чернели руки. Грибной сок так крепко въедался в поры, что отмыть руки, даже с мылом, было не просто.

Бывая на Альянском мосту, что висел над речушкой Лабосынь, мы наблюдали за священнодействиями цыганок. Здесь, близ урочища Городище по — обыкновению стоял их табор. Энергичные и говорливые старухи, а с ними и молодые «дети природы», заливали наполненные свежими грибами кастрюли водою. Спустя некоторое время, воду выливали в котелки и чашки. За тем из них они умывали свое лицо и шею.

— Вот отчего цыгане такие смуглые, — рассуждали мы, — понятно — от грибной смолы.

Цыгане, на этот счет, были иного мнения. Настоянная на грибах вода, по их словам, имеет свойство излечивать раны на коже, дезинфицировать ее от вредных микробов.

— Может, это и так, — соглашались мы. Однако сами лечиться, таким образом, не спешили. Ведь еще немцы как-то глубокомысленно изрекли: каждому — свое! Цыган же и евреев, в пору былой войны, они не жаловали. Как, впрочем, не жалели и нас — коренных русских. Впрочем, ныне речь не о том. Она, в частности, о «живой воде», настоянной на грибах. О пряном грибном духе, царившем в наших верхах и лесополосах. Настоящих, как теперь, лесов не было. Их свели на нет фашисты, боясь партизан, а затем и сами жители округи — надо было из чего-то сооружать плетни и мазанки, топить печи. Отсюда понятно, что мы не могли похвастаться обильным урожаем грибов в пору моего послевоенного детства.

Не с удобным лукошком, как сегодня, а с большой и тяжелой картофельной корзиною на худых плечах, я с товарищами, отправлялся в дальний Борковский лес. Он был в четырех-пяти верстах от Сивково. Здесь еще уцелел густой березняк, где води-

лись с коричневыми шляпками подберезовики, с красными — подосиновики, смуглые свинухи и желтоглазые волнушки.

За долгие часы путешествия от куста к кусту, мы так и не набирали по полной корзине. Случись такое — не возрадовались бы. Откуда бы взялись силы, чтобы доставить к дому такую тяжесть? Ведь жили впроголодь. Кормила нас больше сама природа. Она нам «щавель спасительный растила, картошку оставляла про запас». Да, при случае, грибами, да ягодами баловала.

С богатым урожаем грибов — опят, я впервые встретился лишь четыре года тому назад, кстати, оказавшись в лесу, что вблизи от деревни Китаево — отчей родины моей мамы. В течение трех дней я совершал сюда рейсы на своей «Оке» и наполнял ее кузов доверху. Коричнево-желтых опят было так много — хоть косой коси. С той недавней поры животворный грибной дух заполнил собою не только мой дом, но и гараж, где и ныне стоит, вся пропахшая пряностями леса, моя машина.

БЛУД

Когда все небо в серых тучах,
Вас и приметы не спасут.
Окрест — безлюдье, дебри, кручи.
Понятно станет — это блуд!

Провожая, нас, деревенских мальчишек, в незнакомый лес сердобольные мамы по — обыкновению предупреждали: «Смотрите, не заблудитесь!». И зазря. Не было случая, чтобы мы не нашли дороги к дому. Если ненароком и заплутаемся, то достаточно было взобраться на ближайший холм, и вся округа, как на ладони. В добрую погоду, да с нашим молодым и острым зрением нам казалось, что мы и Москву увидим, также ясно, как находящуюся в шести километрах от дома село Репнино, где близ яблоневого сада стояла наша двухэтажная школа. Иногда, взобравшись на верхушку высоченного тополя, мы отчетливо различали купола церквей древнего Болхова, что был в пятнадцати верстах от отчей деревушки Сивково. Даже соревнование устраивали: кто далее всех что увидит?

Все это было, только сплыло,
Вовек не будет уж теперь,
Когда леса холмы накрыли
И в них гуляет только зверь.

Сегодня, отправляясь на пригородном поезде или электричке в незнакомые места, мало кто твердо уверен, как ранее, что не заблудится. Бывали случаи, что старые грибники отставали от поезда и проводили ночи в безлюдье. А дабы ненароком их не напугал зверь всю ночь, до утреннего рейса жгли костры.

Как говорят, черт путал и меня. Это случалось и на 76 километре железнодорожной трассы «Орел — Михайловский Рудник» и дважды в Шаховском лесу.

Осторожные и предусмотрительные грибники непременно берут с собою в дорогу компас. Он, безусловно, помогает отыскать нужное направление, когда из-за туч не видно солнца. Именно на это светило я уповаю, когда иду в лес. Компасом я просто не обзавелся. По солнцу я определяю, в какой стороне света находится железнодорожное полотно. Ориентировка по пням и ветру — мало результативна. Ветер часто, в течение дня, меняет свое направление, а пни зарастают мохом со всех сторон, а потому обманчивы.

Уже в конце октября 2006 года тщетно пытаясь отыскать опят вблизи от остановки Шахово, я решил углубиться в лес. Бродил долго и упорно. Мне повезло. В густой крапиве, у мощных дубов я напал на усеянную грибами поляну. От дождя меня надежно укрывал мой брезентовый плащ, а потому я спокойно и не спеша, наполнял свежими красавцами — опятами свои вместительные корзины. Их хватило и на то, чтобы не оставался пустым и мой холщовый рюкзак. Окончив это приятное занятие, я счастливый от неожиданной удачи, решил двигаться к станции. По моему разумению она находилась в правой стороне. Туда я и устремил свои стопы.

Шел по травянистой стежке. Одежда на мне взмокла. И не от дождя, а от пота — груз был не из легких. Вот и лесу конец. Передо мною открылась панорама широкого поля, а за темнеющими кустами проглядывали избы незнакомого мне селения. Я осознал, что заблудился. Решил заглянуть к людям. Через бурьян и чертополох пробрался к дому, возле которого копошились

люди. Трое мужчин разного возраста разделывали тушу свежезарезанного поросенка. Поздоровался. Извинился за беспокойство. Объяснил, что заблудился и спросил о дороге. Молодой парень, взглянул на меня, выругался. Понятно — я отвлекал их от работы. Пожилой мужчина, видимо, его отец, напротив, спокойно и деловито объяснил мне, что я оказался на Ворошиловском поселке и мне предстоит идти по стежке по направлению к лесу, из которого я к ним и вышел. Время поджимало. До прибытия поезда оставалось меньше часа. Не мешкая, я отправился в обратный путь.

Миновав линию электропроводов, я побрел по кустам. Как на беду мне стали попадаться там и сям соблазнительные грибы. Я отчаянно рвал их и доверху пополнял корзины, кои нес в руках. Измученный и усталый я, наконец, вышел к железнодорожному полотну. Но ужас! Время было на исходе, а до остановки еще не менее трех верст. Однако отчаиваться не стал. Благо Шахово не 76 километр, где до ближайшего села многие версты пути. Перебрался через рельсы и направился прямиком к корпусам исправительной колонии. Вот и пруд. Поднялся вверх по плотине и присел на скамью, предварительно сняв тяжелый рюкзак — на автобусной остановке. В восемь часов вечера, спустя два с половиной часа, после отхода моего поезда, я на автобусе отправился в Орел.

Уже, будучи дома, согреваясь, горячим, чаем, я с шутками и прибаутками рассказал жене Валентине о своих приключениях.

— Понятно, — улыбалась она, — на тебе блуд напал. Еще бы! Столько грибов нашел, да в такую глухую пору осени. Вот тебя леший на терпение и испытывал.

— Сдался тебе этот леший, — отмахнулся я, — просто ориентир потерял. Дождь-то промозглый весь день лил.

— Хорошо, когда все хорошо кончается, — философски заключила жена.

Однако, не успокоившись, и не столько ради грибов, а чтобы в лишний раз проверить себя, уже на другой день я вновь отправился в Шаховский лес. Почти без труда отыскал заветное место у высоких дубов. На этот раз удача изменила мне — опят набралось не более ведра. Это меня ничуть не обескуражило. Я исполнил главное — изучил лес.

Уже в подобную пору поздней осени 2007 — го, я вновь запутался среди буреломов и буераков. Но, на этот раз я самостоятельно отыскал нужное направление. Шел, уверенно и деловито, размышляя об ориентирах и уповая на благоприобретенный опыт. И в том нет никакого чуда — блуд отступил. Я понял мудрость слов известной песни «Надежда». Ведь чтобы победить, в первую очередь самого себя: «надо быть спокойным и упрямым!».

БАСТЫЕВСКИЕ ГРУЗДИ

Бастыевские грузди -
Немой укор судьбы:
В саду увядшем грустно
Мне собирать грибы.

«Поедемте-ка в Льгов, — сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, — мы там уток настреляем вдоволь»

Так начинается рассказ «Льгов» из «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева.

В некотором виде, подобно Ермолаевской, произнес фразу мой товарищ отставной майор Федор Левин. Огорченный неудачей, постигшей нас на «тихой охоте» в Гостомльских лесах, он обнадеживающе сказал мне: «Поедемте-ка в Бастыево. Мы там и Белых грибов и груздей вдоволь насобираем».

Совместная поездка не удалась, а потому я прибыл на электричке в Бастыево, что в десяти верстах от Мценска, один.

Известно, что Бастыево входит в реакрационную зону Тургеневского музея-заповедника «Спасское — Лутовиново», а потому здесь совсем не случайно перед зданием станции стоит бюст великому писателю. Внизу, на светлом фоне черной краской, вместо имени писателя было каким-то местным хулиганом начертано обидное слово — «Лох». «Так кто же «Лох»? — недоумевал я, — невинный Тургенев или новые хозяева, что превратили былую станцию в немой укор запустения? Ведь у самой дороги стоит деревянное, без окон и дверей, жилище железнодорожников. Оно же еще вполне приличное и могло бы продолжать

служить теплым очагом людям. Но раз не функционирует станция, то нет работы. Вот и разъехались железнодорожники в поисках куска хлеба в иные края. По пословице: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Лишь мировая слава Тургенева спасает саму станцию от разрушения и разграбления.

Но, собрав грусть в кулак, помня, что белые растут под большими березами, я направился на поиски благородных грибов в высокую лесополосу. Не спеша бреду вдоль аллеи, состоящей из могучих белоствольных красавиц. Она обрамляла с одной стороны старый усохший яблоневый сад, а с другой широкую автотрассу «Бастыево — Спасское».

Добрый километр отшагал, внимательно вглядываясь в густую траву — нет белых. Ни старых, не молодых. Попадались одни валуи и сыроежки. Не однажды и в сад заглянул. В его междурядьях, густо поросших березняком, елками и осинником, я отыскал лишь десяток белых и черных груздей.

Их чаще называют подгруздями. Жители южных районов нашей средней полосы называют их также погребными. Вкусны они, и стоит им на свет показаться — в теплую пору тут же набрасываются на них черви. И хитрят грибы: растут под слоем прелой листвы, хвои, даже под корнями трав. Они действительно погребены под землей. Найдешь погребушку — не скоро ей шляпку отчистишь.

«Третьесортные грибы». Но ведь сорт на любителя: иные ценят молоденькие свинушки. Другие любую сыроежку сменяют на крепкий, ядреный валуй. Я же, помня наказ жены, ни рыхлых сыроежек, ни коричневых валуев в корзину не клал — не нравятся они ей. Белых же нигде нет, хотя уже до самого Спасского всего верста осталась.

Разочарованный, я повернул обратно. Еще раз обшарил обе придорожные аллеи. Увы! Удача мне не сопутствовала. Так ни с чем я и возвратился на станцию. Времени же до моего поезда оставалось не менее трех часов. Перешел железную дорогу. Поднимаясь вверх по автотрассе, заметил сидящего у обочины старика:

— Как грибы? — спрашиваю.

— Я не грибы, а шиповник собираю, — ответил тот.

— Где же мне грузди отыскать?

— Понятно, где — в саду.

— Да, бывал уже там, что, вон, под горою, — показываю рукой.

— А ты здесь, наверху посмотри — женщины собирали.

— Ну-ну! — недоверчиво промычал я, однако, минуя придорожную поросль, устремился в усохший от времени старый сад. Безделье утомляет грибника более чем активный поиск. Его, как и волка, ноги кормят.

Здесь, возле яблонь и междурядьями росли: высокая крапива, полынь и донник. Под кустами берез и ольхи я увидел стайку белых груздей. За нею — вторую, третью. Не прошло и часа, как мои корзины наполнились доверху. Не остался пустым и рюкзак. А грибы все не кончались.

Возвратился домой усталый, но счастливый. Говорю жене: «Надо Людмиле Герасимовне позвонить. Она грузди заказывала, но пожелает ли возиться?».

Жена друга обрадовалась:

— Привозите, зимою пригодятся. Где же вы их нашли?

— Среди саксаула, — шучу я.

— А он же у нас не растет.

— Здесь в Бастыево, яблони с голыми черными ветками на него похожи, — объясняю я, — грустный сад.

КОНТРАСТЫ СПАССКОГО

Иван Тургенев не скрывал
Своей любви к России:
«В каких местах, я б не бывал -
Нет Спасского красивей».

Из Буживаля умолял
Полонского наш витязь:
— Коль будете в моих краях,
То дубу поклонитесь!

21 августа 2007 года, исполнив заказ Людмилы Герасимовны, набрав полный кузов «Оки» белыми груздями, мы с ее мужем, а моим другом Сергеем Ивановичем Шмелевым решили

Музей-усадьба Спасское-Лутовиново.

посетить Спасское — Лутовиново. Благо от Бастыевского сада, где мы собирали грибы до усадьбы Тургенева всего пять верст. Для быстроходного автомобиля — это не крюк. Мы сочли для себя зазорным, будучи почти рядом, не воспользоваться благой возможностью, чтобы вослед за Полонским, не поклониться: и дому, и саду, и некогда молодому дубу, посаженного великим писателем.

Уплатив за входные билеты, мы вошли через широкую калитку в объятия старинного русского парка. Собственно это не парк, как объясняется в путеводителях, в строгом значении слова. В нем нет ни подстриженных деревьев, ни заморских растений, ни мраморных статуй в аллеях. Тургенев всегда называл его садом, но этот сад был для писателя прекраснее любого из прославленных парков Европы. В Спасском, в полной мере можно почувствовать красоту и обаяние природы средней полосы России. Вековые липы. Березы, тополя, клены перемежаются лужайками, заросшими земляникой. В густой траве таятся белые чашечки ландышей. Вдали от дорожек можно увидеть палевую шляпку подосиновика. А если повезет, то и целое семейство белых грибов. Правда, теперь, в августе2007-го, мы с другом никаких грибов не обнаружили. Летом весь парк заполнен пением

птиц. Их разноголосый хор любил слушать Тургенев, сидя на скамейке возле посаженного им самим молодого дуба. Сейчас это могучий 170 — летний великан, широко раскинул свои ветви. В его тени соловьи не смолкают даже днем.

Мы поклонились дубу, ныне утерявшему усохшие нижние ветви. Однако спилы так прекрасно обработаны, что напоминают заросшие травою бугорки. Глядя на оградку, окружавшую дуб я вспомнил стихи орловского поэта Виктора Дронникова «Два дуба»:

Два дуба в Спасском, одногодки.
Один Тургеневский, другой
На безымянном тихом взгорке -
Сажал какой-то крепостной.

Один открытками размножен,
В воспоминаньях отражен.
Стоит оградкою стреножен,
Всегда толпою окружен.

Конечно, дуб достоин чести,
Ему я поклониться рад.
Но там, за Спасским, в тихом месте,
Шумит его забытый брат.

Здесь, налицо, один из контрастов бытия. Одному дубу — слава, другому — забвение. Другой контраст, взволновал нас с Сергеем Ивановичем куда больше. В Спасском есть настоящий, прекрасно ухоженный, без единой сухою веточкой яблоневый сад, а в сотне метров от него начинаются большие сады, состоящие сплошь из сушняка. Ясно — рук не хватает, чтобы его обиходить. Да и корчевки, замены он требует. Не кому высаживать молодые сады — вымерло Спасское. Разве, что хватает людских сил, чтобы содержать в порядке обновленный тургеневский дом с придворными постройками, церковь, в которой, кстати, за смертью батюшки, место священнослужителя было вакантным и часовню, да прекрасное здание книгохранилища.

Но, вернемся в парк. В центральной его части — скрещенные липовые аллеи. Когда-то липы были посажены очень тесно, почти вплотную друг к другу, поэтому они так тянулись к солн-

цу. Высоко-высоко над головою задумчиво шумят их кроны. Шум листьев, голоса птиц — все это не разрушает, а усиливает ощущение покоя, торжественности и тишины тургеневского сада.

Если верить краеведу Василию Катанову, то здесь с книгою «Россияда» поэта Хераскова в руках некогда стоял молодой Тургенев и волновался, читая:

Пою от варваров Россию освобожденну,
Попранну власть татар и гордость низложенну,
Движение древних сил, труды, кроваву брань...

В своем рассказе «Пунин и Бабурин» Иван Сергеевич так писал о своей встрече с херасковскими стихами: «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира: никто не знает, где мы, что мы, а с нами поэзия. Мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое тайное дело».

Вот с таким ощущением тайны, ожиданием чуда, мы бродили с приятелем из края в край по тенистым аллеям и буйно вспыхивающими солнечным светом, зеленым лужайкам.

Засушливое лето отразилось на уровне воды в пруду Савиной. Она зацвела и отошла от берега, обнажив камыши и прибрежные кусты. У плотины суетилась бригада рабочих обновляющих мостки. Из средств массовой информации мы знали, что в парке ведутся съемки художественного фильма по известному роману Тургенева «Отцы и дети». Кстати, именно здесь, в Спасском, он и был написан.

Парк бы чрезвычайно чисто ухожен. Женщины — уборщицы и цветоводы, с которыми мы встретились, объясняли это обстоятельство с нарастающим потоком к ним туристов. Для них обновлен и каретный двор. К услугам детей — пони, а взрослые за плату могут прокатиться по дорожкам парка в настоящей карете на полнокровных орловских рысаках.

В ближайших селениях, не то, что коня, но и коровы ныне трудно найти, а для праздных визитеров любая блажь к услугам. Деньги, всюду деньги, господа! Кстати, сам Тургенев никогда не был алчным человеком. Прибывший в мае 1852 года в Спасскую ссылку (в наказание за антикрепостнические «Записки охотни-

ка») писатель с ужасом обнаружил, что старый лутовиновский дом, который в детстве представлялся ему целым городом, сгорел. От него осталось одно крыло, которое было переоборудовано под господские покои

При разделе наследства, после смерти матери, Тургенев уступил старшему брату Николаю дом в Москве, самые доходные земли с тем, чтобы сохранить за собой Спасское. Заниматься хозяйством он не умел и не хотел. Дворовые были отпущены на волю. Разъехались приживалки. Были снесены флигели для бурмистра, полиции, дворовых. Распоряжаться имением Тургенев целиком предоставил управляющим.

Русский народ, его духовная сила и одаренность были главной темой бесед Ивана Сергеевича с его гостями — писателями Аксаковым и Киреевским, Толстым и Фетом, актерами Щепкиным и Савиной.

Не случайно критик Белинский писал о нем: «Верная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни, изящная и тонкая ирония, под которою скрывается столько чувства, — все это показывает в Тургеневе, кроме дара творчества, сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его».

«Пишется хорошо, только живя в русской деревне», не раз признавался великий писатель. О, как бы ужаснулся он теперь, когда увидел бы, что с нею стало. Вымерли русские деревни, в прах развеивается русский дух.

С этим чувством мы с другом Шмелевым покидали благословенный оазис русского духа, который еще сохранился в Спасском. Наша зеленая «Ока» вновь мчалась среди заросших бурьяном полей и огородов, разрушенных строений и старых, давно не плодоносящих, голых, словно обугленных, садов.

Выезжая на трассу, Сергей Иванович неожиданно сказал мне:

— А знаешь, совсем недалеко, не доезжая пяти верст от Черни, у поселка Медвежка, левее Московской дороги, есть указатель — Бежин луг. Может, заглянем?

— Не плохо бы, но не стоит.

— Почему? Снежедью полюбуемся. Не зря же ее воспел мценский поэт Иван Александров.

— Не та стала ныне река Снежедь, не таким ухоженным

выглядит теперь и сам тургеневский «Бежин луг». Окрест — рытвины и кочки, конский щавель, да чертополох — ног не вытянешь.

— Это правда, — согласился со мной Сергей Иванович и тяжело вздохнул, — проклятые контрасты. Сердце щемит, так за Тургенева обидно.

Состояние друга невольно передалось мне и вылилось в грустные поэтические строки:

Приятель мой прибавил «газ» -
Сокрылось Спасское вдали.
Прости, Иван Сергеич нас
За то, что Русь не сберегли.

Берег Оки.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

С одной ногой, на костылях
Все дни в движении проводит:
Рыбачит, за грибами ходит -
Покой ему внушает страх.

У Джека Лондона есть чудесный рассказ «Любовь к жизни», что нравился некогда, по признанию Надежды Крупской, умирающему Ильичу. В нем автор повествует о мужестве молодого золотоискателя. Безоружный, с вывихнутою ногой, покинутый другом, холодный и голодный он, превозмогая все невзгоды, находит путь к людям. Если, предавшего его спутника Билла губит эгоизм и алчность и он погибает, так и не расставшись с добытым на Аляске золотом, то он, напротив, выбрасывает свою золотую ношу, дабы облегчить свой рюкзак и сохранить силы, необходимые в борьбе за выживание.

Когда не смог идти, то он полз, перекатывался с боку на бок, цеплялся, карабкался, помня о святой заповеди: «Движение — это жизнь!».

Именно таковым волевым человеком представляется мне и мой знакомый рыбак и грибник, с которым мы часто вместе отправляемся со станции Орел в сторону Михайловского рудника. С тою лишь разницей, что я меняю маршруты, а он завсегдатай остановочной платформы Рыжково.

В этой деревушке, что на берегах Оки, он некогда родился и учился. Набирался жизненного опыта. Здесь и поныне живет его сестра и племянники.

У поросшего ивняком и камышом ручья, впадающего в мутную реку, он соорудил для себя укромную сижу. С ранней весны до поздней осени не расстается с удочками. Ловит не только днем, но и остается нередко на ночь. В гордом одиночестве. Порою под проливным дождем и ветром. Нет клева, то отправляется в ближайший верх за грибами. О, как это не просто: преодолевать бурьян и сонм ветвей — с одною ногою и на костылях.

Как-то, уже в октябре 2007-го, пройдя пятикилометровым маршрутом по лесу от Шахово до Рыжково, и не найдя грибов, я заглянул к приятелю «на огонек». Вместе покурить и побеседовать.

— Как твое отчество? — спрашиваю, — а то не удобно взрослого человека только по имени величать.

— Не важно, что мне 56 стукнуло, — ответил он, — но все кличут меня просто — Леха. И ты так зови. К тому же ты на десяток лет постарше. Чего зря церемонится.

— Мне, как бывшему учителю, — замечаю я, — не удобно фамильярничать. Потому буду звать тебе Лешей, Алексеем.

— Годится, — спокойно отозвался собеседник, при этом заметил, — не знал я, что ты педагог, я учителей терпеть не могу.

— Отчего же такая немилость?

— Есть причина. Ненароком в детстве я назвал свою учительницу дочерью полицая, а так оно было и в самом деле, так она меня на три года в четвертом классе задержала. Даже ходила в РОНО, требовала, чтобы меня вовсе из школы исключили. Такой тварью оказалась. Но по ней не вышло. Я и восемь классов и училище механизации окончил. Все мог делать: и машину и трактор водить, варить и слесарить. Как говорится — кузнец и плотник — первый на селе работник. Трехкомнатную квартиру в микрорайоне СПЗ, где теперь живу, заработал. Женился. Двух сынов вырастил, теперь вот внуками занимаюсь. Не смотря, что инвалид.

— Отчего такая незадача?

— Обнаружили закупорку вен на правой ноге. Вначале до колена, а потом и до мягкого места отхватили. Доктора сказали, что если не буду активно ходить, то и с левою ногою подобное приключится. Жить хочется, а потому и не даю себе покоя. Двигаюсь. Тренируюсь, как некогда летчик Маресьев. Ему, однако, легче было. У него ноги от колен на протезах. Мне же его некуда и приставить. Одно спасение — костыли.

— Мой отец на коленях ползал, когда позвоночник перебил. И костыли не помогали.

— Теперь мне понятно, откуда у тебя такой интерес к инвалиду.

— Верно, больной интерес, — тяжело вздохнул я от нахлынувших воспоминаний. Однако, совладав с собою, я спросил:

— Сыновья-то как? Помогают?

— Ничего, трудятся. К слову — один сын у меня остался. Второго — на кладбище проведываю.

— Болел?

— Здоровым смерть нашел.

— Как?

— А вон, видишь, — Алексей показал рукою на противоположный берег Оки, — мощные ракиты растут. Под ними — сидели два наркомана из соседнего села Шумаково. Мой сын ловил рыбу на этом месте, где сегодня я промышляю.

— И что?

— Перебрались к нему, под предлогом закурить, отняли 150 рублей, и здесь же в реке и утопили, чтобы следы скрыть.

— Ужас!

— Это в 90-е было. Теперь они и сами давно сгнили. На ловца и зверь бежит. И поделом: собакам собачья смерть.

Шум грузового состава, проходящего по железнодорожному мосту, что висел над Окою в ста метрах от нас, помешал мне расслышать объяснения Алексея о причинах смерти наркоманов. Переспрашивать, как говорят, бередить былую рану, не стал. Постеснялся. Да и кому нужны подробности из биографии этих злодеев.

— Ого, клюет! — воскликнул я, заметив ныряющий поплавок.

— Есть! — радостно отозвался рыбак и выудил из мутной воды крупную золотистую плотвичку.

— Грамм двести будет.

— На все триста потянет, — уточнил Алексей, перебрасывая удочку, — я здесь постоянно подкармливаю, от того рыба у ручья и задерживается, хотя и воды, считай — по колено. Тут в буреломах и бобры водятся. Один передо мною так задом кувыркнулся, что вода на берег выплеснулась — под шестьдесят килограммов не меньше.

— Да с одного такого бобра и боярскую шапку смастерить можно.

— На все три хватить, — взмахнул удочкою рыбак и вновь оказался с серебристым трофеем, — везет мне с тобою.

— Как?

— До твоего прихода совсем не клевало. Теперь — повалила удача.

— Дай бог!

— И сам будь не плох.

— Не боишься один, по ночам?

— Ничего. У меня спальные принадлежности с собою. Не промокающая подстилка. Горячий чай в термосе. И телефон, на всякий случай. Родственники живут не далеко. В беде не оставят. Правда, когда коров гонят, то быки наведываются. Тут уж я на березку поглядываю, благо рядом стоит.

— Но, как ты на нее заберешься с одной ногой?

— Страх, что ветер — на крыльях поднимет, — засмеялся мой неунывающий собеседник.

За три часа, что мы провели на берегу, Алексей выудил полтора десятка плотвы и несколько красноперок.

— Скромный, но вполне приличный улов, — он слегка приподнял садок, — у меня дома еще пару килограммов с прошлой рыбалки в холодильнике лежит. Моя половина уже объелась рыбой — не глядит. Дети выручают.

— Пора и на поезд, — смотрю я на часы, — а нам до остановки добрый километр идти.

— Я за 40 минут дохожу. Еще есть время.

— Ничего, сегодня я тебе помогу, и рюкзак и удочки нести.

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Нога под грузом должна быть. Ее баловать нельзя.

— Вольному воля.

После того, как Алексей собрал рюкзак, я взялся помочь ему приподнять его и уложить на плечи.

— Не тронь! — вновь воспротивился он.

По пути к платформе, мы несколько раз останавливались у груш — собирали плоды. Они были мелкими, но вкусными.

— Осень — чаровница, — шутил Алексей, — и золотой листвою укроет и урожаем накормит. Мои ребята груши любят.

Когда прибыл поезд, я в который раз ринулся помочь ему. Он же опять запротестовал — я сам. Поставив костыли на нижнюю ступеньку вагона, Алексей ловко вспрыгнул на нее. Затем то же проделал со второй и третью ступенькой и благополучно оказался в тамбуре.

— Ах, Таня, Таня, Танечка, скорей неси обед, — пропел он, увидев молодую проводницу, погладил ее за талию.

— Узнаю Лешу, никогда не унывает, — улыбнулась женщина, — заходи в салон, садись. Как рыбалка?

— Как всегда.

— Или ты за грибами ходил?

— Мне все равно: любить иль наслаждаться.

— Это верно, — приняла шутку проводница, — главное — побыл на природе. Погулял — побродил, красотою осени полюбовался.

— Молодец! В самую точку попала. Радость жизни — это движение.

КАЛИНОВСКИЕ БОРОВИКИ

Что королевские гвардейцы -
Стройны, опрятны, велики.
Спешат на солнышке погреться
Калиновские боровики.

По сотовому телефону звонила сестра: «Вы в Орле засиделись, а у нас грибы пошли. Моя внучка Даша по Настеньке заскучала. Привезите ее подружку. Пусть дети поиграют, душу отведут. Да и самим наведаться пора».

Приглашение Антонины Ивановны Бондаревой, моей Калиновской кузины, равнозначно приказу. Приказы, известно, не обсуждаются, а выполняются. Светлым июньским днем моя синяя «Ока» уже стояла у ворот, охраняемых Бимом — крупной и красивой сибирской лайкой.

День и вечер прошли под впечатлением презентации моей новой книги «Дым Отечества». Дочь сестры, московская учительница Татьяна Васильевна с мужем — полковником Владимиром Васильевичем Емельяновым сразу же уединились в отдельной комнате и стали внимательно изучать подаренную им книгу. Восьмилетние сестренки Дашенька с Настенькой занялись ловлей карасей, что жили в большой ванне, стоящей близ крыльца. Сюда их принесли юные рыбаки, гостившие в поселке, уже ставшие взрослыми ленинградские внуки кузины Александр и Светлана, ровесники нашего старшего внука Максима. Моя жена, Валентина Алексеевна с Антониной Ивановной, повозившись на

огороде, принялись за стряпню — гостей целый двор.

Коротки июньские ночи. Едва посветлел окоем неба, а мы с Валентиной уже на ногах. Наскоро позавтракав, сели в автомобиль и вот уже Калиновский поселок скрылся за поворотом. Зеленый перелесок, состоящий преимущественно из берез, елей, ольхи и осин встретил нас росной, заревой прохладой.

Мы большей частью рассчитывали на свинушки и подберезовики, но, о чудо! Нам неожиданно стали попадаться, один за другим, красноголовые грибы — толстые, словно пивные бочонки, рослые, что королевские гвардейцы. Шляпы — тонки и крепки. Цвета самого разного — малиново-красные, янтарные, светло-желтые.

От подосиновиков, что начинают расти в июле, они отличаются серой, в черных чешуйках ножках. И низ шляпки не светлый, а темно-серый до черноты. Да и на нюх, и на вкус любой уловит в этом грибе сладковатую ядреность березы, а не осиновую горчинку.

Известный ярославский грибник-любитель Константин Яковлев такие с красными головками грибы, что чернеют в разрезе, называет боровиками. И различают: боровик березовый и боровик осиновый. Расти, они начинают, в пору цветения рябины — в начале июня. Именно, в июне они наполнили наши все четыре корзины.

На такой урожай мы не рассчитывали. К тому же мы еще насобирали кошелку породистых свинушек.

Кузов «Оки» был буквально настоян свежим лесным ароматом.

— Какая красота! — восхищались наши родственники, когда воочию увидели такое обилие даров лета. Даша с Настей буквально ликовали от восторга.

Встал вопрос: что делать? Готовить на привозном газе — разорение. Всех успокоила Антонина Ивановна: «Было бы что, справимся!».

— Петр Дмитриевич! — распорядилась она, — готовь дрова, пока мы с Валей грибы переберем.

Без лишних слов, я подошел к целому возу, натасканных сестриными внуками из лесу сухих веток и принялся, как некогда в детстве, рубить их и складывать в ровные стопки у толстого пня.

Сестра отыскала в сарае огромный двухведерный чугун. Помыла и поставила на железный бочонок без дна. В нем было прорублено окошко. В него я стал накладывать сухие дрова. Поджег. Огонек с бумаги перекинулся на мелкие веточки и пошел плясать, пуская светлые струйки дыма.

Очищенные, порезанные грибы засыпали в чугун, залив немного водой, накрыли тяжелой крышкой — священнодействие началось.

В течение дня чугун трижды наполнялся грибами. Наконец все они оказались переваренными — труд не пропал даром.

Отзвенело лето. И вот в сентябре мы снова на Калиновском поселке. На этот раз сестра нас пригласила приехать за картошкой. Но, как тут устоять, чтобы не побывать в лесу. Усаживаю Антонину Ивановну с корзиной в «Оку» и мы вновь мчимся в заветный перелесок.

Более трех часов бродили вдоль просек и по полянам. Но, на этот раз боровики попадались редко. Чаще встречались подосиновики. Урожай оказался невелик — полторы корзины на троих.

Сестра распорядилась: «Везите в Орел. Мы тут рядом, еще насобираем»

Гостившая у нас внучка, по возвращению в город, спросила: «Дедушка, а вы в Калиновском лесу боровики собирали?»

Грустно вздохнув, я ответил:

— Собирать пытались, но их уже и след простыл. Ждут следующего лета.

РЫБАЛКА НА ДОНУ

(Из цикла «Донские очерки»)

Сережа лихо лодкой правит,
Бросает якорь в глубину.
Вблизи от острова Буравы,
Мы ловим рыбу -
на Дону!
Вот к нам примкнул
Борисов Саша -
Свою удачу испытать.
Каков улов? -
Вся рыба — наша! -
С улыбкой станем отвечать.

За шесть лет жизни в Ростове, я, с детства увлекающийся рыбалкой, за работой и учебой, так ни разу, и не смог отдаться любимому занятию. Спустя десятилетия, моя заветная мечта, наконец, сбылась, за что я безмерно благодарен сватьям моих друзей Борисовых. Ими оказались супруги — Нина и Сергей Сердюковы. Они то и пригласили меня к себе в гости — отдохнуть, искупаться, порыбачить. Таким образом, три дня, с 6 — го по 8 сентября 2007-го, я провел у них на загородной даче, что расположилась на берегу славного Дона — батюшки. Прямо, за огородом, на песчаной отмели, завсегда к услугам — рыбацкая лодка. К ней прилагаются все необходимые снасти. И рыболовных принадлежностей у пятидесятилетнего, крепко сбитого, мужественного мужчины, каким оказался на деле Сергей Сердюков, предостаточно. И подкормки с червями было заготовлено вдоволь. Сергей был прирожденным

С хозяйкой донской дачи — Ниной Сердюковой.

любителем природы, страстным — охотником и рыболовом.

Сойдясь с хозяевами ближе, я узнал, что Нина и Сергей родом из районного города Гуково. Познакомились же, когда вместе учились в Ростовском инженерно — строительном институте. Здесь, в Ростове, остались работать и жить.

Мне было известно, что Гуково — один из немногих городов области, лишенных щедрот природы. Он удален от рек и лесов, его окружает пустынная степь. Славиться он только огромным комбинатом Гуков — уголь, объединяющим крупные шахты. Правда, мой университетский преподаватель, он же и редактор областной газеты «Молот» Александр Михайлович Суичмезов, в конце еще 70-х, писал: «Вчера еще совершенно безводный, на десятки километров отдаленный от реки, город Гуково, сегодня имеет пляж, водную станцию, прибрежные базы отдыха. И все это на ближнем искусственном озере с лирическим названием Березка. Соорудили озеро жители города на месте глубокой балки. Чудом выглядит это озеро с прозрачной, зеленоватой водой в бескрайной, желтеющей под знойным небом степи. Где-то у горизонта, в синей дымке угадываются терриконы далеких шахт. То уже окраины города Донецка. Нет, не большого главного донбасского города Украины, а ростовского юного Донецка, что действительно на берегу Северского Донца, близ впадения в него Большой Каменки».

Но, как не славил мой былой журналистский наставник, писатель Суичмезов искусственное гуковское озеро, оно не идет ни в какое сравнение с величественной поймой Дона. А романтической душе Сергея Сердюкова всегда был нужен простор. Да такой, чтобы дух захватывало. Потому он и завладел, с приобретением дачи, кусочком такого водного безбрежья, которое ему часто виделось в сладких снах, на широком и вольном Дону, который навсегда завладел его сердцем.

Сергей, по существу живет в Донском рыбном заповеднике. Он же распространяется на всю 30 — километровую дельту Дона. Начинается же она от станицы Нижней — Гниловской, что стала второй родиной моей сестры Марии и брата Ивана. Именно отсюда начинается несудоходный рукав, названный Мертвым

Донцом. И все из-за того, что он, постоянно мелея, наполняется нечистыми водами Темерника. Трудно себе представить, что когда-то «мертвый рукав» был главным руслом Дона.

Сегодня насчитывается более 40 мелких рукавов, протоков, ериков и гирл, которыми Дон впадает в Таганрогский залив. Из всех водоемов дельты наибольшее рыбно — хозяйственное значение имеют основные ее русла — Старый Дон, Большая Кутерьма и Каланча. Они являются основными местами скопления для зимовки косяков рыб: леща, судака, сазана и других видов. Через гирла дельты реки пролегает основной путь идущих весной из моря и Таганрогского залива в нее для размножения производителей белуги, осетра, леща, судака, тарани, рыбца, сельди, чехони и шемаи. Охраной рыбы от вылова в Донском заповеднике занимаются Рогожкинская и Азовская, инспекции рыбоохраны.

Дача Сердюковых находится на окраине хутора, именуемый — Курган. Все побережье реки ныне обустроено мощными особняками. Рядом с их незатейливым огородом, состоящим из десятка плодовых деревьев, да такого же количества кустов смородины и винограда, располагается настоящая каменная цитадель. Принадлежит она заместителю главы Южного федерального округа. Предприимчивые владельцы не пожалели средств, чтобы создать рядом с нею искусственный пляж. Правда, как я наблюдал, в часы большого прилива нижних вод, он все-таки разрушается, затапливается. В период же штиля или верхового ветра, там настоящая благодать — море тепла и света. Мне посчастливилось, не только, искупавшись, погреться в его чистом и горячем песке, но и прямо с берега побросать удочки. Зацепились на мой крючок, к восторгу Александра Борисова и его племянницы Наташи, несколько подлещиков и сазанов.

Однако ловля с берега, не идет ни в какое сравнение с уженим рыбы на Донском фарватере. Сюда, на утренней зорьке, Сергей привозил меня на своей плоскодонке. Недалеко от буя, под гром ружейных выстрелов, означающих, что — начался сезон охоты на водоплавающую дичь, мы крепили ее двумя якорями. А передвигалась она вдоль натянутой бечевы. Ко дну отправляли сетки с подкормкой, а на них опускали снасти. Приспособление их для меня было необычным. Два тонких поводка с крюч-

ками соединялись с двумя округлыми шариками, их местные рыболовы называют яйцами. Они используются в качестве безопасного грузила, не позволяют запутывать леску. Все хорошо, но лишь в том случае, когда стоит штиль или дует верховой ветер. Но стоит подуть бродяге — ветру с низовья, как поводки, попав в бурун, из-за встречного течения, начинают цепляться за сетку. Грех, да и только. Рыбку, в таком случае, удим, но есть не будем — она при зацепе срывается с крючка.

Как-то нас застал шторм. Лодку заливало через борта водою. Ее приходилось с отчаянием вычерпывать — так быстро она набиралась. Все качалось и прыгало. Я думал не об ужении, а скорее о своей безопасности. Ведь глубина у буя, где мы стояли — под 20 метров. Пловец же я, тем более тепло одетый из-за утреннего холода, неважный. До берега острова Буравы, что манил своим покоем, пляжем и густыми ветлами, добрая сотня метров. Ненароком можно отправиться и к ракам. Я взмолился, прошу, в отличие от меня, смелого рыбака Сергея: «Отвези на необитаемый остров. Лучше побыть Робинзоном, чем, подобно Дарье Мелеховой, сгинуть, в гневной пучине Дона!». Мой приятель, спокойно и сосредоточенно, поднял якоря, забросил их в лодку, и также невозмутимо доставил меня к вожделенному острову. Ступив на его песчаный берег, я вмиг почувствовал себя английским пиратом. Побегал, согрелся, оживил затекшие мышцы. И, дабы не скучать, забросил удочку с берега. Есть поклевка! Вытягиваю небольшую, но удивительно красивую, золотистую рыбку.

— Молодец! — хвалит меня Сергей, — это жемчужина рыбного хозяйства Азовского моря. Да, да, это — рыбец! Его так мало осталось. Сохранились еще нерестилища рыбца в бассейне Северского Донца. У нас он — редкость.

Пришла удача, наконец,
В моих руках лежит — рыбец!

— Рыбка маленькая, да удаленькая, — радуюсь я.

— Она очень вкусная, — поддержал мой восторг приятель.

Сам он уже вытянул гибрида и пару синеньких. Гибридами здесь называют помесь карпа и карася. Так как эти гибриды, в

отличие от синеньких и надоедливых бычков были крупными, по 300-400 граммов, то я их предпочитал именовать сазанами. Все душе — отрада и ласка.

Ловить приятно сазанов,
Они по весу — будь здоров!
То — не плотица, не рачки
Иль — головастые бычки.

Пока мы возились с лесками, постоянно запутывающиеся в ветвях, склоняющихся к воде ветел, буря, как-то, сама по себе, стихла. Распрямился, просиял лицом мой неунывающий напарник. Он предложил мне вернуться на исходную позицию — затормозиться у вожделенного буя. Отдохнувши и приободрившись, я охотно согласился.

— Не зря Дон — тихим, величают, — гордо произнес Сергей, — здесь штормит редко и недолго. Это не Черное море и тем более — не Балтика! Народ не обманешь. Люди веками опыт вбирали. Скажут, как отрежут.

Мы благополучно сменяли позицию. Рыба потихоньку клевала. На душе было покойно и светло. Сентябрьское солнце вошло в зенит, и мы сбросили с себя теплые одежды. Я, посмотрев в сторону былого прибежища, спросил:

— Сергей! Велик ли остров?

— Да, нет, — ответил он, — 400 метров в длину, 30-40, в ширину. Я его не раз и на лодке объезжал и пешком исходил. Там, хорошо помню, домик стоял, прямо у пляжа. Когда-то в нем, еще в советскую эпоху, эстрадная звезда, певица София Ротару отдыхала. Наш Курган на правом, а хутор Шмат — на левом берегу реки. В том селении у Софии знакомые или родственники жили. Она к ним наведывалась, а заодно дикарями заглядывала с друзьями, на остров, чтобы шашлыками угоститься, да на пляже косточки погреть. Вечная публичность, суета и звездам бывает в тягость.

— Это так, — подтвердил я, — места здесь великолепные. У певицы, хотя и избалованной крымскими пейзажами, да заграничными вояжами, видно, есть вкус и пристрастие к степному раздолью и к неброской красоте Донской поймы.

Донские рыбаки — Сергей Сердюков, Александр Борисов и Пётр Козин, сентябрь, 2007 год, пос. Курган.

Здесь шашлыки отведать — с жару,
Как это делала Ротару,
На диком острове Буравы,
Приятней даже — громкой славы!

— Не знаю, как ей, но мне никакого Лазурного берега, — улыбнулся Сергей, — в том числе и жемчужин Черного моря, о которых Валерий Леонтьев неустанно твердит, даром не надо. Не иссякал бы вовек, не мелел лишь бы, мой Дон — батюшка. Все здесь понятное, родное, близкое сердцу.

Пока мы изливали свои панегирики, к нам неожиданно приблизилась моторная лодка. На ней были трое в униформе. Один из них приложил мегафон к губам.

— Чья это у вас лодка? — строго спросил он

— Моя! — ответил Сергей.

— Почему она без номеров? Я инспектор Азовской рыболовецкой охраны. Немедленно уезжайте на берег. Не выходите в

пойму до тех пор, пока не зарегистрируете у нас судно. Увижу без номеров лодку в другой раз — отберу и оштрафую. Понятно?

— Ясно! — Сергей спокойно и размеренно, как это он делал всегда, начал выбирать якорь. За ним, другой груз, а затем, пропустив огромную баржу, направляющуюся в Ростовский грузовой порт, мы пересекли фарватер.

На песчаном берегу нас встречал Александр Борисов с внучкою Бэлой. Пятилетняя, черноглазая девчонка держала в руках чудесный велосипед — подарок деда Сергея. Ее молодая мама, Наташа, будучи профессиональным фотографом, не преминула сделать на фоне реки и надежно приютившего нас с Сергеем острова Буравы, снимок, уже троих приятелей — рыболовов. Позже появилась хозяйка дачи Нина Сердюкова. Приехала и сестра Александра, Вера Михайловна. Женщины — свахи быстренько сготовили обед, главным блюдом которого, была, конечно, рыба.

Заботливо,
Всех кормит снова,
Хозяйка — Нина Сердюкова.
Донская рыба — пища наша! -
Ее готовила Наташа.
— Мужчины, выпейте, но в меру! -
С улыбкой предлагает Вера.

Скромно выпили, но сладко закусили. Я обратил внимание на то, что ростовчане более уважительно относятся к худо бедрам лещам, чем к жирным карпам. У нас, в Орловии, все наоборот. Мне разъяснили, что лещей можно вялить и продавать. За них дают хорошую цену. Это, в пору всеобщей безработицы, помогает хоть как-то держаться на плаву. Ведь тот — же Сергей не имеет постоянных занятий, а лишь изредка, шабашит сантехником. Карпы же сиюминутный продукт. Ну, что же, как говаривали немцы: каждому свое! Одни жуют рябчиков, другие предпочитают, есть — ананасы. Нам, простым смертным, не до жиру, лишь с рыбки — быть живу! Природа — вечная и неизменная наша кормилица.

После обеда, не смотря на запрет рыб — инспектора, мы втроем вновь устремляемся на фарватер. На этот раз лодкою заправ-

ляет испытанный волнами и ветром, опытный мореход Александр Борисов. Ему Онега и Ладога были нипочем, он уже настроился Средиземноморье покорить, а тут, всего-то — тихий и милый сердцу Дон. Как приятно, торжественно и покойно, чувствовать себя в окружении настоящих морских волков. Сменили 3-4 места ужения, но подлинная удача нам не сопутствовала. Ловилась всякая мелочь. Крупные же особи обходили нашу, за редким исключением, наживку стороной. Причина слабого клева понятна — ловили без подкормки, как шутят рыбаки, на халяву. Не подмажешь — не поедешь. Это истина, издавна известная каждому крестьянину, да и чиновникам то же.

Вернулись на берег, уже под вечер. Женщины спросили:

— «Ну, как ваш улов?».

— Вся рыба наша! — уклончиво ответствовали мы.

Сергей отобрал несколько крупных лещей — на изготовление тарани, а мелочь высыпал из садка на газетный лист, что лежал на горе досок, приготовленных для обустройства, уже заложенного нового кирпичного дома. Эта рыбка — подарок их черно — белой, пушистой красавице — кошке. К ней же и соседский серый кот в гости наведывается. Вот и будет чем позабавиться двум влюбленным зверькам.

Покинули мы — дачу, дом,
Хозяйку добрую и Дон,
Что в лодке, с удочкой меня -
Качал и радовал три дня!

Попив чаю, мы уселись в «Жигули» и Сергей повез нас в город Ростов, до которого и было-то всего 12—13 верст. В пяти километрах от хутора Курган, по трассе, слева, проехали поистине боярский терем.

Чудесный терем — теремок.
Кто в нем живет — узнаем в срок.

В этом роскошном трехэтажном особняке — срубе, здравствует ныне, мой университетский товарищ Николай Бовдурец. Николай Григорьевич некогда входил в свиту известного хозяина Дона, первого секретаря обкома партии Бондаренко. В под-

твержденіе тому и книга — воспоминания есть. И совместные фотографии свидетельствуют о том, что бывший начальник отдела занятости Ростовского горсовета Николай Бовдурец, был на хорошем счету у всесильного шефа.

Позже мы с Александром побываем у него в гостях. Николай Григорьевич Бовдурец даже любезно пригласит нас на рыбалку. Ведь до Дона от его виллы всего 200-300 метров. Правда, из-за болотистой почвы, преодолеть их по донским колючкам, оказалось, совсем не просто. Мы пытались с Александром — не получилось. Тут, сапоги нужны. Так, что рыбалка с университетским другом отложена до лучших времен. Кстати, дабы отвести душу, можно порыбачить, и, не отходя от терема приятеля. Ведь рядом с ним имеется, искусно выложенный камнями, довольно вместительный водоем. В нем, одно время, и дикий утиный выводок жирок нагуливал. И караси, довольно солидные, здесь водятся. Однако, настоящему рыбаку, простор и воля нужна. Это же ощущение дает лишь встреча с красавцем Доном.

По отъезду моему из Ростова, в Орел, Александру Борисову захотелось сделать что-то приятное. И это ему удалось. Он вручил мне на память фолиант авторов Кондратьева и Теплякова, под заголовком «Книга рыболова — любителя». Чудесная вещь. С многочисленными иллюстрациями и наставлениями. К подарку, Александр приложил свой автограф — посвящение следующего содержания: «Петру Козину, автору «Донских очерков». Горжусь нашей многолетней дружбою, в коей ты проявил себя подлинным патриотом — литератором, способным глубоко понять и отразить в своем творчестве красоту природы родного Дона и светлую душу русского человека. Преклоняюсь перед твоим терпением, что, к сожалению, не дано мне, днями проводить с удочкою на славном Дону. Тихо сидеть и радостно надеяться поймать свою золотую рыбку. Счастье и удачи тебе, рыболов и дорогой товарищ! Твой — Александр Борисов».

Сергей Шмелёв

СКАЗЫ

(о Петре Козине)

Любознательные читатели, интересующиеся творчеством известного орловского поэта и прозаика Петра Козина, надеюсь, познакомились с моими первыми о нем «Сказами»: «Митинг в Елках», «Толстой не в почете», «Синдром Хрущева» и другими. Все они, так или иначе, были связаны с выходом в свет в 2006 году нашумевших его «записок провинциала» «Родная сторона».

В предлагаемых на суд читателя новых зарисовках, рассказывается о Петре Козине, как об авторе многоплановой книги «Дым Отечества», опубликованной в частном издательстве Светланы Зениной (Орел, июнь 2007 г.).

ЖИЗНЬ — ИГРА

Как-то я застал Петра Дмитриевича за чтением, считавшимся советской критикой неудачным произведением Ивана Сергеевича Тургенева «ДЫМ». Он обратил мое внимание на начальные строки романа: «10 августа 1862 года в Баден-Бадене...стояла прелестная погода». И далее: «Предводитель дворянской оппозиции князь Коко, в Париже, в салоне принцессы Матильды, в присутствии императора, сказал: «Принцип собственности глубоко потрясен в России».

Смотри, — сказал мне Петр Козин, — спустя год, после издания царского «Манифеста 1861года» об освобождении крестьян от крепостной зависимости оппозиционер бросает в том упрек самому Александру 11. Смело, а?! Что тут удивляться, когда современный лидер СПС, некогда первый вице-премьер правительства РФ Борис Немцов с не меньшим отчаянием, чем некогда князь Коко царя, так же публично обвиняет президента Путина в культе личности.

Созвучие нашему времени мы можем найти в романе и далее. Организовался за границей кружок русских нигилистов (по — Тургеневу, революционеров) во главе с дворянином Губаревым. У него — ни дарования, ни способностей, зато много воли, как мы сегодня, более откровенно, сказали б, наглости. Потугин, объясняет Литвинову (герои романа) так называемую «загадочность русской натуры». Таковой «загадки», по мнению

писателя никакой нет. «Мы, славяне, — говорит он словами своего героя, — безвольны и пасуем перед силой. Чисто холопы! И гордость холопская и самоуничижение. Новый барин народился — старого долой! То был Яков, а теперь Сидор: в ухо Якову, в ноги Сидору!». Как ныне: долой Ленина — Сталина, слава Путину! Или, как в Европе кричали: «Король умер. Да здравствует король!».

— Мы толкуем об отрицании, как об отличительном нашем свойстве, — объясняет Потугин Литвинову, — но и отрицаем-то мы ***не так, как свободный человек, разящей шпагой****, а как лакей, лупящий кулаком. Да, еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу. Кто палку взял, тот и капрал.*

— Это же здорово! — замечает Петр Дмитриевич, — тургеневские герои будто говорят о вожде коммунистов Зюганове, который боится взять в руки «разящую шпагу». В чем публично и признается: «Мое оружие не винтовка, а победа на выборах». О том же Немцове, что «лупит кулаком» по приказу департамента США, имеющему задачу окончательно развалить Россию.

— Верно, — подтверждаю я, — а разве Явлинский или интриган Жириновский не того ж поля ягоды, что и Борис Ефимович? Все с одного — заокеанского куста кормятся.

— А теперь ты взгляни, — вновь обращает внимание к роману Петр Дмитриевич, — вот едет в поезде Литвинов. Встречный ветер гонит мимо вагонного окна клубы пара и дыма.

Склонились над тургеневским фолиантом, читаем:

«Дым, дым, — повторил он несколько раз. И все вдруг показалось ему дымом. Все — собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно, все русское. Все дым и пар, думал он: все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все одно и тоже. Все торопится, спешит куда-то — и все исчезает бесследно, ничего не достигая. Другой ветер подул — и бросилось все в противоположную сторону. И там опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра»

— Силен, классик! — не удержался я от восклицания, — не зря говорят, что все новое — это хорошо забытое старое. Ведь в далеком 17-ом году, евреи — большевики, как божественное откровение навязали русским догмы Маркса — Ленина. Но, мы хорошо знаем, что идеи социализма родились еще в раннем хри-

стианстве, задолго до рождения вождей революции. Как и постулаты 1991, навязанные теми же евреями — но уже не социалистами, а демократами, имеют исходные от февраля 1917-го. В сущности, все, на поверку — бестелесный дым.

— Правильно, — подтвердил мои мысли Петр Дмитриевич, — дым в нашем Отечестве еще долго не разойдется, пока русские не осознают себя национальной силой. А пока все наши партии и все наши революционеры деятельностью своей выпускают лишь пар и дым. Как правильно изрекает устроитель, все того же еврейского телешоу «Что? Где? Когда?»: — «Что наша жизнь — игра!».

МЕД И ДЫМ

Как-то осенью 2007-го Петр Козин, будучи в гостях у сестры Антонины Бондаревой на Калиновском поселке решил, по обыкновению, заглянуть в лес. Заядлый грибник, он не удержался от соблазна, чтобы не проехать в самую его гущу. Густая и высокая трава цепко терлась о днище автомобиля, наматывалась на выхлопную трубу. Патрубок возьми и выскользни: не выдержало крепление хомутом..

Петр Дмитриевич приподнял домкратом заднее колесо и тут же принялся за починку. В полевых условиях он кое-как справился с задачей: поставил глушитель на место. Однако понимал, что достаточно зацепиться за бугорок или развить большую скорость и беда повторится

Для капитального ремонта он обратился за помощью к знакомому старожилу поселка Тишину. Благо он возился у гаража с пчелами. Бывший подполковник милиции, ныне пенсионер — москвич, он проводил большую часть времени в поселке, у своей сестры, что живет в их родительском доме. Страстный пчеловод, он развел большую пасеку, целиком отдаваясь любимому занятию. К тому же Александр Борисович — поклонник творчества земляка. В его личной библиотеке — все его книги. Не раз наведывался с ним в знакомые верха за грибами. Любил вести с поэтом долгие дискуссии о деревенском житье — бытье.

Уроженец посёлка Калиновский, выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС, председатель Михневского сельского совета в 70-80-е годы, активный участник венгерских событий 1956 года, друг и односельчанин пчеловода Александра Борисовича Тишина, фермер — Василий Илларионович Бондарев, 1980 год.

Услышав шум мотора и громкий лай своей собаки — овчарки, беснующейся на цепи, он оторвался от привычных дел. Снял с головы защитную сетку, приструнил пса, вежливо поздоровался:

— Молодец, что сестру не забываешь. Давно приехал?

— Еще вчера.

— Не знал, а то бы заглянул на огонек.

— Всегда рады.

— Спасибо. А ты, знаешь, один из героев твоей «Родной стороны», а мой племянник Игорь Васильевич Тишин уже не работает председателем Михневского сельского Совета. Ушел с поста по собственному желанию.

— Что за причина?

— Банальная. Платят всего пять тысяч рублей в месяц. На машину бензина не выделяют, а требуют с отчетом наведываться в Болхов едва не по два разу в день. Разорение, да и только.

— Вот она проза жизни, — огорченно вздохнул Козин.

— Да, плохо заботятся о кадрах сегодняшние демократы. К слову, Петр Дмитриевич, я вот еще о чем хотел поговорить. Ты в своей книге ничего не пишешь о сестрах Чихриных. Они в твоей деревне Сивкове жили.

— Помню: три красавицы, просто — царевны.

— И я о том. Одну из них Надю Чихрину я любил. До сих пор ее светлый образ в своей памяти храню. Ты не за кем из них, случаем, не ухаживал? Ведь перед их прелестями юношам было трудно устоять.

Петр Дмитриевич весело рассмеялся:

— О, нет, Александр Борисович их чары меня не задели. Когда им было по 17— 20-ть, я был всего 10-летним мальчишкой.

— Да, да я забыл, что ты с 40-го, а я с 30-го года рождения. Мне уже 77. Два инфаркта перенес. Десять лет разницы в молодости — это большой срок. Мне одно осталось — это с пчелами заниматься.

— И как успехи?

— Удивительные. В этом году тридцать семей отроились. Надоело снимать. Так я приспособился. Как увижу: на ветвях дерева сидит пчелиный рой, подложу лист фанеры и дымком, дымком их. А затем так же дымком в новый улей и направляю.

— Мед и дым, — будто про себя произнес поэт.

— Что? — не понял пчеловод.

— Я говорю, — объяснил Козин, — чтобы добыть мед, нельзя обойтись без дыма.

— Выходит, что так.

— Вот я с вами «Дымом» и рассчитаюсь.

— Это за что?

— За то, что вы мне поможете исправить поломку в машине. Патрубок у меня соскочил, а гайка испорчена, ключа на «13» нет.

— А, что ж ты молчал? Твоя беда поправима. Загоняй свою «Оку» на яму. Вон и сосед — былой шофер идет. Поможем. В моем «Москвиче вся электропроводка сгорела и то справились, а тут всего дел — то: хомут поставить — пустяки.

Действительно, не прошло и десяти минут, как неисправность была устранена.

Петр Дмитриевич вручил старому шоферу-соседу, заранее приготовленную сестрой четверку водки, а Тишину, как непьющему, после перенесенных инфарктов подарил с начертанным собственноручным автографом свою последнюю книгу.

— «Дым Отечества», — прочел он на обложке, — так вот каким «дымом» ты со мною решил рассчитаться. Только все зря. Я ее у тебя куплю. Издавать книги сегодня — дорогое удовольствие. Ты же пишешь о нас, деревенских земляках, что бесценно. К тому же я не бедный. И пенсия хорошая и пчелы выручают. Кстати, ключ на «13-ть» я тебе в кабину положил. У меня ключей много, а тебе пригодится.

Когда Петр Дмитриевич, возвратился на место стоянки, где доложил сестре и жене об устранении неисправности, он увидел, как к их дому шел пчеловод.

Поприветствовав женщин, Александр Борисович Тишин вручил поэту две литровые банки свежего меда. При этом сказал:

Одну отдашь сестре, за брата, а другую банку меда, лично тебе, за твой «Дым».

ОТКРЫТИЕ ЯРАХМЕДОВА

Ознакомившись с содержанием очерка «О доброте и минах», что помещен в книге Петра Козина «Дым Отечества», мой коллега по бизнесу Абзагир Ярахмедов не удержался от похвалы.

— Никогда не думал, что я, сын Дагестана, стану героем русской книги. Рядовое, казалось, событие — поездка в лес, где на березе оказались мины. Но, как чудесно все подано. Озвучены целые пласты интернациональной дружбы. Безусловно, Петр Козин — добрый человек и талантливый писатель. Он совсем не похож на другого сочинителя, с кем мне довелось встретиться, будучи на приеме, у губернатора Строева.

— Ты о ком?

— О поэте Викторе Рассохине, что подарил мне в 2006 году свою книгу с газетными публикациями. И не только мне, но и руководителю Чеченской диаспоры в Орле Хасаеву. Более того, он пробрался через кордон телохранителей, тогда еще действующего президента Чечни Али Алханова и буквально навязал ему свою «Шапку Мономаха».

Название книги, что вручил мне Рассохин, я уже не помню. Признаться, все недосуг прочесть. Однако и сейчас перед глазами стоит фотография, где он запечатлен со Строевым и тем же Алхановым.

— Выходит, что он вхож в свиту, господ — сильных мира сего? — пошутил я.

— Получается, что он добивается у них протекции.

— Как же, помогут издаться. Не зря же Рассохин поместил статью в газете «Город Орел» от 1 сентября 2005 года «Человек, пострадавший за доброту», а в «Орловских новостях» опубликовал заздравные стихи Строеву, где величает его, даже Сократом. Не подмажешь — не поедешь.

— Точно. Но, почему у Строева, я не разу не видел Козина? Ему ведь тоже деньги на книги нужны?

— Петр Дмитриевич — скромный человек. Не станет он просить деньги у того, кого, порою, критикует.

— За что?

— За развал страны и села. За двуличие.

— Мне и сам Виктор Рассохин показался двуличным, как знаменитая крыловская собака, что совсем без драки, спешит попасть «в большие забияки».

— Как? Ты, наверное, читал его статью в «Орловской искре», от 1 декабря 2004 года под заголовком «Эстафетчики предательства», где, по обыкновению, не называя имени, он корит того же Строева и других чиновников за измену социалистическим идеалам. В одном из своих опусов он громко заявил: «Как профессиональный писатель, автор 10 книг и историко-публицистических статей, вышедших только в 2004 году в количестве свыше трех миллионов экземпляров, я по долгу гражданина и профессии был неоднократно вынужден мощно критиковать не то что местную, а планетарную власть за ее черствость и антинародность действий».

— Нет, его творений я не читал. Хотя уже по приведенным отрывкам чувствуется апломб и высокомерие, а более все проглядывается неискренность. К примеру, я вежливо

спрашиваю его: «Вы знаете писателя Петра Козина? Отвечает уклончиво: «Немного знаком». А мне известно, что еще в 1992 году Рассохин подбил Козина к изданию первой книги стихов «Отчий край» и предисловие к ней написал.

— Да. Об этом Петр Дмитриевич подробно рассказал в своей «Родной стороне». В том мероприятии Рассохину еще помогал поэт Логвинов.

— И я читал о том же. Но, почему он так уклончиво ответил: «Немного знаком».

— Но это ясно, Козин — не Строев и не Алханов. С него взятки — гладки.

Шутка удалась. Абзагир, по — кавказки, сдержанно улыбнулся. Так, вместе с Ярахмедовым, мы весело посмеялись над неожиданным, но лишь только для него самого, открытием.

НА КРЕМЛЕВСКОЙ ЁЛКЕ

Всероссийская Ёлка в Кремле.
Нет ее — ни нарядней, ни краше!
«Крысин год» отмечали в Москве
Две подруженьки — Настя и Даша!

В канун нового, 2008 года, Дмитрий Анатольевич Медведев, вспоминал, что в далеком детстве, он страстно мечтал побывать в Москве, чтобы встретить новогодний праздник у самой главной Ёлки страны. И этой радости ему испытать не довелось. Нам остается только посочувствовать президенту России.

Любимая внучка писателя Петра Дмитриевича Козина, третьеклассница Настя Корнеева (Козина) оказалась более удачливой. Именно так. Ей, вместе с сестренкою и подружкою Дашей Емельяновой (Бондаревой) посчастливилось, не только повеселиться у Кремлевской Ёлки, но и близко познакомиться с другими достопримечательностями русской столицы. И все это осуществилось у Настеньки в возрасте — 9 лет. Ее брат Максимка, хотя и бывал оказией, благодаря приятелю, в Москве, уже 15-летним подростком, но в Большом Кремлевском дворце не был. Заметим, к слову, что и сам их дедушка Петр впервые увидел Москву лишь в 20 лет. В ту пору он служил в армии, а в столицу приехал, как участник парада войск Московского гарнизона. Об этом поэт рассказал читателям в своем очерке «Спасибо командиру», который и публикуется в этой книге.

Немного из предыстории. Еще летом 2007-го, когда Настя гостила в поселке Калиновском у бабушки Антонины Ивановной Бондаревой, то Дашины родители — Татьяна Васильевна и Владимир Васильевич Емельяновы пригласили ее папу Игоря Николаевича Корнеева и маму Ирину Петровну, посетить вместе с нею Москву. Данное приглашение Емельяновы официально подтвердили осенью, будучи в Орле. Затем, вплоть до Нового года велись — переписка и взаимные телефонные переговоры.

Настя Корнеева с папой Игорем и мамой Ириной в Москве — на Кремлёвской Ёлке, 2008 г.

Настя и Даша почти ровесницы. Они не только добрые подружки, но и неразлучные сестренки. Вместе, озорно и весело, проводили школьные каникулы в деревне. Ловили в пруду рыбу. Ходили с лукошком в лес за грибами. Собирали яблоки и малину в саду, а по солнечным полянам — клубнику и землянику. Но, наступил сентябрь, и они уселись за парты. Одна в Москве, другая — в Орле. Все долгие четыре месяца жили одною мечтой — встретиться.

31 декабря, в самый канун «года Крысы», на Курском вокзале столицы, полковник ФСБ Владимир Емельянов и его жена, учительница Татьяна Васильевна встретили своих родственников — семью Корнеевых сразу же у поезда. С Курского вокзала доставили на Красную площадь. Здесь и состоялась радостная и незабываемая встреча двух милых сестренок — Насти и Даши. Девочки были переданы заботам Емельяновых — старших. Ба-

бушка Нина и дедушка Вася повели их в Большой Кремлевский дворец, на Елку. Только входные билеты стоили около одной тысячи рублей, но гостеприимные хозяева с расходами, в том числе и на подарки Деда Мороза, не считались. Главное для них — это доставить детям радость.

Это им прекрасно удалось и дома. Едва Настя проснулась, как увидела у Елки большую маму Крысу с ее маленьким крысенком. Настя взяла мягкие игрушки в руки. О, чудо! Они запели тоненьким голоском:

Подружки-сестрёнки Настя Корнеева и Даша Емельянова у Царь-колокола, Москва, январь, 2008 год.

Я маленькая мышка
Давай с тобой дружить.
Теперь с тобою вместе
Мы будем много жить.

У мышонка глазки:
Бусинки — фонарики.
У мышонка носик,
Кругленький, как шарик.
Ушки чутко слышат,
Глазки зорко видят.
Мышку не пугайся -
Она не обидит!

Настя с Дашею прогулялись по Красной площади. Полюбовались высокою колокольней Ивана Великого, исполинской Царь — пушкою. Сфотографировались у разбитого Царя — колокола. Второго января 2008-го молодые родители свозили девочек в цирк и в зоопарк. Восторга от всего ими увиденного — через край.

Настенька, с помощью дедушки выразила свои яркие впечатления о незабываемых встречах в Москве, стихами:

Какое счастье побывать в Москве
И встретиться с любимою сестренкой.
Ведь Дашенька грустила обо мне,
Но, а теперь,
Мы с ней смеемся звонко!

Петр Дмитриевич ликовал не менее своей внучки. Еще бы! По возвращению Корнеевых из столицы, ему от имени семьи Емельяновых был вручен дорогой новогодний презент. Среди многочисленных подарков находился и великолепный рабочий ежедневник. Дабы и я разделил с ним его радость, он передарил его мне. Поэт твердо пообещал, что как только в этом году Крысы, у него выйдет в свет новая книга, то он, в первую очередь, вручит ее родственникам Емельяновым — Бондаревым, в знак своей глубокой признательности. За личные презенты, а главное за доставленное его прекрасной внучке Настеньке и ее родителям, счастье встретить Новый год у главной Ёлки страны — в древнем Кремле. В том, что Петр Козин, как всегда, сдержит свое слово, я не на йоту не сомневаюсь.

СИЛА ИСКУССТВА

Константин Яковлевич Прохорцев, коренной житель деревни Долбилово, долгие годы работал учителем физики, черчения и труда в Сурьянинской 9-летней школе Болховского района. Там же он вел и кружок технического обучения. Пользовался уважением у односельчан, педагогов и честно заработанным авторитетом у своих воспитанников и их родителей. Неутомимый труженик, он слыл мастером на все руки. Они же у него были поистине золотыми. Он плотник, и каменщик, столяр и пчеловод. Впрочем, обо всем этом подробно рассказал в своей повести «Дым Отечества» (Орел, 2007), его друг и директор Петр Дмитриевич Ко-

зин. Правда, в ней Прохорцев обозначен не своим именем, а выведен в образе учителя и председателя профкома Аркадия Петровича Столярова. Его дочь, некогда комсорг школы Юлия Прохорцева, а ныне кандидат медицинских наук, заместитель главного врача Орловской поликлиники № 1 названа Зоей. Это обстоятельство объясняется законами литературы.

В один из осенних дней мы посетили ее служебный кабинет. Петру Дмитриевичу потребовалась справка о состоянии здоровья. Средних лет, миловидная женщина, тепло и радушно встретила своего бывшего директора. Когда же зашла речь о книге, которую она внимательно прочла, то Юлия Константиновна, улыбаясь, сказала:

— Петр Дмитриевич! Я любила своего отца. Он действительно был трудолюбивым и добрым человеком. Но, когда я познакомилась с его педагогическим кредо, что вы подали в повести, то поразилась его глубокомыслию. Просто не верилось, что отец так умно и обстоятельно мог обо всем судить. О жизни, о проблемах воспитания и прочем.

— Ничего нет удивительного, — отвечал писатель, — вы со свом братом Юрием, что, будучи отличным врачом, ныне преподает в медицинском училище, которое когда-то сам и окончил, смотрели на отца с детских позиций. И не беда, что за его плечами было лишь педучилище, а не вузы и аспирантуры, как у вас. У него было главное — порядочность и честность, искренняя любовь к избранному делу. Он воспитал вас настоящими людьми. В этом и заключается его мудрость, как отца и учителя.

— Все правильно, — согласилась зам главного врача, — но все равно меня поражают, изображенные в книге его высокие гносеологические познания и размышления, что подстать разве большому ученому или, как вы, писателю.

— Такова сила искусства! — не сдержавшись, высказал я свое мнение.

При этих словах, Юлия Константиновна и Петр Дмитриевич внимательно посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

— Вы правы, Сергей Иванович. Я это сразу поняла, едва лишь прочла повесть, — заключила врач, — не случайно мы, ученики Сурьянинской школы, звали своего директора — Наполеоном. Спасибо вам Петр Дмитриевич за книгу и за теплые слова об отце.

— Он того заслужил, — скромно ответил поэт.

МУЖЕСТВО РЕДАКТОРА

С известным орловским писателем и критиком, редактором литературно-аналитического журнала «ЗАЛП» Петром Ивановичем Родичевым я был знаком по его книгам и смелым выступлениям в периодической печати. Он оказался на святой Орловской земле, едва ли не единственным большим литератором, который, несмотря не на какие политические круговерти и катаклизмы, не изменил своим идеалам добра и справедливости. Со страстностью великого русского критика Белинского, названного в свое время «неистовым Виссарионом», он, беспощадно громил вероотступников, коллег по перу и преодолевая их жесткое сопротивление, набивая мозоли и шишки, последовательно и упорно отстаивал свою подлинную, принципиальную позицию. И, как автор 15-ти патриотических книг и, как честный гражданин ныне поруганного Отечества. Его жизненным девизом стал пророческий призыв — предупреждение безвременно ушедшего в иной мир прекрасного русского поэта Николая Рубцова:

П.И. Родичев за рабочим столом.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

В каждом номере, на каждой странице своего «ЗАЛПА», Петр Родичев не оставлял в покое дорвавшихся до власти новоявленных «татар и монголов», проявлял себя, то поэтом — бунтарем, то бескомпромиссным публицистом. Свое кредо Родичев емко выразил в поэтических строках:

Лишь по часам отмщенья
Теперь мы жить должны:
Приблизить очищенье
Запятнанной страны.

Для выполнения такой ответственной задачи, как «очищенье» необходимы: бойцовский характер, светлый ум, твердое убеждение. Всего этого в арсенале «неистового Родичева» в избытке. Однако со здоровьем у поэта — нелады. Его, еще молодого мужчину, в 1975 году вывел из строя удачливых людей — сахарный диабет. 7 августа 2002-го сразил инсульт, а 31 декабря 2007-го с ним приключился инфаркт. 24 дня Родичев провел в реанимационном отделении городской больницы имени Семашко.

22 января 2008 года, спустя всего три дня, после его выписки из больницы мы с моим другом, писателем Петром Козиным оказались у него на квартире. В нашем портфеле находилась рукопись его новой повести «Глумление». По нашему убеждению, никто из орловских литераторов, кроме Родичева не мог по достоинству оценить ее, дать свое профессиональное заключение, а главное — отредактировать.

Нас встретила, как всегда — тепло и радушно, жена Родичева, сотрудник детской библиотеки имени Крылова — Раиса Васильевна Рожкова. Вид у нее был утомленный и грустный. С чего бы это? Все прояснилось, когда мы увидели, сидящего на кровати и словно находящегося в прострации, больного поэта. Увидев нас, Петр Иванович, будто виноватый, пытался улыбнуться, посветлел лицом. Попробовал встать, чтобы поздороваться, но не смог. Так он был слаб.

Хотя было понятно, что наш визит некстати, но мы в эгоистичном устремлении, все-таки изложили хозяину его суть и цель. На удивленье, писатель принял нашу рукопись в работу, испросив на ее выполнение месячный срок. Объяснил:

— Читать долго не могу. И текст набран мелким шрифтом. Оклемаюсь — сделаю.

Прошло около месяца. Накануне, мы позвонили ему по телефону. Справились о здоровье и о судьбе рукописи. Ответ, как мы и ожидали, был неутешительным.

— Несколько раз, — признавался Родичев, — я пытался взяться за дело, но после двух-трех минут чтения начинала нестерпимо болеть голова. Приходиться превозмогать боль. Боюсь, что не справлюсь. Извините.

Через два дня, после телефонного звонка, мы навестили Родичева, чтобы освободить больного редактора от навязанной ему заботы. Но случилось непредвиденное. Петр Иванович нашел в себе силы и мужество уже прочесть добрую половину рукописи. Она его настолько увлекла, что он на некоторое время забыл о своих недугах.

— Лед тронулся, как сказал бы Остап Бендер, — пошутил он, — будем доводить дело до логического конца.

В первый день марта, когда я находился по личным делам в Москве, Петр Дмитриевич Козин побывал у своего тезки. Привез, по его просьбе, список главных действующих лиц повести. Родичев уже самостоятельно, опираясь на костыль, открыл гостю дверь и проводил в свой кабинет, где и изложил свое резюме:

— Рукопись прочел и поправил. Повесть — хорошая, более того — сильная, бойцовская. Правда, политики много. Сразу видно, что автор не только писатель, но и историк. Да, это не беда, ее надо незамедлительно печатать. Она нужна людям.

— Спасибо за объективную оценку! — поблагодарил редактора Козин, — но сроки публикации зависят от тебя.

— Как?

— От того, как ты управишься с предисловием.

— Писать трудно, но постараюсь 5-6 страниц сделать. На вступительную статью к твоему «Дыму Отечества» я потратил три дня. Тогда я был здоров и бодр. Теперь все обстоит иначе.

— Ничего, подождем.

— Да, еще вот что, — заметил Родичев другу, — оставь мне номер свого телефона. Не то мне пришлось звонить Николаю Круглову и беспокоить Дана Зенина, чтобы связаться с тобой.

— Теперь и они в курсе наших дел?

— Конечно. Николай на удивленье отнесся к новости — подготовки тобою новой книги, как-то, безучастно. Видно сам еще после инсульта окончательно не пришел в себя. Дан, встретил весть более оптимистично. Понятно, он и — молод, и здоров.

Петр Дмитриевич, по возвращению домой, еще раз перечитал свое стихотворение «Мнение», посвященное редактору Родичеву. Вот оно:

— Каков он, Родичев!? -
О мнении спроси.
Отвечу я:
«Петр — критик, не из робких:
Зря не похвалит,
Суть не раскусив,
Как подхалимы,
После первой стопки!».

В его сужденьях -
Двойственности нет.
К душе его -
Лукавство не пристало.
Узрит талант -
Отметит, даст совет,
Но, коль ты — графоман,
Тогда пиши — пропало!

Я полностью присоединяюсь к мнению моего друга о редакторе Петре Родичеве. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть публицистическую книгу Родичева «Ничто не ново под Луной». Ее мне лично подарил и подписал, чем я горжусь, сам Петр Иванович. Так вот, читая ее, я убедился, насколько требователен к слову литературный критик. Он не щадит не только начинающих графоманов, но и мало работающих над собой орловских классиков. А на это, как и на подготовку к изданию повести Петра Козина от больного редактора и публициста требуются поистине огромные — воля и мужество. И он их обретает в повседневной борьбе с недугом во имя святого дела — настоящей и доброй литературы.

КНИГА О ЗЕМЛЯКЕ

«Платон-философ» из села Мымрино — Геннадий Андреевич Зюганов.

30 января 2008-го, в «Орловской искре» была опубликована информация о том, что в издательстве «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Анатолия Житнухина «Геннадий Зюганов».

«Отношение к Зюганову не укладывается в традиционные социологические рамки, — пишет автор, — за то время, что он возглавляет КПРФ, его политической карьере не раз предрекали неминуемый крах. Но проходило время — прогнозы не сбывались. Появлялись и уходили в небытие десятки общественных деятелей «новой волны», — Зюганов оставался. Люди, которым довелось общаться с Зюгановым, после первых встреч с ним не перестают удивляться, насколько не соответствуют этому человеку традиционный образ, укоренившийся в массовом сознании. Нечто подобное довелось в свое время испытать и автору. Именно тогда и зародилась идея написания этой книги, которую удалось осуществить лишь через несколько лет».

7 февраля в актовом зале общества «Знание» (бульвар Победы,5-а) состоялась читательская конференция по этой книге. Мы с Петром Дмитриевичем Козиным, страстно желающим иметь в своей домашней библиотеке книгу о земляке, на нее несколько запоздали. Дело в том, что первую половину этого дня мы потратили на беседу с моим тестем — фронтовиком Митиным Герасимом Васильевичем, которому помогли подготовить письмо на имя тогда еще кандидата в президенты Медведева Дмитрия Анатольевича, по поводу выделения ему льготной квартиры.

И вот, наконец, покончив с делами и заботами ветерана Великой Отечественной войны Митина, мы подъехали к известно-

му зданию, некогда именуемым Домом политпросвещения. Поднялись на 4-ый этаж. За столом президиума конференции сидели: первый секретарь обкома КПРФ, депутат Государственной Думы Владимир Дмитриевич Хахичев, первый секретарь горкома КПРФ Василий Николаевич Иконников, председатель общества РУСО, бывший главный редактор «Орловской правды», а ныне депутат областной Думы Анатолий Сергеевич Кононыгин.

Протиснуться в зал было невозможно, он был заполнен до отказа. У открытых дверей стояли, подобно нам, опоздавшие граждане. Выступая, с книгою в руках, Василий Иконников приводил пример непростительного предательства бывшего первого Президента СССР Михаила Горбачева. Того, кто, решив «похоронить коммунизм», сдал ГДР, заявив западным немцам, что торг по компенсации потерь Советского Союза в результате «воссоединения Германии» — неуместен. Немецкая делегация была прекрасно осведомлена о величине урона, который понесет советская сторона в результате такого шага. Канцлер Германии Гельмут Коль располагал полномочиями дать гарантии, что ФРГ возьмет на себя обязательство не входить ни в какие военные блоки и выплатит довольно внушительную сумму. Но никто не предполагал, что цифры, названные Горбачевым, будут в 20 раз меньше тех, которые немцы держали в уме. Сначала гости оторопели от такой щедрости, потом пришли в себя, еще поторговались, сбили и эту цену. Так за бесценок продали ГДР, а заодно и ее бывшего лидера Эриха Хоннекера.

— То, что произошло в Зеленчукской долине, — читал Иконников, — предопределило и скоротечный развал Варшавского договора — единственной реальной силы, противостоящей НАТО. Усилило Североатлантический блок вступление в него объединенной Германии — кто бы сомневался, что именно так и будет! Горбачев, по сути дела, единолично пересмотрел итоги Победы советского народа в Великой Отечественной войне, оплаченной миллионами человеческих жизней. В 1994 году в Берлине состоялась церемония, завершившая вывод из Германии Группы советских войск. Этот «парад» газета «Дейле телеграф» назвала «второсортным прощанием с третьесортной армией». Добавить нечего. Кроме одной детали: участвовавшим в «параде» немецким военным оркестром несколько раз порывался дирижировать находящийся в нетрезвом состоянии Ельцин. Побе-

да 1945 года была еще и поругана. Немцы провозгласили предателя Горбачева своим национальным героем, присвоив ему звание «Лучший немец года».

Приведя еще несколько ярких примеров из книги «Геннадий Зюганов», секретарь горкома окончил свое выступление, предоставив слово Анатолию Кононыгину. Сам же вышел в коридор, где состоялась наша с ним короткая беседа. Петр Козин поинтересовался его прогнозами по выборам Президента России, что должны были состояться 2 марта 2008 года. Василий Николаевич ответил:

— Партия «Единая Россия» предрекла победу Дмитрия Медведева уже в первом туре, с результатом в 67 процентов голосов.

— А как же Зюганов?

— Посмотрим. Но я думаю, что более 20 процентов мы наберем.

Сегодня известно, что лидер коммунистов получил на выборах около 18 процентов. Не намного ошибся Василий Иконников.

— Где можно приобрести книгу о Зюганове? — поинтересовался я.

— В редакции «Орловская искра».

Еще несколько минут, обменявшись мнениями по проблемам текущей жизни, мы попрощались с партийным руководителем и направились в редакцию. Редактор Полянская предложила заглянуть к ней через пару недель — новая партия книги Анатолия Житнухина должна была поступить в город.

И вот 21 февраля 2008 года я имел возможность бесплатно получить заветный экземпляр и вручить его заказчику с дарственной надписью: «Другу, патриоту России Петру Козину от Сергея Шмелева и Светланы Полянской в канун «Дня защитника Отечества» и выборов президента России».

Петр Дмитриевич тепло поблагодарил нас за подарок и уведомил, что в будущем он публично выскажет свое мнение о книге и о своем взгляде на жизнь и деятельность современного лидера КПРФ. Такое же обещание он дал и Василию Иконникову.

— Геннадий Зюганов — интересный человек, — сказал Петр

Козин, — к тому же он наш земляк, Почетный гражданин Орла. Геннадия Андреевича поддерживают лучшие писатели России — Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Василий Белов. Его с уважением принимали — патриарх Алексий 11, президенты — Белоруссии Лукашенко и наши — Путин с Медведевым, кубинский вождь Фидель Кастро, лидер Венесуэлы Уго Чавес Он один из немногих, кто, несмотря на «50 ударов в спину», остался верен коммунистическим идеалам и социалистическим завоеваниям страны. К тому же Зюганов — мой коллега, учитель. Народ должен знать своих героев.

К данному утверждению Петр Козин добавил несколько стихотворных строк:

Беда — коммунизм оказался в «загоне»,
Но Мымрино есть в Хотынецком районе.*
Село знаменито сегодня по праву,
Оно дало миру «феномен» Зюганова.

Учитель, философ, не знающий лени,
Он верным остался марксистским идеям.
Единою болью с народом живет,
Свободной России — большой патриот!

* Село Мымрино, находящееся в составе Знаменского района Орловской области, ранее входило в состав Хотынецого района.

ЖЕРТВА ВДОХНОВЕНИЯ

Это случилось 17 января 2008 года. Петр Козин работал в этот памятный зимний день над повестью «Глумление», а если говорить более конкретно, то он сочинял «Открытое письмо инспектору РОНО Никоновой». Вдохновение не покидало его. Писатель восхищался удачно найденным оборотам, искрящимся образам, ярким, как алмаз словам. Вместе с тем возмущался злыми поступками, дерзкими мыслями своей героини. Изумлялся, грустил и негодовал. Так за компьютером, то словно, поднимаясь в гору, то, опускаясь в бездну, он провел долгие часы. Очерк близился к завершению. Настала пора ставить последнюю точку, но тут, случилось непредвиденное явление — компьютер завис! Как не старался автор, но никакие манипуляции не помогли. Пять страниц вдохновенного труда, сотканного из стихов и прозы, канули в Лету. Бесповоротно и навсегда.

Поэт находился в состоянии прострации, лунатизма. В голову ударила кровь. Напротив, сердце похолодело. Он едва держался, опираясь о письменный стол, чтобы не свалиться со стула.

— Зачем жить, — рассуждал он, — если утерянного, с таким отчаянным трудом созданного материала, нельзя вернуть?

В эти минуты он, всем своим видом, напоминал героя романа Александра Дюма «Граф Монте — Кристо», Эдмонда Дантеса, который, благодаря неожиданной удаче, иной раз выпадающей на долю тех, кого долгое время угнетала жестокая судьба, наконец, мог достичь своей цели — овладеть богатствами кардинала Спада. Но он боялся холода разочарования, которое может погубить его. Для поэта таким богатством представлялась его утраченная работа. Ему, казалось, что создать, столь совершенное и яркое «письмо», ему вновь никогда не удастся.

Известно, что сердце разбивается, а сосуды головного мозга лопаются, когда, чрезмерно расширившись под теплым дуновением радостной удачи, они, вдруг, резко сжимаются от холода реальной действительности.

Ведь именно такие творческие бурные приливы и отливы, вызванные каторжным литературным трудом, погубили вели-

чайшего современного историка — романиста Валентина Пикуля. День, путавший с ночью, он перенес три инфаркта и два инсульта. Да, что Пикуль?! Этот мудрый отшельник творил в далекой чужестранной Риге. Здесь же, в Орле, его корреспондент, неистовый критик — публицист Петр Родичев, едва оправившись от инсульта, попал в реанимационное отделение больницы имени Семашко, уже с инфарктом. Казалось бы, отчего бы это!? Он не пил, подобно страстному поклоннику Бахуса, поэту Николаю Круглову, за год до пенсии, пораженного инсультом и никогда не курил, чем изрядно грешит его тезка — Петр Козин!

Чрезмерно пить и курить, конечно, плохо. Но, не одни только эти вредные привычки губят людей. Их постигает злой рок, как расплата за непомерный труд, за вдохновение.

Когда, Петр Козин явился домой, то встретившая его у порога жена Валентина Алексеевна, внимательно взглянув на худого и бледного супруга, невольно воскликнула:

— Что с тобой? На тебе же лица нет? Дописался! Ты библиотеку книг напишешь, а читать будет некому. Пора о здоровье подумать!

— Жизнь — мгновение. Память же вечна! — изрек поэт, — надеюсь, что внуки меня не забудут.

— Внукам ты живой нужен, — возразила жена и, не скрывая любопытства, спросила: «Что, все-таки, случилось?».

— День работы пропал. Компьютер завис.

— Было бы из-за чего так расстраиваться. Завтра все восстановишь. Да еще и лучше напишешь.

— Вряд ли! Порыв угас.

— Вот еще — жертва творчества! Сам же, вослед за Горьким, повторял: «Вдохновение — это труд!».

И, действительно, мудрая жена оказалась права. На следующий день Петр Козин не только вернул утраченные страницы, а как сам мне признался, написал не хуже. Когда я прочел «Открытое письмо Никоновой», то нашел его изумительным. Подлинным бриллиантом в оправе всей повести.

— Как себя чувствуешь? — спросил я поэта.

— Голова болит, будто обручем сковывает, — признался он.

Прошло время. Вот уже и книга готова, а состояние удрученности не проходило. Хотя Петр в больницу и не обращался, но мне было ясно, что с ним 17 января произошел микро — инсульт. Чтобы как-то поддержать друга, я решил развеселить его фразой из русского бестселлера Николая Леонова «Бесплатных пирожных не бывает», сказал:

— Ты, Петр Дмитриевич, человек талантливый, а в жизни за все, в том числе и за вдохновение, приходиться платить. Ведь бесплатных пирожных не бывает.

— Это уж точно, — рассмеялся приятель, — ничто на земле не проходит бесследно.

МЫ НЕ РАБЫ?

В период президентской компании, по выборам 2 марта 2008 нового главы государства, широкое распространение получили «Сто анекдотов от Зюганова». Небольшую красочную брошюрку с портретом кандидата — земляка, я как-то увидел в руках друга.

— Послушай, — обратился он ко мне, — что пишет Геннадий Андреевич:

«Путин собрал новых хозяев жизни и говорит: «Господа, я смотрю, вы время зря не теряете. Все приватизировали: магазины, рестораны, гостиницы, аэропорты и железные дороги. Даже земельку под себя подобрали. Пора о народе подумать!

Голос из зала: «Правильно, Владимир Владимирович, душ по двести не помешало бы».

— Да, это не анекдот вовсе, — заметил Петр Козин, — а злободневная реальность. Сегодня новые господа, только и мечтают о рабах. Это в голодные 20-е наши деды и бабки в ликбезах выводили с гордостью на доске: «Рабы — не мы!». Евреи — большевики их купили идеей о всеобщем равенстве. Это согревало холопские сердца. Еще бы! Ведь Российская империя, как восклицал поэт, была ничем иным, как «Страна рабов, страна господ!». Господ всех классов перемололи жернова ЧК. Советская Россия и без господ оставалась «страной рабов». Ведь на смену крепост-

ному праву пришло «коммунистическое рабство». Однако не все это осознавали — пропаганда товарищества не работала вхолостую. Но государству требовалась армия чиновников. Они-то, постепенно, и стали превращаться в имущий класс. Затем наступила перестройка, приватизация. Бандиты, захватившие народные миллиарды, боясь расплаты, укатили с ними за рубеж. Когда же убедились, что все им сходит с рук, то поступили, как некогда граф Монте — Кристо.

Вот как об этом пишет сам Александр Дюма: «Теперь уже незачем было тратить время на созерцание золота и алмазов и сидеть на острове, подобно дракону, стерегущему бесполезные сокровища. Теперь было нужно возвратиться в жизнь, к людям, и добиться положения, влияния и власти. Они же даются в свете богатством, первою и величайшею силой, какою может располагать человек».

Жажда власти, господства над людьми и привела былых воров обратно в Россию. Им страшно хочется установления прежнего рабства, чтобы безнаказанно повелевать.

— Да, — заметил я, — еще советник Ельцина, некий Шахрай сетовал, что современных русских трудно сделать рабами. Теперь, мол, не 17 год, они же все — грамотные.

— Правильно. Но, если быть до конца честными, то тоска по рабству, прерогатива не одних «новых русских», ею, ранее, переболели и немцы.

— Ты, имеешь в виду, их план уничтожения славян и превращения 30 процентов из них в рабов нации?

— И это и нечто другое. Да и что выдумывать напрасно. Лучше почитаем, что об этом пишет Валентин Пикуль в своем предисловии к известному роману «Честь имею»:

«Возник, помнится, разговор о Версальском мире. Казалось бы, немцам, потерпевшим поражение (в первой мировой войне 1914—18 годов), только и радоваться условиям мира — ведь целостность Германии не пострадала, победители великодушно сохранили единство страны и нации. Но Германия взревела, словно бык, которого повели кастрировать. Немцы в 1919 году были раздавлены не тем, что Германия проиграла войну, — их угнетало сознание, что загублен идеал империи (с колониями и рабами). Таким образом, для немцев имперские понятия стали выше национальных. В этом отчасти и кроется секрет успеха, с каким

Гитлер пришел к власти, обещая воскресить «третий рейх» — с колониями и рабами. Фюрера вознесло на дрожжах, заквашенных задолго до него. От крестоносцев — тевтонов до Гитлера — слишком большой путь. Но он старательно обвехован для прихода фашизма — маркграфами, курфюрстами, канцлерами, кайзерами, писателями, епископами, философами и лавочниками».

— Выходит, что и в России все возвращается на круги своя?

— Если бы все было не так, то такой умный человек, как Геннадий Андреевич, не стал бы публиковать своего анекдота «О рабах».

— Зюганов, конечно, тонкий политик. Но мы не рабы! — не удержался я от возмущения.

— Поживем — увидим, — тяжело вздохнул приятель.

Покидая литературный кабинет писателя, я подумал о том, что, видимо, не зря Петр Козин назвал свою повесть «Глумление». Ведь все, что сегодня происходит с людьми, в многострадальной России, иначе и не назовешь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (П. Родичев) 3

ГЛУМЛЕНИЕ (Повесть) 7

Глава первая. РАЗЛОМ 8
Глава вторая. ЖУТКИЙ ГОРБ 13
Глава третья. КЛАНОВЫЙ СИНДРОМ 18
Глава четвертая. ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ 24
Глава пятая. ВЫГОВОР 29
Глава шестая. РУСЬ 36
Глава седьмая. ПРОЩАНИЕ С «АКТРИСОЙ» 43
Глава восьмая. ДИКТАТУРА «ДЕМОКРАТИИ» 48
Глава девятая. СЕКТАНТЫ В ШКОЛЕ 57
Глава десятая. ПОРОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА 64
Глава одиннадцатая. АРМЯНСКИЙ «МИЛЛИОН» 74
Глава двенадцатая. «ЧАЙНАЯ КОРОЛЕВА» 78
Глава тринадцатая. БЕЛИКОВЩИНА 85
Глава четырнадцатая. КАБИНЕТ 95
Глава пятнадцатая. «ЗОЛОТО МАНИТ НАС» 108
Глава шестнадцатая. «Я ВАС УВОЛЮ!» 117
Глава семнадцатая. ГРОМ ГРЯНУЛ! 126
Глава восемнадцатая. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «ИМПИЧМЕНТ» 142
Глава девятнадцатая. ИЗГОИ, ИЛИ «ЧЕРТОВА ДЮЖИНА» 152
Глава двадцатая. «БОРОТЬСЯ И ЛИШАТЬСЯ» 165
Глава двадцать первая. РАКОВЫЙ КОРПУС 178
Глава двадцать вторая. НА КРУГИ СВОЯ 191
Глава двадцать третья. ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ МАХОВ 203
Глава двадцать четвертая. ФИЛОСОФИЯ НИЩЕТЫ .. 209

Глава двадцать пятая. ЛЕСТЬ И МЕСТЬ 221
Глава двадцать шестая. ОПАЛЬНЫЙ ФИЗРУК 227
Глава двадцать седьмая. ОПРИЧНИНА 237
Глава двадцать восьмая. НОВЫЙ ЗАВУЧ 247
Глава двадцать девятая. ПОРЫВ 259
Глава тридцатая. ЛЕТУЧКА 270
Глава тридцать первая. ВИЗИТЕРЫ 277
Глава тридцать вторая. КОДЕКС ЧЕСТИ 284
Глава тридцать третья. КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ 294
Глава тридцать четвертая. ЧИНОВНИЧЬИ ИГРЫ 300
Глава тридцать пятая. ПИСЬМО КУРАТОРУ 315
Глава тридцать шестая. ПРЕЦЕДЕНТ 329
Глава тридцать седьмая. СУД 344
Глава тридцать восьмая. СПРУТ 351

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ 361
ФЛЯГА СОЛДАТА 364
ГЕНЕРАЛ — ТАНКИСТ РОДИН 366
УЗНИК ОСВЕНЦИМА 375
ГРАНАТА ЛЕТИТ В ЦЕЛЬ 379
ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ СУМАТОХОЙ 380
В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ 381
ДОШЛИ ДО ЭЛЬБЫ 383
И ЖИВУ Я НА ЗЕМЛЕ ДОБРОЙ 383
ПАРТИЗАН КУЛИКОВ 385
ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ 386
«НЕТ — ФАШИЗМУ!» 387
ОТВАЖНЫЙ ЗНАМЕНОСЕЦ 388
УЧИТЕЛЬ — БОЕЦ! 389
ЗАВЕТЫ ВЕТЕРАНА 390

ПОДВИГИ РОБЕРТА КЛЕЙНА 395
НАМ СТАРЕТЬ НЕДОСУГ 403
БРАТЬЯ ЧЕРНЫШЕВЫ 408
ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ 412
ЕСТЬ «СВЯЗЬ!» 414
ТРИ СЕСТРЫ 416
ПЛЕНЕНИЕ ДИВЕРСАНТОВ 417
«ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ» 425
РОСТОВСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ 429
НАГРАДА НАШЛА ГЕРОЯ 432
ПОХВАЛА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО 433
СПАСИБО КОМАНДИРУ! 438
КОЗИНЫ — НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ 446

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА 456
ГРИБНОЙ ДУХ 459
БЛУД 461
БАСТЫЕВСКИЕ ГРУЗДИ 464
КОНТРАСТЫ СПАССКОГО 466
РАДОСТЬ ЖИЗНИ 472
КАЛИНОВСКИЕ БОРОВИКИ 476
РЫБАЛКА НА ДОНУ 479

СКАЗЫ (Сергей Шмелёв) 488
ЖИЗНЬ — ИГРА 489
МЕД И ДЫМ 491
ОТКРЫТИЕ ЯРАХМЕДОВА 494
НА КРЕМЛЕВСКОЙ ЁЛКЕ 496
СИЛА ИСКУССТВА 499

МУЖЕСТВО РЕДАКТОРА 501
КНИГА О ЗЕМЛЯКЕ 505
ЖЕРТВА ВДОХНОВЕНИЯ 509
МЫ НЕ РАБЫ? 511

Козин Пётр Дмитриевич

ГЛУМЛЕНИЕ

Повесть

Редактор *П. И. Родичев*
Технический редактор *Д. Ю. Зенин*

Подписано в печать 03.04.2008.
Усл. печ. л. 32,38. Тираж 150 экз.

Издатель Светлана Зенина
302001, г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
www.orel.ru/book
book@orel.ru

Повесть «Глумление» носит фактор автобиографичности, но повествует о жизни школы постсоветского периода, когда на смену коммунистическим идеалам в систему образования вклинились элементы рыночных отношений, вызвавшие конфликтную ситуацию.

Наряду с повестью «Глумление» в книге большое место отводится разделу, посвященному Великой Отечественной войне («Фронтовые были»).

Уроженец деревни Сивково Болховского района, с детства влюбленный в красоту природы родного края, Петр Козин, в «Записках грибника», тепло и сердечно рассказывает о своих друзьях — рыболовах и грибниках.

Литератор Сергей Шмелев в очерках «Сказы» делится своими впечатлениями о жизни и творчестве писателя.